Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
при ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ISSN 2304-3369

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

№ 3(39) 2019

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Наталия Геннадьевна Чевтаева – доктор социологических наук, Уральский институт управления – филиал РАНХиГС (Екатеринбург, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ирина Дмитриевна Тургель – доктор экономических наук, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)
Апоэна Кануто Козенца – доктор наук, Университет Сан-Паулу (Сан-Пауло, Бразилия)
Ашот Пайлакович Енгоян – доктор политических наук, Ереванский государственный университет (Ереван, Армения)
Василий Николаевич Руденкин – доктор политических наук, Уральский институт экономики, управления и права (Екатеринбург, Россия)
Владимир Яковлевич Любовный – доктор экономических наук, Всероссийская академия внешней торговли (Москва, Россия)
Вячеслав Васильевич Скоробогацкий – доктор философских наук, Уральский институт управления – филиал РАНХиГС (Екатеринбург, Россия)
Джеффри Хайнс – доктор наук, Университет Лондон Метрополитен (Лондон, Великобритания)
Елена Гаррисон – доктор образования, Университет Монтаны, США (Бозмен, США);
Игорь Вячеславович Выдрин – доктор юридических наук, Уральский институт управления – филиал РАНХиГС (Екатеринбург, Россия)
Игорь Николаевич Молчанов – доктор экономических наук, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия)
Кармин Скаво – доктор политических наук, Университет Восточной Каролины (Гринвилл, США)
Мариам Амбарцумовна Восканян – доктор экономических наук, Российско-Армянский (Славянский) университет (Ереван, Армения)
Наталия Борисовна Костина – доктор социологических наук, Уральский институт управления – филиал РАНХиГС (Екатеринбург, Россия)
Наталья Ринатовна Балынская – доктор политических наук, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова (Магнитогорск, Россия)
Патрик Грей – доктор наук, Университет Лондон Метрополитен (Лондон, Великобритания)
Тамара Керимовна Ростовская – доктор социологических наук, Институт социально-политических исследований Российской академии наук (Москва, Россия)
Эхсан Расулиджад – доктор философии, Тегеранский университет (Тегеран, Иран)
Юрий Геннадьевич Ершов – доктор философских наук, Уральский институт управления – филиал РАНХиГС (Екатеринбург, Россия)
Яков Петрович Силин – доктор экономических наук, Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург, Россия)

ТЕХНИЧЕСКИЙ СЕКРЕТАРЬ РЕДАКЦИИ:
Степан Сергеевич Лифанов, Уральский институт управления – филиал РАНХиГС (Екатеринбург, Россия)

ЗАВЕДУЮЩИЙ ОТДЕЛОМ ПЕРЕВОДА:
Оксана Леонидовна Юдина, кандидат филологических наук, Уральский институт управления – филиал РАНХиГС (Екатеринбург, Россия)

«ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ»
Журнал зарегистрирован как средство массовой информации в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-49260 от 02.04.12.

Материалы журнала размещаются:

на официальном сайте: http://vestnik.uapa.ru

на платформе Российского индекса научного цитирования Российской универсальной научной электронной библиотеки: РИНЦ id = 37595

в открытой библиотеке CyberLeninka.ru

ЭБС «Лань»

Журнал индексируется:

© Уральский институт управления – филиал РАНХиГС, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ВЛАСТЬ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Афонасова А. В.
Политическая функциональность как «идея» современного государства **6**

Добрынина М. В.
Послереволюционная политика Советской России в отношении инженерного образования: борьба политических романтиков и социально-экономических прагматиков **16**

Дьякова Е. Г., Трахтенберг А. Д.
Общественные советы при региональных органах исполнительной власти: как обеспечить экспертную сбалансированность? (на примере Свердловской области) **27**

Еремеев С. Г., Большакова Ю. М.
Концептуализация публичных электронных услуг: аспект публичности **39**

Казанин А. Г.
Арктическая политика США и Канады и ее нефтегазовый аспект **46**

Кузьмин А. Г., Кондраль Д. П.
Алгоритмы и пути развития социально-политической системы России в трудах представителей современной консервативной мысли **58**

Мухаметов Р. С.
Динамика электоральной конкуренции кандидатов на прямых губернаторских выборах в России **65**

Цинченко Г. М., Орлова И. С.
Государственная политика Российской Федерации в сфере развития физической культуры и спорта **76**

Чжан Сяоху, Ли Мэнлун
META-GOVERNANCE как новое решение кризиса управления **88**

CONTENTS

POWER AND POLITICAL MANAGEMENT

Afonasova A. V.
Political functionality as the «idea» of the modern state **6**

Dobrynina M. V.
Post-revolutionary policy of the Soviet Russia in relation to engineering education: the struggle of political sentimentalists and socio-economic pragmatists **16**

Dyakova E. G., Trahtenberg A. D.
Community councils affiliated with regional executive authorities: how to ensure expert balance? (by the example of Sverdlovsk region) **27**

Eremeev S. G., Bolshakova Yu. M.
Conceptualization of public electronic services: publicity aspect **39**

Kazanin A. G.
US and Canadian Arctic policy and its oil and gas aspect **46**

Kuzmin A. G., Kondral D. P.
Algorithms and ways of development of the Russian socio-political system in the writings of representatives of modern conservative thinking **58**

Mukhametov R. S.
Dynamics of electoral competition candidates in direct gubernatorial elections in Russia **65**

Tsinchenko G. M., Orlova I. S.
Public policy of the Russian Federation in the field of physical training and sports development **76**

Zhang X., Li M.
Meta-governance as a new solution to the governance crisis **88**

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Аслаева С. Ш.
Нивелирование поляризации видов экономической деятельности **94**

Гергиев И. Э.
Экотуризм как фактор устойчивого развития регионов России **104**

Долженко Р. А., Хомутова Д. В.
Восприятие компании молодыми работниками промышленного предприятия **113**

Кузавко А. С.
Анализ методик выявления закономерностей формирования и оценки бизнес-среды региона **129**

Масленникова А. Ю., Катвицкая Ю. С.
Повышение эффективности агропромышленного комплекса Ямало-Ненецкого автономного округа на примере отрасли оленеводства **140**

Позмогов А. И.
Цифровая трансформация промышленного комплекса России **149**

Тимин А. А., Фельдман М. А.
Итоги Года экологии в Российской Федерации (оценка инструментов регулирования) **155**

Шишкин М. В.
Вопросы эффективности сбыта предприятия промышленности строительных материалов **170**

ECONOMICS AND MANAGEMENT

Aslaeva S. Sh.
Polarization leveling of economic activities

Gergiev I. E.
Ecotourism as a factor of sustainable development of Russian regions

Dolzhenko R. A., Khomutova D. V.
Perception of the company by young employees of an industrial enterprise

Kuzavko A. S.
Analysis of the methods for identifying patterns of formation and assessment of the regional business environment

Maslennikova A. Yu., Katvitskaya Yu. S.
Improving the efficiency of the agro-industrial complex of Yamalo-Nenets autonomous area by the example of reindeer breeding

Pozmogov A. I.
Digital transformation of the Russian industrial complex

Timin A. A., Feldman M. A.
Results of the ecology year in the Russian Federation (assessment of regulatory tools)

Shishkin M. V.
Efficiency consideration of the company's distribution of the building materials industry

УПРАВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ

Кох И. А.
Управление трудовой мотивацией банковских служащих **179**

Никитина А. С., Кузнецова Ю. М.
Кадровые инновации в сфере государственного и муниципального управления **191**

Петров С. В.
Особенности территориально разделенных команд **199**

HUMAN RESOURCES MANAGEMENT

Kokh I. A.
Management of bank employees' labor motivation

Nikitina A. S., Kuznetsova Yu. M.
Personnel innovations in public and municipal administration

Petrov S. V.
Peculiarities of geographically separated teams

Романова А. В., Цинченко Г. М.
Молодая семья: современные проблемы **204**

Ростовская Т. К., Егорычев А. М., Гуляев С. Б.
Русская семья как основной социальный институт, выступающий хранителем, носителем и выразителем образцов отечественной культуры **215**

Сорокин Н. С.
Социальные ресурсы наемных работников в реализации трудовых интересов в государственном и негосударственном секторах занятости **226**

Клюева Ю. С.
Проблемы совершенствования сервиса на предприятиях гостинично-ресторанного комплекса **236**

УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЕМ

Попова О. И.
Цифровизация образования и бренд вуза: отношение студентов к процессам **245**

Челпанова М. Ю.
Организация каникулярного отдыха подростков в летнее время **251**

Шаброва Н. В.
Государственная образовательная политика в отношении людей «третьего возраста»: проблемы и противоречия **258**

Требования к рукописям научных статей, представляемым для публикации в журнале «Вопросы управления» **272**

Romanova A. V., Tsinchenko G. M.
Young family: Contemporary issues **204**

Rostovskaya T. M., Egorychev A. M., Gulyaev S. B.
Russian family as the main social institution, taking on the role of a custodian, culture-bearer and point man of national culture patterns **215**

Sorokin N. S.
Social resources of employees in the implementation of labor interests in the state and non-state employment sectors **226**

Klyueva Yu. S.
Problems of service improvement at the enterprises of the hotel and dining complex **236**

EDUCATION MANAGEMENT

Popova O. I.
Digitalization of education and university brand: students' attitude to processes **245**

Chelpanova M. Yu.
Organization of summer holidays for teenagers **251**

Shabrova N. V.
Public education policy towards people of the «third age»: problems and contradictions **258**

ВЛАСТЬ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

POWER AND POLITICAL MANAGEMENT

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ КАК «ИДЕЯ» СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

УДК 321.01 *ГСНТИ 11.15.41*
ББК 66.033.1 *Код ВАК 23.00.02*
DOI: 10.22394/2304-3369-2019-3-6-15

А. В. Афонасова
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Курган, Россия
AuthorID: 789492

АННОТАЦИЯ: В статье проанализирована перспективность для отечественной политологии двух подходов к изучению «идеи» современного государства. Первый исторически сложился в рамках философской науки и был на определенном этапе развития воспринят политической наукой. Согласно этому подходу «идея государства» есть выражение некоей высшей и вечной сущности власти и общественного порядка. Второй подход отражает устойчивый интерес граждан и элит к тому сущностностному смыслу институтов государства, который можно обозначить понятием «функциональность». Автор статьи критикует распространенное в отечественной политологии отождествление специалистами «функциональности» государства с его «эффективностью», а научных оценок этой «эффективности» – с тем, как в конкретных политических ситуациях роль государства в политике оценивают граждане и элиты. Автор доказывает необходимость учитывать в анализе деятельности государства (особенно в кризисных условиях) то обстоятельство, что массовому сознанию свойственно трактовать «функциональность» государства как его «универсальность». Под ней понимается готовность максимально расширять свои компетенции в решении политических и неполитических проблем, а также область своей правовой и моральной ответственности за эти решения. Автор считает, что такое понимание «идеи государства», ее роли в качестве фактора политического процесса дает политической науке новые возможности в научной экспертизе тех проектов, которые были созданы за минувшие годы, а также в текущем и стратегическом проектировании функциональности российского государства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: государство, идеология, идея государства, эффективное государство, функциональное государство, универсальное государство.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Алена Владимировна Афонасова, кандидат политических наук, доцент, Курганский филиал, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
640000, Россия, г. Курган, ул. Кирова, 108, afonasova.av@kurg.ranepa.ru

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Афонасова А. В. Политическая функциональность как «идея» современного государства // Вопросы управления. 2019. № 3 (39). С. 6—15.

© А. В. Афонасова, 2019

Одной из самых противоречивых проблем в отечественной науке в постсоветской России является вопрос об идейном обосновании стратегии политических и социально-экономических преобразований. Конституционное закрепление запрета на государственную идеологию было направлено против потенциального возврата к власти сторонников социалистического строя и предполагало, что стратегия разви-

тия страны будет определяться в условиях свободной конкуренции сторонников различных идеологических ценностей в рамках свободных демократических выборов. С тех пор дискуссии по вопросам возможности и целесообразности обоснования государственной идеологии / идеи, формулирующей вектор и принципы развития страны, не утихают [1; 9, с. 11–14; 14, с. 85–95].

Нужна ли современному государству «идея»? Вопрос, как показала дискуссия, остается открытым и потому достоин обсуждения. В последние годы появились исследования, авторы которых предлагают свое видение ответа на этот вопрос [13, с. 154–160; 17, с. 204–214; 20, с. 121–125; 4, с. 103–105]. Ответ, заметим, лежащий в русле традиционного для науки поиска в «идее государства» неких высших и абсолютных научно-философских, научно-правовых и политологических смыслов. И эта направленность работы науки над проблемой «идеи государства» позволяет поставить вопрос о возможности других подходов к решению этой проблемы.

С одной стороны, простая логика подсказывает, что для того, чтобы государство было способно модернизироваться и тем поддерживать свою роль организующего ядра политической системы, «идея» ему необходима. Хотя бы для того чтобы быть инструментом поддержания институтами государства устойчивой коммуникации с другими субъектами политики на тему «куда мы идем». Чтобы на призыв идти вперед вместе эти субъекты реагировали бы адекватно. Для демократической политики солидарность ее субъектов в вопросах стратегии развития государства и общества особенно важна [6, с. 9–11].

С другой стороны, некоторые тенденции в развитии политики и политической науки в современном мире дают основание для сомнений. Начало нового тысячелетия ознаменовалось явлением, суть которого политологи сегодня чаще всего определяют понятием «кризис классических идеологий». Возник он не сегодня, и даже не в последние десятилетия. Кризис по нарастающей развивался после окончания Второй мировой войны и был порожден изменениями в инструментальных свойствах ключевых идеологий (либеральной, консервативной, социалистической). Из проектов модернизации государств и обществ, сформулированных в своей основе еще в XIX столетии, данные идеологии в условиях «холодной войны» превратились в ее инструменты: с одной стороны, экспансии в чужие политические пространства; а, с другой стороны, в инструменты «огораживания» своей общественной и государственной жизни от любых попыток культурного, политического, правового и экономического воздействия извне. Тем самым они превратились в инструмент, недостаточно ориентированный на решение задач модернизации государств и обществ в конкретных исторических условиях, а потому и мало нуждающийся в работе науки над его совершенствованием и интересе к этой работе со стороны граждан и элиты. Маркером этого кризиса идеологической классики в прошедшем столетии, особенно в постколониальном «третьем» мире, стало появление и широкое распространение разнообразных теорий «особого пути» развития современных государств и обществ.

С распадом СССР и окончанием противостояния двух политических и социально-экономических систем заметно вырос уровень ожиданий того, что новая историческая эпоха породит и новую политику, и новый общественный и научный взгляд на нее. Что в политике будут доминировать ясные и позитивные цели и представления о будущем, обоснованные наукой и идеологами, отличные от ожидания ядерного апокалипсиса и поисков способов выживания в нем. А времена эти так и не наступили. Угроза ядерной войны отступила, но позитива в отношении будущего современных обществ и государств заметно не прибавилось. Либеральная политическая мысль в конце XX столетия предложила цивилизованным обществам и государствам в размышлениях о своем настоящем и будущем руководствоваться идеей «конца истории». Как результат – завышенные социальные ожидания возврата к идеологически выверенной политике обернулись столь же радикальным разочарованием в возможностях идеологической классики быть средством оптимизации политического настоящего и проектирования будущего государств и обществ в современном мире.

Существующие развитые демократические государства и общества, как они ни старались в прошлом столетии выдержать в своем функционировании «идеологическую

меру», в новом столетии не стали ни консервативными, ни либеральными, ни социалистическими в прежнем, классическом смысле. Сами они свое нынешнее качество и специфику своих коммуникаций идеологически нейтрально обозначают понятиями «правовое и социальное государство», «общество потребления», а качество своей политики определяют при помощи понятия «защиты общечеловеческих ценностей». В свете нынешнего миграционного кризиса в Европе и США (от которого последние стремятся отгородиться Великой Мексиканской стеной), стало особенно заметно, что и гражданские общества в своем развитии тоже стараются отмежеваться от былых идеологических увлечений. Они отдают предпочтение такой внутренней политике своих государств, для которой главным императивом являются безопасность, стабильность и комфортное потребление различных благ.

Для некоторых исследователей современной политики, особенно либерально ориентированных, это новое отношение ее субъектов к классическим идеологиям стало сигналом: раз современным обществам и элитам не интересна даже идеологически выверенная «идея государства», то, может быть, такая идея не нужна им вовсе? Нет принципиальной необходимости в такой специальной идее потому, что: «в общественной жизни и духовное, и материальное проявляют себя различными сторонами единой сущности, что позволяет определить социальное бытие как воплощенную в материальных и духовных формах идею» [4, с. 103–105].

Потому сторонники данного теоретического подхода оправдывают ситуацию тем, что это даже хорошо, когда государство и общество живут не разными идеологически детерминированными идеями государства и политики, а одной идеей «социального бытия». Особенно, когда живут они в мире, полном «глобальных вызовов». И для ответа на эти вызовы желательна внутриполитическая стабильность, которую способно обеспечить идейное единение государства и общества.

На наш взгляд, несмотря на упомянутые выше обстоятельства, политической науке рано исключать «идею государства» из ряда актуальных предметов своего внимания. По той причине, во-первых, что в современном мире еще далеко не изжил себя идеологический ее формат. В Китае, например, «идея государства» со времени Сунь Ят Сена поменяла свою идеологическую направленность с националистической на коммунистическую. Но сам по себе идеологический формат ее устойчив и благодаря этому «идея государства» для граждан и элиты этой страны продолжает быть ключевым элементом в системе мотиваций внутренней и внешней политики [12]. И пока нет весомых оснований говорить, что для нынешнего этапа модернизации этой страны такая привязка политики к идеологической «идее государства» бесполезна или пагубна. Китай сегодня демонстрирует очевидные успехи в осуществлении политики модернизации. Также идея собственного суверенного национального государства сегодня, заметим, играет важную системообразующую роль в официальных идеологиях и практической политике во многих частях постсоветского пространства [2].

Падение востребованности идеологического формата «идеи государства» политической практикой – это падение востребованности именно данного формата. Того, который был связан с надеждами элит и обществ в более или менее отдаленном будущем сделать свою жизнь такой, какой она им видится в идеале. А потому в последние два столетия эта идеологизированная версия «идеи государства» фигурировала на переднем плане массовых политических коммуникаций и нередко была их доминирующей мотивацией. Это не означает падения востребованности политической практикой «идеи государства» другого, тоже исторически сложившегося в Новое время по ходу конкуренции национально-государственной и имперской форм организации политической власти, и даже более фундаментального, нежели идеологический, формата. Такого, в котором *смысл активного участия государственных институтов в политике определяют требования граждан и элит к политической, правовой и экономической функциональности этих институтов. Причем, не когда-то в будущем, а здесь и сейчас.* К этому неидеологическому формату «идеи государства» политической науке имеет, на наш взгляд, смысл проявить больше внимания, чем она проявляла до сих пор.

Идеологически отформатированная «идея государства» актуальна, в первую очередь, для сферы публичных политических коммуникаций. Однако возникает вопрос: что управляет такими коммуникациями на непубличном их уровне? Там, где только еще формируются повестка коммуникации и определяются исходные позиции ее участников, партнеров и противников. Там, где зарождается в сознании участников политического процесса представление о принципиальных смысле, ценностных ориентирах и стиле (лояльном или не лояльном) их участия, на основании которых они, затем, определяются со своей конкретной стратегией и тактикой политического поведения.

На этом первичном уровне факт присутствия институтов государства в ряду акторов политики тоже должен быть как-то отрефлексирован сознанием граждан и элит. И состояние такой рефлексии будет более значимым для практической политики, чем научные представления о государстве. Прежде чем на очередном этапе политического процесса воспроизвести публичную и государственную политику путем своего участия в ней, гражданам и элите нужно осознать конструктивный смысл всего этого, сверить свои нынешние ожидания со своим прежним опытом коммуникации с институтами власти. В этом опыте, в сущности, а не в научных текстах, участники политического процесса находят для себя ответы на вопрос о том, для чего и как им надо или не надо коммуницировать с государством. И уже на этом первичном уровне определения смысла участия или неучастия в политике сознание людей приводит упомянутые ответы в более или менее стройную систему представлений: о политике вообще и о месте институтов государства в ней в частности.

На этом уровне зарождения интереса субъектов политики к коммуникации *«идею государства» формирует тот принципиальный смысл, который граждане и элиты находят в признании или непризнании первенства государства в политике, в согласии или несогласии сотрудничать с его институтами, стремлении быть или не быть лояльными его, государства, политическим интересам и ценностям.* Смысл, который, собственно, побуждает одних людей чувствовать себя и быть гражданами, других же –отождествлять себя с политической и административной властью и ее интересами, а третьих – не отождествлять себя ни с тем, ни с другим, быть «гражданами мира».

Этот первичный и практический смысл, которым общество руководствуется во взаимоотношениях со своим государством, как его «идеей», определяют не сами по себе идеологии и, тем более, не научные теории. В конечном счете, выбор граждан и элиты в пользу приверженности тем или иным идеологиям и научным теориям тоже должен быть чем-то мотивирован. Его определяет то, каким образом граждане и элита понимают и оценивают *«функциональность государства»*. Иначе говоря, то, как работает весь механизм государственного управления жизнью гражданского общества и властвующей элиты, какие и как государство выполняет функции.

Понимают и оценивают они эту «функциональность» специфически, а именно – политически. В зависимости от того, как складываются их коммуникации во власти и с властью, какими, вследствие этого, возможностями получения достоверной информации о затратах ресурсов на политику и о полученных ею «прибылях» они располагают.

Последнее обстоятельство не всегда учитывают авторы тех исследований современной политики, российской например, которые увязывают проблему «функциональности» государства и ее оценки массовым сознанием граждан нашей страны с «реальной эффективностью» государственного административного и политического менеджмента [5, с. 117–128; 15, с. 28–35; 8, с. 187–192]. «Эффективное государство», «эффективная элита», «эффективный государственный менеджмент» – все это понятия, которые, с точки зрения сторонников такого взгляда на «функциональность», обозначают критерии, на основании которых об упомянутой «функциональности» может судить и политик, и рядовой гражданин, и ученый.

Вопрос о применимости экономических категорий для изучения политических практик, а также о понимании смысла этих категорий буквально, а не метафорически, мы специально рассматривать не будем. Это предмет для отдельного обсуждения. Проблема в другом. Для специалиста соот-

ветствующего профиля, имеющего доступ к более или менее полной и достоверной информации о затратах различных общественных ресурсов на этот менеджмент, с одной стороны, а, с другой стороны, о практических выгодах, полученных от него самим государством и массой его граждан, судить о такой «эффективности государства» тоже не всегда бывает просто. Иначе попытки оценить «функциональность» российского государства с позиции его «эффективности» не рождали бы научные дискуссии по этому поводу [3, с. 19–22].

Тем не менее, потенциально у специалиста есть такая возможность судить о «функциональности» государства на основании достаточного массива достоверной информации о «расходе» и «приходе» государственной политики и государственного менеджмента, и использовать такую информацию для оценки «реальной эффективности» государства. Трудно ожидать, что с такой научной оценкой согласится, а, тем более, такую же оценку деятельности государства с позиции «эффективности» выработает абсолютная масса рядовых граждан, а также значительная часть элиты. Они чаще всего в своем политическом выборе и участии руководствуются скупыми (с точки зрения их полноты и достоверности) знаниями о состоянии своего государства. Теми, которые сами государственные институты сочтут необходимым и возможным предать огласке.

Сознание специалиста способно выделить, критически осмыслить и оценить нужную информацию из различных источников. Сознание людей, далеких от науки, к такой сепарации политической и экономической информации мало приспособлено. Они воспринимают информацию о состоянии государства, которую им предоставляют СМИ и сетевые коммуникации. И они вынуждены доверять именно этой информации, поскольку о существовании другой они чаще всего не знают. То, как сегодня специалисты характеризуют состояние информационной сферы в разных странах, включая Россию, и оценивают обеспеченность граждан и государственных структур проверенной информацией, заставляет усомниться в возможностях даже властной элиты достоверно судить о состоянии своего государства по «эффективности» [18, с. 704–707].

Дело не только в недостающих объемах достоверной информации. Независимо от успехов современной науки в доказательстве того, что государство «функционально», если оно «эффективно», граждане и элиты используют для оценки «функциональности» своего государства совсем другой критерий. В пользу его существования косвенно свидетельствует, например, тот факт, что государство в США не имеет как институт претензий со стороны собственных граждан, хотя его «эффективность» в свете постоянно растущего госдолга вызывает у специалистов большие вопросы. Другие же, тоже «неэффективные», живущие, как многие постсоветские государства, за счет своих природных ресурсов и иностранных кредитов, с такими претензиями сталкиваются постоянно. Эти претензии порой выливаются в открытые гражданские конфликты («цветные» революции).

На наш взгляд, этот критерий можно определить понятием *«универсальность государства».* Максимально уверенно оценить «функциональность» отдельных институтов государства, и всех их вместе, и гражданину и представителю элиты легче не по выгодам и убыткам, к которым привела активность этих институтов. Тем более, что в политике обычно то, что один субъект считает убытком, другой – реализацией своих жизненно важных интересов. *Ориентиром для суждения о «функциональности» государства, которое становится для массового сознания его «идеей» и руководством к коммуникации с ним, являются публично декларируемые институтами государства намерения решить как можно больше разнообразных политических и неполитических задач. А также декларируемая ими готовность взять на себя как можно более разнообразную правовую и моральную ответственность за свои решения.*

По причине ориентации массового сознания на этот критерий в истории современных обществ мы видим постоянные конфликты с институтами государства. В результате этих конфликтов государства менялись по сути и по форме, становились все менее авторитарными и все более демократичными. Соответственно, затраты государственными институтами материальных и нематериальных общественных ресурсов на решение сходных социально зна-

чимых задач росли, а «эффективность» этих институтов падала. Это, традиционно, первая и основная претензия к демократической государственности, которую обычно высказывают ее критики. Но вопреки логике отождествления «функциональности» государства с его «эффективностью», симпатии граждан и элиты исторически склонились именно в пользу демократической государственности как современного цивилизационного «стандарта». И даже так называемые «традиционные» общества в современном мире в Азии, на Ближнем Востоке, в Африке и Латинской Америке, для которых «неэффективность» демократической государственности, особенно в ее «западных» стандартах, совершенно очевидна (они не могут обеспечить ее функционирование ни человеческими, ни материальными ресурсами), вопреки выше упомянутой логике стремятся сделать свои государства более «функциональными» за счет создания демократических институтов.

В данном случае ими, как и большинством современных гражданских обществ и элит, руководит иная логика. Демократия в сравнении с авторитаризмом – это всегда расширение готовности государства решать неопределенно широкий круг задач. Там, где легитимность авторитарной власти связана с божественной волей, круг задач этой власти определен соответствующей религиозной доктриной. Легитимность же демократической власти определяется ее готовностью взять на себя инициативу и ответственность в решении того неопределенного круга задач, который формируют «интересы общественного развития».

Закономерно, что движение современной государственности от авторитаризма к демократии привело к тому, что «идею государства» в современном мире стали обозначать понятием «социальное государство». Оно закреплено в конституциях многих стран, включая Российскую Федерацию. Но не в том значении, которое изначально этому понятию сообщил в середине XIX столетия создатель концепции «социального государства» немецкий либеральный философ Л. фон Штейн [16, с. 201–214; 10, с. 2–6; 11, с. 30–35]. А в том значении, которое сегодня особенно интересно массовому сознанию современных обществ, использующих это понятие в качестве критерия оценки своего собственного состояния, а также «универсальности», а, значит, и функциональности» своего государства [19, с. 106–118]. Сегодня «социальное государство» – это государство, которое в каждый момент своего функционирования проявляет готовность взяться за решение любой значимой для него и общества задачи. От защиты популяций редких животных до защиты национальных интересов, от решения проблем «социально незащищенных слоев населения» и эмигрантов вплоть до конструирования самого общества по тем или иным «стандартам гражданственности».

Что из взятых государством на себя обязательств воплощается в жизнь – это для сознания граждан и элит важный, но не решающий аргумент в пользу признания или непризнания государства функциональным. Государство в данном случае выглядит функциональным в меру своей готовности быть лидирующим субъектом политического процесса и тем зримо гарантировать обществу, что никакие новые проблемы развития его и общества не останутся без внимания и соответствующих управленческих решений. По этой причине, на наш взгляд, нынешний кризис классических идеологий, проводниками которых более двух веков были наиболее развитые государства современного мира, не обернулся для них масштабным недоверием со стороны гражданских обществ. Обрушилась, образно говоря, фасадная часть «идеи государства», которую образовывали соответствующие идеологии. Осталось то внутреннее содержание этой «идеи», тот смысл активного присутствия государства в политике, который позволяет предполагать еще долгую перспективу существования и развития разных форм организации государственных политики и администрирования.

Политическая наука, связав между собой общественные и элитарные представления о «функциональности», «универсальности» и «социальности» государства, получает возможность работать с «идеей государства» уже не как с философской абстракцией, а видеть в ней конкретный фактор политического процесса. Причем, фактор этот политическая наука получает возможность изучать в двух ракурсах. С одной стороны, как мотивацию участия субъектов современной политики, российской в первую очередь. С другой стороны, как моти-

вацию, побуждающую современных теоретиков насыщать пространство современной политики разнообразными проектами повышения «функциональности» современных государств. Для политической науки понимание рациональной природы общественного и элитарного интереса к «функциональному» государству как государству «универсальному» – это еще и основание для конструктивной критики таких проектов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богатырев К. А. Конституционные основы государственной идеологии и национальной идеи России [Электронный ресурс] // Право и безопасность. 2010. № 2(35). URL: http://dpr.ru/pravo/pravo_31_5.htm (дата обращения: 24.10 2018).

2. Бондарь Ю. Идеология и государство [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ideologiya-i-gosudarstvo (дата обращения: 20.03.2019).

3. Бутусова Н. В. Административная реформа в России – путь к эффективному государству? // Административное право и процесс. 2005. №1. С. 19–22.

4. Буханцов В. В., Комарова М. В. Государство как идея и ее осуществление [Электронный ресурс] // Система ценностей современного общества. 2009. № 6. С. 103–105. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvo-v-sisteme-natsionalnoy-ideologii (дата обращения: 10.04.2019).

5. Евстифеев Р. В. Российский путь к эффективному государству // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2008. Т. 4. №4. С. 117–128.

6. Ершов Ю. Г. Государство без идеи – просто населенная территория (о национально-цивилизационной идентичности) // Дискурс-Пи. 2005. № 1 (5). С. 9–11.

7. Замотаев Д. Ю. Политическая активность российской интернет-аудитории на региональном уровне в качестве составной части гражданского общества // Право и политика. 2015. № 5. С. 704–707.

8. Захаров В. М., Германова О. В. К государству эффективному, открытому, полезному // Современное региональное управление: тенденции и приоритеты развития : сб. науч. ст. междунар. науч. конференции в рамках XVII межрегион. универсальной оптово-розничной Курской Коренской ярмарки – 2017 / Под ред. В. В. Зотова. Курск, 2018. С. 187–192.

9. Касьянов В. В. Государственная идеология современной России // Общество, философия, история, культура. 2011. № 3-4. С. 11–14.

10. Лукшин О. В. Социальное государство: понятие, развитие и реализация идеи // Право: современные тенденции : материалы VI Междунар. научной конференции. 2018. С. 2–6.

11. Мысливченко А. Г. Социальное государство в контексте идей конвергенции и «третьего пути» // Право и государство: теория и практика. 2018. № 8 (164). С. 30–35.

12. Национальная идея Китая [Электронный ресурс] // Центр Сулакшина. Центр научной политической мысли и идеологии. 25 марта 2013 года. URL: http://rossiyanavsegda.ru/read/812/ (дата обращения: 28.03.2019).

13. Нуссбергер А. «Сильное государство» как основополагающая идея российского конституционного правосудия // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. № 1 (54). С. 154–160.

14. Окара А. Н. Реприватизация будущего. «Суверенная демократия»: от поисков «новой русской идеи» у «миссии» корпорации ЗАО «Россия» // Полития. 2007. № 1(44). С. 85–95.

15. Петров О. В. Стратегия электронного правительства в России: на пути к эффективному государству, ориентированному на граждан // Информационное общество. 2007. № 1–2. С. 28–35.

16. Пирожок С. С. Идея социального государства как основа модернизации политико-правовой системы современного государства // Модернизация в России: история, политика, образование : материалы Всерос. науч. конференции с междунар. участием. СПб., 2014. С. 210–214.

17. Подвинцев О. Б. Идея «несостоявшихся государств» в российском постимперском контексте // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2007. № 7. С. 204–214.

18. Шаповал Ж. А. Информированность граждан о возможностях участия в управлении регионом // Экономика и социум. 2014. №3–3(12). С. 582–588.

19. Щегорцов В. А. Социально ориентированное государство как выражение национальной идеи российского общества //

Научный вестник МГИИТ. 2018. № 2 (52). С. 106–118.

20. Ямбушев Ф. Ш. Миф, идея, государство // Социально-экономические и правовые проблемы регионов в условиях интеграции : материалы Междунар. науч.-практ. конференции / Под ред. А. В. Захряпина. 2012. С. 121–125.

POLITICAL FUNCTIONALITY AS THE «IDEA» OF THE MODERN STATE

A. V. Afonasova
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Kurgan, Russia

ABSTRACT: The article analyzes the prospects for the domestic political science of two approaches to the study of the "idea" of the modern state. The first one was formed historically within the framework of philosophical science and was at a certain stage of development perceived by political science. According to this approach, the "idea of the state" is an expression of some higher and eternal essence of power and social order. The second approach reflects the sustained interest of citizens and elites in the essential meaning of state institutions, which can be defined by the concept of "functionality".
The author of the article criticizes the identification of the "functionality" of the state with its "efficiency" by the experts of the national political science, and the scientific evaluation of this "efficiency" with the way the citizens and elites evaluate the role of the state in politics in specific political situations. The author proves the importance of taking into account in the analysis of the state activity (especially in crisis conditions), the fact that the mass consciousness tends to interpret the "functionality" of the state as its "universality". It refers to the willingness to maximize their competence in dealing with political and non-political problems, as well as the area of their legal and moral responsibility for these decisions.
The author believes that this understanding of the "idea of the state", its role as a factor in the political process, gives political science new opportunities in the scientific examination of those projects that were created over the past years, as well as in the current and strategic design of the functionality of the Russian state.

KEYWORDS: state, ideology, idea of state, effective state, functional state, universal state.

AUTHORS' INFORMATION: Alena V. Afonasova, Cand. Sci. (Political), Associate Professor, Kurgan branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
108/85, Kirova st., Kurgan, 640000, Russia, afonasova.av@kurg.ranepa.ru

FOR CITATION: Afonasova A. V. Political functionality as the «idea» of the modern state // Management Issues. 2019. № 3 (39). P. 6—15.

REFERENCES

1. Bogatyrev K. A. Constitutional foundations of state ideology and national idea of Russia [electronic resource] // Law and security. 2010. № 2(35). URL: http://dpr.ru/pravo/pravo_31_5.htm (date of reference: 24.10 2018). [Bogatyrev K. A. Konstitutsionnye osnovy gosudarstvennoy ideologii i natsional'noy idei Rossii [Elektronnyy resurs] // Pravo i bezopasnost'. 2010. № 2(35). URL: http://dpr.ru/pravo/pravo_31_5.htm (data obrashcheniya: 24.10 2018).] – (In Rus.).

2. Bondar Yu. Ideology and the state [electronic resource] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ideologiya-i-gosudarstvo (date of referemce: 20.03.2019). [Bondar' Yu. Ideologiya i gosudarstvo [Elektronnyy resurs]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ideologiya-i-gosudarstvo (data obrashcheniya: 20.03.2019)] – (In Rus.).

3. Butusova N. V. Administrative reform in Russia – the way to an effective state? // Administrative law and procedure. 2005. № 1. P. 19-22. [Butusova N. V. Administrativnaya reforma v Rossii – put' k effektivnomu

gosudarstvu? // Administrativnoe pravo i protsess. 2005. №1. S. 19–22.] – (In Rus.).

4. Bukhantsov V. V., Komarova M. V. State as an idea and its implementation [electronic resource] // System of values of modern society. 2009. № 6. P. 103-105. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvo-v-sisteme-natsionalnoy-ideologii (date of reference: 10.04.2019) [Bukhantsov V. V., Komarova M. V. Gosudarstvo kak ideya i ee osushchestvlenie [Elektronnyy resurs] // Sistema tsennostey sovremennogo obshchestva. 2009. № 6. S. 103–105. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvo-v-sisteme-natsionalnoy-ideologii (data obrashcheniya: 10.04.2019).] – (In Rus.).

5. Evstifeyev R. V. The Russian way to an effective state // Political expertise: POLITEKS. 2008. V. 4. № 4. P. 117-128 [Evstifeev R. V. Rossiyskiy put' k effektivnomu gosudarstvu // Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS. 2008. T. 4. №4. S. 117–128.] – (In Rus.).

6. Ershov Yu. G. State without an idea is just a populated area (about national-civilizational identity) // Discourse-Pi. 2005. № 1 (5). P. 9-11 [Ershov Yu. G. Gosudarstvo bez idei- prosto naselennaya territoriya (o natsional'no-tsivilizatsionnoy identichnosti) // Diskurs-Pi. 2005. № 1 (5). S. 9–11.] – (In Rus.).

7. Zamotayev D. Yu. Political activity of the Russian internet audience at the regional level as an integral part of civil society // Law and policy. 2015. № 5. P. 704-707 [Zamotaev D. Yu. Politicheskaya aktivnost' rossiyskoy internet-auditorii na regional'nom urovne v kachestve sostavnoy chasti grazhdanskogo obshchestva // Pravo i politika. 2015. № 5. S. 704–707.] – (In Rus.).

8. Zakharov V. M., Germanova O. V. To the effective, open and useful state / Modern regional management: trends and development priorities. Collection of scientific articles of the international scientific conference within the framework of the XVII interregional universal wholesale and retail Kursk Korensk fair – 2017. Under the general editorship of V. V. Zotov. 2018. P. 187-192 [Zakharov V. M., Germanova O. V. K gosudarstvu effektivnomu, otkrytomu, poleznomu / Sovremennoe regional'noe upravlenie: tendentsii i prioritety razvitiya Sbornik nauchnykh statey mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii v ramkakh KhVII mezhregional'noy universal'noy optovo-roznichnoy Kurskoy Korenskoy yarmarki – 2017. Pod obshchey redaktsiey V. V. Zotova. 2018. S. 187–192.] – (In Rus.).

9. Kasyanov V. V. State ideology of modern Russia // Society, philosophy, history, culture. 2011. № 3-4. P. 11-14 [Kas'yanov V. V. Gosudarstvennaya ideologiya sovremennoy Rossii // Obshchestvo, filosofiya, istoriya, kul'tura. 2011. № 3-4. S. 11–14.] – (In Rus.).

10. Lukshin O. V. Social state: concept, development and realization of the idea // Law: modern trends. Proceedings of VI International scientific conference. 2018. P. 2-6 [Lukshin O. V. Sotsial'noe gosudarstvo: ponyatie, razvitie i realizatsiya idei // Pravo: sovremennye tendentsii materialy VI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. 2018. S. 2–6.] – (In Rus.).

11. Myslivchenko A. G. Social state within the context of the ideas of convergence and "third way" // Law and state: theory and practice. 2018. № 8 (164). P. 30-35 [Myslivchenko A. G. Sotsial'noe gosudarstvo v kontekste idey konvergentsii i «tret'ego puti» // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2018. № 8 (164). S. 30–35.] – (In Rus.).

12. National idea of China [electronic resource] // Sulakshin Center. Center of scientific political thought and ideology. March 25, 2013. URL: http://rossiyanavsegda.ru/read/812/ (date of reference: 28.03.2019) [Natsional'naya ideya Kitaya [Elektronnyy resurs] // Tsentr Sulakshina. Tsentr nauchnoy politicheskoy mysli i ideologii. 25 marta 2013 goda. URL: http://rossiyanavsegda.ru/read/812/ (data obrashcheniya: 28.03.2019).]. – (In Rus.)

13. Nussberger A. "Strong state" as a fundamental idea of the Russian constitutional justice // Comparative constitutional review. 2006. № 1 (54). P. 154-160 [Nussberger A. «Sil'noe gosudarstvo» kak osnovopolagayushchaya ideya rossiyskogo konstitutsionnogo pravosudiya // Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie. 2006. № 1 (54). S. 154–160.] – (In Rus.).

14. Okara A. N. Reprivatization of the future. “Sovereign democracy”: from the search for a «new Russian idea» in the «mission» of the corporation, private limited company «Russia» // Politiya. 2007. № 1(44). P. 85-95 [Okara A.N. Reprivatizatsiya budushchego. «Suverennaya demokratiya»: ot poiskov «novoy russkoy idei» u «missii» korporatsii ZAO «Rossiya» // Politiya. 2007. № 1(44). S. 85–95.] – (In Rus.).

15. Petrov O. V. Strategy of e-government in Russia: on the way to an effective state focused on citizens // Information society. 2007. № 1-2. P. 28-35 [Petrov O. V. Strategiya elektronnogo pravitel'stva v Rossii: na puti k effektivnomu gosudarstvu, orientirovannomu na grazhdan // Informatsionnoe obshchestvo. 2007. № 1–2. S. 28–35.] – (In Rus.).

16. Pirozhok S. S. Idea of a social state as the basis of modernization of the political and legal system of the modern state // Modernization in Russia: history, politics, education. Proceedings of the all-Russian scientific conference with international participation. 2014. P. 210-214 [Pirozhok S. S. Ideya sotsial'nogo gosudarstva kak osnova modernizatsii politiko-pravovoy sistemy sovremennogo gosudarstva // Modernizatsiya v Rossii: istoriya, politika, obrazovanie. Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. 2014. S. 210–214.] – (In Rus.).

17. Podvintsev O. B. Idea of "failed states" in the Russian post-imperial context // Scientific yearbook of the Institute of philosophy and law of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences. 2007. № 7. P. 204-214 [Podvintsev O. B. Ideya «nesostoyavshikhsya gosudarstv» v rossiyskom postimperskom kontekste // Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk. 2007. № 7. S. 204–214.] – (In Rus.).

18. Shapoval Zh. A. Awareness of citizens about possibilities of participation in the management of the region // Economy and society. 2014. № 3-3(12). P. 582-588 [Shapoval Zh. A. Informirovannost' grazhdan o vozmozhnostyakh uchastiya v upravlenii regionom // Ekonomika i sotsium. 2014. №3–3(12). S. 582–588.] – (In Rus.).

19. Shchegortsov V. A. Socially oriented state as an expression of the national idea of the Russian society // Scientific Bulletin of the MGIIT. 2018. № 2 (52). P. 106-118 [Shchegortsov V. A. Sotsial'no orientirovannoe gosudarstvo kak vyrazhenie natsional'noy idei rossiyskogo obshchestva // Nauchnyy vestnik MGIIT. 2018. № 2 (52). S. 106–118.] – (In Rus.).

20. Yambushev F. Sh. Myth, idea, state // Socio-economic and legal problems of regions in the context of integration. Proceedings of the International scientific and practical conference: Edited by A. V. Zakhryapin. 2012. P. 121-125 [Yambushev F. Sh. Mif, ideya, gosudarstvo // Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye problemy regionov v usloviyakh integratsii. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii; Pod redaktsiey A. V. Zakhryapina. 2012. S. 121–125.] – (In Rus.).

ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ РОССИИ В ОТНОШЕНИИ ИНЖЕНЕРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: БОРЬБА ПОЛИТИЧЕСКИХ РОМАНТИКОВ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАГМАТИКОВ

УДК 94(47).084.3:377.031.4 *ГСНТИ 11.15*
ББК 63.3(2)61р+30р.г *Код ВАК 23.00.02*
DOI: 10.22394/2304-3369-2019-3-16-26

М. В. Добрынина
Национальный исследовательский университет
«Московский институт электронной техники»,
Москва, Россия
AuthorID: 736493

АННОТАЦИЯ: Автор настоящей статьи рассматривает основные тенденции реформирования системы инженерного образования в Советской России в 1917–1925 годах. Отмечается, что огромным препятствием для реализации программы воспроизводства кадров оказалась нехватка управленческого и преподавательского состава для укомплектования кадрами самих школ, курсов и училищ. Называются три основных императива развития системы технического образования в этот период: пролетаризация (сопутствующие ей феминизация и коренизация); централизация и политизация управления образованием; пересмотр содержания учебных планов и учебных программ учебных заведений, индоктринация государственно-партийного патернализма. В исследовании отмечается, что экономика государства требовала форсированного восстановления и модернизации, поэтому по окончании Гражданской войны техническое образование оказывается предметом особенно пристального внимания партийно-государственного аппарата управления страной. При этом именно в этот переломный период наметилось и в дальнейшем только укреплялось третье направление реформирования: пересмотр содержания учебных планов и учебных программ технических учебных заведений с позиций государственно-партийного патернализма. Суть политики патернализма в науке, культуре и образовании сводится к тому, что идеологические конструкции, политические ценности и доктрины, оформленные на государственно-партийном уровне в определенный идеологический концепт, переносятся в учебные и научные планы научных и образовательных учреждений, репертуарную и выставочную политику культурных учреждений. Показывается, что политика политического романтизма («скорой победы пролетариата в мировой революции») потерпела поражение. Отмечается, что с середины 20-х годов техническое образование ориентировано на решение прагматических, в первую очередь, экономических целей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: образовательная система, инженерное образование, революция, военный коммунизм, пролетаризация, патернализм.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Мария Владимировна Добрынина, доцент, Национальный исследовательский институт «Московский институт электронной техники»,
127994, Россия, Москва, ул. Новосущёвская, 22, mic.org.miet@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Добрынина М. В. Послереволюционная политика Советской России в отношении инженерного образования: борьба политических романтиков и социально-экономических прагматиков // Вопросы управления. 2019. № 3 (39). С. 16—26.

© М.В. Добрынина, 2019

В послереволюционный период советское правительство быстро осознало стратегическое значение науки, образования в целом и инженерного образования в частности для преодоления экономического кризиса, укрепления обороноспособности страны, в перспективе, после окончательной «победы над буржуазией» [1, с. 49; 2, с. 470; 3, с. 472; 4, с. 487], – для строительства общества и государства нового типа. Новое руководство государства еще в первые месяцы Гражданской войны пришло к пониманию, что для удержания и укрепления власти необходимо, в том числе, опереться

на группу профессионалов, которые смогут в короткие сроки обеспечить решение задач победы большевиков в войне и восстановления разрушенного хозяйства. Поэтому уже в первой Программе ВКП(б) была декларирована экономическая и политическая значимость политехнического образования, развитие которого было провозглашено одной из приоритетных задач партии и государства [5, с. 49].

В Программе, в выступлениях В. И. Ленина и других руководителей партии политехническое образование рассматривалось как апофеоз демократической образовательной политики. Оно противопоставлялось узкопрофессиональному техническому и всем другим видам монообразования, которые, в свою очередь, были отнесены к пережиткам прагматичного буржуазного подхода к просвещению [6, с. 41].

Ленин уже в 1918 году выдвинул идею о преобразовании профессиональных школ в единые трудовые (по сути, средне – предпрофессиональные – предполитехнические) школы, причем руководители Наркомпросса восприняли эту идею не как методологическую основу реформы, а как директиву к исполнению, в связи с чем в стране началась кампания по ликвидации профшкол и созданию на их основе единых трудовых школ [7, с. 322–332; 8, с. 21–22]. Вместе с тем, эта идея находила тем меньше поддержки, чем в более далеких от Москвы районах она осуществлялась: большинство работников, понимающих суть и содержание системы профессионального образования, осознавали, что преобразование — это, по сути, ликвидация нормально функционирующей системы, когда «здания разрушаются, инвентарь расхищается, портится и утилизируется для других целей, в то время как возобновление его представляет с трудом выполнимую задачу» [9, с. 28]. Отдавая себе отчет, что продолжение процесса с той же интенсивностью неизбежно приведет к уничтожению самой области профтехобразования, активисты по мере своих сил пытались доносить свои опасения до политического руководства всех уровней и противостоять процессу [10; 11; 12, с. 56].

В начале 1919 года Наркомпросс изменил свое отношение к профессиональному образованию: в принятой в апреле «Декларации о задачах профессионально-технического образования в России» подчеркивалось, что нельзя «относиться к техническим школам и профессиональным училищам, унаследованным нами от прошлого, как к чему-то устарелому, подлежащему упразднению для замены их Единой Трудовой Школой» [13]. В документе также отмечалось, что все профессиональные школы способны к развитию и изменению в «горячей атмосфере революции» [13]. Осторожная риторика декларации 1919 года стала еще более решительной в Декларации о профессионально-техническом образовании в СССР, принятой в январе 1920 года [14; 15], с точки зрения акцента на экономическом и политическом потенциале среднего профессионального образования.

Однако огромным препятствием для реализации программы воспроизводства кадров оказалась нехватка управленческого и преподавательского состава для укомплектования кадрами самих школ, курсов и училищ. Доктрина военного коммунизма была идеологическим барьером для привлечения к строительству коммунизма старорежимных кадров, однако реализация этой доктрины и переход к социализму в обозримой перспективе требовала качественного «человеческого материала» уже в настоящем [16, с. 183]. Это противоречие «теории и практики социализма» разрешалось двумя основными путями: «перековка» старых дореволюционных кадров [17, с. 152], форсированная подготовка новой социалистической интеллигенции посредством расширения доступа в высшие учебные заведения широким народным массам [18].

Таким образом, одним из императивов начатой в 1920 году реформы системы технического (инженерного) образования была *пролетаризация.* Специалисты отмечают, что на раннем этапе осуществления реформы идеология пролетаризации была ориентирована не только и не столько на решение политической задачи создания социалистической интеллигенции нового образца, призванной стать создателем социалистической индустрии, сколько на решение социальной задачи построения неклассового общества посредством открытия каналов горизонтальной и вертикальной мобильности для представителей рабочих и крестьян. Направление на пролетаризацию для решения задачи «пополнения состава учащихся Высших учебных заведений преиму-

щественно лицами, происходящими из пролетариата и трудового крестьянства» [19] было кодифицировано в декрете Совнаркома (СНК) «О правилах приема в высшее учебное заведение РСФСР», Постановлении СНК «О преимущественном приеме в вуз представителей пролетариата и беднейшего крестьянства», Программе РКП(б), принятой на съезде партии в марте 1919 года, «Положении о высших учебных заведениях» 1922 года, которое провозглашало новую целевую установку для всех вузов России — «распространять научные знания среди широких пролетарских и крестьянских масс, интересы которых во всей деятельности высшего учебного заведения должны стоять на первом плане» [20].

Согласно декрету «О правилах приема в высшее учебное заведение РСФСР» 1918 года, «каждое лицо, независимо от гражданства и пола, достигшее 16 лет, может вступать в число слушателей любого высшего учебного заведения *без представления диплома, аттестата или свидетельства* (курсив мой. – *М. Д.*) об окончании средней или какой-либо школы» [21, с. 56]. Однако реализация важного социально и политически значимого решения была осложнена тем, что у крестьянства и пролетариата отсутствовала необходимая общеобразовательная подготовка для обучения в высших учебных заведениях, в связи с чем также в «пожарном порядке» для пролетариата были организованы курсы довузовской подготовки и рабфаки. Политика пролетаризации осуществлялась вплоть до конца 30-х годов за счет применения двух основных технологий: зачисления в вузы классово верных абитуриентов по разнарядке на основе преимущественного права представителей рабочих и крестьян (отсев классово чуждых элементов осуществлялся классовыми комиссиями), а также последующих кадровых чисток (репрессий).

Пролетаризация студентов сопровождалась также пролетаризацией профессорско-преподавательского состава. С. Волков так описывает политическую технологию замещения классово чуждых кадров выдвиженцами и образованцами: «В течение 20-х годов кадры советской интеллигенции хотя и пополнялись активно выходцами из рабочих и крестьян, но еще в своем большинстве дипломированные специалисты формировались в значительной степени из непролетарских слоев» [22; 23, с. 96], поскольку в 20-е годы партия и правительство руководствовались идеями политического прагматизма: знания, опыт и навыки дореволюционной интеллигенции были абсолютно незаменимы в решении задачи удержания власти и обеспечении сохранности основных отраслей экономики. Причем, на том этапе, «когда решался вопрос о самом существовании советской власти, чем выше был уровень работников, тем выше среди них процент старой интеллигенции. В дальнейшем, когда опасность миновала, стали, напротив, выдвигать на самые высшие должности “классово-надежные” элементы, несмотря на их некомпетентность и неспособность» [23, с. 104].

Однако в дальнейшем политика пролетаризации, а также сопутствующие ей коренизация и феминизация образовательной политики интенсифицировались, репрессии стали массовыми и беспощадными, поэтому к концу 30-х годов привели почти к полному уничтожению дореволюционной технической интеллигенции. Согласно переписи квалифицированных специалистов, проведенной на 1.11.1933 г., с 1928 по 1934 г., их количество увеличилось почти в три раза, «старорежимная» интеллигенция, уцелевшая после чисток, потерялась в числе «выдвиженцев» и «образованцев». Уже к 1932 г. советская пресса сообщала, что «специалисты из рабочих и крестьян составляют около 65 %, т.е. вдвое больше, чем в 1929 г.» [24, с. 123–124], а к 50-м годам 3/4 представителей образованного слоя населения были интеллигентами в первом поколении, что привело к побочному социокультурному эффекту стирания грани между рабочим классом и представителями образованных группа населения [25, с. 33]. Соответственно нивелировался статус интеллигенции и падал общественный престиж интеллектуального труда. Негативный социокультурный эффект политики пролетаризации, по некоторым оценкам, может быть преодолен только в настоящее время. К 80-м годам XX века социальный статус технической интеллигенции был нивелирован: только четверть представителей инженерной профессии считали свою работу престижной, а оплату своего труда называли достойной только 17,2 % технических специалистов высшей квалификации [23, с. 124].

Вторым направлением реформирования стала централизация и политизация управления образованием. Уже в начале двадцатых годов Наркомпроссом предпринимается попытка создания жесткой централизованной системы управления образованием с единым партийным центром принятия решения, причем жестким авторитарным способом. В этом отношении, система образования оказывается лишь одной из сфер общественной жизни, руководство которой переходит от различных социально-экономических к политическим структурам, поскольку уже вскоре после роспуска Учредительного собрания большевистское правительство было ориентировано на императив, согласно которому «благодаря неписанному закону нашей конституции… партийная организация стоит над советской» [26, с. 123]. Соответственно, «создаваемые управленческие структуры, по мысли их создателей, должны были всецело контролировать проведение в жизнь партийно-государственных решений в сфере образования» [6, с. 45].

В партийных структурах была разработана исключительно политизированная доктрина научного, культурного и социокультурного развития страны. Государственная политика в области образования регулировалась, в первую очередь, исходя и примата идеологических концептов, а исходя из мотивов, зарождавшихся также в высшем партийном руководстве, осуществлялись кадровые назначения и перестановки. Однако исторические источники свидетельствуют, что вновь создававшиеся политизированные структуры администрирования образования не только не встречали поддержки в соответствующих регионах, но и являлись элементами, осложнявшими и без того запутанные межведомственные взаимодействия Наркомпросса, ВСНХ, Советов, партии, профсоюзов и т.п. В итоге, большая часть этих структур расформировывалась, не просуществовав и нескольких месяцев [27].

Процесс централизации управления и переподчинения всех профессиональных учебных заведений Наркомпроссу завершился только в 1920 году, поскольку был осложнен рядом обстоятельств: сопротивлением сотрудников ведомств, которым подчинялись учебные заведения, административная путаница и бюрократия [9, с. 28]. В конечном итоге, в 1920 году был учрежден Главный комитет по профессионально-техническому образованию, в губерниях и уездах были созданы его подотделы. Их полномочия не были четко отделены от полномочий и компетенции губернских и уездных отделов народного образования, что снова вызвало проблемы межведомственного взаимодействия. Противоречивая ситуация была разрешена принятием Положения о губернских комитетах профессионально-технического образования от 11 декабря 1920 года, благодаря чему «новый период совместной работы губпрофобра с наробразом начался в благоприятной атмосфере» [28, с. 16].

Третье направление реформирования оформилось и актуализировалось ближе к 1920 году, когда относительно короткий период недооценки экономической и политической значимости инженерного образования и желания большевистских идеологов заменить среднее профессиональное образование Единой Трудовой школой завершился и сменился «восстановлением в правах» в глазах партийного и государственного руководства среднего и высшего технического образования. В конце 1919 – начале 1920 года в партийном ядре, в котором разворачивалась борьба романтиков революции и прагматиков, окончательную победу одержали прагматики. Несмотря на то, что в более поздней образовательной политике иногда просматривалось желание партийного руководства сделать профессиональное, в частности, техническое образование пространством идеологической борьбы, с этого переломного момента образование преимущественно рассматривалось как один из главных инструментов социально-экономических преобразований и модернизаций.

Дефицит высококвалифицированных технических кадров ощущался во всех без исключения отраслях экономики исключительно остро: «Восемь лет войны и революции не прошли бесследно, уже быстро и верно развертывается кризис образования, который – мы говорим об инженерах и техниках – как раз расползается по всем нашим установлениям. <…> За восемь лет должно было – при мирных условиях – сойти со сцены не менее 1/3 инженеров. А если учесть, сколько техников погибло в политической и гражданской войне, сколько по-

дорвало здоровье и пропало от эпидемий, голода, холода, эмиграции за границу и т.д. – то едва ли можно считать, что у нас осталась даже половина наших сил» [29, с. 2]. Экономика требовала форсированного восстановления и модернизации, поэтому по окончании Гражданской войны техническое образование оказывается предметом особенно пристального внимания партийно-государственного аппарата управления страной.

При этом именно в этот переломный период наметилось и в дальнейшем только укреплялось третье направление реформирования: *пересмотр содержания учебных планов и учебных программ технических учебных заведений с позиций государственно-партийного патернализма.* Суть политики патернализма в науке, культуре и образовании сводится к тому, что идеологические конструкции, политические ценности и доктрины, оформленные на государственно-партийном уровне в определенный идеологический концепт, переносятся в учебные и научные планы научных и образовательных учреждений, репертуарную и выставочную политику культурных учреждений. Эти социальные институты, в свою очередь, должны транслировать соответствующие идеологемы широким народным массам. Роль образовательной системы в трансляции государственной идеологии является ключевой: в первую очередь, именно образовательная система производит «человеческий материал» по заданным государством параметрам. В 20-е годы XX века государственно-партийная идеология представляла собой сочетание элементов идеологии классического и нового марксизма, ценностей эпохи Просвещения (в первую очередь, рационализма) с идеями государственничества и великодержавия.

Соответственно, реформирование учебных планов и учебных программ инженерных учебных заведений, прежде всего высшей ступени, отражало необходимость сочетания двух с трудом совместимых требований: отражение партийно-государственной идеологии, с одной стороны, и максимально быстрое, массовое и качественное удовлетворение запроса вооруженных сил, промышленности и других отраслей хозяйства на квалифицированные инженерные кадры – с другой [30].

Декретом СНК от 4 июня 1920 года «О высших технических учебных заведениях» были унифицированы сроки и продолжительность обучения, а также расписание учебных занятий. Главным императивом высшего и среднеспециального образования объявлялась практикоориентированность на нужды промышленности, а главной целью – выпуск максимального числа работников-специалистов за отведенные – укороченные – сроки обучения [31]. Этот подход был одобрен и Первым партийным совещанием по вопросам народного образования в декабре 1921 года [32, с. 139]. 4 марта 1921 года Совнаркомом был установлен общий для всех вузов минимум общетеоретических естественных наук, который включал четыре дисциплины (химия, биология, физика, космическая физика) по два часа в неделю в течение одного-двух триместров обучения. При этом, согласно постановлениям Совнаркома, в учебные планы необходимо было внести обществоведческие дисциплины, такие как история пролетарской революции, развитие общественных форм, исторический материализм, план электрификации СССР и др. На каждый из этих предметов необходимо было выделить по два часа в неделю в течение двух-трех триместров [33].

Все высшие учебные заведения, в первую очередь университеты и политехнические вузы, столкнулись с необходимостью сокращения теоретической, фундаментальной и гуманитарной частей учебного плана и расширить объем предметов общественного цикла. Однако многие вузы, в том числе, находящиеся в Петрограде все самые именитые инженерные учебные заведения, на первом этапе реформ пытались сохранить содержание и пропорциональное соотношение фундаментальных и прикладных дисциплин в учебных планах, попытавшись «втиснуть» содержание учебных программ общетеоретических предметов в укороченные сроки обучения [33].

В начале 20-х годов система технического образования (как и другие подсистемы образования и социальной сферы) недофинансировалась, причем сокращение наблюдалось как в абсолютных цифрах и составляло не более 60 % от дореволюционных показателей, так и в относительных: если в 1920 году на нужды образования было выделено 10, 2 % бюджета страны, то в

1922 году эта цифра составляла только 4,2 % [34]. В абсолютных цифрах к 1922 году все советское высшее образование содержалось на средства, которые в 1915 году получал из государственного бюджета только один Московский университет. Соответственно, число высших инженерных учебных заведений сокращалось (только за один 1921–1922 год их число сократилось более чем в два раза). И к 1923 году во всем уже огромном Советском Союзе осталось только 24 высших технических учебных заведения [35]. С учетом снижения качества абитуриентов вследствие пролетаризации образования и снижения качества общего среднего образования, качество выпускников, несмотря на все старания руководства и профессорско-преподавательского состава вузов, также резко упало.

Тенденция сокращения числа вузов сопровождалась процессом их объединения. Объединению и укрупнению подвергались чаще всего вузы на губернском уровне. Снижение финансирования технического образования продолжалось: с 1923 года на государственном уровне была провозглашена необходимость сокращения расходов на административные аппараты, прозвучала директива «уменьшать расходы по всем ведомствам, упраздняя и сокращая выходящие из рамок действительной необходимости и финансовых возможностей советские и хозяйственные органы» [36]. Однако фактически началась кампания по упразднению, сокращению и слиянию всех «неэффективных» учебных заведений, курсов, классов и факультетов: старшие курсы ряда технических вузов упразднялись ввиду небольшого количества студентов, студенты распускались или распределялись по другим вузам, профессорско-преподавательский состав сокращался, часть отправлялась на работу в другие населенные пункты и даже регионы, сами вузы объединялись или закрывались [37]. Все эти процессы привели к хаосу в администрировании учебного процесса. В некоторых губернских учебных заведениях и даже в некоторых вузах Москвы и Петрограда с 1923 до 1925–1926 учебных годов не было четко выстроенной идеологии учебного процесса, учебного плана и подчас даже расписания занятий [37].

К 1923–1924 году себя четко обозначило противоречие между необходимостью для вузов заполнения контингента студентами, с одной стороны, и требованием пролетаризации, с другой. В 1923 году классовые комиссии рекомендовали для зачисления на вакантные места меньше представителей рабочего класса, чем требовали постановления о пролетаризации, и на них был объявлен свободный прием. Это обстоятельство привело к снижению необходимого процента пролетариев в числе студентов (по всей стране эта цифра составляла не более 25 %) [38]. Для «выравнивания» классового состава с 1924 года все более активно стали применять чистки.

К 1924–1925 годам в публичных выступлениях руководителей партии и правительства и в СМИ часто появлялись сообщения об успешном завершении процесса пролетаризации высшей школы [39, с. 97; 40, с. 89], однако, по сути, она потерпела неудачу, поэтому был объявлен более гибкий и прагматичный курс на «политическое воспитание студентов в стенах высшей школы» [41, с. 24]. В середине 20-х годов начинается постепенное возвращение процедуры зачисления в вузы к конкурсному принципу и отказ от строгого классового подхода: уже к 1926 году квота поступающих в вузы на основе свободного конкурса была увеличена до 45 %, а 10 июля 1926 году СНК РСФСР уравнял в правах на высшее образование выходцев из рабочих и государственных служащих [42; 43]. Одной из главных причин пересмотра классового принципа стала его неэффективность в решении задачи насыщения экономики кадрами. Народному хозяйству, разрушенному революцией и Гражданской войной, необходимы были высококвалифицированные специалисты, а классовая система комплектования вузов приводила к систематическому недобору, уменьшению контингента обучающихся ввиду слабой подготовки поступивших.

Как уже отмечалось, в борьбе фракций «романтиков» и «прагматиков» внутри партии большевиков, в конечном итоге, окончательную и безоговорочную победу одержали прагматики. Историческую роль этой победы можно оценить следующим образом: «Победа в конце концов “государственников” над “утопистами” выразилась в приоритете стратегии завершения революции, построения завершенного социализма в одной отдельно взятой стране и постави-

ла на повестку дня разработку модернизационного проекта, который позволил бы этому социалистическому государству выжить во враждебном внешнем окружении» [44, с. 51]. Мы не можем не согласиться с этой оценкой. Действительно, уже в середине 20-х годов главным проектом, определившим развитие инженерного образования, стал проект форсированной модернизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В. И. Доклад о деятельности Совета Народных Комиссаров 11(24) января 1918 г. // Ленин В. И. Соч. 4-е изд. М., 1949. Т. 26.
2. Ленин В. И. Речь перед агитаторами, посылаемыми в провинцию // Ленин В. И. Соч. 4-е изд. М., 1949. Т. 26.
3. Ленин В. И. Речь на Всероссийском съезде крестьянских депутатов и земельных комитетов 28 января (10 февраля) 1918 г. // Ленин В. И. Соч. 4-е изд. М., 1949. Т. 26.
4. Ленин В. И. Речь в коммунистической фракции V Всероссийского съезда Советов 3 июля 1918 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36.
5. Программа Российской Коммунистической Партии (большевиков) принята 8 съездом партии 18–23 марта 1919 года // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983. Т. 2. 1917–1922.
6. Силин А. В. Советская парадигма профессионального образования в 1917–1920 годах: этапы эволюции // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. №6. С. 41–48.
7. Ленин В. И. О работе Наркомпроса // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42.
8. Ленин В. И. – Луначарскому А. В. 29 ноября 1920 // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 52.
9. Королев Ф. Ф. Из истории народного образования в Советской России (низшие и средние профессиональные школы и высшее образование в 1917–1920 гг.) // Из истории советской школы и педагогики. Изв. АПН РСФСР. М., 1959. Вып. 102.
10. ГАВО (Гос. арх. Вологод. обл.). Ф. 111. Д. 167. Оп. 1. Л. 49об.
11. ГААО (Гос. арх. Арх. обл.). Отдел документов соц.-полит. истории. Ф. 5. Оп. 1. Д. 4. Л. 19.
12. Красавцева С. А. Северо-Двинский губернский Отдел народного образования в 1918–1929 гг. // Ист. краеведение: сб. ст. Вологда, 2003. Вып. 9.
13. ГААО. Ф. 273. Оп. 1. Л. 314. Л. 38(а), 38(е).
14. Вестн. проф.-тех. образования. 1920. № 1. С. 1–5; ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 1. Д. 22. Л. 50–55.
15. ГААО. Ф. 273. Оп. 1. Д. 314. Оп. 1. Л. 66–68об.
16. Бухарин Н. И. Культурные задачи и борьба с бюрократизмом // Бухарин Н. И. Проблемы теории и практики социализма. М.: Политиздат, 1989.
17. Красовицкая Т. Ю. Модернизация России. Национально-культурная политика. М.: ИРИ, 1998.
18. Галевиус Ф. К. Съезду губсовнархозов // Красный Север. 1920. 29 февраля.
19. ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 1. Д. 67. Л. 342.
20. ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 2. Д. 1641. Л. 21.
21. Сборник декретов и постановлений рабочего и крестьянского правительства по народному образованию. Вып. 1. М., 1919.
22. Изменения социальной структуры советского общества. 1921 – середина 1930-х гг. М.: Мысль, 1979.
23. Волков С. Интеллектуальный слой в советском обществе. М.: Некоммерческая орг. фонд «Развитие»: Ин-т науч. информ. по общественным наукам РАН, 1999.
24. Чуткерашвили Е. В. Кадры для науки: Специалисты высшей квалификации в СССР и в капиталистических странах. М.: Высшая школа, 1968.
25. Руткевич М. Н. Сближение рабочего класса и инженерно-технической интеллигенции // СИ. 1980. № 4.
26. Волкогонов Д. Лев Троцкий. Политический портрет // Октябрь. 1991. № 9.
27. ГАВО. Ф. 111. Д. 167. Оп. 1. Л. 49об.
28. Профессионально-техническое образование в России за 1917–1921 гг.: юбилейный сборник / под ред. О. Г. Аникст. М.: Главпрофобр, 1922.
29. Архангельский А. А. Пятилетие Наркомпросса // Народное просвещение. 1922. № 107.
30. Народное просвещение. 1920. № 58–61.

31. Высшая школа РСФСР в период с 1921 по 1925 годы: новые подходы и оценки: (На примере вузов Москвы). М.: Инж. центр «Приборист», 1994.

32. Сафразьян Н. Л. Борьба КПСС за строительство советской высшей школы (1921–1927 гг.) М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977.

33. Купайгородская А. П. Высшая школа Ленинграда в первые годы Советской власти (1917–1925 гг.) / Под ред. В. А. Шишкина. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1984. С. 122–132.

34. Народное просвещение. 1923. № 2. С. 15.

35. Народное просвещение. 1923. № 9. С. 12.

36. ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 2. Д. 209. Л. 27.

37. Кабанов Н. Е. Из Читы во Владивосток в далеком 1923 году ехали студенты из одного университета в другой…: воспоминания // Дальневост. ученый. Владивосток, 1990. №13 (март – апрель).

38. ГАРФ. Ф. А–1565. Оп. 2. Д. 209. Л. 30.

39. Луначарский А. О положении высших учебных заведений в республике // Красная молодежь. 1924. №1.

40. Вихирев Н. Итоги и перспективы развития рабфаков // Красная молодежь. 1924. №2. С. 89.

41. Андреев Д. А. «Пролетаризация» советской высшей школы: 1921–1925 годы // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Том 18. Вып. 44. С. 22–26.

42. Красный студент. 1923. № 6. С. 31.

43. Еженедельник народного комиссариата просвещения. 1924. №8(29). С. 3.

44. Захаровский Л. В. Советская система профтехобразования и процесс мобилизационной модернизации в СССР // Научный диалог. 2015. № 5(41). С. 48–76.

POST-REVOLUTIONARY POLICY OF SOVIET RUSSIA WITH REGARD TO ENGINEERING EDUCATION: THE STRUGGLE OF POLITICAL SENTIMENTALISTS AND SOCIO-ECONOMIC PRAGMATISTS

M. V. Dobrynina
National Research University
«Moscow Institute of Electronic Technology»,
Moscow, Russia

ABSTRACT: the author of this article examines the main trends of reforming the system of engineering education in Soviet Russia in 1917–1925. It is noted that a huge obstacle to the implementation of the program of personnel reproduction was the lack of managerial and teaching staff at schools, training courses and professional schools.

There are three main imperatives of the system of technical education development in this period: proletarianization (accompanied by feminization and indigenization); centralization and politicization of education management; review of the content of curricula and training programs educational institutions, indoctrination of the establishment paternalism. The study notes that the state economy required a forced recovery and modernization, so at the end of the Civil War, technical education is the subject of particular attention of the party-state apparatus of government

At the same time, it was during this critical period that the third direction of reform was outlined and further strengthened: the revision of the content of curricula and curricula of technical schools from the standpoint of state-party paternalism. The essence of the policy of paternalism in science, culture and education is to ensure that the ideological construction, political values and doctrines, designed at the state-party level in a certain ideological concept, transferred to the educational and research plans of the scientific and educational institutions, repertoire and exhibition policy of cultural institutions. It is shown that the policy of political romanticism ("the imminent victory of the proletariat in the world revolution") was defeated. It is noted that since the mid-20s technical education is focused on solving pragmatic, primarily economic goals.

KEYWORDS: educational system, engineering education, Revolution, Military Communism, proletarisation, paternalism.

AUTHORS' INFORMATION: Maria V. Dobrynina, Cand. Sci. (Political), Associate Professor, National Research University of Electronic Technology,
22, Novosushchevskaya st., Moscow, 127994, Russia, mic.org.miet@gmail.com

FOR CITATION: Dobrynina M. V. Post-revolutionary policy of the Soviet Russia in relation to engineering education: the struggle of political sentimentalists and socio-economic pragmatists // Management Issues. 2019. № 3 (39). P. 16—26.

REFERENCES

1. Lenin V. I. Report on the activities of the Council of People's Commissars on January 11 (24), 1918 // V. I. Lenin. Writings, 4th ed. M., 1949. V. 26 [Lenin V. I. Doklad o deyatel'nosti Soveta Narodnykh Komissarov 11(24) yanvarya 1918 g. // Lenin V. I. Soch. 4-e izd. M., 1949. T. 26.] – (In Rus.).

2. Lenin V. I. Speech to the agitators sent to the province // Lenin V. I. Soch. 4 th ed. M., 1949. V. 26 [Lenin V. I. Rech' pered agitatorami, posylaemymi v provintsiyu // Lenin V. I. Soch. 4-e izd. M., 1949. T. 26.] – (In Rus.).

3. Lenin V. I. Speech at the All-Russian Congress of Peasant Deputies and Land Committees on January 28 (February 10), 1918 // V. Lenin. Writings, 4th ed. M., 1949. V. 26 [Lenin V. I. Rech' na Vserossiyskom s"ezde krest'yanskikh deputatov i zemel'nykh komitetov 28 yanvarya (10 fevralya) 1918 g. // Lenin V. I. Soch. 4-e izd. M., 1949. T. 26.]. – (In Rus.)

4. Lenin V. I. Speech at the Communist faction of the 5th All-Russian Congress of Soviets on July 3, 1918 // Lenin V. I. Complete writings. T. 36 [Lenin V. I. Rech' v kommunisticheskoy fraktsii V Vserossiyskogo s"ezda Sovetov 3 iyulya 1918 g. // Lenin V. I. Poln. sobr. soch. T. 36.] – (In Rus.).

5. The program of the Russian Communist Party (Bolsheviks) was adopted by the 8th Party Congress on March 18–23, 1919 // The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plena of the Central Committee. M., 1983. V. 2. 1917–1922 [Programma Rossiyskoy Kommunisticheskoy Partii (bol'shevikov) prinyata 8 s"ezdom partii 18–23 marta 1919 goda // Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsiy i plenumov TsK. M., 1983. T. 2. 1917–1922.] – (In Rus.).

6. Silin A. V. The Soviet paradigm of vocational education in 1917–1920: the stages of evolution // Bulletin of the Pomeranian University. Series: Humanities and Social Sciences. 2011. № 6. P. 41–48 [Silin A. V. Sovetskaya paradigma professional'nogo obrazovaniya v 1917–1920 godakh: etapy evolyutsii // Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2011. №6. S. 41–48.] – (In Rus.).

7. Lenin V. I. On the work of the People's Commissariat of Education // Lenin V. I. Complete writings. V. 42 [Lenin V. I. O rabote Narkomprosa // Lenin V. I. Poln. sobr. soch. T. 42.] – (In Rus.).

8. Lenin V. I. to Lunacharsky A. V. November 29, 1920 // Lenin V. I. Complete writings. V. 52 [Lenin V. I. – Lunacharskomu A. V. 29 noyabrya 1920 // Lenin V. I. Poln. sobr. soch. T. 52.] – (In Rus.).

9. Korolyov F. F. From the history of public education in the Soviet Russia (lower and secondary vocational schools and higher education in 1917–1920) // From the history of the Soviet school and pedagogy. The Proceedings. APN RSFSR. M., 1959. Issue 102 [Korolev F. F. Iz istorii narodnogo obrazovaniya v Sovetskoy Rossii (nizshie i srednie professional'nye shkoly i vysshee obrazovanie v 1917–1920 gg.) // Iz istorii sovetskoy shkoly i pedagogiki. Izv. APN RSFSR. M., 1959. VyP. 102.] – (In Rus.).

10. State Arch. of Vologod. Region. F. 111. D. 167. OP. 1. L. 49ob. [GAVO (Gos. arkh. Vologod. obl.). F. 111. D. 167. OP. 1. L. 49ob.] – (In Rus.).

11. State Arch. of Arch. region. Department of documents of social. – polit. histories. F. 5. OP. 1. D. 4. L. 19 [GAAO (Gos. arkh. Arkh. obl.). Otdel dokumentov sots.-polit. istorii. F. 5. OP. 1. D. 4. L. 19.] – (In Rus.).

12. Krasavtseva S. A. Severo-Dvinsky Province Department of Public Education, 1918–1929. // Hist. of regional studies: Coll. of art. Vologda, 2003. Issue 9 [Krasavtseva S. A. Severo-Dvinskiy gubernskiy Otdel narodnogo

obrazovaniya v 1918–1929 gg. // Ist. kraevedenie: sb. st. Vologda, 2003. VyP. 9.] – (In Rus.).

13. State Arch. of Arch. Region. F. 273. OP. 1. L. 314. L. 38 (a), 38 (e) [GAAO. F. 273. OP. 1. L. 314. L. 38(a), 38(e).] – (In Rus.).

14. Bullet. of prof.-tech. education. 1920. № 1. P. 1–5; GARF. F. A-1565. OP. 1. D. 22. L. 50–55 [Vestn. prof.-tekh. obrazovaniya. 1920. № 1. S. 1–5; GARF. F. A-1565. OP. 1. D. 22. L. 50–55.] – (In Rus.).

15. State Arch. of Arch. region. F. 273. OP. 1. D. 314. OP. 1. L. 66–68ob. [GAAO. F. 273. OP. 1. D. 314. OP. 1. L. 66–68ob.] – (In Rus.).

16. Bukharin N. I. Tasks on cultural affairs and fight against bureaucracy // Bukharin N. I. Problems of the theory and practice of socialism. M.: Politizdat, 1989 [Bukharin N. I. Kul'turnye zadachi i bor'ba s byurokratizmom // Bukharin N. I. Problemy teorii i praktiki sotsializma. M.: Politizdat, 1989.] – (In Rus.).

17. Krasovitskaya T. Yu. Modernization of Russia. National cultural policy. M.: IRI, 1998 [Krasovitskaya T. Yu. Modernizatsiya Rossii. Natsional'no-kul'turnaya politika. M.: IRI, 1998.] – (In Rus.).

18. Galevius F.K. To the Congress of provincial councils // Red North. 1920, February 29 [Galevius F. K. S"ezdu gubsovnarkhozov // Krasnyy Sever. 1920. 29 fevralya.] – (In Rus.).

19. The State Archive of the Russian Federation. F. A-1565. OP. 1. D. 67. L. 342 [GARF. F. A-1565. OP. 1. D. 67. L. 342.] – (In Rus.).

20. TsGAIPD SPb. F. 16. OP. 2. D. 1641. L. 21 [TsGAIPD SPb. F. 16. OP. 2. D. 1641. L. 21.] – (In Rus.).

21. Collection of decrees and resolutions of the workers-and-peasants government on public education. Issue 1. M., 1919 [Sbornik dekretov i postanovleniy rabochego i krest'yanskogo pravitel'stva po narodnomu obrazovaniyu. VyP. 1. M., 1919.] – (In Rus.).

22. Changes in the social structure of the Soviet society. 1921 – Mid-1930s M.: Thought, 1979 [Izmeneniya sotsial'noy struktury sovetskogo obshchestva. 1921 – seredina 1930-kh gg. M.: Mysl', 1979.] – (In Rus.).

23. Volkov S. The intellectual layer in Soviet society. M. Non-profit org. Foundation "Development": Institute of Scientific Inform. on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 1999 [Volkov S. Intellektual'nyy sloy v sovetskom obshchestve. M. Nekommercheskaya org. fond «Razvitie»: In-t nauch. inform. po obshchestvennym naukam RAN, 1999.] – (In Rus.).

24. Chutkerashvili E. V. Personnel for science. (Highly Qualified professionals in the USSR and in capitalist countries). M.: Higher School, 1968 [Chutkerashvili E. V. Kadry dlya nauki. (Spetsialisty vysshey kvalifikatsii v SSSR i v kapitalisticheskikh stranakh). M.: Vysshaya shkola, 1968.] – (In Rus.).

25. Rutkevich M. N. Convergence of the working class and engineering-technical intelligentsia // SI. 1980. № 4 [Rutkevich M. N. Sblizhenie rabochego klassa i inzhenerno-tekhnicheskoy intelligentsii // SI. 1980. № 4.] – (In Rus.).

26. Volkogonov D. Lev Trotsky. Political portrait // October. 1991. № 9 [Volkogonov D. Lev Trotskiy. Politicheskiy portret // Oktyabr'. 1991. № 9.] – (In Rus.).

27. State Arch. of Vologod. region. F. 111. D. 167. OP. 1. L. 49ob. [GAVO. F. 111. D. 167. OP. 1. L. 49ob.] – (In Rus.).

28. Vocational and technical education in Russia for 1917–1921: anniversary collection / ed. by O. G. Anikst. M.: Glavprofobr, 1922 [Professional'no-tekhnicheskoe obrazovanie v Rossii za 1917–1921 gg.: yubileynyy sbornik / pod red. O. G. Anikst. M.: Glavprofobr, 1922.] – (In Rus.).

29. Arkhangelskiy A. A. Five years of the People's Commissariat of Education // People's Enlightenment. 1922. № 107 [Arkhangel'skiy A. A. Pyatiletie Narkomprossa // Narodnoe prosveshchenie. 1922. № 107.] – (In Rus.).

30. Public education. 1920. №58–61 [Narodnoe prosveshchenie. 1920. № 58–61.] – (In Rus.).

31. Higher school of the RSFSR in the period from 1921 to 1925: new approaches and assessments: (By the example of Moscow universities). M.: Ing. Center "Priborist", 1994 [Vysshaya shkola RSFSR v period s 1921 po 1925 gody: novye podkhody i otsenki: (Na prim. vuzov Moskvy). M.: Inzh. tsentr «Priborist», 1994.] – (In Rus.).

32. Safrazyan N. L. The struggle of the CPSU for the construction of a Soviet high school (1921–1927). M.: Moscow University Press, 1977 [Safraz'yan N. L. Bor'ba KPSS za stroitel'stvo sovetskoy vysshey shkoly (1921–1927 gg.) M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1977.] – (In Rus.).

33. Kupaygorodskaya A. P. Higher School of Leningrad in the early years of the Soviet power (1917–1925) / Ed. V. A. Shishkin. L.:

Science: Leningr. Separation, 1984. P. 122-132 [Kupaygorodskaya A. P. Vysshaya shkola Leningrada v pervye gody Sovetskoy vlasti (1917–1925 gg.) / Pod red. V. A. Shishkina. L.: Nauka: Leningr. otd-nie, 1984. S. 122–132.] – (In Rus.).

34. Public education. 1923. № 2. P. 15 [Narodnoe prosveshchenie. 1923. № 2. S. 15.] – (In Rus).

35. Public education. 1923. №9. P. 12 [Narodnoe prosveshchenie. 1923. № 9. S. 12.] – (In Rus.).

36. The State Archive of the Russian Federation. F. A-1565. OP. 2. D. 209. L. 27 [GARF. F. A-1565. OP. 2. D. 209. L. 27.] – (In Rus.).

37. Kabanov N. Ye. Back in 1923 students from one university in Chita were riding to another in Vladivostok...: Memoirs // Far East scientist. Vladivostok, 1990. № 13 (March – April) [Kabanov N. E. Iz Chity vo Vladivostok v dalekom 1923 godu ekhali studenty iz odnogo universiteta v drugoy…: vospominaniya // Dal'nevost. uchenyy. Vladivostok, 1990. №13 (mart – aprel').] – (In Rus.).

38. The State Archive of the Russian Federation. F. A-1565. OP. 2. D. 209. L. 30 [GARF. F. A–1565. OP. 2. D. 209. L. 30.] – (In Rus.)

39. Lunacharsky A. On the position of higher educational institutions in the republic // Red Youth. 1924. №1 [Lunacharskiy A. O polozhenii vysshikh uchebnykh zavedeniy v respublike // Krasnaya molodezh'. 1924. №1.] – (In Rus.).

40. Vikhirev N. Results and prospects of the development of remedial schools for workers // Red youth. 1924. №2. P. 89 [Vikhirev N. Itogi i perspektivy razvitiya rabfakov // Krasnaya molodezh'. 1924. №2. S. 89.] – (In Rus.).

41. Andreyev D. A. “Proletarianization” of the Soviet Higher School: 1921-1925 // News of the Russian State Pedagogical University. A. I. Herzen 2007. Vol. 18. Vol. 44. P. 22-26 [Andreev D. A. «Proletarizatsiya» sovetskoy vysshey shkoly: 1921–1925 gody // Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena. 2007. Tom 18. VyP. 44. S. 22–26.] – (In Rus.).

42. Red student. 1923. №6. P. 31 [Krasnyy student. 1923. №6. S. 31.] – (In Rus.).

43. Weekly publication of the people's commissariat of education. 1924. №8 (29). P. 3 [Ezhenedel'nik narodnogo komissariata prosveshcheniya. 1924. №8(29). S. 3.] – (In Rus.).

44. Zakharovsky L. V. The Soviet vocational education system and the process of mobilization modernization in the USSR // Scientific Dialogue. 2015. № 5 (41). P. 48–76 [Zakharovskiy L. V. Sovetskaya sistema proftekhobrazovaniya i protsess mobilizetsionnoy modernizatsii v SSSR // Nauchnyy dialog. 2015. № 5(41). S. 48–76.] – (In Rus.).

ОБЩЕСТВЕННЫЕ СОВЕТЫ ПРИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОРГАНАХ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ: КАК ОБЕСПЕЧИТЬ ЭКСПЕРТНУЮ СБАЛАНСИРОВАННОСТЬ? (НА ПРИМЕРЕ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

УДК 353.007.62(470.54) *ГСНТИ 04.71.31*
ББК 66.3(2Рос-4Све)к3 *Код ВАК 23.00.02*
DOI: 10.22394/2304-3369-2019-3-27-38

Е. Г. Дьякова
Уральское отделение
Российской Академии наук,
Екатеринбург, Россия
AuthorID: 104574

А. Д. Трахтенберг
Уральское отделение
Российской Академии наук,
Екатеринбург, Россия
AuthorID: 109560

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена анализу состава общественных советов при исполнительных органах власти с точки зрения соотношения между экспертами-специалистами, являющимися носителями специализированного (в том числе научного) знания о той или иной сфере деятельности органов власти, и экспертами-мирянами, которые располагают житейским опытом, связанным с данной сферой, включая опыт решения проблем и защиты своих интересов, т.е. являются представителями «заинтересованных сообществ».

Методологической основой статьи является подход к совещательно-консультативным органам как инструментам решения проблемы «принципал-агент», что и позволяет выделить две основные группы экспертов. Анализ носит комплексный характер. В статье проведен анализ нормативно-правовой базы, регулирующей процесс формирования общественных советов в Свердловской области и количественный анализ состава общественных советов (на основе списков членов общественных советов при исполнительных органах Свердловской области, имеющихся в открытом доступе в сети Интернет). Дополнительно использованы результаты серии фокусированных интервью, проведенных с руководителями и членами общественных советов.

По итогам исследования сделан вывод о том, что в общественных советах Свердловской области наблюдается тенденция к преобладанию экспертов-мирян над экспертами-профессионалами. Значительное влияние на формирование общественных советов оказывает Общественная палата Свердловской области (выдвигает половину членов), которая оказывает предпочтение представителям заинтересованных сообществ. Также на состав общественных советов влияет то, какая сфера жизни общества входит в полномочия того или иного органа власти. Сильнее всего преобладание экспертов-мирян выражено в общественных советах при органах власти социальной сферы. Сами члены экспертных советов являются скорее сторонниками «паритета» между экспертами-мирянами и экспертами-профессионалами. Компетентность выступает для них как важнейшая характеристика члена общественного совета, а малокомпетентные члены вызывают резкую критику.

Научная новизна заключается как в подходе к совещательно-консультативным органам как инструментам решения проблемы «принципал-агент», так и в анализе состава общественных советов с позиций экспертной сбалансированности. Такой анализ на региональном уровне проведен впервые в отечественной литературе.

Статья подготовлена по итогам проекта ««Общественные советы в органах исполнительной власти: формирование и эффективность деятельности (на примере Свердловской области)», поддержанного Фондом президентских грантов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: общественные советы, состав, эксперты-профессионалы, эксперты-миряне, экспертная сбалансированность.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Елена Григорьевна Дьякова, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии и права, Уральское отделение Российской Академии наук
620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16, gf-urfo@bk.ru.

© Е. Г. Дьякова, А. Д. Трахтенберг, 2019

Анна Давидовна Трахтенберг, кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт философии и права, Уральское отделение Российской Академии наук
620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16, cskiit@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Дьякова Е. Г., Трахтенберг А. Д. Общественные советы при региональных органах исполнительной власти: как обеспечить экспертную сбалансированность? (на примере Свердловской области) // Вопросы управления. 2019. № 3 (39). С. 27—38.

Введение. Формирование при органах исполнительной власти консультативно-совещательных органов является общемировой тенденцией. Их появление и развитие связано со становлением социального государства и расширением и усложнением функций органов государственной власти. В этих условиях обостряется всегда существующая в иерархически организованной системе проблема «принципал – агент» (проблема асимметрии между различными уровнями власти по параметру «уровень информированности о ситуации»), следствием которой являются сложности с обратной связью в системе [1]. Одним из направлений решения проблемы «принципал – агент» считается привлечение внешних экспертов, располагающих информацией о сфере ответственности принципала и способных оценить деятельность агентов в этой сфере ответственности. В роли таких агентов в классической модели представительной демократии выступают СМИ и институты гражданского общества.

С развитием социального государства привлечение внешних агентов приобретает новую форму: возникает система совещательно-консультативных органов. Так, в США эти органы начинают активно формироваться в период «Нового курса» президента Ф. Д. Рузвельта. В 1940 году Н. Гилл указал в качестве причин создания системы совещательно-консультативных органов «расширение масштабов традиционной деятельности правительства, добавление новых правительственных функций, техническое усложнение этих функций, появление новых видов деятельности, требующих тесных и частых контактов с представителями групп, которых эта деятельность затрагивает в наибольшей степени и уверенность многих руководителей учреждений, что поддержка этих групп может существенно помочь при отстаивании интересов учреждения перед Конгрессом, финансовыми органами, Управлением гражданской службой и общественным мнением» [2, с. 413]. Эти же причины фигурируют в современных исследованиях, посвященных деятельности совещательно-консультативных органов.

При этом значимость совещательно-консультативных органов постоянно возрастает. Концептуально это связано с поиском новых форм государственного управления, отвечающих потребностям современного общества [3], и переходом к парадигме «общественно-государственного управления» («good governance»), концептуальной основой которой является признание совместной ответственности государства и гражданского общества за решение социальных проблем [4; 5].

Постановка проблемы. Совещательно-консультативные органы превратились в инструмент решения проблемы «принципал – агент», обеспечивая органы власти экспертным знанием, накопленным гражданским обществом и академическим сообществом.

Поэтому центральным для их формирования и деятельности становится вопрос о том, какого рода экспертов им следует привлекать.

Экспертное знание носит двоякий характер: наряду с экспертами-профессионалами, являющимися носителями специализированного (в том числе научного) знания о той или иной сфере деятельности органов власти, существуют эксперты-миряне, которые располагают житейским опытом, связанным с данной сферой, включая опыт решения проблем и защиты своих интересов, т.е. являются представителями «заинтересованных сообществ». Представители обеих групп обладают информацией, необходимой для принятия управленческих решений, однако это информация принципиально разного типа [6].

Тем самым возникает проблема «экспертной сбалансированности» совещательно-консультативных органов: в них должны присутствовать и взаимодействовать меж-

ду собой эксперты обоих типов (условно говоря, и «врачи», и «больные»).

На практике добиться этого достаточно сложно. Так, в принятом в США в 1972 году Федеральном акте о совещательных комиссиях (The Federal Advisory Committee Act, FACA), который и по настоящее время регулирует формирование и деятельность совещательных органов, они определяются как «полезные и благодетельные средства обеспечения федерального правительства экспертными рекомендациями, идеями и разнообразными мнениями» [7, Sec. 2(a)]. При этом в FACA содержится требование, чтобы состав любой комиссии был «честно сбалансирован с позиций представленности разных точек зрения и исполняемых функций» [7, § 5:2].

Однако в реальности в США соотношение экспертов-профессионалов и экспертов мирян в совещательных комиссиях на федеральном уровне составляет примерно два к одному [8], так что специализированное знание доминирует над повседневным опытом.

Это регулярно порождает конфликты по поводу недостаточного представительства некоммерческого сектора (экспертов-мирян) в совещательных комиссиях. Эти конфликты, в соответствии с американской традицией, решаются в судебной сфере. В результате в судебной практике выработалась позиция, согласно которой требование «честной сбалансированности» следует рассматривать как минимальное, не предполагающее равного численного баланса. Иными словами, уже наличие в совещательной комиссии хотя бы одного эксперта-мирянина обеспечивает экспертную сбалансированность.

Имеется и крайняя точка зрения, сторонники которой склонны рассматривать «честную сбалансированность» как идеологический конструкт: они утверждают, что не существует юридически обоснованных стандартов, позволяющих оценить, соблюдается ли это требование [9, с. 417].

Однако эмпирические исследования показывают, что эскпертная сбалансированность представительства повышает эффективность деятельности совещательных комиссий [9, с. 419 и сл.]. Проблема сбалансированности носит вполне реальный характер, и в разных странах предлагаются разные пути ее решения с учетом национальной специфики.

В своей работе мы рассмотрим, как решается проблема экспертной сбалансированности в Российской Федерации, как на уровне законодательства, так и на практике. В центре нашего внимания – процессы, происходящие на региональном уровне. Мы проанализируем как региональное законодательство, так и реальный состав общественных советов при региональных органах власти, а также отношение их членов к проблеме экспертной сбалансированности.

Работа подготовлена по итогам проекта «Общественные советы в органах исполнительной власти: формирование и эффективность деятельности (на примере Свердловской области)», поддержанного Фондом президентских грантов.

Выбор Свердловской области определялся тем, что органы исполнительной власти Свердловской области при формировании общественных советов находятся в весьма благоприятном положении в сравнении с органами исполнительной власти других субъектов федерации, входящих в состав Уральского федерального округа. В Свердловской области имеется развитое академическое сообщество (в Екатеринбурге действует Уральское отделение РАН и работают свыше 20 высших учебных заведений и их филиалов), активен крупный и средний бизнес, а некоммерческие организации Свердловской области составляют больше половины всех некоммерческих организаций, зарегистрированных на территории Уральского федерального округа. Поэтому практически по всем направлениям деятельности органов государственной власти в Свердловской области имеются как активные эксперты-миряне, так и пользующиеся авторитетом эксперты-профессионалы.

Обзор литературы. К сожалению, в отечественной литературе анализ формирования и структуры совещательно-консультативных органов с точки зрения экспертной сбалансированности отсутствует.

Эта проблема трактуется в нормативном плане, то есть на уровне рекомендаций и требований: «в персональный состав советов обязательно должны быть включены независимые эксперты и представители общественных объединений, что направлено на представление и защиту общест-

венных интересов в сфере ведения соответствующего государственного органа» [10, с. 116]; или «советам необходимо передать право самостоятельно формировать гибкое экспертное облако вокруг утвержденного состава ОС, чтобы при необходимости оперативно и без лишних согласований привлекать к своей деятельности нужных специалистов» [11, с. 132].

Эмпирический анализ состава совещательно-консультативных органов присутствует только в диссертационной работе Г. А. Гарифуллиной [12]. Ею был проанализирован состав 169 совещательных органов при федеральных органах исполнительной власти. Информационной базой исследования стала база данных, созданная на основе открытых сведений о составах совещательных органов (размещенных на сайте соответствующих ведомств или в правовых системах «Консультант» и «Гарант»).

Проведенный Г. А. Гарифуллиной анализ показал, что наиболее представлен в консультативных органах был бизнес — около 40 % их членов принадлежали к этой группе. Гражданские организации в изученных Г. А. Гарифуллиной консультативных органах федерального уровня были представлены слабо (8 %), только в общественных советах их доля была заметнее (20 %), но и в них бизнес был представлен лучше.

Однако следует учитывать, что большинство изученных Г. А. Гарифуллиной консультативных органов были созданы в период с 2005 по 2009 год, то есть до принятия закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» и «перезагрузки» общественных советов по инициативе Общественной палаты РФ. Они действовали преимущественно в сфере управления промышленностью, чем и объяснялся их «бизнес-уклон».

В целом вопрос о представленности в общественных советах экспертов двух основных типов изучен очень слабо, что делает наше исследование особенно актуальным.

Нормативно-правовое регулирование экспертной структуры общественных советов в Российской Федерации. Прежде чем перейти к анализу представленности экспертов-профессионалов и экспертов-мирян в общественных советах, необходимо рассмотреть нормативно-правовую базу, которая регулирует формирование общественных советов на федеральном и региональном уровне (подр. см. [13]).

Сразу же подчеркнем, что Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [14], который содержит определение общественных советов как субъектов общественного контроля, нормы, аналогичной «честной сбалансированности» в FACA, не содержит.

Однако в 2015 году по инициативе Общественной палаты РФ был утвержден Стандарт деятельности общественных советов при федеральных органах исполнительной власти (Типовое положение), в котором, в частности, было указано, что «состав общественного совета формируется с учетом представительства профессиональных объединений и иных социальных групп, осуществляющих свою деятельность в сфере полномочий данного федерального органа» [15, п. 3.4].

Это положение было конкретизировано в утвержденном Общественной палатой в 2018 году новом варианте Стандарта. Теперь речь идет о представительстве в общественных советах «общественных объединений, профессиональных союзов, творческих союзов, объединений работодателей и их ассоциаций, профессиональных объединений, социальных групп, иных негосударственных некоммерческих организаций, осуществляющих свою деятельность в сфере полномочий данного федерального органа исполнительной власти» [16, п. 3.2.1]. Однако следует учитывать, что юридический статус Стандарта 2018 является достаточно низким: он утвержден Советом Общественной палаты и поэтому для федеральных органов исполнительной власти имеет чисто рекомендательный статус.

В этом смысле региональные общественные палаты оказались в более выгодном положении: им удалось закрепить свои полномочия в сфере регулирования состава общественных советов не на уровне подзаконных актов, а на уровне региональных законов.

Так, в Свердловской области в соответствии с законом от 19 декабря 2016 года № 151-ОЗ «Об общественном контроле в Свердловской области» [17], региональная Общественная палата получила полномочия выдвигать половину от общего числа членов любого общественного совета (вто-

рая половина формируется на конкурсной основе и по предложениям руководителя соответствующего органа власти). Члены совета назначаются из числа членов консультантов-экспертов Общественной палаты Свердловской области.

Было разработано специальное Положение о консультантах-экспертах Общественной палаты Свердловской области, согласно которому консультантами-экспертами могут быть:

– представители общественных организаций, активно участвующие в развитии гражданского общества;

– граждане, ранее осуществлявшие полномочия члена Общественной палаты;

– представители общественных объединений, допущенные к выборам в Общественную палату, но не избранные в её состав [18].

Нетрудно заметить, что с точки зрения разработчиков постановления консультанты-эксперты – это прежде всего представители заинтересованных сообществ, то есть скорее «эксперты-миряне», чем «эксперты-профессионалы».

С мая 2017 года в Свердловской области осуществляется «перезагрузка» общественных советов. В какой мере в процессе перезагрузки была решения проблема экспертной представленности? Чтобы ответить на этот вопрос, нами было проведено комплексное социологическое исследование.

Методология исследования. Информация о членах общественных советов была взята с официальных сайтов региональных органов исполнительной власти Свердловской области. Те данные, которые приводятся о членах общественных советов, позволяют судить об их социальном положении и косвенно о том, какие «заинтересованные сообщества» они представляют.

Вся информация приводится по состоянию на 01 апреля 2018 года.

Всего был проанализирован состав 30 общественных советов при региональных органах исполнительной власти. В этих советах состояло 302 члена.

Также была проведена серия из 58 фокусированных интервью с членами общественных советов, в ходе которых обсуждались проблемы формирования общественных советов и проблема честной сбалансированности.

Результаты исследования. Как видно из таблицы 1, две пятых (41,1 %) членов общественных советов составляли руководители и сотрудники некоммерческих неправительственных организаций.

Пятая часть (20,5 %) членов общественных советов – это руководители и сотрудники образовательных и исследовательских учреждений.

На третьей позиции по частоте включения в общественные советы оказались представители частного бизнеса по профилю общественного совета.

Это означает, что при формировании общественных советов в них стремились включать как профессионалов-экспертов из академической среды и сферы бизнеса, так и экспертов-мирян – представителей гражданского общества.

Сравнительный вес двух групп экспертов зависел в первую очередь от сферы полномочий того органа власти, при котором действовал общественный совет (см. таблицу 2).

Таблица 1

Социальный состав общественных советов при РОИВ Свердловской области

Социальное положение	%
Руководитель или сотрудник некоммерческой неправительственной организации	41,1/1
Руководитель или сотрудник образовательного учреждения, НИИ	20,5/2
Руководитель или сотрудник частного предприятия по профилю общественного совета	15,4/3
Руководитель или сотрудник бюджетного учреждения по профилю общественного совета	5,8
Представитель профсоюзной организации по профилю общественного совета	3,8
Пенсионер	2,1
Руководитель или сотрудник СМИ	1,7
Руководитель или сотрудник бюджетного учреждения не по профилю общественного совета	0,7

Таблица 2

Социальный состав общественных советов при РОИВ Свердловской области в зависимости от сферы полномочий РОИВ

Социальное положение	%% к числу ответивших				
	Все	Социальная сфера	Экономика	Госуправление	Охрана природы
Руководитель или сотрудник некоммерческой организации (по основному месту работы)	41,1/1	48,2/1	36,7/1	54,0/1	19,4/2
Руководитель или сотрудник образовательного учреждения, НИИ	20,5/2	20,5/2	21,9/3	6,0	38,7/1
Руководитель или сотрудник частного предприятия по профилю общественного совета	15,4/3	7,2	25,8/2	6,0	9,7
Руководитель или сотрудник частного предприятия не по профилю общественного совета	8,9	7,2	7,8	10,0/2	16,1/3
Руководитель или сотрудник бюджетного учреждения по профилю общественного совета	5,8	9,6/3	1,6	8,0/3	9,7
Представитель профсоюзной организации по профилю общественного совета	3,8	4,8	3,9	4,0	0,0
Пенсионер	2,1	0,0	1,6	6,0	3,2
Руководитель или сотрудник СМИ	1,7	2,4	0,8	4,0	0,0
Руководитель или сотрудник бюджетного учреждения не по профилю общественного совета	0,7	0,0	0,0	2,0	3,2

*Примечание: Коэффициент Крамера 0,259, вероятность ошибки: 0,1%

В аналитических целях все органы власти Свердловской области были объединены в четыре группы: управление социальной сферой, управление экономикой (как промышленностью, так и сельским хозяйством), обслуживание внутренних потребностей системы государственного управления и охрана природы.

Как видно из таблицы 2, руководители и сотрудники некоммерческих неправительственных организаций являлись самой многочисленной группой в общественных советах при тех органах власти, в чьи полномочия входила социальная сфера, управление экономикой и государственным управлением.

В общественных советах при органах власти, занимающихся природоохранной деятельностью, самой многочисленной группой оказались представители академического сообщества (руководители и сотрудники вузов и НИИ). Возможно, это объясняется повышенными требованиями к компетенции членов соответствующих советов, а также недостаточным количеством общественных организаций, занимающихся экологической проблематикой, в Свердловской области.

Как и следовало ожидать, руководители и сотрудники частных предприятий чаще всего входили в состав общественных советов при органах власти, занимающихся управлением экономикой.

В таких советах эта группа составляла до трети (33,6 %) от общего числа членов (если суммировать долю представителей частных предприятий по профилю и не по профилю общественного совета). В то же время в общественных советах социальной сферы доля представителей частного сектора была в два раза ниже (14,4 %).

Если обобщить получившиеся результаты, то получается, что в целом доля экспертов-мирян превышает долю экспертов-профессионалов из академического сообщества и бизнеса. Они соотносятся примерно как 4/3 (на каждых четырех экспертов-мирян приходится три эксперта-профессионала), что свидетельствует о достаточно высоком уровне экспертной сбалансированности.

На соотношение типов экспертов влияет характер полномочий органа исполнительной власти. В советах при органах исполнительной власти, занимающихся управлением экономикой, описанное соотношение выглядит как 3/4 (на трех экспертов-мирян приходится четыре эксперта-профессионала, среди которых в том числе лоббисты крупных компаний). В советах при органах исполнительной власти, занимающихся оказанием социальных услуг

гражданам, соотношение выглядит как 5/3 (на пять экспертов-мирян три эксперта-профессионала), а в советах при органах власти, осуществляющих природоохранную деятельность – как 2/5 (на двух экспертов-мирян пять экспертов-профессионалов).

Таким образом, преобладание экспертов-мирян над экспертами-профессионалами характерно для общественных советов при органах власти, оказывающих гражданам социальные услуги.

В ходе фокусированных интервью членов общественных советов просили ответить на вопрос о том, из кого в первую очередь следует формировать общественные советы: из представителей «заинтересованных сообществ», способных донести до власти мнение конечных получателей государственных услуг («больных»), или из экспертов в той или иной сфере полномочий органа власти, которые могут донести до представителей власти мнение тех, кто оказывает государственные услуги («врачей»).

Распределение ответов на вопрос о желаемом составе общественных советов представлено в таблице 3.

Большинство (74,1 %) участников интервью оказались сторонниками разнообразия и «паритета». По их мнению, в общественные советы следует либо поровну включать профессионалов/экспертов (производителей государственных услуг) и представителей «заинтересованных сообществ» (конечных получателей услуг), Участники интервью обосновывали свою позицию следующим образом:

«Там должны быть все равно специалисты, которые разбираются в этой отрасли, которые могут проанализировать деятельность того же министерства и в чем-то помочь. Но если будут люди, … которые донесут до общественного совета и до министра, какие проблемы люди видят сегодня в этой отрасли, это тоже будет хорошо. Наверное, должен быть симбиоз».

«В совете важнее профессионалы, эксперты, а также представители общественности, имеющие должное образование (в зависимости, какой совет) либо большой опыт практической работы с целевой группой. Иными словами, врачи без инвалидов теоретически все напишут на бумаге и скажут правильно, только инвалидам это будет не нужно! И практической пользы не принесет, если до них не донести конкретные проблемы на примере хотя бы конкретного отдельно взятого инвалида».

Часть участников интервью выходили за пределы оппозиции «тот, кто предоставляет государственную услугу – тот, кто получает государственную услугу», и указывали, что состав совета должен быть максимально разнообразным:

«Мне нравится разнообразие, чем больше людей разного опыта, разных профессий – тем лучше. Это позволяет взглянуть на любой вопрос комплексно, а не с точки зрения человека определенной специальности. То есть эксперты должны быть разных направлений».

Среди участников интервью были, однако, и сторонники крайних позиций. 9,6 % опрошенных (преимущественно члены советов при органах власти экономической сферы) полагали, что общественные советы должны состоять исключительно из профессионалов-экспертов:

«Конечно, [только] эксперты! Потому что для общественных организаций, общественных людей существуют другие формы, всякие разные советы... А вот взгляд со стороны, экспертная оценка – это роль общественных советов. Поэтому в первую очередь это эксперты, которые не являются напрямую заинтересованной стороной, а являются, прежде всего, носителями разных точек зрения, соответственно они могут принести иной взгляд на проблемы, выдвинуть какой-то креативную идею, с которой можно работать другим субъектам».

Таблица 3

Представления участников интервью о желаемом составе общественных советов

Общественные советы должны состоять…	**%% от числа ответивших**
Паритет, симбиоз, баланс, «как теза и антитеза, со всех сторон»	41,9
Разнообразие (в том числе представители бизнеса, научного сообщества, общественных организаций)	32,2
Только эксперты	9,6
Только представители общественности	6,7
Главное, чтобы это были заинтересованные люди	9,6

6,7 % опрошенных, наоборот, придерживались мнения, что в составе советов должны быть именно общественники, представляющие интересы «обычных людей», так как только таким образом можно обеспечить реальное многообразие точек зрения:

«Специалисты и эксперты могут входить в какие-нибудь экспертные группы и сообщества при министерствах. А для того чтобы понимать и представлять интересы обычных людей, для них же, я так понимаю, общественные советы-то и создавались, чтобы понимать, возможность контролировать, влиять со стороны общества за этими же самыми министерствами. Вот поэтому должны входить туда все-таки представители общественных организаций».

Участники интервью постоянно подчеркивали исключительную важность компетентности членов общественных советов. Самый негативный образ члена общественного совета, который у них имеется, это активный, но малокомпетентный человек, не понимающий специфики деятельности органов власти и той сферы деятельности, которой этот орган занимается:

«Предлагаются такие решения, которые идут вообще вразрез законодательству! Люди не знают реально работающих норм. Просто вот, даже на заседании общественного совета, когда стратегию, концепцию обсуждали, эти люди были приглашены, представители вот просто общественности, организаций. Это получился ликбез! Им объясняли, что это надо делать так, что это есть возможность сделать, если пойти вот таким путем, а это вот невозможно».

По ответам участников интервью можно реконструировать представление об идеальном члене общественного совета: активном, конструктивно настроенном, обладающим высоким уровнем компетентности. Такие члены могут представлять самые разные «заинтересованные сообщества» или быть профессионалами / экспертами.

Обсуждение результатов. При формировании общественных советов и региональная Общественная палата, и руководство органов исполнительной власти ориентированы на две основные группы экспертов: экспертов-профессионалов из академического сообщества и частного бизнеса и экспертов-мирян из гражданского общества. При этом наблюдается тенденция к преобладанию экспертов-мирян над экспертами-профессионалами.

Можно предположить, что это объясняется тем, что половина членов общественных советов выдвигается Общественной палатой Свердловской области (и еще четверть утверждается из числа представителей НКО при ее активном участии). Общественная палата, как и следовало ожидать, оказывает предпочтение представителям гражданского общества (о чем свидетельствует Положение о консультантах-экспертах Общественной палаты Свердловской области).

Кроме влияния Общественной палаты, на экспертную сбалансированность общественных советов влияет то, какая сфера жизни общества входит в полномочия того или иного органа власти. Сильнее всего преобладание экспертов-мирян выражено в общественных советах при органах власти социальной сферы, слабее всего – в общественных советах при органах власти, занимающихся природоохранной деятельностью.

Сами члены экспертных советов являются скорее сторонниками «паритета» между экспертами-мирянами и экспертами-профессионалами, или отстаивают необходимость «разнообразия при формировании общественных советов». Компетентность выступает для них как важнейшая характеристика члена общественного совета, а малокомпетентные члены вызывают резкую критику.

Выводы. Проблема экспертной сбалансированности общественных советов решается по-разному в зависимости от того, какие задачи решает региональный орган исполнительной власти. Если для органов власти, действующих в социальной сфере, характерно преобладание экспертов-мирян над экспертами-профессионалами, то для органов власти, регулирующих экономическую сферу – наоборот, преобладание экспертов-профессионалов.

Также установление экспертной сбалансированности в общественных советах зависит от того, в какой мере на формирование этих советов влияет региональная Общественная палата как институциализированный представитель гражданского общества региона.

Данный вывод нуждается в дальнейшем подтверждении, поэтому представля-

ется целесообразным провести анализ состава общественных советов при органах исполнительной власти других субъектов федерации, входящих в состав Уральского федерального округа. Как правило, органы исполнительной власти этих субъектов федерации имеют меньшие возможности по привлечению экспертов-профессионалов и экспертов-лоббистов, чем органы исполнительной власти Свердловской области. Соответственно, и полномочия Общественных палат в этих регионах сужены по сравнению с полномочиями Общественной палаты Свердловской области.

ЛИТЕРАТУРА

1. Eisenhardt K. M. Agency theory: An assessment and review // Academy of Management and Review. 1989. Vol. 1. № 14. P. 57–74.

2. Gill N. Permanent Advisory Committees in the Federal Government // The Journal of Politics. 1940. Vol. 2. № 4. P. 411–435.

3. Оболонский А. В. Кризис эффективности административно-бюрократического государства и поиски выхода: опыт США (эволюция теории и практики государственного управления в последние десятилетия) // Вопросы государственного и муниципального управления. 2014. № 2. С. 145–170.

4. Барабашев А. Г. Кризис системы государственного управления и его влияние на основные административные парадигмы государства и бюрократии // Вопросы государственного и муниципального управления. 2016. № 3. С. 163–194.

5. Osborne S. The New Public Governance? // Public Management Review. 2006. V. 8. No 3. P. 377–387.

6. Brown M. B. Fairly Balanced: The Politics of Representation on Government Advisory Committees // Political Research Quarterly. 2008. No 61 (4). P. 547–561.

7. The Federal Advisory Committee Act [электронный ресурс] // U.S. House of Representatives. 1972. October 6. URL: https://www.gsa.gov/cdnstatic/FACA-Statute-2013.pdf (дата обращения 30.05.2019).

8. Stark A. What is Balanced Committee? Democratic Theory, Public Law, and the Question of Fair Representation on Quasi-Legislative Bodies // Ethnicity and Group Rights. N.Y., New York Univ. Press. 1997. P. 377–418.

9. Karty K. D. Membership balance, open meetings and effectiveness in federal advisory committees // American Review of Public Administration. 2005. Vol. 35. No 4. P. 414–435.

10. Нужнова С. Л. Развитие гражданского общества посредством становления и функционирования института общественных советов при государственных органах // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2015. № 1. С. 115–121.

11. Щербина М. В. Общественные советы при органах исполнительной власти: социальная экспертиза и контроль // Власть. 2015. № 3. С. 129–133.

12. Гарифуллина Г. А. Совещательные органы при федеральных ведомствах: политическая роль экспертного знания: дис. … кандидата политических наук. М., 2013.

13. Дьякова Е. Г., Трахтенберг А. Д. Общественные советы при исполнительных органах власти: рецепция федерального законодательства на региональном уровне (на примере Уральского федерального округа) // Российский юридический журнал. 2016. № 2. С. 68–77.

14. Об основах общественного контроля в Российской Федерации: федеральный закон от 21 июля 2014 г. N 212-ФЗ // Российская газета. 2014, 23 июля.

15. Стандарт деятельности общественных советов при федеральных органах исполнительной власти (Типовое положение): утв. Протоколом № 3 заочного голосования Правительственной комиссии по координации деятельности открытого правительства от 24 июня 2015 года [электронный ресурс]. URL: http://mert.tatarstan.ru/file/File/alsu%20mert/ (дата обращения 30.05.2019).

16. Стандарт деятельности общественных советов при федеральных органах исполнительной власти (Типовое положение): утв. решением Совета Общественной палаты Российской Федерации № 55-С от 5 июля 2018 г. [Электронный документ]. URL: http://minsport.gov.ru/function/wp-content/uploads/2018/08/Standart._Utverzhdennyy_var._05.07.2018.pdf (дата обращения 30.05.2019).

17. Закон Свердловской области от 19 декабря 2016 года № 151-ОЗ «Об общественном контроле в Свердловской области» [электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL:

http://docs.cntd.ru/document/429088309 (дата обращения 30.05.2019).

18. Положение о консультантах-экспертах Общественной палаты Свердловской области (утверждено советом Общественной палаты Свердловской области 27 февраля 2015 года) [электронный ресурс]. URL: http://www.opso66.ru/upload_files/polozhenie-o-konsultantakh-ekspertakh-obshchestvennoy-palaty-sverdlovskoy-oblasti.pdf (дата обращения 30.05.2019).

COMMUNITY COUNCILS AFFILIATED WITH REGIONAL EXECUTIVE AUTHORITIES: HOW TO ENSURE EXPERT BALANCE? (BY THE EXAMPLE OF THE SVERDLOVSK REGION)

E. G. Dyakova
Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy
of Sciences
Ekaterinburg, Russia

A. D. Trakhtenberg
Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy
of Sciences
Ekaterinburg, Russia

ABSTRACT: the article is devoted to the analysis of the composition of public councils affiliated with executive authorities from the point of view of the relationship between experts-professionals who possess specialized (including scientific) knowledge about a particular field of activity of the authorities, and lay experts who have life experience related to this area, including the experience of solving problems and protecting their interests, i.e. are representatives of "concerned communities".

The methodological basis of the article is the approach to advisory bodies as a tool for solving the problem of "principal-agent", which allows us to distinguish two main groups of experts. The analysis is complex. The article analyzes legal framework governing the development of public councils in Sverdlovsk region and quantitative analysis of the composition of public councils (based on the lists of members of public councils affiliated with the executive bodies of Sverdlovsk region, available on the open Internet). Additionally, the results of a series of focused interviews conducted with leaders and members of public councils were used.

According to the results of the study, it was concluded that in the public councils of the Sverdlovsk region there is a tendency to the predominance of lay experts over professional ones. The Public chamber of Sverdlovsk region has a significant influence on the development of public councils (it nominates half of the members), opting for representatives of interested communities. In addition, the composition of public councils depends on what sphere the sphere of life of society is included in the powers of a particular authority. The predominance of lay experts is in the public councils of social sphere. The members of the expert councils themselves are rather supporters of "parity» between lay experts and professional ones. Competence is the most important characteristic of a member of the public Council, and low-qualified members cause sharp criticism.

Scientific novelty lies both in the approach to advisory bodies as a tool for solving the "principal-agent" problem, and in the analysis of the composition of public councils from the standpoint of expert balance. Such an analysis at the regional level was carried out for the first time in the Russian literature.

The article is based on the results of the project "Public councils in executive bodies: development and efficiency of the activity (by the example of Sverdlovsk region)", supported by the Fund of presidential grants.

KEYWORDS: community councils, composition, experts-professionals, experts, laymen, expert balance.

AUTHORS' INFORMATION: Elena G. Dyakova, Dr. Sci. (Political), Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
16/907, S. Kovalevskaya st., Ekaterinburg, 620990, Russia, gf-urfo@bk.ru.

Anna D. Trakhtenberg, Cand. Sci. (Political), Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
16/907, S. Kovalevskaya st., Ekaterinburg, 620990, Russia, cskiit@yandex.ru.

FOR CITATION: Dyakova E. G., Trahtenberg A. D. Community councils affiliated with regional executive authorities: how to ensure expert balance? (by the example of Sverdlovsk region) // Management Issues. 2019. № 3 (39). P. 27-38.

REFERENCES

1. Eisenhardt K. M. Agency theory: An assessment and review // Academy of Management and Review. 1989. Vol. 1, № 14. PP. 57–74 – (In Eng.).

2. Gill N. Permanent Advisory Committees in the Federal Government // The Journal of Politics/ 1940. Vol. 2, № 4. PP. 411–435 – (In Eng.).

3. Obolonsky A. V. Crisis of efficiency of the administrative-bureaucratic state and the search for a way out: the experience of the United States (the evolution of the theory and practice of public administration in recent decades). 2014. № 2. P. 145-170 [Obolonskiy A. V. Krizis effektivnosti administrativno-byurokraticheskogo gosudarstva i poiski vykhoda: opyt SShA (evolyutsiya teorii i praktiki gosudarstvennogo upravleniya v poslednie desyatiletiya) // Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. 2014. № 2. S. 145–170] – (In Rus.).

4. Barabashev A. G. Crisis of public administration and its impact on the main administrative paradigms of the state and bureaucracy // Issues of public administration. 2016. № 3. P. 163-194 [Barabashev A. G. Krizis sistemy gosudarstvennogo upravleniya i ego vliyanie na osnovnye administrativnye paradigmy gosudarstva i byurokratii // Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. 2016. № 3. S. 163–194] – (In Rus.).

5. Osborne S. The New Public Governance? // Public Management Review. 2006. V. 8. No 3. P. 377–387 – (In Eng.).

6. Brown M. B. Fairly Balanced: The Politics of Representation on Government Advisory Committees // Political Research Quarterly. 2008. No 61 (4). P. 547–561– (In Eng.).

7. The Federal Advisory Committee Act [электронный ресурс] // U.S. House of Representatives. 1972. October 6. URL: https://www.gsa.gov/cdnstatic/FACA-Statute-2013.pdf (дата обращения 30.05.2019).

8. Stark A. What is Balanced Committee? Democratic Theory, Public Law, and the Question of Fair Representation on Quasi-Legislative Bodies // Ethnicity and Group Rights. N.Y., New York Univ. Press. 1997. P. 377–418.

9. Karty K. D. Membership balance, open meetings and effectiveness in federal advisory committees // American Review of Public Administration. 2005. Vol. 35. No 4. P. 414–435.

10. Nuzhnova S. L. Development of civil society through the establishment and functioning of the Institute of public councils under state bodies // State and municipal administration. Proceedings of the SKAGS. 2015. № 1. P. 115-121 [Nuzhnova S. L. Razvitie grazhdanskogo obshchestva posredstvom stanovleniya i funktsionirovaniya instituta obshchestvennykh sovetov pri gosudarstvennykh organakh // Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS. 2015. № 1. S. 115–121.] – (In Rus.).

11. Shcherbina M. V. Public councils under executive authorities: social expertise and control // Power. 2015. № 3. P. 129-133 [Shcherbina M. V. Obshchestvennye sovety pri organakh ispolnitel'noy vlasti: sotsial'naya ekspertiza i kontrol' // Vlast'. 2015. № 3. S. 129–133] – (In Rus.).

12. Garifullina A. G. Advisory bodies under Federal agencies: political role of expert knowledge: Thesis for a Candidate Degree in Political Science. M., 2013 [Garifullina A. G. Soveshchatel'nye organy pri federal'nykh vedomstvakh: politicheskaya rol' ekspertnogo znaniya: dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni kandidata politicheskikh nauk. M., 2013.] – (In Rus.).

13. Dyakova E. G., Trachtenberg A. D. Public councils under executive authorities: reception of the Federal legislation at the regional level (by the example of the Ural Federal district) // Russian journal of law. 2016. № 2. P. 68-77 [D'yakova E. G., Trakhtenberg A. D. Obshchestvennye sovety pri ispolnitel'nykh organakh vlasti: retseptsiya federal'nogo zakonodatel'stva na regional'nom urovne (na primere Ural'skogo federal'nogo okruga) // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. 2016. № 2. S. 68–77] – (In Rus.).

14. On the public control fundamentals in the Russian Federation: the Federal law of July 21, 2014 № 212-FL // Russian newspaper. July 23, 2014 [Ob osnovakh obshchestvennogo kontrolya v Rossiyskoy Federatsii: federal'nyy zakon ot 21 iyulya 2014 g. N 212-FZ // Rossiyskaya gazeta. 2014, 23 iyulya] – (In Rus.).

15. Standard for the activity of public councils at Federal executive authorities (Model provision)" (Approved by Protocol № 3 online voting of the Government Commission for coordination of the activities of the open government dated June 24, 2015) [electronic resource]. URL: http://mert.tatarstan.ru/file/File/alsu%20mert/ (date of reference 30.05.2019) [Standart deyatel'nosti obshchestvennykh sovetov pri federal'nykh organakh ispolnitel'noy vlasti (Tipovoe polozhenie) (utv. Protokolom № 3 zaochnogo golosovaniya Pravitel'stvennoy komissii po koordinatsii deyatel'nosti otkrytogo pravitel'stva ot 24.06.2015) [elektronnyy resurs]. URL: http://mert.tatarstan.ru/file/File/alsu%20mert/ (data obrashcheniya 30.05.2019)] – (In Rus.).

16. Standard of activity of public councils at Federal executive authorities (Model provision) (Approved by the decision of the Council of the Public chamber of the Russian Federation № 55-C of July 5, 2018 [electronic resource]. URL: http://minsport.gov.ru/function/wp-content/uploads/2018/08/Standart._Utverzhdennyy_var._05.07.2018.pdf (date of reference 30.05.2019) [Standart deyatel'nosti obshchestvennykh sovetov pri federal'nykh organakh ispolnitel'noy vlasti (Tipovoe polozhenie) (utv. resheniem Soveta Obshchestvennoy palaty Rossiyskoy Federatsii № 55-S ot 5 iyulya 2018 g. [Elektronnyy dokument]. URL: http://minsport.gov.ru/ function/wp-content/uploads/2018/ 08/Standart._Utverzhdennyy_var._05.07.2018.pdf (data obrashcheniya 30.05.2019)] – (In Rus.).

17. Regulation of the Sverdlovsk Region of December 19, 2016 № 151-OL "On public control in the Sverdlovsk region" [electronic resource] // Official Internet portal of legal information. URL: http://docs.cntd.ru/ document/429088309 (date of reference 30.05.2019) [Zakon Sverdlovskoy oblasti ot 19 dekabrya 2016 goda № 151-OZ «Ob obshchestvennom kontrole v Sverdlovskoy oblasti» [elektronnyy resurs] // Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii. URL: http://docs.cntd.ru/document/429088309 (data obrashcheniya 30.05.2019)] – (In Rus.).

18. Regulation on consultants-experts of the Public chamber of the Sverdlovsk region (approved by the Council of the Public chamber of the Sverdlovsk region on February 27, 2015) [electronic resource]. URL: http://www.opso66.ru/upload_files/polozhenie-o-konsultantakh-ekspertakh-obshchestvennoy-palaty-sverdlovskoy-oblasti.pdf (date of reference 30.05.2019) [Polozhenie o konsul'tantakh-ekspertakh Obshchestvennoy palaty Sverdlovskoy oblasti (utverzhdeno sovetom Obshchestvennoy palaty Sverdlovskoy oblasti 27 fevralya 2015 goda) [elektronnyy resurs]. URL: http://www.opso66.ru/upload_files/polozhenie-o-konsultantakh-ekspertakh-obshchestvennoy-palaty-sverdlovskoy-oblasti.pdf (data obrashcheniya 30.05.2019)] – (In Rus.).

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПУБЛИЧНЫХ ЭЛЕКТРОННЫХ УСЛУГ: АСПЕКТ ПУБЛИЧНОСТИ

УДК [33:351]:004 *ГСНТИ 82.13.01*
ББК 67.401с51 *Код ВАК 23.00.02*
DOI: 10.22394/2304-3369-2019-3-39-45

С. Г. Еремеев
Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия
AuthorID: 318760

Ю. М. Большакова
Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия
AuthorID: 875873

АННОТАЦИЯ: Целью настоящей статьи является концептуализация публичных электронных услуг. Отмечается, что в исследованиях электронного правительства определение «публичный» в большинстве случаев используется как термин, не требующий пояснений и, по умолчанию, означает, что электронная услуга предоставляется организацией государственного сектора. Тем не менее, термин «публичный» не так очевиден, как может показаться на первый взгляд. Что касается информационных систем, то термин «public» также может быть истолкован как относящийся к системам, которые «доступны для общего пользования», включая все услуги, которые могут быть доступны общественности, следовательно, речь здесь идет также и о частных электронных услугах.

В качестве методологии и основных методов авторами были использованы: интерпретативный подход; междисциплинарный подход; последовательная конвергенция содержательных смыслов, стоящих за каждым элементом лингвистической конструкции «электронные публичные услуги», метод анализа и синтеза.

Научная новизна заключается в критическом анализе и интерпретации аспекта публичности электронных публичных услуг.

По результатам исследования предложена новая интерпретация и толкование аспекта публичности электронных услуг. При этом в исследовании преследовалась двоякая цель: во-первых, исследовать публичные электронные услуги с междисциплинарной точки зрения и, во-вторых, предложить широкую концептуальную основу для понимания исследуемого феномена – публичных электронных услуг. Учитывая междисциплинарный характер исследований электронного правительства и сложность самого феномена электронной государственной услуги, мы не считаем, что целесообразно пытаться сформулировать одно общее, универсальное определение того, что означает публичная электронная услуга. Здесь возможна разная детализация и уровень абстракции в зависимости от конкретной цели исследования и дисциплинарной принадлежности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: публичная услуга, электронная публичная услуга, общественная услуга, функциональный и экономический монополизм, публичное благо.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Станислав Германович Еремеев, доктор экономических наук, профессор, ректор, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
196605, Россия, г. Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, д. 10, eremeev.lengu.ru@gmail.com.

Юлия Михайловна Большакова, кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт политической психологии и прикладных политических исследований, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
196605, Россия, г. Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, д. 10, academy.prof.com@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Еремеев С. Г., Большакова Ю. М. Концептуализация публичных электронных услуг: аспект публичности // Вопросы управления. 2019. № 3 (39). С. 39—45.

© С. Г. Еремеев, Ю. М. Большакова, 2019

Рассмотрением аспекта публичности, которому посвящена данная работа, мы завершаем цикл статей, объединенных общей целью концептуализации публичных электронных услуг.

Актуальность исследования этого аспекта объясняется управленческим аспектом, который не отражен в терминологической конструкции, вынесенной в заголовок статьи, но незримо присутствует и является объединяющим началом для всех трех исследуемых элементов этой конструкции. Это становится достаточно очевидным, если принять во внимание, что процесс производства-потребления публичной электронной услуги может рассматриваться как акт публичного управления.

В исследованиях электронного правительства определение «публичный» в большинстве случаев используется как термин, не требующий пояснений и, по умолчанию, означает, что электронная услуга предоставляется организацией государственного сектора. Тем не менее, термин «публичный» не так очевиден, как может показаться на первый взгляд. Что касается информационных систем, то термин «public» также может быть истолкован как относящийся к системам, которые «доступны для общего пользования», включая все услуги, которые могут быть доступны общественности, следовательно, речь здесь идет также и о частных электронных услугах [1, с. 81]. Л. Орман определяет публичные информационные системы как «системы, предназначенные для использования широкой общественностью, а не специалистами в определенной области или организации» [2]. Б. Бозман и С. Бретшнайдер отмечают, что существуют важные различия между публичными и частными информационными системами, в то же время Б. Бозман называет «все организации публичными» в той мере, в которой они осуществляют политическую власть или ограничены ею» [3, с. 477].

Определение систем общественной информации как информационных систем, доступных для общественного пользования (независимо от того, принадлежит ли информационная система общественному или частному сектору), актуализирует ряд важных вопросов, таких как: 1. Что такое «общественное использование»? 2. Имеют ли общедоступные информационные системы доступ только к общедоступным данным? 3. Должны ли общественные информационные системы (и их результаты) быть общественными благами? 4. В какой степени публичные информационные системы связаны с государственными органами и учреждениями? [1, с. 82].

А. Скупола выделяет электронные услуги, предоставляемые государственными организациями и «государственно-частные» электронные услуги. Он утверждает, что этот тип электронных услуг является одним из четырех основных групп электронных услуг, охватываемых одним и тем же общим определением, остальные три группы включают в себя электронные услуги, оказываемые «бизнесом для бизнеса», «бизнесом для потребителя» и «потребителем для потребителя» [4, с. 7]. Другие исследователи проводят различие между государственными и частными электронными услугами, признавая различия между этими двумя типами организаций.

Следует отметить, что несмотря на растущий объем исследований, пытающихся на протяжении многих лет провести различие между государственными и частными организациями, этот вопрос все еще остается спорным и его еще только предстоит решить. До сих пор не сложилось окончательного понимания их сходства и различий, и научные дискуссии, посвященные этим двум типам организаций, в основном, сосредоточились на поиске различий, а не сходств. Определение «публичный» довольно часто используется для артикуляции этого различия, но лишь немногие исследователи подходят к такого рода артикуляции тщательно и обоснованно. Нужно также отметить, что значение определения «публичный» становится все труднее артикулировать ввиду растущей вовлеченности частных лиц в предоставление государственных услуг.

Организация услуг государственного сектора (публичных услуг) может варьироваться в отношении собственности, финансирования и производства. Это означает, что услуги государственного сектора могут быть, например, государственными в отношении владения и финансирования, но частными в отношении производства [5, с. 167]. В результате граница между частным и публичным становится все менее заметной.

Тем не менее, хотя эти два сектора в контексте оказания публичных услуг становятся все более взаимосвязанными, целый ряд авторов признает, что существуют также фундаментальные различия, которые нельзя нивелировать. Это означает разделение между двумя концепциями: электронная коммерция / электронный бизнес и электронное правительство [5, с. 167], иными словами, применение определения «публичные» к термину «электронные услуги» отражает, что публичные организации обладают определенными характеристиками, которые должны быть приняты во внимание при разработке и изучении электронных услуг.

Публичные организации в таком случае могут быть определены как официальные государственные организации, которые принимают решения и организуют различные виды государственного управления, например государственные органы, министерства, муниципалитеты или региональные органы власти. Государственные услуги определяется как услуги, предоставляемые государственными организациями гражданам, как коллективно, так и индивидуально, либо напрямую, либо путем финансирования частных поставщиков [6].

Важно признать, что организации государственного сектора не являются единообразными; они различаются по функциям и структуре, а также по административному уровню (местный, региональный и федеральный уровни)

Тем не менее, можно указать определенные элементарные характеристики, которые присущи всем государственным (публичным) организациям.

И. Линдгрен и Д. Джэнсон делают различение публичных и частных электронных услуг по следующим основным признакам: по общественному духу, монопольному характеру и роли пользователей [5].

Самым фундаментальным отличием между государственными и частными организациями является тот факт, что публичные организации, по крайней мере косвенно, работают на всех граждан. Общественные организации, таким образом, несут ответственность перед публично избранным руководством. То обстоятельство, что общественные организации руководствуются логикой общественного духа (интереса), отмечают также Марч, Олсен, Питерс. [7; 8].

В то же время понятие «общественный интерес» часто определяется как слишком «туманное» и «неоднозначное» [9, с. 3, 8], понятие, которое широко используется, но плохо определено [10]. Б. Бозман подтверждает, что «…общественный интерес – это загадка ... почти каждый убежден, что общественный интерес имеет жизненно важное значение в государственной политике и управлении, но есть мало согласия относительно того, что это такое» [11, с. 84].

В соответствии с логикой общественного интереса, главная цель общественных организаций состоит в том, чтобы служить обществу, обеспечить общественный и, следовательно, коллективный интерес и, таким образом, воплощать общее чувство ответственности за служение социальной справедливости и общему благу, при этом учитываются как экономические, так и демократические ценности.

Экономические ценности в основном основаны на сбалансированности использования ресурсов в соответствии с набором экономических целей и существующих ограничений, в то время как демократические ценности основаны на общественных правах и верховенстве закона, закреплены в конституции. Оба типа ценностей предполагают и дополняют друг друга – общественные организации должны быть законными и эффективными, принимая при этом во внимание сбалансированность ряда иногда противоречивых и неоднозначных целей.

Второе фундаментальное отличие касается свободы выбора поставщиков услуг. Государственные организации обычно действуют как монополисты, в ситуации, когда отношения с гражданами асимметричны [12], асимметрия отношений сохраняется и в частном секторе, но с той существенной поправкой, что она обуславливается приоритетом уже потребителя.

Эта монополия может быть обусловлена двумя основными причинами: первую можно назвать функциональным монополизмом, когда оказываемые государственные услуги являются продолжением функций государства, на которые государство имеет монополию (оборона, безопасность, распределительные функции). Монополизм второго рода (экономический монополизм) обусловлен экономическими причинами: даже в тех случаях, когда та или иная услуга может оказываться наряду с государством

также частными поставщиками, последние оказываются недоступны по экономическим причинам для бедных слоев населения (сфера социального обеспечения).

Более того, даже в тех случаях, когда государственные услуги осуществляются в сотрудничестве с частными компаниями, и, вроде бы, предлагают свободу выбора между государственными, частными или другими поставщиками услуг, эти поставщики обычно выбираются посредством государственных закупок или других способов централизованного подбора акторов. Таким образом, государственные услуги предоставляются не на свободном рынке, а скорее, на квазирынке, где выбор потребителя ограничен [13]. Важно отметить, что государственные услуги отличаются от частных и по своему характеру. Такие услуги, как уход за пожилыми людьми и различные социальные пособия, представляют собой особый вид государственных услуг. Они обычно более сложны и требуют корректировки, учета конкретных ситуаций, в отличие от коллективно предоставляемых государственных услуг, таких как уличное техническое обслуживание и водоснабжение. В случае сложных по своему характеру услуг не так легко опереться на формализованный набор правил, что дает государственным чиновникам высокую степень маневра в своих действиях по отношению к потребителю [14], при этом вопросы подотчетности и ответственности становятся трудно решаемыми задачами. Граждане в этих ситуациях становятся сильно зависимыми от государственных услуг, определяющих их средства к существованию.

Вместе с тем, важно отметить, что в развитых демократиях негативные проявления справедливо отмеченного монополизма могут быть минимизированы. Это может быть объяснено на основе институциональной теории соглашений, под соглашениями при этом понимаются неформальные институты, действующие в той или иной сфере социальной жизни. Нахождение субъектов взаимодействия в рамках двух или более соглашений приводит к созданию синтетических норм, задачей которых является минимизация издержек согласования. В данном случае государство и общество являются агентами одновременно и рыночного соглашения, и соглашения об общественном мнении [15, с. 40–41]. В этих условиях для поддержания своей репутации в глазах общества как потребителя государственных услуг, государство минимизирует негативные последствия упомянутого монополизма, обеспечивая надлежащее качество производимых им услуг.

Третье различие между государственными и частными организациями заключается в том, что пользователь государственных услуг рассматривается не просто как потребитель, но, в первую очередь, как гражданин, имеющий определенные конституционные права, обеспечиваемые через верховенство закона и справедливое распределение социальных ресурсов.

Соответственно, если говорить о государственных организациях, то существует политический и общественный характер предоставления услуг этими организациями, в силу чего роль клиента как потребителя не отражает все их особенности [16].

В свою очередь, различаются и основы легитимности для государственных и частных организаций. На идеальном частном рынке все контракты являются добровольными и все акторы имеют равный статус. Решения, принимаемые частными организациями, предполагают, что никого не обязывают ни продавать, ни покупать, и они основаны на свободе выбора и собственной ответственности. Обязательные, монополизированные или квазирыночные задачи общественных организаций означают, что общественные решения должны базироваться на иных основаниях, а именно, на основе соблюдения верховенства закона и справедливого распределения социальных ресурсов. Производимые таким образом услуги имеют большое значение, поскольку по их качеству граждане судят об эффективности политической системы, а формируемый при этом канал связи можно рассматривать как основной [17; 15, с. 41].

Хотя обе эти картины частного и государственного секторов идеализированы, тем не менее они хорошо иллюстрируют различные требования, предъявляемые к поставщикам публичных услуг.

Следует отметить, что логика, которой руководствуются некоторые из перечисленных авторов, выводя публичность государственной услуги на основании того, кем производится эта услуга (государственная или частная услуга), с последующим перечислением достаточно умозрительно выве-

денных их различий, не лишена некоторых изъянов. Например, выше уже критиковалась аргументация, касающаяся монопольного характера производимой государственной услуги. На наш взгляд, более строгим обоснованием публичности государственных услуг является их выведение из того, обладают ли они необходимыми свойствами публичности.

Напомним, что к таким свойствам относятся: отсутствие соперничества и неисключительный характер потребления блага. Отсутствие соперничества в данном случае означает, что потребление публичного блага одним лицом не уменьшает количества этого доступного публичного блага для потребления другим лицом. Под неисключительным характером понимается то, что ни одно лицо не может быть отстранено от потребления соответствующего публичного блага [18]. Это, в свою очередь, определяет, каким функционалом должен обладать поставщик услуг, обладающий перечисленными свойствами и, соответственно, к какому типу: государственному или частному, он должен принадлежать.

Строго говоря, в реальных условиях существования ограничений, абсолютное соблюдение этих условий трудновыполнимо без осуществления распределительной функции, которую в полной мере (благодаря монополии на насилие) может осуществить только государство. Таким образом, только государство и может быть истинным поставщиком публичных услуг.

В свете сказанного, в методологических целях важно ввести различение между публичной (государственной) и общественной услугами. Последняя может быть осуществлена общественной организацией в общественных интересах, но для ограниченного количества лиц. При этом не каждая государственная услуга является публичной, но каждая публичная услуга является государственной.

Данная работа была посвящена критическому обзору и анализу литературы по электронным услугам в государственном секторе. При этом преследовалась двоякая цель: во-первых, исследовать публичные электронные услуги с междисциплинарной точки зрения и, во-вторых, предложить широкую концептуальную основу для понимания исследуемого феномена – публичных электронных услуг. Учитывая междисциплинарный характер исследований электронного правительства и сложность самого феномена электронной государственной услуги, мы не считаем, что целесообразно пытаться сформулировать одно общее, универсальное определение того, что означает публичная электронная услуга. Здесь возможна разная детализация и уровень абстракции в зависимости от конкретной цели исследования и дисциплинарной принадлежности.

Таким образом, задача состоит не столько в формировании общего понимания публичных электронных услуг, а в том, чтобы структурировать понимание концепции, то есть выявить существенные элементы и их взаимосвязи, аспекты и противоречия и тем самым привнести определенный порядок.

Важно и другое обстоятельство, отмеченное К. Корели и Д. Джойя: исследования в области электронного правительства, как правило, ориентированы на практику и, следовательно, тесно связаны с внедрением электронного правительства на практике [19].

Однако при исследовании электронного правительства следует сохранить эту тесную связь, не попадая в ловушку чрезмерного или преждевременного нормирования, имеющего цель удовлетворить практические цели. При разработке нормативных актов для практики электронного правительства необходимо помнить, что то, как риторически интерпретируется что-то, часто влияет на то, как это реализуется на практике [20].

С другой стороны, расплывчатая концептуализация электронных публичных услуг может приводить к расплывчатому пониманию их, и, как следствие, к плохой практической реализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Sundgren B. What is a public information system // International Journal of Public Information Systems. 2005. 1. PP. 81–99.

2. Orman Levent V. Public Information Systems // Information Society. 1989. 6: 1/2.

3. Bozeman B., Bretschneider S. Public Management Information Systems: Theory and Prescription // Public Administration Review. 1986. №46. PP. 475–487.

4. Scupola A., Henten A., Nicolajsen H. W. E-Services: Characteristics, Scope and Concep-

tual Strengths // International Journal of E-Services and Mobile Applications. 2009. 1(3). PP. 1–16.

5. Lindgren I., Jansson G. Ecectronic services in the public sector: A conceptual framework // Government Information Quarterly. 2013.30:2. PP. 163–172.

6. Christensen T., Lægrid P., Roness P. G., Røvik K. A. Organisationsteori för offentlig sector. Malmö: Liber. 2005.

7. March J. G., Olsen J. P. Democratic Governance. New York: The Free Press. 1995.

8. Peters G. B. The Politics of Bureaucracy. London: Routledge. 2001.

9. Johnston J. Public Relations and the Public Interest. New York: Routledge. 2016.

10. Wheeler C. The public interest: we know it's important, but do we know what it means. In Creyke R. and Mantel A. (eds). AIAL Forum 48. Australian Institute of Administrative Law. 2006. PP. 12–26.

11. Bozeman B. Public Values and Public Interest: Counterbalancing Economic Individualism. Washington, DC: Georgetown University Press. 2007.

12. Rothstein B. Välfärdsstat, förvaltning och legitimitet. Politik som organization. Stockholm: SNS Förlag. 2010.

13. Le Grand J., Bartlett W. The theory of quasi-markets. In Quasi-markets and social policy. Le Grand, J. and Bartlett W. (Eds.). Basingstoke, UK: Macmillan Press. 1993.

14. Lipsky M. Street-level Bureaucracy: Dilemmas of the Individual in Public Services. New York: Russell Sage Foundation. 1980.

15. Большакова Ю. М. Теория и практика реформирования сферы государственных и муниципальных услуг в развивающихся странах. – Сыктывкар, 2016.

16. Fountain J. Paradoxes of Public Sector Customer Service // Governance. 2001. 14:1. P. 55–73.

17. Scharpf F. Governing in Europe: Effective and Democratic? Oxford: Oxford University Press). 1999.

18. Nordhaus W. D. Paul Samuelson and Global Public Goods (A commemorative essay for Paul Samuelson) [Electronic resource]. URL: http://www.econ.yale.edu/~nordhaus/homepage/PASandGPG.pdf

19. Corley K., Gioia D. Building theory about theory building: what constitutes a theoretical contribution? 2011 // Academy of Management Review 36:1. PP. 12–32.

20. Røvik K. A. Moderna organisationer: trender inom organisationstänkandet vid millennieskiftet. Malmö: Libe. 2000.

CONCEPTUALIZATION OF PUBLIC ELECTRONIC SERVICES: PUBLICITY ASPECT

S. G. Eremeev
Pushkin Leningrad State University,
Saint-Petersburg, Russia

Yu. M. Bolshakova
Pushkin Leningrad State University,
Saint-Petersburg, Russia

ABSTRACT: the purpose of this article is conceptualization of public electronic services. It is noted that in e-government studies, the definition of "public" is used in most cases as a term that does not require explanation and, by default, means that the e-service is provided by a public sector organization. However, the term "public" is not as obvious as it might seem at first glance. With regard to information systems, the term "public" may also be interpreted as referring to the systems that are "available to the public", including all the services that may be available to the public, hence private electronic services are also referred to.

As a methodology and principal methods the authors used: an interpretive approach; an interdisciplinary approach; a consistent convergence of denotative meanings of each element of the linguistic construction "electronic public services", a method of analysis and synthesis.

Scientific novelty is in the critical analysis and interpretation of the aspect of publicity of electronic public services.

According to the results of the study, a new interpretation and interpretation of the aspect of the publicity of electronic services are proposed. The purpose of the study was twofold: first, to explore public electronic services from an interdisciplinary point of view and, second, to offer a broad conceptual framework for understanding the researched phenomenon – public electronic services. Taking into account interdisciplinary nature of e-government research and the complexity of the e-

government service phenomenon itself, we do not believe that it is appropriate to try to formulate a single, universal definition of what public e-service means. There may be different level of detail and abstraction depending on the specific purpose of the research and disciplinary affiliation.

KEYWORDS: public service, electronic public service, public service, functional and economic monopolism, public good.

AUTHORS' INFORMATION: Stanislav G. Eremeev, Dr. Sci. (Economics), Professor, rector, Pushkin Leningrad State University,
10, Pushkin hwy., St. Petersburg, 196605, Russia, eremeev.lengu.ru@gmail.com.

Yuliya M. Bolshakova, Cand. Sci. (Political), Senior Researcher, Leningrad State University,
10, Pushkin hwy., St. Petersburg, 196605, Russia, academy.prof.com@gmail.com.

FOR CITATION: Eremeev S. G., Bolshakova Yu. M. Conceptualization of public electronic services: publicity aspect // Management Issues. 2019. № 3 (39). P. 39—45.

REFERENCES

1. Sundgren B. What is a public information system // International Journal of Public Information Systems. 2005. 1. P. 81–99.
2. Orman Levent V. Public Information Systems // Information Society. 1989. 6: 1/2.
3. Bozeman B., Bretschneider S. Public Management Information Systems: Theory and Prescription // Public Administration Review. 1986. №46. P. 475–487.
4. Scupola A., Henten A., Nicolajsen H. W. E-Services: Characteristics, Scope and Conceptual Strengths // International Journal of E-Services and Mobile Applications. 2009. 1(3). P. 1–16.
5. Lindgren I., Jansson G. Ecectronic services in the public sector: A conceptual framework // Government Information Quarterly. 2013.30:2. P. 163–172.
6. Christensen T., Lægrid P., Roness P. G., Røvik K. A. Organisationsteori för offentlig sector. Malmö: Liber. 2005.
7. March J. G., Olsen J. P. Democratic Governance. New York: The Free Press. 1995.
8. Peters G. B. The Politics of Bureaucracy. London: Routledge. 2001.
9. Johnston J. Public Relations and the Public Interest. New York: Routledge. 2016.
10. Wheeler C. The public interest: we know it's important, but do we know what it means. In Creyke R. and Mantel A. (eds). AIAL Forum 48. Australian Institute of Administrative Law. 2006. P. 12–26.
11. Bozeman B. Public Values and Public Interest: Counterbalancing Economic Individualism. Washington, DC: Georgetown University Press. 2007.
12. Rothstein B. Välfärdsstat, förvaltning och legitimitet. Politik som organization. Stockholm: SNS Förlag. 2010.
13. Le Grand J., Bartlett W. The theory of quasi-markets. In Quasi-markets and social policy. Le Grand, J. and Bartlett W. (Eds.). Basingstoke, UK: Macmillan Press. 1993.
14. Lipsky M. Street-level Bureaucracy: Dilemmas of the Individual in Public Services. New York: Russell Sage Foundation. 1980.
15. Bolshakova Yu. M. Theory and practice of reforming the sphere of public and municipal services in developing countries. Syktyvkar. 2016 [Bol'shakova Yu. M. Teoriya i prak-tika reformirovaniya sfery gosudarstvennykh i munitsipal'nykh uslug v razvivayushchikhsya stranakh. Syktyvkar. 2016.] – (In Rus.).
16. Fountain J. Paradoxes of Public Sector Customer Service // Governance. 2001. 14:1. PP. 55–73.
17. Scharpf F. Governing in Europe: Effective and Democratic? Oxford: Oxford University Press). 1999.
18. Nordhaus W.D. Paul Samuelson and Global Public Goods (A commemorative essay for Paul Samuelson) [electronic resource]. URL: http://www.econ.yale.edu/~nordhaus/homepage/PASandGPG.pdf
19. Corley K., Gioia D. Building theory about theory building: what constitutes a theoretical contribution? 2011 // Academy of Management Review 36:1. P. 12–32.
20. Røvik K. A. Moderna organisationer: trender inom organisationstänkandet vid millennieskiftet. Malmö: Libe. 2000.

АРКТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА США И КАНАДЫ И ЕЕ НЕФТЕГАЗОВЫЙ АСПЕКТ

УДК 338.45:662.7(73+71)(987) *ГСНТИ 11.25*
ББК 65.305.143(71) *Код ВАК 23.00.02*
DOI: 10.22394/2304-3369-2019-3-46-57

А. Г. Казанин
Морская арктическая геологоразведочная экспедиция,
Москва, Россия
AuthorID: 975561

АННОТАЦИЯ: В статье анализируется арктическая политика и ее нефтегазовый аспект для двух североамериканских арктических государств – США и Канады. Прослеживается эволюция приоритетов в этой области, которые за последние годы претерпели весьма значительные (если не сказать – радикальные) изменения. Ситуация с разведкой и добычей на арктическом шельфе для обоих североамериканских государств – и США, и Канады – является сложно прогнозируемой в настоящий момент, так как в обеих странах действует запрет на выдачу новых лицензий на участки шельфа, но имеются и весьма сильные группы, чьим интересам подобные запреты противоречат, и они могут предпринимать активные попытки лоббирования снятия этих запретов. В исследовании отмечается, что экономические приоритеты новой арктической политики США не были в явном виде сформулированы в этом документе. Однако следует обратить внимание, что в директиве 2009 года экономическое направление арктической политики было объединено с энергетическим направлением, и большинство подпунктов, перечисленных в рамках этого направления, относились именно к энергетической отрасли и добыче нефтегазовых ресурсов. В новой стратегии 2013 года «обеспечение будущей энергетической безопасности Соединенных Штатов» сохранилось в качестве одного из приоритетов в рамках направления, связанного с продвижением интересов безопасности Соединенных Штатов. В текущих условиях складывается ситуация, когда наиболее заинтересованными в разведке и разработке арктического шельфа странами – к тому же предпринимающими усилия для практической реализации своего интереса – остаются Норвегия и Россия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: арктические нефтегазовые месторождения, арктический шельф, лицензирование, арктическая политика США, арктическая политика Канады, Барак Обама, Дональд Трамп, Джастин Трюдо.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Алексей Геннадьевич Казанин, кандидат технических наук, директор, Московский филиал, Морская арктическая геологоразведочная экспедиция,
121609, Россия, г. Москва, ул. Осенняя, 11, a.kazanin@mage.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Казанин А. Г. Арктическая политика США и Канады и ее нефтегазовый аспект // Вопросы управления. 2019. № 3 (39). С. 46—57.

Введение. В настоящее время наиболее распространен подход, согласно которому арктическими считаются восемь государств мира: США, Канада, Дания (Гренландия), Исландия, Норвегия, Швеция, Финляндия, Россия. В том, что касается добычи полезных ископаемых, арктические территории этих стран четко подразделяются на две группы – территории, где данный сектор экономики генерирует от четверти до более чем половины ВВП (арктические территории США, Канады и России) и территории, где данный сектор экономики генерирует менее 10% ВВП, т.е. играет существенно менее определяющую роль в экономическом развитии – Финляндия, Исландия, Норвегия, Швеция, Дания (см. Табл. 1).

Отметим, что среди второй группы Норвегия является европейским лидером по добыче природного газа (и по показателю «доля добычи полезных ископаемых и углеводородов в ВВП страны в целом» относилась бы к первой группе).

© А. Г. Казанин, 2019

Таблица 1

Распределение ВРП арктических территорий различных стран, входящих в состав Арктического региона, по различным секторам экономики и видам экономической деятельности, 2005 г. ,% [1]

	США	Канада	Фин-ляндия	Исландия	Норвегия	Россия	Швеция	Дания
Рыболовство	0,6	0	0,1	4,7	5	0,6	0	10,5
Добыча полезных ископаемых и углеводородов	33,2	27,7	0,8	0,1	1	56,9	7,5	3,2
Другие «ресурсные» отрасли экономики	0,1	0,4	4,7	1,4	0,9	1,3	3	2,4
Обработка природных ресурсов	2	0	13,3	4,8	5,2	4,4	7,2	5,8
Строительство	5,4	8	6,8	9,6	6,9	5	5,4	7,2
Государственное управление	26,9	28,7	24,8	23,8	40,5	9,1	32,6	29,9
Сфера услуг (кроме госуправления)	31,3	34,8	37,7	50,1	37,4	22,1	36,6	38,9
Прочее	0,5	0,4	11,8	5,5	3,1	0,6	7,7	2,1

Дания также ведет добычу углеводородов, однако у Норвегии лишь относительно небольшая часть объемов этой деятельности приходится на арктические территории и арктический шельф (хотя эта страна чрезвычайно активно исследует возможности арктической добычи и постепенно их расширяет), у Дании же к арктическим территориям относится только остров Гренландия, в то время как вся разведка и добыча углеводородов ведется в самой Дании, значительно южнее.

В настоящей статье мы рассмотрим арктическую политику и ее нефтегазовый аспект для двух североамериканских арктических государств – США и Канады, и проследим эволюцию ее приоритетов, которые за последние годы претерпели весьма значительные изменения.

США: арктическая политика и нефтегазовый сектор. Первые стратегические документы, обозначавшие основные приоритеты и направления арктической политики США в целом, появились еще до создания Арктического совета (1996). Так, в 1994 г. появилась Президентская директива NSC-26, призванная оформить основные направления политики США в Арктике и Антарктике.

В директиве отмечалось, что у США есть шесть основных целей в Арктическом регионе: (1) удовлетворение потребностей в национальной безопасности и обороне после окончания холодной войны, (2) защита окружающей среды Арктики и сохранение ее биологических ресурсов, (3) обеспечение экологической устойчивости управления природными ресурсами и экономического развития, (4) укрепление институтов сотрудничества между восемью арктическими странами, (5) вовлечение коренных народов Арктики в решения, которые затрагивают их и (6) укрепление научного мониторинга и исследований в области местных, региональных и глобальных экологических вопросов [2].

Однако в дальнейшем тексте документа основной акцент делался лишь на двух из этих приоритетов – интересах национальной обороны США и защите окружающей среды. В том, что касалось обороны, в директиве отмечалось, что Соединенные Штаты имеют большой интерес к поддержанию мира и стабильности в арктическом регионе. Однако по большому счету этот тезис сводился лишь к укреплению обороноспособности США: «Мы должны поддерживать способность защищаться от нападений в Арктике, свободно перемещать суда и самолеты в соответствии с принципами обычного права, отраженными в Конвенции о морском праве 1982 года, контролировать наши границы и районы, находящиеся под юрисдикцией нашей страны, и осуществлять военные операции в регионе» [3].

Относительно приоритета защиты окружающей среды в директиве отмечалось, что Соединенные Штаты должны сотрудничать с другими арктическими странами в вопросах защиты морской среды от нефтяного загрязнения, а также от потенциального расширения использования Северного Ледовитого океана в качестве судоходного коридора. Еще одним важным направлени-

ем международного сотрудничества по Арктике признавалось сохранение богатых и уникальных биологических ресурсов региона, курирование вопросов арктических заповедников. Главная цель экологического сотрудничества в Арктике, по мнению США, заключалась в том, чтобы гарантировать, что управление ресурсами и экономическое развитие в регионе будут экономически и экологически устойчивыми [4].

Директива фактически не затрагивала вопросы, касающиеся экономического развития арктического региона или же развития человеческого потенциала населения Арктики.

В 2009 году часть этой директивы, относящаяся к арктической политике США, была признана утратившей силу; на смену ей пришла новая Президентская директива, целиком посвященная политике Соединенных Штатов в арктическом регионе. Стратегические приоритеты арктической политики США остались неизменными. Однако раскрытие этих приоритетов в документе получило существенные новые акценты; отдельные разделы директивы были посвящены таким областям арктической политики, как национальная безопасность, международное управление, проблемы континентального шельфа и приграничных территорий, развитие международного научного сотрудничества, морской транспорт, проблемы экономики и энергетики, зашита окружающей среды и сохранение природных ресурсов. Раздел, посвященный проблемам экономики и энергетики, провозглашал следующие основные направления арктической политики США:

– Активизировать усилия, в том числе в Арктическом совете, по изучению меняющихся климатических условий с целью сохранения и расширения экономических возможностей в Арктическом регионе. Такие усилия должны включать в себя инвентаризацию и оценку деревень, общин коренных народов, возможностей для получения средств к существованию, общественных объектов, инфраструктуры, проектов развития нефти и газа, альтернативных вариантов развития энергетики, лесного хозяйства, культурных и других объектов, живых морских ресурсов и других элементов социально-экономической структуры;

– Работать с другими арктическими странами для обеспечения того, чтобы углеводородные и другие разработки в арктическом регионе осуществлялись в соответствии с принятой передовой практикой и международно признанными стандартами и принципами глобальной энергетической безопасности «Группы восьми» (G-8) 2006 года;

– Консультироваться с другими арктическими странами для обсуждения вопросов, связанных с разведкой, добычей, ее экологическими и социально-экономическими последствиями, в том числе бурением, совместным использованием объектов, обменом экологическими данными, оценкой воздействия, совместимые программы мониторинга и управление пластами;

– Защищать интересы Соединенных Штатов в отношении нефтегазовых резервуаров, которые могут выходить за государственные границы, для смягчения неблагоприятных экологических и экономических последствий, связанных с их разработкой;

– Определить возможности для международного сотрудничества по проблемам гидрата метана, гидрологии Северного склона и другим вопросам;

– Изучить необходимость создания дополнительных форумов для информационного обеспечения решений о лизинге, разведке, разработке, производстве и транспортировке углеводородов, а также о совместных мероприятиях, включая инфраструктурные проекты;

– Продолжать делать акцент на механизмах сотрудничества с государствами, действующими в регионе, для решения общих проблем, признавая, что большинство известных арктических нефтегазовых ресурсов находятся за пределами юрисдикции Соединенных Штатов [4].

Однако данный документ оставался в силе лишь на протяжении 4 лет. В 2013 году сменивший Дж. Буша-младшего на посту Президента США Барак Обама издал новую «Национальную стратегию в арктическом регионе». Число областей арктической политики, выставленных в качестве приоритетов, существенно сократилось по сравнению с предшествующим документом – в национальной стратегии 2013 года была упомянуто лишь три основных «направления приложения усилий», а именно продвижение интересов безопасности Соединенных Штатов, ответственное управление аркти-

ческим регионом и усиление международного сотрудничества.

Экономические приоритеты новой арктической политики США не были в явном виде сформулированы в этом документе. Однако следует обратить внимание, что в директиве 2009 года экономическое направление арктической политики было объединено с энергетическим направлением, и большинство подпунктов, перечисленных в рамках этого направления, относились именно к энергетической отрасли и добыче нефтегазовых ресурсов. В новой стратегии 2013 года «обеспечение будущей энергетической безопасности Соединенных Штатов» сохранилось в качестве одного из приоритетов в рамках направления, связанного с продвижением интересов безопасности Соединенных Штатов. Стратегия гласит следующее:

«Фактор энергоресурсов Арктического региона является ключевым компонентом нашей стратегии национальной безопасности: это энергетическая безопасность. В регионе имеются значительные разведанные и потенциальные ресурсы нефти и природного газа, которые, вероятно, будут попрежнему обеспечивать ценные запасы для удовлетворения потребностей США в энергии. Продолжение ответственной разработки арктических нефтегазовых ресурсов согласуется со «всеми вышеперечисленными» подходами Соединенных Штатов к разработке новых внутренних источников энергии, включая возобновляемые источники энергии, расширение добычи нефти и газа и повышение усилий, направленных на уменьшение нашей зависимости от импортируемой нефти и укрепление энергетической безопасности нашей страны. В контексте этой более широкой стратегии в области энергетической безопасности и с учетом наших целей в области экономической, экологической и климатической политики, мы стремимся работать с заинтересованными сторонами, промышленностью, а также другими арктическими государствами для изучения базы энергетических ресурсов, разработки и внедрения передовой практики и обмена опытом для обеспечения экологически ответственной добычи нефти и природного газа, а также возобновляемых источников энергии» [5].

Однако, несмотря на то, что слова о добыче углеводородов прозвучали в аспекте дальнейшего развития этого направления, администрация Б. Обамы действительно подходила к вопросу арктической нефтегазовой добычи с осторожностью, учитывая риски для окружающей среды и максимально стремясь сохранять хрупкий экологический баланс арктических территорий. Представляется, что в значительной степени именно из этих соображений при администрации Обамы (в самом конце его второго президентского срока, перед передачей власти республиканцу Д. Трампу) был установлен запрет на проведение геологоразведочных работ на значительной части территории Аляски. Для этого Обама воспользовался малоизвестным федеральным Законом о землях внешнего континентального шельфа (принятым еще в 1953 году), позволяющим президенту США блокировать продажу новых прав и на бурение и добычу углеводородов. Аналогичный запрет (по-видимому, из тех же соображений) был установлен в 2016 году и для арктического шельфа – под запретом оказалось любое (разведочное или эксплуатационное) бурение скважин в акваториях моря Бофорта и Чукотского моря [6].

Решение Обамы было принято после (и, несомненно, под влиянием) неудачной морской разведки Арктики, осуществленной компанией Royal Dutch Shell. «Шелл» потратил не менее 7 миллиардов долларов, пытаясь исследовать Чукотское море и часть моря Бофорта. Компания потерпела крушение на одном из своих буровых кораблей и сумела завершить только одну скважину на глубину. Она закрыла программу в 2015 году и отказалась от лицензии.

Что касается стратегических планов США относительно экономического развития в целом и развития нефтегазовой отрасли в частности в пределах собственных арктических территорий, где уже ведется эксплуатация нефтегазовых месторождений, основные приоритетные направления такого развития отражены в документе под названием «Северные возможности: Стратегия экономического развития Аляски 2017–2022», опубликованном Департаментом торговли, общественного и экономического развития штата Аляска [7].

В документе обозначено шесть основных целей: развитие бизнес-климата, способствующего росту существующих и возникновению новых предприятий; макси-

мально продуктивное использование капитала, привлечение инвестиций; развитие экономической инфраструктуры; поддержка предпринимательства и инноваций; наращивание потенциала экономического развития через различные инициативы, способствующие созданию рабочих мест и привлечению инвестиций; повышение качества жизни населения Аляски [7].

Среди задач, поставленных в рамках цели по развитию бизнес-климата, наличествует задача по укреплению существующих отраслей добычи ресурсов, включая нефтегазовую отрасль и горнодобывающие отрасли. Конкретные действия по выполнению данной задачи включают в себя стабильный налоговый режим, поощрение ответственной разведки и добычи нефти и газа, маркетинговое продвижение ресурсов Аляски с целью привлечения возможных инвесторов, улучшение инфраструктуры, более активное задействование возможностей Северо-Западного прохода (в том числе при чрезвычайных ситуациях), поддержка расширенного картографирования для выявления высокопотенциальных областей развития ресурсов, определение и развитие «высокоприоритетных» проектов в области природных ресурсов [8].

Однако многое изменилось в арктической политике США именно в области добычи углеводородов с приходом на пост Президента США Д. Трампа в 2017 году. С одной стороны, перемены были как минимум отчасти ожидаемы, поскольку республиканцы, представителем которых является Трамп, склонны в меньшей степени разделять некоторые ценности, указанные его предшественником на этом посту, представителем демократов Б. Обамой, в качестве приоритетов арктической политики (к примеру, забота о защите окружающей среды и сохранении экологического равновесия).

В частности, администрация Д. Трампа запустила процесс пересмотра ранее введенных ограничений, направленных на консервацию части обширных нефтегазовых запасов Аляски. Первым под пересмотр попал установленный предыдущей администрацией запрет на любую деятельность, связанную с разведкой и добычей углеводородов в двух заповедных районах Аляски, таких как Арктический национальный заповедник дикой природы *(Arctic National Wildlife Refuge, ANWR)* и Национальный энергетический резерв *(National Petroleum Reserve-Alaska, NPRA)*. Началась разработка механизмов, направленных на упрощение доступа нефтегазовых компаний к получению лицензий на поисково-разведочные работы. Согласно резолюции сената США по бюджету, принятой в октябре 2017 г., предусматривалось «лицензирование на заповедных и резервных территориях в качестве меры для увеличения финансовых поступлений в федеральный бюджет с последующим внесением изменений в налоговое законодательство» [9].

Представляется, что значительную роль в этом решении сыграли лоббистские усилия со стороны «большой тройки» нефтегазовых добывающих ТНК, активно работающих на территории Аляски – Conoco Phillips, British Petroleum и Exxon Mobil. Втроем они формируют нечто близкое к монополии, контролирующей все сектора работы с углеводородами Северного склона, всю последовательную совокупность операций в нефтегазовой промышленности, которая традиционно делится на три стадии. Первая стадия (в терминологии англо-американских компаний – *upstream*) включает в себя поиск потенциальных мест залегания нефти, бурение разведочных и эксплуатационных скважин, а также непосредственно процесс добычи углеводородов. Вторая стадия (*midstream*) представляет собой промежуточное звено между добычей и переработкой углеводородов. К этой стадии относятся такие операции, как транспортировка углеводородов посредством магистральных газопроводов и нефтепроводов, операции по приему / наливу нефти на морских терминалах, а также транспортировка сжиженных газов. Наконец, третья стадия (*downstream*) сопряжена с глубокой переработкой углеводородов, а также дистрибуцией и реализацией конечных нефтепродуктов. Контроль над всеми стадиями и осуществление масштабных инвестиций в них фактически закрывает возможность прихода на сцену арктической нефтедобычи в США сколько-нибудь серьезных конкурентов [10] – и, соответственно, открывает для трех компаний значительный ресурс влияния на политику штата и даже на федеральную политику в области освоения арктических нефтегазовых ресурсов. Представляется, что эти компании очень высоко оценили доктрину «энергетического доми-

нирования», озвученную Д. Трампом в 2017 году.

Президенты США на протяжении десятилетий продвигали идею американской «энергетической независимости» страны в качестве решения геополитических проблем, приведших к нестабильным ценам на энергоносители. Эта идея означала, что США будут производить достаточно энергии, чтобы обеспечить себя, не полагаясь на иностранный экспорт. Президент Трамп в 2017 году отказался от этой линии в пользу того, что он назвал «энергетическим доминированием». По мнению Трампа, США должны стать нетто-экспортером энергии и использовать эти ресурсы в качестве средства экономического роста. Его план «энергетического доминирования» также подразумевал использование ресурсов страны, в частности сжиженного природного газа (СПГ), в качестве разменной монеты на международной арене для обеспечения энергетической безопасности союзников. По его мнению, экспорт энергии должен был создать многочисленные рабочие места и обеспечить «настоящую» энергетическую безопасность. Ключом к «энергетическому доминированию», по мнению Трампа, должно было стать множество инициатив, направленных на ускорение добычи нефти, природного газа и угля, и все это Трамп сделал центральным элементом своего президентства. Отмена запрета на разведку и добычу углеводородов на арктических территориях, в том числе шельфовых, должны была стать одной из таких инициатив [11].

Однако администрация Трампа, «вскрывая» запрет на разведку и добычу в прибрежных районах Аляски в апреле 2017 года, по всей видимости, стремилась в том числе и диверсифицировать присутствие транснациональных нефтегазовых компаний в регионе. Так, в июле 2017 г. Бюро менеджмента энергии океана при Департаменте внутренних дел США выдало итальянской нефтегазовой компания *Eni* разрешение на разведочное бурение в акватории Арктического национального заповедника дикой природы в федеральных водах моря Бофорта у побережья Аляски [12]. В ноябре того же года Бюро по безопасности и охране окружающей среды при Департаменте внутренних дел США одобрило представленный *Eni* план бурильных работ в море Бофорта [13], и в конце декабря 2017 года компания начала бурение первой новой скважины [14]. Одновременно шли торги и выдавались лицензии на участки, лежащие в пределах Национального энергетического резерва (как в федеральных водах и территориях, так и на территориях штата). По некоторым сведениям, рассматривались и варианты участия китайских ТНК [9].

Ситуация вновь претерпела драматические изменения, способные развернуть ее буквально на 180 градусов, совсем недавно, когда 29 марта 2019 года Федеральный судья на Аляске Ш. Глисон своим решением фактически отменила попытку президента США Дональда Трампа открыть обширные районы Арктики и Атлантического океана для лицензирования разведки и добычи нефти и газа [15].

Глисон постановила, что попытка Трампа отменить запрет Обамы была «незаконной» и нарушала федеральный Закон о землях внешнего континентального шельфа. В соответствии с этим законом, по ее словам, президенты имеют право исключать районы из национальной программы лицензирования разведки и добычи нефти и газа, как это сделал Обама, но только Конгресс имеет право добавлять районы в эту программу. Соответственно, введенные Обамой запреты «останутся в полной силе до тех пор, пока Конгресс не отменит их», – заявила Глисон в своем решении. Таким образом, решение, вынесенное судьей Окружного суда США Шарон Глисон, оставляет нетронутой политику президента Барака Обамы, заключающуюся в том, что Чукотское море в Арктике, часть моря Бофорта в Арктике и обширная полоса Атлантического океана у восточного побережья США закрыты для лицензирования разведки и добычи нефти и газа [15].

Канада: арктическая политика и нефтегазовый сектор. Основные сферы арктической политики Канады, перечисленные в Официальном заявлении о внешней арктической политике Канады, сделанном правительством этой страны в 2010 году, включают в себя следующее:

– взаимодействие с соседями для решения вопросов, касающихся границ;

– обеспечение международного признания в полном объеме канадского расширенного континентального шельфа;

– решение вопросов арктического управления и связанных с ними новых во-

просов, таких как общественная безопасность;

– создание соответствующих международных условий для устойчивого развития;

– поиск торговых и инвестиционных возможностей, которые будут приносить пользу северянам и всем канадцам;

– поощрение более глубокого понимания человеческого измерения Арктики;

– продвижение экосистемного подхода к управлению среди арктических и других соседей;

– содействие и поддержка международных усилий по решению проблемы изменения климата в Арктике;

– активизация усилий Канады по другим актуальным экологическим вопросам;

– укрепление арктической науки и наследия Международного полярного года;

– привлечение северного населения к канадской внешней политике в Арктике;

– поддержка постоянных организаций коренных народов; а также предоставление канадской молодежи возможности участия в циркумполярном диалоге [16].

Содействие экономическому и социальному развитию отсутствует в этом перечне, но в значительной степени соотносится с тремя направлениями, касающимися создания условий для устойчивого развития, поиска торговых и инвестиционных возможностей и углубления понимания человеческого измерения Арктики. В документе указано, что создание условий для устойчивого развития «предполагает понимание возможностей и проблем развития энергоресурсов в Арктике и разработку правил, руководящих принципов и стандартов, подкрепленных арктической наукой и исследованиями, в том числе традиционными знаниями. Ни в одной другой области это не является более критичным, чем при разработке нефти и газа» [16].

Приводится практический пример деятельности Канады в этом направлении – а именно то, что Арктический совет со значительным участием Канады обновил свои руководящие принципы, касающиеся шельфовой нефти и газа в Арктике в 2009 году. Эти руководящие принципы рекомендуют стандарты, лучшие практики (с технической и экологической точки зрения), политику управления и регуляторный контроль для различных видов деятельности, касающихся шельфовой нефти и газа в Арктике. В документе отмечается, что Канада будет руководствоваться этими принципами сама и поощрять другие арктические государства к их использованию.

Однако в целом стратегическое видение Канадой развития нефтегазовой отрасли в Арктике ограничено одним общим утверждением, что Канада будет и впредь поддерживать ответственное и устойчивое развитие этой отрасли.

Что касается политики Канады по развитию собственных арктических территорий, ее приоритетами являются осуществление суверенитета, содействие социально-экономическому развитию, защита экологического наследия и улучшение управления северными территориями [17].

Среди наиболее значимых инициатив в области поддержки социально-экономического развития арктических регионов Канады называется, в частности, учреждение Канадского агентства по экономическому развитию Севера. В области же конкретно нефтегазовой сферы основной акцент был сделан на строительстве газопровода, который бы обеспечил транспортировку природного газа от мест его непосредственной добычи близ моря Бофорта к системе газопроводов провинции Альберта (идея такого проекта возникла еще в 1970-х, но не была осуществлена; в 2000-е годы было решено вернуться к данному проекту, и в 2011 году он был одобрен федеральным правительством Канады). Стоимость реализации проекта оценена в 16 млрд канадских долларов.

Наряду с этим проектом в Северной стратегии Канады упоминается также рост интереса к исследованию и разработке шельфовых месторождений нефти и газа в море Бофорта (в том числе глубоководных). В 2008 году правительством Канады был запущен проект под названием «Геокартографирование энергии и минералов». Изначально проект был рассчитан на 5-летний срок, но в 2013 году было принято решение о запуске его второй стадии, которая продлится до 2020 года. Основной целью проекта является получение максимально полного представления о запасах энергоресурсов и минеральных ресурсов на территории канадского севера (в том числе Канадского арктического архипелага) [18].

В настоящее время роль «центра тяжести» канадской нефтяной промышленности

играет провинция Альберта – на ее долю приходится более 75 % всей канадской нефтедобычи. Если принять во внимание еще и провинции Саскачеван, а также Ньюфаундленд и Лабрадор, все они (вместе с Альбертой) обеспечивают почти 96 % канадской нефтедобычи [19].

Доля арктических провинций Канады в общем объеме производства нефти в данной стране была невелика. Тем не менее, в настоящее время разведанные и технически извлекаемые запасы нефти в канадской Арктике достаточно велики и оцениваются в 1,23 млрд баррелей на Северо-Западных территориях (из них примерно 667 млн баррелей нефти относятся к шельфовым месторождениям). Еще 18,25 млрд баррелей извлекаемых запасов сырой нефти предположительно находятся на территории Нунавута, из них приблизительно 4,2 млрд – в бассейне Свердруп, где велись активные геологоразведочные работы в 1970-х и 1980-х годах. Что касается природного газа, его разведанные запасы на Северо-Западных территориях оцениваются в 464 млрд м^3 (16,4 трлн куб. футов), из них около 38 % в шельфовых месторождениях; разведанные запасы на Юконе составляют 226,5 млрд м^3 (8 трлн куб. футов); в Нунавуте – 5,14 трлн м^3 (181,4 трлн куб. футов) [20].

Более того, в 2015 году Национальный энергетический совет Канады опубликовал исследование, указывавшее на два новых месторождения на Северо-Западных территориях (оба находятся в долине р. Маккензи примерно в 145 км к югу от Северного полярного круга), чей совокупный объем нефтяных запасов может составить приблизительно 200 млрд баррелей (речь идет о сланцевой нефти). Согласно прогнозам экспертов, отнюдь не все 100% этих запасов могут оказаться извлекаемыми; объем извлекаемой нефти оценивается примерно в 7 млрд баррелей – однако и этот показатель весьма велик и сопоставим с извлекаемыми запасами Баккеновской нефтяной формации в штате Северная Дакота (США). Канол – более крупное из двух месторождений (*Canol field*) – может содержать до 145 млрд баррелей нефти, и здесь уже стартовало разведочное бурение. Блюфиш – второе, менее крупное месторождение (*Bluefish field*) – согласно оценкам экспертов, может заключать в себе до 46 млрд баррелей нефти [21].

Однако в настоящее время Канада продвигается к вопросу добычи углеводородов в Арктике крайне осторожно – можно даже сказать, что она взяла паузу в этом вопросе на неопределенный срок. 20 декабря 2016 года премьер-министр Канады опубликовал бессрочный мораторий на выдачу новых лицензий на участки, расположенные на канадском арктическом шельфе. Каждые пять лет действие моратория должно соотноситься с научно обоснованным обзором ситуации. Главной причиной моратория была названа защита хрупкого естественного баланса арктической среды от потенциальных последствий широкомасштабной добычи углеводородов, в особенности от чрезвычайных ситуаций (разливов нефти и т.п.) [22]. Соответственно, интенсивные вложения в научные и технологические разработки (в том числе цифровые), способные облегчить процесс добычи углеводородов в сложных арктических условиях, в настоящее время неактуальны для Канады.

Заключение. Таким образом, ситуацию с разведкой и добычей на арктическом шельфе для обоих североамериканских государств – и США, и Канады – следует охарактеризовать как сложно прогнозируемую в настоящий момент. Несомненно, Президент США Д. Трамп будет крайне недоволен решением Федерального судьи и, возможно, попробует инициировать процедуру отмены запрета, наложенного Б. Обамой на лицензирование разведки и добычи нефти и газа в Чукотском море в Арктике, части моря Бофорта в Арктике и обширной полосе Атлантического океана у восточного побережья США. Однако с учетом довольно шаткого положения Д. Трампа и наличия у него и его политики массы решительных противников внутри его страны, не факт, что, даже если Конгресс и заслушает вопрос о возобновлении разработки арктического шельфа, он примет по нему положительное решение. В Канаде решение Дж. Трюдо также было воспринято со смешанными чувствами – представители коренного населения арктических территорий, к примеру, считают, что запрет на разработку арктических месторождений углеводородов является причиной недополучения ими значительной части по праву причитающегося им дохода. В текущих условиях складывается ситуация, когда наиболее заинтересованными в разведке и разработке арктического

шельфа странами – к тому же предпринимающими усилия для практической реализации своего интереса – остаются Норвегия и Россия. И передовым здесь оказывается опыт именно России и месторождения Приразломное на шельфе Печорского моря, где с 2013 года с уникальной морской ледостойкой стационарной платформы ведется добыча нефти сорта ARCO. Уникальность проекта состоит в том, что только Приразломное среди всех месторождений Арктики разрабатывается в условиях замерзающего моря [23].

ЛИТЕРАТУРА

1. Larsen J. N., Fondahl G. Arctic Human Development Report: Regional Processes and Global Linkages. Copenhagen: Nordic Council of Ministers. 2014. P. 165.

2. The White House. 09.06.1994. Presidential Decision Directive/NSC-26. [электронный ресурс] URL: https://fas.org/irp/offdocs/pdd/pdd-26.pdf (дата обращения 20.04.2019)

3. The White House. 09.06.1994. Presidential Decision Directive/NSC-26. P. 3. [электронный ресурс] URL: https://fas.org/irp/offdocs/pdd/pdd-26.pdf (дата обращения 20.04.2019)

4. The White House. 09.01.2009. National Security Presidential Directive/NSPD-66. [электронный ресурс] URL: https://fas.org/irp/offdocs/nspd/nspd-66.htm (дата обращения 20.04.2019)

5. The White House. 2013. National Strategy for the Arctic Region. Washington, D.C.: The White House. P. 7. [электронный ресурс] URL: https://obamawhitehouse. archives.gov/sites/default/files/docs/natarcticstrategy.pdf (дата обращения 20.04.2019)

6. Barack Obama bans oil and gas drilling in most of Arctic and Atlantic oceans. The Guardian 20.12.2016. [электронный ресурс] URL: https://www.theguardian.com/us-news/2016/dec/20/barack-obama-bans-oil-gas-drilling-arctic-atlantic (дата обращения 20.04.2019)

7. Alaska Department of Commerce, Community, and Economic Development. 2017. Northern Opportunity: Alaska's Economic Development Strategy. Anchorage: Alaska Department of Commerce, Community, and Economic Development. P. 8. [электронный ресурс] URL: https://northernopportunity.com/wp-content/uploads/2017/10/Final-Statewide-CEDS.pdf (дата обращения 20.04.2019)

8. Alaska Department of Commerce, Community, and Economic Development. 2017. Northern Opportunity: Alaska's Economic Development Strategy. Anchorage: Alaska Department of Commerce, Community, and Economic Development. P. 17. [электронный ресурс] URL: https://northernopportunity.com/wp-content/uploads/2017/10/Final-Statewide-CEDS.pdf (дата обращения 20.04.2019)

9. Никитина Е. Н. Арктические трансформации: ТНК перед новыми вызовами устойчивого развития // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11. № 1. С. 65–87.

10. Cole D. Alaska's Big Three oil companies prefer limited competition. *Alaska Dispatch News*. September 27, 2016.

11. Worland J. President Trump Says He Wants 'Energy Dominance'. What Does He Mean? // Time. 30.06.2017. [электронный ресурс] URL: http://time.com/4839884/energy-dominance-energy-independence-donald-trump (дата обращения 20.04.2019)

12. Eni US Operating Co., Inc. – 2017 Beaufort Sea EP // Bureau of Ocean Energy Management. [электронный ресурс] URL: https://www.boem.gov/eni-ep-2017 (дата обращения 20.04.2019)

13. Eni received approval for U.S. Arctic offshore drilling // Neftegaz.ru. 29.11.2017. [электронный ресурс] URL: https://old.neftegaz.ru/en/news/view/167211-Eni-received-approval-for-for-U.S.-Arctic-offshore-drilling (дата обращения 20.04.2019)

14. Italy's Eni begins drilling oil well in Alaska's Beaufort Sea: BSEE // Reuters. 27.12.2017. [электронный ресурс] URL: https://www.reuters.com/article/us-eni-oil-arctic/italys-eni-begins-drilling-oil-well-in-alaskas-beaufort-sea-bsee-idUSKBN1EL1L1 (дата обращения 20.04.2019)

15. U.S. Judge scraps Trump order opening Arctic, Atlantic Areas to oil leasing // Reuters. 30.03.2019. [электронный ресурс] URL: https://www.reuters.com/article/us-usa-oil-trump-leases/u-s-judge-scraps-trump-order-opening-arctic-atlantic-areas-to-oil-leasing-idUSKCN1RB0FP (дата обращения 20.04.2019).

16. Government of Canada. Statement on Canada's Arctic Foreign Policy. Exercising Sovereignty and Promoting Canada's Northern Strategy Abroad. Ottawa, 2010. [электронный ресурс] URL: http://international.gc.ca/worldmonde/assets/pdfs/canadaarcticforeignpolicy-eng.pdf (дата обращения 20.04.2019).

17. Government of Canada. 2009. Canada's Northern Strategy: Our North, Our Heritage, Our Future. Ottawa: Minister of Public Works and Government Services. P. 2. [электронный ресурс] URL: http://www.northernstrategy.gc.ca/cns/cns.pdf (дата обращения 20.04.2019).

18. Government of Canada. National Resources Canada. Earth Sciences Federal Programs: GEM: Geo-,apping for Energy and Minerals. [электронный ресурс] URL: http://www.nrcan.gc.ca/earth-sciences/ resources/federal-programs/geomapping-energy-minerals/18215 (дата обращения 20.04.2019).

19. Government of Canada. Natural Resources Canada. Energy Sources and Distribution. Oil Supply and Demand. [электронный ресурс] URL: http://www.nrcan.gc.ca/energy/oil-sands/18086 (дата обращения 20.04.2019).

20. Government of Canada. Natural Resources Canada. Energy Sources and Distribution. [электронный ресурс] URL: http://www.nrcan.gc.ca/energy/sources/shale-tight-resources/17704 (дата обращения 20.04.2019).

21. Canada National Energy Board. 2015. Energy Briefing Note. An Assessment of the Unconventional Petroleum Resources of the Bluefish Shale and the Canol Shale in the Northwest Territories. Yellowknife: Northwest Territories Geological Survey. [электронный ресурс] URL: https://www.neb-one.gc.ca/nrg/sttstc/crdlndptrlmprdct/rprt/2015shlnt/2015shlnt-eng.pdf (дата обращения 20.04.2019).

22. Huebert R. Trudeau's Arctic Oil Decision a fresh example of Canada ignoring the North // The Globe and Mail. 21.03.2018. [электронный ресурс] URL: https://www.theglobeandmail.com/opinion/trudeaus-arctic-oil-decision-a-fresh-example-of-how-canada-ignores-the-north/article33534313 (дата обращения 20.04.2019).

23. Проект «Приразломное» // Газпром Нефть [электронный ресурс] URL: https://www.gazprom-neft.ru/company/business/exploration-and-production/new-projects/prirazlomnoe (дата обращения 20.04.2019).

US AND CANADIAN ARCTIC POLICY AND ITS OIL AND GAS ASPECT

A. G. Kazanin
Arctic Marine Exploration Expedition,
Moscow, Russia

ABSTRACT: The article analyzes the Arctic policy and its oil and gas aspect for two North American states – the United States and Canada. There is an evolution of priorities in this area, which in recent years have undergone very significant (if not radical) changes. The situation with exploration and production on the Arctic shelf for both North American states – the United States and Canada – is difficult to predict at the moment, since both countries have a ban on licensing offshore areas, but there are also very strong groups whose interests such bans contradict, and they can actively try to lobby for the lifting of these bans. The study notes that the economic priorities of the new US Arctic policy were not explicitly stated in this document. However, it should be mentioned that in the 2009 Regulations, the economic direction of the Arctic policy was combined with the energy direction, and most of the sub-items listed under this direction referred specifically to the energy industry and the extraction of oil and gas resources. In the new 2013 strategy, "safety protection of the future energy security of the United States" remained a priority in the direction of advancing the security interests of the United States. In the current circumstances, there is a situation where the most interested in the exploration and development of the Arctic shelf countries – apart from making efforts to implement their interest – are Norway and Russia.

KEYWORDS: arctic oil and gas fields, Arctic shelf, licensing, US Arctic policy, Canadian Arctic policy, Barack Obama, Donald Trump, Justin Trudeau.
AUTHORS' INFORMATION: Alexey G. Kazanin, Cand. Sci. (Technical), Director, Moscow branch of the Arctic Marine Exploration Expedition,
11, Osennyaya st., Moscow, 121609, Russia, a.kazanin@mage.ru.

FOR CITATION: Kazanin A. G. US and Canadian Arctic policy and its oil and gas aspect // Management Issues. 2019. № 3 (39). P. 46—57.

REFERENCES

1. Larsen J.N., Fondahl G. 2014. Arctic Human Development Report: Regional Processes and Global Linkages. Copenhagen: Nordic Council of Ministers. PP. 165.

2. The White House. 06/09/1994. Presidential Decision Directive / NSC-26. [electronic resource] URL: https://fas.org/irp/offdocs/pdd/pdd-26.pdf (appeal date 20.04.2019).

3. The White House. 06/09/1994. Presidential Decision Directive / NSC-26. P. 3. [electronic resource] URL: https://fas.org/irp/offdocs/pdd/pdd-26.pdf (appeal date 20.04.2019).

4. The White House. 01/09/2009. National Security Presidential Directive / NSPD-66. [electronic resource] URL: https://fas.org/irp/offdocs/nspd/nspd-66.htm (appeal date 20.04.2019).

5. The White House. 2013. National Strategy for the Arctic Region. Washington, D.C.: The White House. P. 7. [electronic resource] URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/natarcticstrategy.pdf (appeal date 20.04.2019).

6. Barack Obama oil and gas drilling in most of the Arctic and Atlantic oceans. The Guardian 12/20/2016. [electronic resource] URL: https://www.theguardian.com/us-news/2016/dec/20/barack-obama-bans-oil-gas-drilling-arctic-atlantic (appeal date 20.04.2019).

7. Alaska Department of Commerce, Community, and Economic Development. 2017. Northern Opportunity: Alaska's Economic Development Strategy. Anchorage: Alaska Department of Commerce, Community, and Economic Development. P. 8. [electronic resource] URL: https://northernopportunity.com/wp-content/uploads/2017/10/Final-Statewide-CEDS.pdf (appeal date 20.04.2019).

8. Alaska Department of Commerce, Community, and Economic Development. 2017. Northern Opportunity: Alaska's Economic Development Strategy. Anchorage: Alaska Department of Commerce, Community, and Economic Development. P. 17. [electronic resource] URL: https://northernopportunity.com/wp-content/uploads/2017/10/Final-Statewide-CEDS.pdf (appeal date 20.04.2019).

9. Nikitina E. N. Arctic transformations: TNC faces new challenges of sustainable development // Contours of global transformations: politics, economics, law. 2018. V. 11. № 1. P. 65-87 [Nikitina E. N. Arkticheskie transformatsii: TNK pered novymi vyzovami ustoychivogo razvitiya // Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo. 2018. T. 11. №. 1. S. 65–87.] – (In Rus.).

10. Cole D. Alaska's Big Three Oil Companies prefer limited competition. Alaska Dispatch News. September 27, 2016.

11. Worland J. President Trump Says He Wants 'Energy Dominance'. What does he mean? // Time. 06/30/2017. [electronic resource] URL: http://time.com/4839884/energy-dominance-energy-independence-donald-trump (appeal date 20.04.2019).

12. Eni US Operating Co., Inc. – 2017 Beaufort Sea EP // Bureau of Ocean Energy Management. [electronic resource] URL: https://www.boem.gov/eni-ep-2017 (appeal date 20.04.2019).

13. Eni received approval for U.S. Arctic offshore drilling // Neftegaz.ru. 11/29/2017. [electronic resource] URL: https://old.neftegaz.ru/en/news/view/167211-Eni-received-approval-for-for-U.S.-Arctic-offshore-drilling (appeal date 20.04.2019).

14. Alaska's Beaufort Sea: BSEE // Reuters. 12.27.2017. [electronic resource] URL: https://www.reuters.com/article/us-eni-oil-arctic/italys-eni-begins-drilling-oil-well-in-alaskas-beaufort-sea-bsee-idUSKBN1EL1L1 (appeal date 20.04.2019).

15. U.S. Judge scraps Trump order opening Arctic, Atlantic Areas to oil leasing // Reuters. 03/30/2019. [electronic resource] URL: https://www.reuters.com/article/us-usa-oil-trump-leases/us-judge-scraps-trump-order-opening-arctic-atlantic-areas-to-oil- leasing-idUSKCN1RB0FP (appeal date 20.04.2019).

16. Government of Canada. Statement on Canada's Arctic Foreign Policy. Exercising Sovereignty and Promoting Canada's Northern Strategy Abroad. Ottawa, 2010. [electronic resource] URL: http://international.gc.ca/worldmonde/assets/pdfs/canadaarcticforeignpolicy-eng.pdf (appeal date 20.04.2019).

17. Government of Canada. 2009. Canada Our Northern Strategy: Our North, Our Heritage, Our Future. Ottawa: Minister of Public Works and Government Services. P. 2. [electronic resource] URL: http://www.northernstrategy.gc.ca/cns/cns.pdf (appeal date April 20, 2019).

18. Government of Canada. National Resources Canada. Earth Sciences Federal Programs: GEM: Geo-, apping for Energy and Minerals. [electronic resource] URL: http://www.nrcan.gc.ca/earth-sciences/resources/federal-programs/geomapping-energy-minerals/18215 (appeal date 20.04.2019).

19. Government of Canada. Natural Resources Canada. Energy Sources and Distribution. Oil Supply and Demand. [electronic resource] URL: http://www.nrcan.gc.ca/energy/oil-sands/18086 (appeal date 20.04.2019).

20. Government of Canada. Natural Resources Canada. Energy Sources and Distribution. [electronic resource] URL: http://www.nrcan.gc.ca/energy/sources/shale-tight-resources/17704 (appeal date 20.04.2019) [Proekt «Prirazlomnoe» // Gazprom Neft' [elektronnyy resurs] URL: https://www.gazprom-neft.ru/company/business/exploration-and-production/new-projects/prirazlomnoe (data obrashcheniya 20.04.2019).] – (In Rus.).

21. Canada National Energy Board. 2015. Energy Briefing Note. An Assessment of the Unconventional Petroleum Resources of the Bluefish Shale and the Canol Shale in the Northwest Territories. Yellowknife: Northwest Territories Geological Survey. [electronic resource] URL: https://www.neb-one.gc.ca/nrg/sttstc/crdlndptrlmprdct/rprt/2015shlnt/2015shlnt-eng.pdf (appeal date 20.04.2019).

22. Huebert R. Trudeau's Arctic Oil Decision a fresh example of Canada ignoring the North // The Globe and Mail. 21.03.2018. [electronic resource] URL: https://www.theglobeandmail.com/opinion/trudeaus-arctic-oil-decision-a-fresh-example-of-how-canada-ignores-the-north/article33534313 (appeal date 20.04.2019).

23. Project "Prirazlomnoye" // Gazprom OIL [electronic resource] URL: https://www.gazprom-neft.ru/company/business/exploration-and-production/new-projects/prirazlomnoe (date of reference 20.04.2019) [Proekt «Prirazlomnoe» // Gazprom Neft' [elektronnyy resurs] URL: https://www.gazprom-neft.ru/company/business/exploration-and-production/new-projects/prirazlomnoe (data obrashcheniya 20.04.2019).] – (In Rus.).

АЛГОРИТМЫ И ПУТИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ В ТРУДАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СОВРЕМЕННОЙ КОНСЕРВАТИВНОЙ МЫСЛИ

УДК 323.001.7(470+571) *ГСНТИ 11.01.11*
ББК 66.3(2Рос),0+66.1(2)64 *Код ВАК 23.00.02*
DOI: 10.22394/2304-3369-2019-3-58-64

А. Г. Кузьмин
Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Сыктывкар, Россия
AuthorID: 787026

Д. П. Кондраль
Ухтинский государственный технический университет, Ухта, Россия
AuthorID: 652989

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена анализу специфики алгоритмов и путей социально-политического развития страны в трудах представителей консервативной мысли, а также исследованию проблем распространения радикализма. В исследовании отмечается, что основным потребителем радикальных идей становится молодёжь, не имеющая глубоких знаний или практического опыта в сфере социально-политического развития страны и общества. В связи с этим молодые люди часто оказываются не в состоянии объективно и критически оценить концепции развития общества, не зная современных трендов политического развития страны и регионов в направлении либерализма и демократии. В таких условиях молодёжь воспринимает радикальные идеи «на веру», абсолютизируя их.

Методы. На основе системного и процессного подходов авторы используют методы анализа, оценки, сравнения.

Результаты и научная новизна. Авторами проанализированы особенности консервативной политической мысли. Также рассмотрены угрозы и риски распространения радикальной идеологии и её негативного влияния на стабильное функционирование политической системы России. Новизну исследованию придаёт активизация радикальных идеологий в стране в условиях экономического кризиса, угрожающих процессам демократического функционирования и стабильного развития общества. По результатам исследоваия отмечается, что Россия на современном этапе переживает непростой период развития, связанный с обострением ситуации как внутри страны, так и во внешней политике. В связи с этим в консервативных национал-патриотических кругах стали появляться различные теории и проекты, авторы которых, используя потребность в обновлении идеологии, вызванную различными негативными тенденциями, предлагают решить актуальные и давно назревшие проблемы развития страны по своему сценарию.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 19-011-00594 «Современный русский национализм и модернизация страны: идеологические аспекты воздействия и перспективы реализации»

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: социально-политическая система России, демократическое управление, угрозы стабильному развитию, национализм, радикализм, консерватизм.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Александр Геннадьевич Кузьмин, кандидат политических наук, доцент, Институт социальных технологий, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина
167001, Россия, г. Сыктывкар, пр. Октябрьский, 55, akuzmin09@rambler.ru.

Дмитрий Петрович Кондраль, кандидат политических наук, доцент, Ухтинский государственный технический университет
169314, Россия, г. Ухта, ул. Юбилейная, 13, lbvf17@gmail.com.

© А. Г. Кузьмин, Д. П. Кондраль, 2019

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Кузьмин А. Г., Кондраль Д. П. Алгоритмы и пути развития социально-политической системы России в трудах представителей современной консервативной мысли // Вопросы управления. 2019. № 3 (39). С. 58—64.

Тенденции и угрозы развития мировой политики, экономики, социальной сферы приводят к росту национализма и деглобализации [1]. В этих условиях для России становится важной выработка независимого и безопасного курса развития, ориентированного на учет угроз развитию страны и общества, создание благоприятных условий жизни населения. Данное исследование явилось продолжением ряд предшествующих авторских публикаций, посвященных анализу развития модернизационных моделей в различных проектах представителей современной идеологии русского национализма [2; 3; 4].

Современные кризисные процессы развития страны и общества определяют появление и развитие различных политических взглядов и идей. В условиях социально-экономического и внешнеполитического кризиса происходит активизация и рост количества консервативных и охранительных концепций развития общества, политических движений (Изборский клуб и др.) [5; 6] и партий (ЛДПР [7] и др.), в которых прослеживается попытка найти ответы на современные вызовы и угрозы, определить перспективы развития страны и общества, защитить страну от негативных факторов развития авторитарными методами. При этом, зачастую в подобных концепциях не учитываются или рассматриваются крайне негативно и пессимистически современный уровень и векторы социально-экономического и политического развития страны и общества. Так, например, ЛДПР (одна из российских парламентских партий консервативного толка) открыто выражает авторитарные идеи и взгляды по вопросам перспективного развития страны и общества, заявляя о необходимости перестройки системы государственного управления в сторону усиления вертикали власти [8]. Сегодня ряд российских политических деятелей (С. В. Аксёнов, С. Н. Бабурин, В. В. Жириновский и др.) [9; 10] и писателей (М. Калашников, С. Е. Кургинян, А. А. Проханов и др.) [11; 12; 13; 14] призывают к усилению вертикали власти в стране для противодействия угрозам развития общества, а также к перестройке системы управления в сторону авторитарной политической модели, нередко напрямую апеллируя к имперской форме правления.

Так, например, А. А. Проханов видит дальнейшее развитие страны в направлении формирования новой (пятой) империи на основе реинтеграции постсоветского пространства. Ещё один представитель консервативной мысли С. Е. Кургинян считает перспективной для страны имперскую форму управления [15].

Среди главных угроз современности сегодня рассматриваются: территориальные претензии ряда стран к России, борьба за Арктику, экономический кризис, санкции, расширение НАТО, рост региональной нестабильности и др. [16, с. 92–94]. Все эти проблемы широко обсуждаются представителями русской националистической идеологии, анализируются подходы и пути их решения, а также распространяются идеи для привлечения внимания населения и поиска сторонников [17].

При этом основным потребителем радикальных идей становится молодёжь, не имеющая глубоких знаний или практического опыта в сфере социально-политического развития страны и общества. В связи с этим молодые люди часто оказываются не в состоянии объективно и критически оценить концепции развития общества, не зная современных трендов политического развития страны и регионов в направлении либерализма и демократии. В таких условиях молодёжь воспринимает радикальные идеи «на веру», абсолютизируя их.

Следует отметить, что авторы радикальных концепций часто находят «виновных во всех проблемах» страны и общества в лице отдельных социально-политических или управленческих групп, что служит основой обоснования их позиций. При этом объективные факторы появления социально-экономических и управленческих проблем зачастую частично или полностью игнорируются. Таким образом, молодым людям радикальными организациями по факту предлагается идеологический продукт, представляющий из себя максимально упрощённую концепцию, не учитывающую

многообразие факторов, условий и трендов общественного развития.

В связи с вышеуказанными аспектами актуальной задачей для российского общества в конце второго десятилетия XXI в. является объективное изучение теорий представителей современной русской политической консервативной мысли для их всесторонней оценки и выявления в них реального модернизационного потенциала. Следует отметить, что существующие консервативные теории могут иметь как реалистичные, так и утопические положения и идеи, способные привести как к выработке защитных механизмов общества от внешних угроз, так и к его регрессу. Следует учесть, что для полноценного анализа рассматриваемого явления необходимо объективно оценить не только сами теории и проекты «правой модернизации», но и учесть перспективы развития консервативных идей, проанализировать их модернизационный и охранительный потенциал, а также провести их объективный анализ в СМИ, особенно с учётом Интернет-активности русских националистов в данной сфере коммуникации.

Крупной теоретической разработкой представителей консервативной мысли страны начала XXI в. стал коллективный труд «Русская доктрина» (2005), периодически переиздаваемый авторами. Издание представляет собой программу национал-патриотических сил имперской направленности по развитию важнейших социально-политических аспектов страны и российского общества.

Так, в издании авторы предполагают ошибочность стратегического пути развития страны, невозможность решить проблемы через административные реформы, указывают на необходимость укрепления вертикали власти и совершенствование работы государственных учреждений [18].

Триадой государственного строительства в указанной работе заявлены: 1) гармония демократии, реализуемая через систему советов; 2) аристократическое управление, реализуемое через Сенат; 3) автократия (единоначалие), реализуемая через республику с сильным Главой Государства. При этом идеальной моделью рассматривается монархия.

Рассматриваемая программа включает смену правящей элиты страны. При этом методами указываются ротация и репрессии элиты [18, с. 500]. Наряду с этим основой государства заявляются: демократия, духовная суверенность и социальная правда. Данное противоречие указывает на попытку создать гибридную модель развития общества на основе демократических и авторитарных методов управления.

В соответствии с рассматриваемой программой планируется развивать двухпартийную систему вокруг идей державности (державники) и социальной правды (народники). При этом переход к новому государственному устройству предполагается реализовать через проведение некоего Учредительного собрания. Сами алгоритмы перехода к новой системе управления в программе чётко не оговорены, но авторы указывают на необходимость формирования сетевых параллельных структур в качестве переходных, а также использование агитации для привлечения сторонников.

Таким образом, «Русская доктрина» по своей сути является консервативным проектом, ориентирующим общество в целом на авторитарную модель развития. Авторами предпринята попытка переосмыслить существующую систему управления, ориентируясь на охранительные идеи и мобилизационные механизмы управления. При этом значение личности в социальной структуре общества, согласно данной доктрине, чётко не определено, в целом указывается взаимозависимый характер, что обосновывается необходимостью формирования защитных механизмов общественного развития.

Исторический опыт показывает, что объективными условиями принятия обществом и реализации консервативных идей выступают: кризис; бедственное положение населения; слабость государственных и правовых институтов; внешние угрозы, связанные с безопасностью страны и жизнедеятельностью общества. Рост данных угроз приводит к значительной актуализации и распространению радикальных и консервативных идей и организаций. Современные исследования указывают на возрастающую роль информационных интернет-технологий [19; 20], способствующих распространению радикальной идеологии [21; 22].

При этом, как показывает развитие государства и общества, реализация консер-

вативных идей и концепций приводит к кратковременной мобилизации ресурсов в ущерб перспективным направлениям планомерного развития общества. В связи с этим развитие и распространение радикальных идей сегодня является существенной угрозой для стабильности в стране и обществе и должно ориентировать руководство и граждан страны на выработку, развитие и распространение общепринятых, понятных всем и по-настоящему демократических ценностей даже в условиях социально-экономической нестабильности и кризиса.

Среди методов противодействия развитию и распространению радикальных идей и движений следует указать, прежде всего, элементы «мягкой силы» (англ. soft power): 1) развитие институтов гражданского общества и демократии; 2) ориентация на расширение институтов правового государства и рост правовой культуры; 3) разработка методов протекционизма рыночной экономики, направленной на полноценное социально-экономическое обеспечение запросов и потребностей населения страны; 4) развитие плюрализма и культурного интернационализма; 5) формирование и развитие эффективной системы управления в центре и регионах, успешная борьба с коррупцией; 6) распространение в обществе посредством государственных СМИ позитивной политической информации. Развитие данных направлений в политике страны и регионов служит профилактикой появления и развития иррациональных негативных радикальных идей и течений и создаёт условия для формирования и реализации объективных стратегий стабильного и позитивного развития страны и общества.

Россия на современном этапе переживает непростой период развития, связанный с обострением ситуации как внутри страны, так и во внешней политике. В связи с этим в консервативных национал-патриотических кругах стали появляться различные теории и проекты, авторы которых, используя потребность в обновлении идеологии, вызванную различными негативными тенденциями, предлагают решить актуальные и давно назревшие проблемы развития страны по своему сценарию. К сожалению, наряду с позитивными предложениями по ряду острых социально-политических вопросов, актуальных для современного состояния российского социума, представители русского националистического лагеря предлагают идеи, связанные с введением в стране недемократического политического режима, отрицая весь опыт постсоветского времени и обращая страну к опыту имперского прошлого. В поисках путей решения многочисленных вопросов, стоящих перед современной российской властью в выборе вариантов развития сегодня надо проявить здравомыслие и политическую осторожность, так как неправильный выбор может оказаться роковым для судьбы страны. Принятие ответственного решения не может быть основано на популистских предложениях и антилиберальной риторике, но, одновременно, все рациональные консервативные предложения вполне могут быть задействованы для дальнейшей постепенной реализации в ходе развития российского государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фаляхов Р. Итоги Давоса – 2019: мир закрыт для России. Газета.ru. [электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/business/2019/01/25/12143185.shtml (дата обращения 27.01.2019).

2. Кондраль Д. П., Кузьмин А. Г. Опасность распространения радикальных идей для политической системы современной России: управленческий аспект // Вопросы управления. 2015. № 3 (34). С. 7–11.

3. Кондраль Д. П., Кузьмин А. Г. Модели развития современной России в консервативных проектах модернизации страны // Общество: политика, экономика, право. 2015. № 3. С. 8–11.

4. Кондраль Д. П., Кузьмин А. Г. Теории «консервативной» модернизации в современной России // Вестник Пермского университета. Серия Политология. 2015. № 2. С. 128–138.

5. Изборский клуб [электронный ресурс]. URL: https://izborsk-club.ru/ (дата обращения 27.01.2019).

6. Институт Динамического консерватизма [электронный ресурс]. URL: http://www.dynacon.ru/ (дата обращения 27.01.2019).

7. Политическая партия ЛДПР [электронный ресурс]. URL: https://ldpr.ru/ (дата обращения 05.03.2019).

8. Программа политической партии ЛДПР [электронный ресурс]. URL:

https://ldpr.ru/party/Program_LDPR/ (дата обращения 05.03.2019).

9. Бабурин С. Н. Новая русская империя. М.: Алгоритм, 2013.

10. Маляренко Е. С. В. Аксёнов отказался от идеи монархии в пользу пожизненного правления В. В. Путина // РБК [электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/58cd589e9a79477709bcd4bd (дата обращения 31.01.2019).

11. Калашников М. Новая инквизиция. Кто мешает русскому прорыву? М.: Алгоритм, 2014.

12. Кургинян С. Е. Суть времени. Философское обоснование мессианских претензий России в XXI веке: в 4 т. М.: МОФ ЭТЦ, 2012.

13. Проханов А. А. Симфония Пятой Империи. М., 2007.

14. Проханов А. А., Кугушев С. В. Технологии «Пятой Империи». М., 2007.

15. Кондраль Д. П., Кузьмин А. Г. Проект российской модернизации в идеологии движения «Суть времени» С. Кургиняна // Современные научные исследования и инновации. 2014. № 10–2 (42). С. 236–239.

16. Кобяков А., Аверьянов В., Кучеренко В. Русская доктрина. М.: Яуза-пресс, 2007.

17. Филатов А. В. Основы распознания и противодействия манипуляции сознанием. Калининград: МО «Сенте», 2006.

18. Русская доктрина : труд коллектива авторов и экспертов, созданный по инициативе Фонда «Русский предприниматель» под эгидой Центра динамического консерватизма / Под общей ред. А. Б. Кобякова и В. В. Аверьянова; отв. ред. О. А. Платонов. М.: Ин-т русской цивилизации, 2016.

19. Исследование ЮНЕСКО «Молодёжь и насильственный экстремизм в социальных сетях» / SéraphinAlava, DivinaFrau-Meigs, GhaydaHassan. 2017. [электронный ресурс]. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000260382 (дата обращения 03.02.2019).

20. Эсенаманова Н. С. Общественное мнение о факторах и причинах радикализации в религиозной сфере // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2017. Т. 17. № 4. С. 91–94.

21. Манукян А. Р., Шхагапсоева М. Х. Насильственный экстремизм и индивидуальные факторы радикализации // Психолог. 2016. № 6. С. 1–8.

22. Внукова Л. Б. Радикализация как персональный процесс и социальный феномен: зарубежные теории и российские реалии // Вопросы безопасности. 2017. № 4. С. 60–69.

ALGORITHMS AND WAYS OF DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN SOCIO-POLITICAL SYSTEM IN THE WRITINGS OF REPRESENTATIVES OF MODERN CONSERVATIVE THINKING

A.G. Kuzmin
Pitirim Sorokin Syktyvkar State University,
Syktyvkar, Russia

D. P. Kondral
Ukhta State Technical University,
Ukhta, Russia

ABSTRACT: The article is devoted to the analysis of specific algorithms and ways of socio-political development of the country in the works of representatives of conservative thinking, as well as the study of the problems of radicalism. The study notes that the main consumer of radical ideas is young people who do not have deep knowledge or practical experience in the field of socio-political development of the country and society. In this regard, young people are often unable to assess objectively and critically the concept of development of society, not knowing the current trends of political development of the country and regions in the direction of liberalism and democracy. In such circumstances, young people perceive radical ideas "on faith", absolutizing them.

Methods. Based on the system and process approaches, the authors use methods of analysis, evaluation, and comparison.

The authors analyzed the features of conservative political thinking. The threats and risks of radical ideology dissemination and its negative impact on the stable functioning of the political system of Russia are also considered. The novelty of the study is in the activation of radical ideologies in the country in the context of economic crisis, threatening the processes of democratic functioning and sta-

ble development of society. According to the results of the research, reference is made to the fact that Russia at the present stage is going through a difficult period of development associated with the aggravation of the situation both within the country and in foreign policy. Therefore, in the conservative national-patriotic groups there are various theories and projects of the authors who suggest solving current and long-standing problems of development in their scenario using the need to update the ideology caused by various negative trends.

The study was supported by the Russian Humanitarian Research Foundation, project No. 19-011-00594 "Contemporary Russian Nationalism and Modernization of the Country: Ideological Aspects of Impact and Prospects for Implementation".

KEYWORDS: the Russian socio-political system, democratic governance, threats of stable development, nationalism, radicalism, conservatism.

AUTHORS' INFORMATION: Alexander G. Kuzmin, Cand. Sci. (Political), Institute of Social Technologies, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University,
55, October ave., Syktyvkar, 167001, Russia, akuzmin09@rambler.ru.

Dmitry P. Kondral, Cand. Sci. (Political), Associate Professor, Ukhta State Technical University,
13, Yubileynaya st., Ukhta, 169314, Russia, lbvf17@gmail.com.

FOR CITATION: Kuzmin A. G., Kondral D. P. Algorithms and ways of development of the Russian socio-political system in the writings of representatives of modern conservative thinking // Management Issues. 2019. № 3 (39). P. 58—64.

REFERENCES

1. Falyakhov R. Results of the Davos – 2019: the world is closed for Russia. Gazetasi. [electronic resource]. URL: https://www.gazeta.ru/business/2019/01/25/12143185.shtml (date of reference 27.01.2019) [Falyakhov R. Itogi Davosa – 2019: mir zakryt dlya Rossii. Gazeta.ru. [elektronnyy resurs]. URL: https://www.gazeta.ru/ business/2019/01/25/12143185.shtml (data obrashcheniya 27.01.2019).] – (In Rus.).

2. Kondral D. P., Kuzmin A. G. Danger of spreading radical ideas to the political system of modern Russia: management aspect // Management Issues. 2015. № 3 (34). P. 7-11 [Kondral' D. P., Kuz'min A. G. Opasnost' rasprostraneniya radikal'nykh idey dlya politicheskoy sistemy sovremennoy Rossii: upravlencheskiy aspekt // Voprosy upravleniya. 2015. № 3 (34). S. 7–11.] – (In Rus.).

3. Kondral D. P., Kuzmin A. G. Models of the development of modern Russia in the conservative project of modernization of the country // Society: politics, economics, law. 2015. № 3. P. 8-11 [Kondral' D. P., Kuz'min A. G. Modeli razvitiya sovremennoy Rossii v konservativnykh proektakh modernizatsii strany // Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo. 2015. № 3. S. 8–11.] – (In Rus.).

4. Kondral D. P., Kuzmin A. G. Theory of conservative modernization in contemporary Russia // Bulletin of Perm University. Series Political Science. 2015. № 2. P. 128-138 [Kondral' D. P., Kuz'min A. G. Teorii «konservativnoy» modernizatsii v sovremennoy Rossii // Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Politologiya. 2015. № 2. S. 128–138.] – (In Rus.).

5. Izborskiy club [electronic resource]. URL: https://izborsk-club.ru/ (date of reference 27.01.2019) [Izborskiy klub [elektronnyy resurs]. URL: https://izborsk-club.ru/ (data obrashcheniya 27.01.2019)] – (In Rus.).

6. Institute of Dynamic conservatism [electronic resource]. URL: http://www.dynacon.ru/ (date of reference 27.01.2019) [Institut Dinamicheskogo konservatizma [elektronnyy resurs]. URL: http://www.dynacon.ru/ (data obrashcheniya 27.01.2019).] – (In Rus.).

7. Political party LDPR [electronic resource]. URL: https://ldpr.ru/ (date of reference 05.03.2019) [Politicheskaya partiya LDPR [elektronnyy resurs]. URL: https://ldpr.ru/ (data obrashcheniya 05.03.2019).] – (In Rus.).

8. Program of the political party LDPR [electronic resource]. URL: https://ldpr.ru/party/Program_LDPR/ (date of reference 05.03.2019) [Programma politicheskoy partii LDPR [elektronnyy resurs].

URL: https://ldpr.ru/party/Program_LDPR/ (data obrashcheniya 05.03.2019).] – (In Rus.).

9. Baburin S. N. New Russian Empire. M.: Algorithm, 2013 [Baburin S. N. Novaya russkaya imperiya. M.: Algoritm, 2013.] – (In Rus.).

10. Malyarenko E. S. V. Aksenov rejected the idea of monarchy in favor of life-long rule of Vladimir Putin // RBC [electronic resource]. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/58cd589e9a79477709bcd4bd (date of reference 31.01.2019) [Malyarenko E. S. V. Aksenov otkazalsya ot idei monarkhii v pol'zu pozhiznennogo pravleniya V. V. Putina // RBK [elektronnyy resurs]. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/58cd589e9a79477709bcd4bd (data obrashcheniya 31.01.2019).] – (In Rus.).

11. Kalashnikov M. New Inquisition. What prevents the Russian breakthrough? // Algorithm, 2014 [Kalashnikov M. Novaya inkvizitsiya. Kto meshaet russkomu proryvu? // Algoritm, 2014.] – (In Rus.).

12. Kurginyan S. E. Essence of time. Philosophical justification of Messianic claims of Russia in XXI century. In four volumes. M.: MOF ETC, 2012 [Kurginyan S. E. Sut' vremeni. Filosofskoe obosnovanie messianskikh pretenziy Rossii v XXI veke. V 4-kh tomakh. M.: MOF ETTs, 2012.] – (In Rus.).

13. Prokhanov A. A. Symphony of the Fifth Empire. M. 2007 [Prokhanov A. A. Simfoniya Pyatoy Imperii. M. 2007.] – (In Rus.).

14. Prokhanov A. A., Kugushev S. V. Technologies of the "Fifth Empire". M. 2007 [Prokhanov A. A., Kugushev S. V. Tekhnologii «Pyatoy Imperii». M. 2007.] – (In Rus.).

15. Kondral D. P., Kuzmin A. G. Project of Russia's modernization in the ideology of the movement "Essence of time" of Sergei Kurginyan // Modern scientific researches and innovations. 2014. № 10-2 (42). P. 236-239 [Kondral' D. P., Kuz'min A. G. Proekt rossiyskoy modernizatsii v ideologii dvizheniya «Sut' vremeni» S. Kurginyana // Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii. 2014. № 10–2 (42). C. 236–239.] – (In Rus.).

16. Kobyakov A., Averyanov V., Kucherenko V. Russian doctrine. M.: Yauza press, 2007 [Kobyakov A., Aver'yanov V., Kucherenko V. Russkaya doktrina. M.: Yauza-press, 2007.] – (In Rus.).

17. Filatov A.V. Fundamentals of recognition and counteraction to manipulation of consciousness. Kaliningrad. MO "Sente". 2006 [Filatov A. V. Osnovy raspoznaniya i protivodeystviya manipulyatsii soznaniem. Kaliningrad. MO «Sente». 2006.] – (In Rus.).

18. Russian doctrine. The work of a team of authors and experts, created on the initiative of the "Russian entrepreneur" Fund under the auspices of the center for dynamic conservatism. / Ed. by A. B. Kobyakov and V. V. Averyanov. Ed.-in-chief O. A. Platonov. Moscow: Institute of Russian civilization, 2016 [Russkaya doktrina. Trud kollektiva avtorov i ekspertov, sozdannyy po initsiative Fonda «Russkiy predprinimatel'» pod egidoy Tsentra dinamicheskogo konservatizma. / Pod obshchey red. A. B. Kobyakova i V. V. Aver'yanova. Otv. red. O. A. Platonov. M.: Institut russkoy tsivilizatsii, 2016.] – (In Rus.).

19. UNESCO research "Youth and violent extremism in social networks" / SéraphinAlava, DivinaFrau-Meigs, GhaydaHassan. 2017. [electronic resource]. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000260382 (date of reference 03.02.2019) [Issledovanie YuNESKO «Molodezh' i nasil'stvennyy ekstremizm v sotsial'nykh setyakh» / SéraphinAlava, DivinaFrau-Meigs, GhaydaHassan. 2017. [elektronnyy resurs]. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000260382 (data obrashcheniya 03.02.2019).] – (In Rus.).

20. Esenamanova N. S. Public opinion on the factors and causes of radicalization in the religious sphere // Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic University. 2017. V. 17. № 4. P. 91-94 [Esenamanova N. S. Obshchestvennoe mnenie o faktorakh i prichinakh radikalizatsii v religioznoy sfere // Vestnik Kyrgyzsko-Rossiyskogo Slavyanskogo universiteta. 2017. T. 17. № 4. S. 91–94.] – (In Rus.).

21. Manukyan A. R., Shhagapsoeva M. H. Violent extremism and individual factors of radicalization // Psychologist. 2016. № 6. P. 1-8 [Manukyan A. R., Shkhagapsoeva M. Kh. Nasil'stvennyy ekstremizm i individual'nye faktory radikalizatsii // Psikholog. 2016. № 6. S. 1–8.] – (In Rus.).

22. Vnukova L. B. Radicalization as a personal process and a social phenomenon: foreign theory and Russian reality // Safety issues. 2017. № 4. P. 60-69 [Vnukova L. B. Radikalizatsiya kak personal'nyy protsess i sotsial'nyy fenomen: zarubezhnye teorii i rossiyskie realii // Voprosy bezopasnosti. 2017. № 4. S. 60–69.] – (In Rus.).

ДИНАМИКА ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ КОНКУРЕНЦИИ КАНДИДАТОВ НА ПРЯМЫХ ГУБЕРНАТОРСКИХ ВЫБОРАХ В РОССИИ

УДК 324(1-3)"1995/2018" *ГСНТИ 11.15.85*
ББК 66.3(2Рос-15),131 *Код ВАК 23.00.02*
DOI: 10.22394/2304-3369-2019-3-65-75

Р. С. Мухаметов
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
AuthorID: 538787

АННОТАЦИЯ: Данная статья посвящена определению динамики уровня конкуренции на губернаторских выборах в России. Несмотря на наличие двух диаметрально противоположных подходов, можно констатировать, что на субнациональном уровне главы субъектов РФ являются высшими должностными лицами, руководителями высших исполнительных органов региональной власти. В исследовании отмечается, что с начала 2000-х гг. роль главного актора региональных политических и электоральных процессов постепенно начала переходить к федеральной власти, которая к концу 2004 г. окончательно изменила баланс сил в свою пользу путем осуществления федеральной реформы, а также партийной и избирательной реформ.

Методы. Институционализм, компаративизм, эффективное число партий (индекс Лааксо-Таагаперы), индекс Херфиндаля-Хиршмана.

Результаты. Результаты исследования показали, что по сравнению со второй половиной 90-х годов наблюдается тенденция к снижению уровня электоральной конкуренции на губернаторских выборах в стране. Была выявлена прямая связь между федеральным присутствием в регионе и степенью электоральной конкуренции на субнациональном уровне. При этом федеральный центр играет роль демотиватора региональной избирательной конкуренции.

Научная новизна. В ходе исследования была выявлена закономерность между уровнем электоральной конкуренции кандидатов на прямых выборах глав регионов и степенью политико-правового присутствия федерального центра в субъектах РФ. По результатам исследования этапы снижения уровня конкурентности прямых губернаторских выборов совпадают с периодами реформирования федеративных отношений, связанными с ограничением региональной автономии: чем она шире, тем выше уровень электоральной конкуренции, и наоборот.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: региональные выборы; электоральная конкуренция; УРФО; губернаторы; индекс Лааксо-Таагаперы; индекс Херфиндаля-Хиршмана, главы регионов.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Руслан Салихович Мухаметов, кандидат политических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
620000, Россия, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, muhametov.ru@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Мухаметов Р. С. Динамика электоральной конкуренции кандидатов на прямых губернаторских выборах в России // Вопросы управления. 2019. № 3 (39). С. 65—75.

На сегодня существуют две точки зрения на роль и место глав регионов в политической системе страны. Одни считают, что руководители на субнациональном уровне выполняют важную роль в управлении, т.к. они, возглавляя местные политические машины, обеспечивают стабильность режима и поддерживают политический порядок на территории [1, с. 501], особенно в государствах с гибридными режимами. Необходимо отметить, что в современной политической науке существует дискуссия про состоятельность концепта гибридных режимов. Эксперты чаще используют более содержательные понятия, такие как «соревновательный авторитаризм» [2, с. 51–65], «электоральный авторитаризм» [3, с. 36–50], «делегативная демократия» [4, с. 55–69], «дефектная демократия» [5, с. 7–15], «демократура» [6]. Эксперты отмечают, что «их сила (глав регионов. – *Р. М.*) во многом заключается в том, что они реально контролируют местные информационные потоки, избирательные техноло-

© Р. С. Мухаметов, 2019

гии и пропагандистскую работу» [7, с. 138]. Другие полагают, что политический статус губернаторов в российской властной системе становится все более слабым. В рамках политики централизации и построения «вертикали власти» круг их полномочий и неформальное положение последовательно снижаются: главы российских регионов окончательно лишились влияния и превратились в назначенцев, которые не только подчинены федеральному центру, но и зависят в какой-то степени от региональных элит [8, с. 168–173].

Несмотря на наличие двух диаметрально противоположных подходов, можно констатировать, что на субнациональном уровне главы субъектов РФ являются высшими должностными лицами, руководителями высших исполнительных органов региональной власти.

Цель данной статьи состоит в определении как динамики уровня конкуренции кандидатов на прямых губернаторских выборах в России, так и факторов, которые ее детерминируют. Выборку исследования составляют регионы Уральского федерального округа (N=6). Временные рамки включают в себя период с 1995 по 2018 год (с февраля 2005 года и по октябрь 2012 года прямые губернаторские выборы в России отсутствовали). Выбор начальной даты обусловлен проведением в 1995 году первых в регионах УрФО прямых выборов губернатора (Свердловская область). Итоги выборов губернатора Челябинской области, проведенные в апреле 1993 года, не считаются признанными. Верхняя граница хронологических рамок обусловлена окончанием проведения нашего исследования. В качестве эмпирической базы использованы данные электоральной статистики Центральной избирательной комиссии РФ, а также избирательных комиссий субъектов РФ: губернаторских выборов УРФО 1995–2005 и 2012–2018.

В качестве гипотез выдвигаются следующие утверждения:

Гипотеза 1. Уровень электоральной конкуренции на выборах глав регионов был выше во второй половине 90-х годов, чем в 2000-е и 2010-е годы.

Гипотеза 2. Уровень электоральной конкуренции кандидатов на прямых губернаторских выборах в России зависит от степени региональной автономии. Предполагаем, что высокая конкуренция свойственна периодам, когда федеральный центр политически не вмешивается в региональные дела, регионы обладают политической автономией, и уменьшается в периоды, когда Москва концентрирует властные полномочия у себя.

Электоральная конкуренция является одной из характеристик политических систем и режимов. Несмотря на то, что данный термин часто используется в научном дискурсе, его смысловое наполнение отечественные авторы выносят, как правило, за скобки, оставляют без теоретической рефлексии. Отмечается, что «пока еще политическая наука не определилась с содержанием понятия “политическая конкуренция”, то есть с тем, что представляет собой “политическая конкуренция” как феномен, как онтологическая данность» [9, с. 176]. Под электоральной конкуренцией мы будем понимать соперничество кандидатов и/или политических партий между собой за голоса избирателей.

Для оценки уровня конкуренции на выборах необходимо определиться с адекватными данной задаче измеримыми показателями. Обычно для оценки соревновательности выборов оперируют средней численностью выдвинувшихся и зарегистрированных кандидатов на выборные должности, количеством участвующих партий, а также кандидатов-самовыдвиженцев. Однако такой анализ вряд ли позволит сделать качественные выводы и очертить средне- и долгосрочные тренды.

В политической науке существует несколько количественных методик измерения степени электоральной конкуренции [10, с. 19–42; 11, с. 249–252]. Наиболее распространенной является методика количественных оценок. Выраженный в математической формуле критерий, как нам представляется, обеспечивает большую степень объективности, чем опрос экспертов.

Одним из показателей, позволяющих оценить уровень конкуренции, является так наз. эффективное число партий или кандидатов (ЭЧП или ЭЧК). Классическим и широко применяемым является индекс, разработанный Маркку Лааксо и Районом Таагеперой в 1979 году и имеющий следующий вид [12, с. 3–27]: $N = 1/\sum v_i^2$, где v_i – доля голосов кандидата на выборах.

Данный индекс имеет свои достоинства. Он прост в плане вычисления и позволяет делать достаточно широкие обобщения и выводы. Поэтому данный индекс был положен в основу сравнительных исследований политических партий. В то же время у данного индекса существуют определенные минусы, главным из которых является переоценка веса крупнейшей партии. В частности, при его использовании достаточно сложно отличить систему с доминирующей партией от системы с гегемонистской партией. Для устранения этого недостатка российский политолог Григорий Голосов разработал новую формулу вычисления ЭЧП [13, с. 171–192]. В силу того, что перед нами не стоит задача изучения и классификации партийных систем, мы оставим индекс Лааксо-Таагеперы.

Кроме того, для определения уровня электоральной конкуренции применялась формула Херфиндаля-Хиршмана (HHI) [14, с. 761–762]:

$HHI = S21 + S22 + ... + S2n$,

где Si – результат кандидата на выборах, %; n – количество кандидатов.

Итоговый рейтинг конкурентности может быть интерпретирован следующим образом:

10000–7500 – выборы с условной конкуренцией;

7500–5000 – выборы с низкой конкуренцией;

5000–2500 – выборы со средней конкуренцией;

до 2500 – выборы с высокой конкуренцией.

Расчет индекса Лааксо-Таагеперы для уральских регионов представлен в таблице 1.

Из таблицы 1 видно, что среднее значение индекса ЭЧК снижается: в период 1995–1999 годы он был 3,5, 2000–2004 годы – 2,87, наконец, 2012–2018 годы – 1,712.

Расчет индекса Херфиндаля-Хиршмана для субъектов Уральского федерального округа в период с 1995 по 2018 годов представлен в таблице 2.

Как видно из таблицы 2, количество губернаторских выборов с высокой конкуренцией в 90-е годы (при Б. Н. Ельцине) равнялось 3 (42,86 %), со средней и низкой – по 2 (28,57 %). В первый срок президентства В. В. Путина число высококонкурентных выборов составило 2 (28,57 %), средне – 3 (42,86 %), с условной – 2 (28,57 %). Наконец, после возвращения прямых выборов глав регионов в 2012 году состоялись средне- и низкоконкурентных выборов – по 2 (40 % каждый) и с условной – 1 (20 %).

Таким образом, расчеты показывали, что губернаторские выборы были более конкурентными во второй половине 90-х годов, чем в первой половине 2000-х годов, а также то, что уровень электоральной конкуренции кандидатов на выборах глав российских регионов был выше в первую пятилетку «нулевых», чем в 2010-х годах.

На основе проведенного исследования, опирающегося на индекс Лааксо-Таагеперы и формулу Херфиндаля-Хиршмана, была подтверждена первая гипотеза. Для проверки второй гипотезы нам необходимо обратиться к эволюции федеративных отношений в России и рассмотреть изменения отношений по линии «центр–регионы» на выделенных ранее трех временных промежутках – вторая половина 90-х, первая половина 2000-х и 2012–2018 годы.

Таблица 1

Значения индекса Лааксо-Таагеперы для регионов УРФО в период с 1995 по 2018 гг.

	1995	1996	1999	2000	2001	2003	2004	2014	2017	2018
Тюменская область		3,94			2,72			1,32		2,13
Свердловская область	5,72		4,43			4,33			2,41	
Челябинская область		3,36		2,53				1,33		
Курганская область		3,41		3,8			4,22	1,37		
Ханты-Мансийский автономный округ		1,91		1,21						
Ямало-Ненецкий автономный округ		1,9		1,29						
Ср. ЭЧК	3,5			2,87				1,712		

Таблица 2

Значения индекса Херфиндаля-Хиршмана для регионов УРФО в период с 1995 по 2018 гг.

	Тюменская область	Свердловская область	Челябинская область	Курганская область	ХМАО	ЯНАО
1995		1748,4845		2935,5429	5235,8125	5266,9798
1996	2015,2698		2979,7816			
1999		2256,1914				
2000			3949,5714	2631,0635	8249,5941	7767,5382
2001	3682,5572					
2003		2311,23				
2004				1801,6721		
2014	7559,9273		7508,311	7288,0362		
2017		4147,8633				
2018	4704,1815					

Первый этап (1995–1999) характеризуется тем, что у федерального центра отсутствовали сила и политическая воля для установления единых для всех регионов институциональных и политических рамок развития, Москва не имела необходимых административных и иных ресурсов для управления территориями.

Региональные власти обладали политической и административной автономией. Основной закон страны закреплял за субъектами РФ право формировать собственную законодательную базу и самостоятельно устанавливать систему региональной власти. Главы областей и краев добились для себя права избираться на прямых выборах, т.е. получать легитимность от населения, жителей региона. До этого (1995–1996 годов) главы субъектов Федерации (кроме республик) назначались и освобождались от должности Президентом РФ по представлению председателя правительства (история знает исключения из этого правила). С 1995 года руководители регионов стали входить в состав Совета Федерации Федерального Собрания РФ. Назначение и освобождение от должности главных милиционеров в субъектах РФ согласовывалось с региональными властями. Так, начальники ГУВД в регионах назначались на должность и освобождались от нее министром внутренних дел РФ по согласованию с органами государственной власти субъектов РФ. Кроме того, при назначении президентом судей в субъектах РФ требовалось учитывать мнение региональных парламентов. Наконец, у президента отсутствовало право досрочного прекращения полномочий как регионального парламента (так, на 1999 год полномочия регионального парламента могли быть прекращены досрочно только в трех случаях: самороспуск, роспуск главой региона и решение регионального суда о неправомочности состава депутатов регионального парламента), так и право отрешать главу региона от должности (в частности, на 1999 год полномочия российского губернатора прекращались досрочно в следующих случаях: отставка в связи с выражением ему вотума недоверия со стороны регионального парламента; признание судом недееспособным, умершим, безвестно отсутствующим; обвинительный приговор суда; утрата гражданства, а также выезд на ПМЖ за границу).

В этот период политическое присутствие федерального центра в регионах было минимальным. Перед институтом полномочных представителей Президента в регионах стояли всего две задачи – взаимодействие с региональными органами власти и политическими партиями, а также информирование президента о ситуации в регионе. Если говорить о функциях полпредов в тот период времени, то они были следующие:

1) координационная (координирует деятельность территориальных филиалов федеральных органов исполнительной власти);

2) символическая (вручает гос. награды и документы об объявлении благодарности Президента, согласовывает предложения о награждении гос. наградами);

3) организационная (организация общественной приемной президента, но совместно с региональными органами власти);

4) пропагандистская (разъясняет основные направления внутренней и внешней политики, которые определил глава государства);

5) посредническая (вносит предложения и представления, начиная от регионального парламента и заканчивая президентом, в случае принятия региональными органами власти законов, противоречащих Конституции РФ);

6) партиципаторная функция (принимает участие в работе региональных органов власти и в подготовке договоров).

Иными словами, институт полпредства на тот момент был информационно-аналитическим центром, который собирал информацию о значимых событиях в регионе и передавал ее в федеральный центр, а сами полпреды «превратились в придаток губернаторской власти, которая добивалась от центра замены “неудобных послов” на лояльных» [15, с. 6].

Таким образом, из вышеперечисленного видно, что либо федеральный центр (президент) не имел инструментов воздействия на региональные органы власти, либо эти инструменты были ограничены. Получается, что на первом этапе региональные власти пользовались широкой автономией.

Второй этап (2000–2004) отмечен серьезными переменами в отношениях «центр–регионы». Одним из главных направлений внутриполитического курса В. В. Путина было выстраивание «властной вертикали» с целью повышения степени управляемости государством и увеличения контроля центральной власти за ситуацией в регионах. Ведущей тенденцией развития региональных политических процессов на данном этапе стало усиление федерального центра. Кремль поставил задачу интегрировать российское политико-правовое пространство, а также перераспределить ресурсы и полномочия в пользу федерального центра. Вышеназванная задача решалась через проведение «федеральной реформы». Под последней принято понимать следующие мероприятия:

1) главы регионов перестали входить в Совет Федерации. Согласно новому порядку формирования верхней палаты федерального парламента, представитель от регионального парламента избирается депутатами законодательного органа региона, а представитель от исполнительного органа власти субъекта РФ назначается главой региона. Таким образом, в результате реформы из состава Совета Федерации были выведены региональные лидеры и спикеры региональных парламентов и заменены их представителями;

2) в июле 2000 года у региональных органов власти забрали право согласовывать освобождение руководителей органов внутренних дел в регионах. Иными словами, губернаторов лишили формального права защищать «главных милиционеров» в случае, если федеральное МВД решит их снять. В августе 2001 года главы субъектов РФ лишились права на согласование назначений руководителей органов внутренних дел в регионах. Теперь назначение и освобождение от должности осуществляется Президентом РФ по представлению министра внутренних дел РФ. Справедливости ради нужно отметить, что до внесения президенту представления по кандидатуре начальника ГУВД по региону выяснялось мнение губернатора;

3) назначение судей в субъектах РФ производилось Президентом РФ, но уже без учета мнения регионального парламента. Денное решение было оформлено в декабре 2001 года;

4) произошло усиление института полпредства. Было увеличено не только количество, но и качество поставленных перед данным политико-правовым институтом задач:

- представление президенту докладов о ситуации в субъектах ФО;

- организация контроля за исполнением решений федеральных органов государственной власти;

- обеспечение кадровой политики президента;

- организация работы по реализации органами государственной власти основных направлений внутренней и внешней политики.

Полпреды в федеральных округах выполняли такие функции, как:

– координационная (координирует деятельность федеральных органов исполнительной власти);

– символическая (вручает гос. награды и документы об объявлении благодарности Президента, удостоверения, почетные грамоты, согласовывает предложения о награждении гос. наградами, почетными грамотами, благодарностями);

– посредническая (вносит предложения и представления, начиная от регионального парламента и заканчивая президентом, в случае принятия региональными органами власти законов, противоречащих Конституции РФ);

– организационная (организация взаимодействия федеральных органов исполнительной власти с региональными органами, органами МСУ, политическими партиями; организация контроля за исполнением федеральных нормативно-правовых актов, а также за реализацией федеральных программ; организация проведения согласительных процедур для разрешения разногласий между федеральными органами государственной власти и региональными органами власти);

– партиципаторная (принимает участие в работе региональных органов, органов МСУ);

– кадровая (согласование кандидатур на должности, назначения на которые производит президент, правительство).

Таким образом, по сравнению с институтом полпредов в регионах роль представителей президента в федеральных округах изменилась – от наблюдателя до участника (актора) региональной политики. Как отмечают эксперты, «создание института полномочных представителей в федеральных округах усилило позиции центра, его влияние на жизнь регионов» [16, с. 174].

Наконец, президент получил право вносить предупреждения региональному парламенту о принятии им закона, противоречащего ФЗ, и неустранении этой проблемы. Президент получил обязанность вносить в Госдуму законопроект о роспуске регионального парламента в случае отсутствия реакции со стороны данного органа власти на предупреждение президента. Кроме того, глава государства получил право отрешать главу региона от должности в случае неустранения губернатором решения суда о приведении регионального законодательства в соответствии с федеральным.

Таким образом, из вышеназванного видно, что федеральный центр лишал автономии региональные элиты и усиливал свое политико-правовое присутствие в региональных делах.

Сравнение прав и возможностей федерального центра оказывать влияние на региональную ситуацию представлено в таблице 3.

Важно отметить, что реакция на формирование единого правового, экономического, административного и политического пространства, усиление федерального центра со стороны региональной элиты была нейтральной. По крайне мере, как отмечают эксперты, «никакого единого фронта “губернаторской России” против путинского курса не сложилось. Его даже не пытались создать… Все они… понимали, что остановить централизацию нельзя, она объективна, неизбежна и обсуждаться могут только конкретные формы и сроки» [17, с. 69–70]. Можно привести несколько объяснений причин отсутствия противодействия политике строительства «вертикали власти» со стороны глав регионов: отсутствие институтов, способных интегрировать и объединить региональные элиты; прагматизм представителей региональных элит и их убеждение, что индивидуальный лоббизм эффективнее, чем коллективное противостояние; понимание региональными элитами бесперспективности публичного противостояния Москве из-за разности ресурсов политического, экономического, силового и административного влияния; наличие высокого уровня доверия новому президенту [18, с. 23–24].

Таблица 3

Сравнение полномочий федерального центра и регионов

Критерии	1995-2000	2000-2004
Главы регионов	избирались на прямых выборах (жителями региона)	утверждались региональными парламентами
В Совет Федерации входили	главы регионов	назначенные главами регионов лица
Назначение начальников ГУВД в субъектах РФ осуществлял	министр внутренних дел РФ по согласованию с региональными органами государственной власти	президент РФ по представлению министра внутренних дел
Судьи в регионах назначались	президентом с учетом мнения региональных парламентов	президентом
Наличие у президента права отрешить главу региона	отсутствовало	появилось

Необходимо подчеркнуть, что ряд глав регионов (новгородский губернатор М. Прусак, белгородский губернатор Е. Савченко и курганский О. Богомолов) еще до официальной победы В. Путина на президентских выборах 2000 года выступили за сильную централизованную систему государственного управления с сильной вертикально выстроенной исполнительной властью. Они предлагали, например, чтобы главы регионов назначались и смещались президентом с согласия регионального парламента, а также исключить губернаторов и председателей региональных парламентов из состава Совета Федерации [19, с. 1, 4].

Можно обозначить две большие группы факторов, которые способствовали концентрации власти в Москве (в разрезе отношений «федеральный центр – регионы»). Во-первых, существовали «объективные» причины: политика централизации являлась институциональным отражением общественного запроса на стабильность, порядок, «сильную руку». Были и субъективные (политические) причины – политика централизации власти, построения «вертикали власти» была политической местью за вызов, который бросила федеральному центру (Кремлю, правящей элите, «семье» во главе с Б. Н Ельциным, потом его преемником В. В. Путиным) региональная элита («силы децентрализации») на думских выборах 1999 года, оформившись в лево-центристский блок «Отечество – Вся Россия» (мэр Москвы Юрий Лужков, губернатор Санкт-Петербурга Владимир Яковлев, президенты республик Татарстана Минтимер Шаймиева, Башкирии – Муртаза Рахимов, Ингушетии – Руслан Аушев). Хотя справедливости ради нужно заметить, что избирательный блок ОВР выступал за реформы, направленные на укрепление государственной власти, восстановление сильной и дееспособной власти, говорил о необходимости формирования надежной и непрерывной вертикали исполнительной власти, прочно соединяющей федеральный центр с субъектами Российской Федерации и местными властями [20]. Это как раз то, что с мая 2000 года назовут федеральной реформой.

Таким образом, с начала 2000-х гг. роль главного актора региональных политических и электоральных процессов постепенно начала переходить к федеральной власти, которая к концу 2004 г. окончательно изменила баланс сил в свою пользу путем осуществления федеральной реформы, а также партийной и избирательной реформ.

На третьем этапе (2012–2018) произошло утверждение федеральной власти в качестве доминирующего актора в региональной политике. Федеральный центр установил контроль над региональными элитами и региональными политическими процессами.

После 7,5 лет отсутствия прямых выборов глав российских регионов (с января 2005 года по октябрь 2012 года губернаторами становились лица, утверждаемые региональными парламентами по представлению Президента РФ) 1 июня 2012 года вступил в силу закон, их возвращающий. Эксперты, проводящие мониторинг региональных избирательных кампаний и анализирующие итоги голосований, говорят, что:

1) результаты местных выборов во многом утратили интригу, напоминая референдумы (плебисциты) о доверии главам регионов;

2) прямые губернаторские выборы не приносят больших сюрпризов (как правило, во всех регионах уже в первом туре выигрывают действующие региональные руководители или врио);

3) результаты прямых выборов глав регионов определяются не в день голосования, а заранее, в момент ознакомления с окончательным списком участников выборов [21; 22].

Можно обозначить следующие причины снижения уровня электоральной конкуренции, продолжения ранее намеченного тренда.

Во-первых, появление института «муниципального фильтра», т.е. требования ко всем кандидатам представить для регистрации подписи муниципальных депутатов и избранных путем прямых выборов глав муниципальных образований. Общее количество необходимых для регистрации кандидатов подписей местных народных избранников представлено в таблице 4.

Таблица 4

Количество подписей муниципальных депутатов, %

Субъект РФ	Год губернаторских выборов	Количество подписей
Курганская область	2014	6
Тюменская область	2014	5
Тюменская область	2018	5
Свердловская область	2017	7,9
Челябинская область	2014	7

При введении, не говоря уже о действии института «муниципального фильтра», было очевидно, что он непреодолим без поддержки, с формально-юридической точки зрения, депутатов, избранных от партии «Единая Россия», а неформальной – Кремля. Модель управления «партией власти» характеризуется как «внешнее управление» со стороны Администрации Президента РФ: официальное руководство единороссов отвечает за текущий менеджмент, в то время как кремлевские руководители (кураторы внутренней политики) выступают в качестве внешних акционеров партии, которые контролируют принятие стратегических решений. Эксперты сравнивают «партию власти» с фирмой, чьи активы принадлежат не ее менеджерам, а более крупному многоотраслевому холдингу, который нанимает менеджеров и исполнителей и заменяет персонал время от времени [23, с. 135–152].

Институт «муниципального фильтра» действует двумя путями:

1) в качестве непреодолимого барьера для оппозиционных действующему (или врио) губернатору политиков. В рассматриваемых нами регионах не сумел преодолеть муниципальный фильтр на выборах свердловского губернатора мэр Екатеринбурга Е. В. Ройзман;

2) как превентивный инструмент, «страшилка», изначально отпугивающая некоторых политиков. В частности, партия «Справедливая Россия» не выдвинула депутата Госдумы, лидера своего регионального отделения В. К. Гартунга кандидатом на выборах губернатора Челябинской области в 2014 году.

Во-вторых, отсутствие в избирательном законодательстве регионов УрФО института самовыдвижения кандидатов.

Рассмотрев изменения отношений по линии «центр – регионы», можно сделать заключение, что степень региональной автономии на трех временных промежутках была различной – от «губернаторской вольницы» до встраивания глав регионов в систему «вертикали власти».

Таким образом, результаты исследования показали, что по сравнению с 1995–1999 годами наблюдается тенденция к снижению уровня электоральной конкуренции на прямых губернаторских выборах. Проведенное исследование подтвердило, что по мере концентрации власти в Москве снижается и уровень субнациональной электоральной конкуренции. Исследование говорит о наличии прямой связи между федеральным политико-правовым присутствием в регионе и степенью электоральной конкуренции на региональном уровне. Иными словами, этапы снижения уровня конкурентности прямых губернаторских выборов совпадают с периодами реформирования федеративных отношений, связанными с ограничением региональной автономии: чем она шире, тем выше уровень электоральной конкуренции, и наоборот. Федеральный центр играет роль демотиватора избирательной конкуренции на субнациональном уровне. В субъектах РФ, где наблюдалась во второй половине 90-х годов достаточно высокая электоральная конкуренция между кандидатами, в данный период времени она опустилась на несколько уровней.

ЛИТЕРАТУРА

1. Reuter O. J., Remington T. Dominant Party Regimes and the Commitment Problem: the Case of United Russia // Comparative Political Studies. 2009. Vol. 42. № 4. PP. 501–526.

2. Levitsky S., Way L. The Rise of Competitive Authoritarianism // Journal of Democracy. 2002. Vol. 13. №. 2. PP. 51–65.

3. Schedler A. The Menu of Manipulation // Journal of Democracy. 2002. Vol. 13. №. 2. PP. 36–50.

4. O'Donell G. Delegative Democracy // Journal of Democracy. 1994. № 5. PP. 55–69.

5. Меркель В., Круассан А. Формальные и неформальные институты в дефект-

ных демократиях // Полис. 2002. № 1. С. 7–15.

6. Шмиттер Ф. Угрозы и дилеммы демократии // Век XX и мир. 1994. № 7–8. [Электронный ресурс]. URL: http://www.politnauka.org/library/dem/schmitter.php (дата обращения 01.05.2019).

7. Барзилов С. И. Губернаторская власть как институт и субъект регионального политического пространства // Регион как субъект политики и общественных отношений. М., 2000. С. 136–142.

8. Соколова Т. В. Феномен губернаторской власти в современных политических процессах: федеральный и региональный уровни // Вестник Пермского университета. Сер. История и политология. 2007. Вып. 3. С. 168–173.

9. Шилов В. Н., Рылкина А. П. Политическая конкуренция: термин, понятие, форма деятельности // Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. 2011. № 13. Вып. 19. С. 176–184.

10. Ковин В. С., Петрова Р. И. Методика анализа конкурентности на местных выборах (на примере промышленных «малых городов» Пермского края) Вестник пермского университета. Сер. Политология. 2016. № 4. С. 19–43.

11. Суховольский А. В. Методы оценки уровня конкуренции на выборах (на примере местных выборов в г. Красноярске) // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета. 2006. № 5. С. 249–252.

12. Laakso M., Taagepera R. Effective Number of Parties: A Measure of Application to West Europe // Comparative Political Studies. 1979. Vol. 12. №. 1. PP. 3–27.

13. Golosov G. The effective number of parties: A New Approach // Party politics. 2010. Vol.16. №. 2 PP. 171–192

14. Hirschman A. The Paternity of an Index // The American Economic Review. 1964. Vol. 54. № 5. PP. 761–762.

15. Кистанов В. В. Федеральные округа России: важный шаг в укреплении государства. М.: Экономика, 2000.

16. Дегтев Г. В. Становление и развитие института президентства в России: теоретико-правовые и конституционные основы. М.: Юристъ, 2005.

17. Иванов В. Партия Путина. История «Единой России». М.: ЗАО ОЛМА Медиа Групп, 2008.

18. Чирикова А. Путинские реформы и позиционирование региональных элит // Мир России. 2006. № 1. С. 3–28.

19. И власть, и экономика, и президент на 7 лет // Независимая газета. 25.02.2000.

20. Отечество – Вся Россия, предвыборная программа [Электронный ресурс] // Панорама: офиц. сайт. URL: http://www.panorama.ru/works/vybory/party/p-ovr.html (дата обращения: 02.02.2019).

21. Выборы глав регионов в 2017 году: сценарии кампаний и прогнозы [Электронный ресурс] // Фонд развития гражданского общества: офиц. сайт. URL: http://civilfund.ru/mat/view/105 (дата обращения: 02.02.2019).

22. Итоги мониторинга избирательных кампаний 2012-2017 годов. Аналитический доклад [Электронный ресурс] // Комитет гражданских инициатив: офиц. сайт. URL: https://komitetgi.ru/analytics/3591/ (дата обращения: 02.02.2019).

23. Гельман В. Я. Политические партии в России: от конкуренции – к иерархии // Полис. Политические исследования. 2008. № 5. С. 135–152.

DYNAMICS OF ELECTORAL COMPETITION CANDIDATES IN DIRECT GUBERNATORIAL ELECTIONS IN RUSSIA

R. S. Mukhametov
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia

ABSTRACT: This article is devoted to determining the dynamics of the level of competition in the gubernatorial elections in Russia. Despite the existence of two diametrically opposite approaches, it can be stated that at the subnational level, the heads of the subjects of the Russian Federation are the

highest officials, heads of the highest executive bodies of regional power. The study notes that since the early 2000s, the role of the main actor in regional political and electoral processes gradually began to move to the Federal government, which by the end of 2004 finally changed the balance of power in its favor through the implementation of the Federal reform, as well as party and electoral reforms.

Methods. Institutionalism, comparativism, effective number of parties (Laakso-Taagepera index), the Herfindahl-Hirschman index.

The results of the study showed that in comparison with the second half of the 1990s there is a tendency to reduce the level of electoral competition in the gubernatorial elections in the country. A direct link between the Federal presence in the region and the degree of electoral competition at the subnational level was identified. At the same time, the Federal center plays the role of demotivator of regional electoral competition.

The study revealed a pattern between the level of electoral competition of candidates in direct elections of heads of regions and the degree of political and legal presence of the Federal center in the subjects of the Russian Federation. According to the results of the study, the decrease in the level of concreteness of direct gubernatorial elections coincides with the periods of reform of Federal relations associated with the restriction of regional autonomy: the wider it is, the higher the level of electoral competition, and vice versa.

KEYWORDS: regional elections, electoral competition, UFD, governors, Laakso-Taagepera index, Herfindahl-Hirschman index, heads of regions.

AUTHORS' INFORMATION: Ruslan S. Mukhametov, Cand. Sci. (Political), Associate Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
51, Lenina st., Ekaterinburg, 620000, Russia, muhametov.ru@mail.ru.

FOR CITATION: Mukhametov R. S. Dynamics of electoral competition candidates in direct gubernatorial elections in Russia // Management Issues. 2019. № 3 (39). P. 65—75.

REFERENCES

1. Reuter O. J., Remington T. Dominant Party Regulations and the Commitment Problem: the Case of United Russia // Comparative Political Studies. 2009. Vol. 42. № 4. PP. 501–526.

2. Levitsky S., Way L. The Rise of Competitive Authoritarianism // Journal of Democracy. 2002. Vol. 13. №. 2. PP. 51–65.

3. Scheduler A. The Menu of Manipulation // Journal of Democracy. 2002. Vol. 13. №. 2. PP. 36–50.

4. O'donell G. Delegative Democracy // Journal of Democracy. 1994. № 5. PP. 55–69.

5. Merkel V., Cruassan A. Formal and informal institutions in defective democracies // Polis. 2002. № 1. P. 7-15 [Merkel' V., Kruassan A. Formal'nye i neformal'nye instituty v defektnykh demokratiyakh // Polis. 2002. № 1. S. 7–15.] – (In Rus.).

6. Schmitter F. Threats and dilemmas of democracy // Century XX and the world. 1994. № 7-8. [electronic resource.] URL: http://www.politnauka.org/library/dem/schmitter.php (date of reference 01.05.2019) [Shmitter F. Ugrozy i dilemmy demokratii // Vek XX i mir. 1994. № 7–8. [Elektronnyy resurs]. URL: http://www.politnauka.org/library/dem/schmitter.php (data obrashcheniya 01.05.2019).] – (In Rus.).

7. Barzilov S. I. Gubernatorial power as an institution and a subject of regional political space // Region as a subject of politics and public relations. M., 2000. P. 136-142 [Barzilov S. I. Gubernatorskaya vlast' kak institut i sub"ekt regional'nogo politicheskogo prostranstva // Region kak sub"ekt politiki i obshchestvennykh otnosheniy. M., 2000. S. 136–142.] – (In Rus.).

8. Sokolova T. V. Phenomenon of gubernatorial power in modern political processes: Federal and regional levels // Bulletin of Perm University. Series History and political science. 2007. Vol. 3. P. 168-173 [Sokolova T. V. Fenomen gubernatorskoy vlasti v sovremennykh politicheskikh protsessakh: federal'nyy i regional'nyy urovni // Vestnik Permskogo universiteta. Ser. Istoriya i politologiya. 2007. VyP. 3. S. 168–173.] – (In Rus.).

9. Shilov V. N., Rylkina A. P. Political competition: term, concept, form, activities // Scientific statement BSU. Series History. Political science. Economy. Informatics. 2011. № 13.

Vol. 19. P. 176-184 [Shilov V. N., Rylkina A. P. Politicheskaya konkurentsiya: termin, ponyatie, forma deyatel'nosti // Nauchnye vedomosti BelGU. Ser. Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika. 2011. № 13. VyP. 19. S. 176–184.] – (In Rus.).

10. Kovin V. S., Petrova R. I. Methods of analysis of competition in local elections (by the example of industrial "small towns" of Perm region). Bulletin of Perm University. Series Political science. 2016. № 4. P. 19-43 [Kovin V. S., Petrova R. I. Metodika analiza konkurentnosti na mestnykh vyborakh (na primere promyshlennykh «malykh gorodov» Permskogo kraya) Vestnik permskogo universiteta. Ser. Politologiya. 2016. № 4. S. 19–43.] – (In Rus.).

11. Sukhovolsky A.V. Methods of assessing the level of competition in elections (by the example of local elections in Krasnoyarsk) // Bulletin of the Siberian State Aerospace University. 2006. № 5. P. 249-252 [Sukhovol'skiy A. V. Metody otsenki urovnya konkurentsii na vyborakh (na primere mestnykh vyborov v g. Krasnoyarske) // Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo aerokosmicheskogo universiteta. 2006. № 5. S. 249–252.] – (In Rus.).

12. Laakso M., Taagepera R. Effective Number of Parties: A Measure of Application to West Europe // Comparative Political Studies. 1979. Vol. 12. № 1. PP. 3–27.

13. Golosov G. The effective number of parties: A New Approach // Party politics. 2010. Vol.16. № 2 PP. 171–192

14. Hirschman A. The Paternity of an Index // The American Economic Review. 1964. Vol. 54. № 5. PP. 761–762.

15. Kistanov V. V. Federal districts of Russia: an important step in strengthening the state. M.: Economics, 2000.

16. Degtev G. V. Formation and development of the Institute of Presidency in Russia: theoretical, legal and constitutional foundations. M.: Lawyer, 2005 [Degtev G. V. Stanovlenie i razvitie instituta prezidentstva v Rossii: teoretiko-pravovye i konstitutsionnye osnovy. M.: Yurist", 2005.] – (In Rus.).

17. Ivanov V. Putin's Party. History of United Russia. Moscow: OLMA Media Group, 2008 [Ivanov V. Partiya Putina. Istoriya «Edinoy Rossii». M.: ZAO OLMA Media Grupp, 2008.] – (In Rus.).

18. Chirikova A. Putin's reforms and positioning of regional elites // World of Russia. 2006. № 1. P. 3-28 [Chirikova A. Putinskie reformy i pozitsionirovanie regional'nykh elit // Mir Rossii. 2006. № 1. S. 3–28.] – (In Rus.).

19. Power, economy, and the President are for 7 years // Independent newspaper. 25.02.2000 [I vlast', i ekonomika, i prezident na 7 let // Nezavisimaya gazeta. 25.02.2000.] – (In Rus.).

20. Motherland – all Russia, election program [electronic resource] // Panorama: official website. URL: http://www.panorama.ru/works/vybory/party/p-ovr.html (date of reference 02.02.2019) [Otechestvo – Vsya Rossiya, predvybornaya programma [Elektronnyy resurs] // Panorama: ofits. sayt. URL: http://www.panorama.ru/works/vybory/party/p-ovr.html (data obrashcheniya: 02.02.2019).] – (In Rus.).

21. Elections of heads of regions in 2017: campaign scenarios and forecasts [electronic resource] // Civil Society Development Fund: official website. URL: http://civilfund.ru/mat/view/105 (date of reference 02.02.2019) [Vybory glav regionov v 2017 godu: stsenarii kampaniy i prognozy [Elektronnyy resurs] // Fond razvitiya grazhdanskogo obshchestva: ofits. sayt. URL: http://civilfund.ru/mat/view/105 (data obrashcheniya: 02.02.2019).] – (In Rus.).

22. The results of election campaigns monitoring from 2012 to 2017. Analytical report [electronic resource] // Committee of Civil Initiatives: official website. URL: https://komitetgi.ru/analytics/3591/ (date of reference 02.02.2019) [Itogi monitoringa izbiratel'nykh kampaniy 2012-2017 godov. Analiticheskiy doklad [Elektronnyy resurs] // Komitet grazhdanskikh initsiativ: ofits. sayt. URL: https://komitetgi.ru/analytics/3591/ (data obrashcheniya: 02.02.2019).] – (In Rus.).

23. Gelman V. Ya. Political parties in Russia: from competition to hierarchy // Polis. Political studies. 2008. № 5. P. 135-152 [Gel'man V. Ya. Politicheskie partii v Rossii: ot konkurentsii – k ierarkhii // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2008. № 5. S. 135–152.] – (In Rus.).

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ РАЗВИТИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА

УДК 796.001.7:35 *ГСНТИ 82.13.31*
ББК 75к2+67.401.12 *Код ВАК 23.00.02*
DOI: 10.22394/2304-3369-2019-3-76-87

Г. М. Цинченко
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
AuthorID: 688861

И. С. Орлова
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
AuthorID: 1025005

АННОТАЦИЯ: Цель данного исследования – анализ направлений государственной политики Российской Федерации в сфере развития спорта и физической культуры в современной России, ее законодательное регулирование и систему управления.

Исследование проведено на основе комплекса общенаучных методов, таких как обобщение и систематизация теоретических данных на основе изучения работ различных авторов, анализа, синтеза, обобщения, сравнения, системно-функционального и комплексного подхода, с использованием анализа официальной статистики и нормативных федеральных и региональных правовых актов.

Теоретическая и практическая значимость проведенного исследования заключается в том, что в нем уточнены и систематизированы понятия и подходы в отношении государственной политики развития физической культуры и спорта, которые в отечественной науке еще недостаточно исследованы. Проведенный анализ состояния системы управления физической культурой и спортом в Российской Федерации позволит разработать актуальное видение выявленных проблем и поспособствует совершенствованию государственной политики в сфере физкультуры и спорта.

Научная новизна заключается в исследовании взаимосвязи государственной политики в сфере физкультуры и спорта с демографической политикой и национальной безопасностью с использованием различных инструментов. Доказывается, что имплементация механизмов обеих политик подчиняются единой цели – преодолению последствий современного кризиса и обеспечению укрепления здоровья населения и увеличение продолжительности жизни.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: государственная политика, физкультура и спорт, национальная безопасность, здоровье, продолжительность жизни.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Галина Михайловна Цинченко, кандидат социологических наук, доцент, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
199178, Россия, г. Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., 57/43, szio@ranepa.ru.

Инна Степановна Орлова, кандидат педагогических наук, доцент, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
199178, Россия, г. Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., 57/43, szio@ranepa.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Цинченко Г. М., Орлова И. С. Государственная политика Российской Федерации в сфере развития физической культуры и спорта // Вопросы управления. 2019. № 3 (39). С. 76—87.

© Г. М. Цинченко, И.С. Орлова, 2019

Введение. Важной задачей государственной политики является поддержка развития физической культуры и спорта и использование этих сфер для решения комплекса социальных проблем. Государственная политика в сфере физической культуры и спорта России направлена на оздоровление населения, снижение общей заболевае-

мости, воспитание патриотизма и укрепление авторитета России на мировой арене как ведущей спортивной державы.

Особое внимание государства к рассматриваемой сфере обусловлено негативными явлениями, которые отмечаются в российском обществе после перехода к новой социально-экономической модели развития, что вызвало структурную перестройку всех сфер жизни граждан. Физическая культура и спорт выпали из сферы жизненных приоритетов граждан и утратили былое распространение в обществе, достигнутое во второй половине прошедшего столетия. Общенародным парадом достижений советского физкультурного движения являлись Спартакиады народы СССР. В 1967 году в Спартакиаде народов СССР участвовало 85 млн человек, в 1979 году – более 100 млн человек. Впечатляли достижения советских спортсменов и на международной арене. Результат выступления на Олимпийских играх – 309 золотых, 252 серебряных и 236 бронзовых медалей. Более 30 % международных культурных связей составляли спортивные связи [1, с. 14]. В современной России показатели развития спорта и достижения значительно скромнее. Кроме того, физкультурно-спортивная инфраструктура, не получая достаточной государственной поддержки, пришла в упадок и оказалась не способна удовлетворить запросы российского общества на качественные и современные услуги.

Еще в 2009 г. в Стратегии развития спорта и физкультуры до 2020 г. в качестве вызовов национальной безопасности отмечено ухудшение здоровья населения и отсутствие эффективной системы детско-юношеского спорта [2]. Президент РФ неоднократно отмечал, что физическая культура и спорт являются сферой национальных интересов России. В частности, президент заявлял, что важнейшее направление государственной политики нашей страны – развитие спорта и физической культуры, особенно среди детей и молодежи, так как важно сделать занятие массовым спортом модной тенденцией. Именно для этого, по словам президента, в России проводились в последние годы масштабные международные спортивные соревнования, а развитие физической культуры и спорта в стране входит в число национальных приоритетов [3]. Президентом было сформулировано специальное поручение органам региональной власти с требованием создавать условия для занятия физкультурой и спортом для всех категорий граждан, вести работу по систематическому расширению физкультурно-спортивной инфраструктуры в субъектах РФ.

Таким образом, субъекты Российской Федерации должны принимать системные и регулярные меры, направленные на развитие сферы физкультуры и спорта как важнейшего направления государственной политики. Актуальной является задача оптимизации государственной политики по развитию спорта и физической культуры на уровне регионов, с учетом современных задач, имеющихся ресурсов и запросов общества.

Отечественные ученые традиционно обращают в своих исследованиях внимание на проблемы государственной поддержки развития физической культуры и спорта. Теоретическую и методологическую основу исследований в этой области заложили труды С. В. Алексеева, Д. Н. Бахрах, Х. Е. Мейер, В. В. Столбова, А. Смит, З. Сауар, Д. Ричи. Так, С. В. Алексеев исследует рыночные инструменты развития спорта и физкультуры в России, в частности, обращается к спортивному маркетингу, менеджменту, используя стратегический подход [4]. Д. Н. Бахрах с коллегами исследуют вопрос значения спорта и физической культуры для государства в современной системе международных отношений. Авторы приходят к выводу, что его развитие является инструментом консолидации общества и укрепления позиций государства на международной арене [5]. Вопросы правового регулирования развития спорта и физической культуры в России отражены в работах П. А. Виноградова, В. Е. Горшкова, А. П. Ермолаева, В. В. Карякина, И. М. Чемакиной и др. В. Е. Горшков при изучении сложившейся в России системы управления спортом и физкультурой выделяет национальную специфику, указывает на проблемные сферы, требующие решения [6].

С точки зрения управленческого аспекта, государственная политика развития физической культуры и спорта в России изучена недостаточно хорошо. Можно выделить труды: А. М. Малинина, И. Б. Еремина, А. О. Чижова и др. Данные работы изучают отдельные аспекты и проблемы управления спортом и физкультурой в России, но не

дают системного представления по теме исследования.

В развитии любого общества, его физического и духовного здоровья значимую роль играют физическая культура и спорт, в связи с чем государства мира проводят активную государственную политику в этой сфере.

Основные направления государственной политики Российской Федерации в сфере развития спорта и физической культуры на современном этапе. Государственная политика Российской Федерации по развитию спорта и физкультуры строится из объективных потребностей государства и запроса общества:

1) Российское государство заинтересовано в оздоровлении нации, что приведет к снижению заболеваемости населения, смертности и увеличению продолжительности жизни. Например, средняя продолжительность ожидаемой жизни в России превысила 70 лет в 2017 году, но сохранился значительный разрыв – примерно 8 лет – с европейскими государствами. В развитых странах мира этот показатель превышает 80 лет, а в Германии и Швеции 82 года, Японии и Швейцарии 84 года, в США 81 год [7].

Уровень смертности в России продолжает оставаться высоким, несмотря на явное улучшение ситуации. В 2017 г. показатель был равен 11 смертям на 1000 населения, тогда как в развитых странах мира он в 2 раза меньше (6–7 на 1000 чел.).

Правительство РФ ставит задачу привлечь к занятию физкультурой к 2020 г. до 40 % населения страны. Для государства здоровая нация – это ключевой ресурс развития, сокращения социальных расходов;

2) в российском обществе существует запрос на здоровье, на здоровый образ жизни, а также на спорт;

3) Российское государство признает физкультуру и спорт важными ресурсами для воспитания и развития молодого поколения. Президент РФ В. В. Путин на Заседании Совета по развитию спорта и физической культуры отметил, что главное для российского общества – это здоровье граждан, обеспечение им полезного досуга, формирование у них позитивного отношения к жизни, которое формируется за счет занятия спортом.

Таким образом, ресурсы государства в сфере физической культуры и спорта должны быть направлены на решение конкретных проблем, которые стоят перед государством. Применительно к России это проблемы: ухудшения здоровья общества в целом, слабого физического развития российского населения, недостаточной эффективности системы детско-юношеского спорта.

В последние годы в России заметна тенденция к повышению социального статуса и значения спорта и физической культуры, что хорошо прослеживается в государственных стратегических документах.

Согласно государственной программе «Развитие физической культуры и спорта» целями государства в исследуемой сфере является формирование условий, которые обеспечивают людям широкие возможности для систематических занятий спортом и физкультурой; повышение значения и авторитета российского спорта на внешней арене.

В Стратегии развития спорта и физкультуры в Российской Федерации обозначены следующие цели: формирование новой национальной системы физкультурно-спортивного воспитания граждан России; пропаганда физической культуры и спорта как ключевой составляющей здорового образа жизни населения; постепенная модернизация системы физической культуры и массового спорта в образовательных учреждениях; совершенствование подготовки спортсменов спорта высоких достижений и тренерского состава; совершенствование организационно-управленческого, научно-методического, кадрового и антидопингового потенциала российского спорта; модернизация и развитие инфраструктуры физической культуры и спорта в регионах Российской Федерации [8].

Обозначенные цели показывают общие направления развития государственной политики в сфере физкультуры и спорта России.

О задачах государственной политики можно судить по перечню подпрограмм в программе «Развитие физической культуры и спорта»: развитие массового спорта и физкультуры; поддержка спорта высоких достижений и комплекса подготовки резерва; управление дальнейшим развитием сферы спорта и физкультуры.

Распределение средств федерального бюджета на реализацию программы по ключевым направлениям представлено на рис. 1.

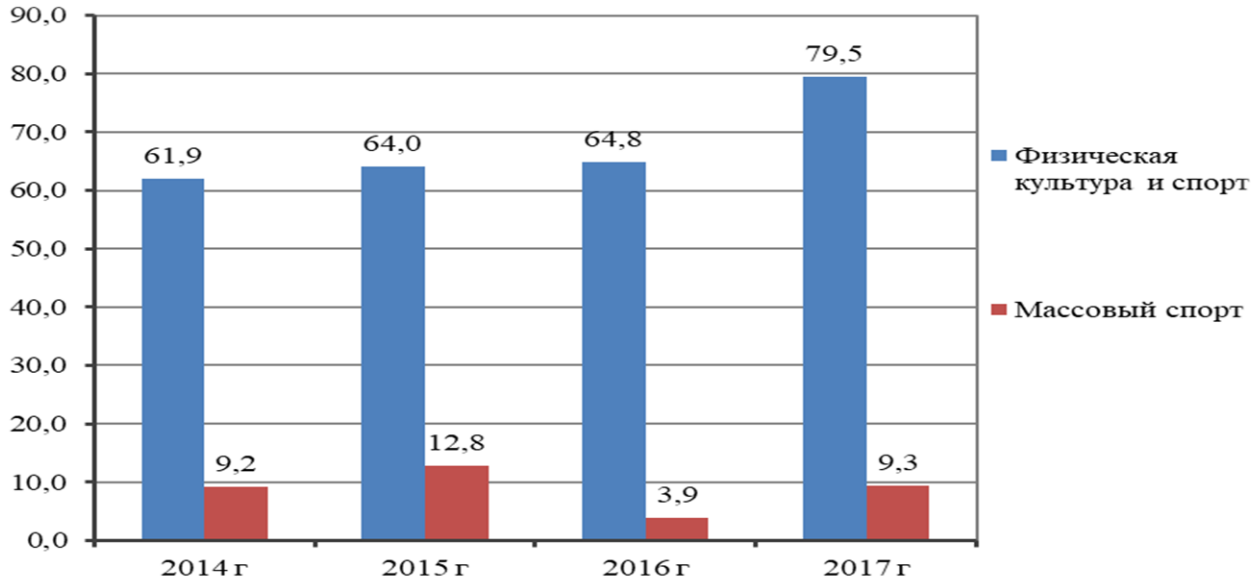

Рис. 1. Динамика финансирования реализации госпрограммы «Развитие физической культуры и спорта», млрд руб. (составлено по данным: «План деятельности Минспорта РФ». М.: Минспорт РФ. 2016).

В 2017 г. объем средств, выделенных на реализацию Госпрограммы, достиг 88 721 649,7 тыс. рублей. Это максимальный показатель за последние 4 года. При этом на направление «физическая культура и спорт» пошло 79 млрд руб., а на массовый спорт – 9 млрд руб. То есть существует некоторый перекос в сторону спорта высоких достижений, что связано с проведением крупнейших международных соревнований в России в 2013–2018 гг.

Общие принципы государственной политики в сфере физкультуры и спорта обозначены в законе «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» [9]: обеспечение свободного доступа к физической культуре и спорту для граждан России как необходимое условие развития личности; единая нормативно-правовая база на всей территории страны в сфере управления физической культурой и спортом; сочетание государственного регулирования и саморегулирования в физической культуре и спорте; гарантия обеспечение безопасности жизни и здоровья граждан, которые занимаются физической культурой и спортом; развитие системы физической культуры и спорта для инвалидов; непрерывность и преемственность физического воспитания граждан России всех возрастов.

Приоритеты государственной политики в сфере физической культуры и спорта Президент РФ связывает с рационализацией концентрации ресурсов и формированием эффективной системы управления ими. Это достигается за счет совершенствования системы управления физкультурой и спортом. Причем приоритет должен отдаваться развитию массового спорта [10].

Еще один приоритет заключается в вовлечении в занятие спортом и физической культурой трудоспособного населения (только 15 % из него занимаются физической культурой). Конкретная политика государства по развитию спорта и физической культуры в России реализуется следующими средствами: увеличение количества и повышение качества работы спортивных школ, школ олимпийского резерва, которые осуществляют работу по подготовке спортсменов высокого класса; создание новых и модернизация имеющихся баз и центров подготовки спортсменов разного уровня по всем видам спорта, а также воссоздание системы учебной спортивной инфраструктуры (физкультурно-оздоровительных, спортивно-технических и методо-

логических центров); увеличение финансирования комплексных научных исследований по проблемам развития физкультуры и спорта; создание и поддержка системы спортивного меценатства и благотворительности.

Каждый субъект Федерации, исходя из собственных задач и потребностей, определяет местную региональную политику в сфере развития спорта и физкультуры, а также создания спортивно-физкультурной инфраструктуры, обновления инструментальной базы, кадрового состава отрасли и др.

В целом, анализ комплекса стратегических документов позволяет сделать вывод, что общее направление развития физической культуры и спорта в России – это ускорение темпов развития отрасли и обеспечение инновационного характера ее инфраструктуры, совершенствование инструментов управления. Цель всех преобразований в области физкультуры и спорта – развитие человеческого потенциала граждан России за счет вклада физической культуры и спорта в сохранение и укрепление их здоровья как важного ресурса государства.

Федеральный Закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» определяет правовые, финансовые, организационные, культурные, социальные основы функционирования физкультурно-спортивных учреждений, принципы государственной политики в этой сфере, задачи государства и ожидаемые результаты. Закон определяет правовую базу развития массовых и индивидуальных форм физкультуры и спорта в образовательных учреждениях, на производственных предприятиях, в организациях другого типа, с детьми дошкольного возраста.

Этот закон дополняют положения законов общей направленности. Так, Федеральный закон «Об общественных объединениях» регулирует проблемы формирования, регистрации, реорганизации и закрытия физкультурно-спортивных учреждений, в том числе профессиональных федераций, ассоциаций и союзов. Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» регулирует вопросы научного, методологического и технологического развития российской физкультуры и спорта в стране. Закон РФ «Об образовании в РФ» регулирует направления развития физкультуры и спорта в учреждениях сферы образования. Закон РФ «О средствах массовой информации» регулирует направление популяризации спорта и физической культуры в системе российских СМИ.

Кроме законодательных документов государственная политика в сфере физкультуры и спорта определяется группой документов стратегического планирования, как на уровне всей экономической системы, так в секторе физической культуры и спорта (концепции, стратегии и государственные программы в сфере социально-экономического развития).

Цель Госпрограммы «Развитие физкультуры и спорта» (базового документа в этой сфере на ближайшие годы) – подъем уровня включенности граждан в регулярные занятия спортом и физкультурой, которые входят в число приоритетов современной государственной социальной политики (см. Указ Президента РФ «О мерах по реализации государственной социальной политики»). А в Концепции демографической политики РФ в качестве задачи отмечено поддержание и улучшение здоровья граждан РФ, повышение продолжительности жизни населения, создание среды и формирование мотивации для соблюдения правил здорового образа жизни, то есть практически дублируются задачи государственной политики в области физкультуры и спорта РФ.

Министерство спорта России является соисполнителем группы государственных программ Российской Федерации в сфере образования, социальной поддержки граждан; формирования доступной среды, культуры и туризма. Согласно программам развития спорта и физической культуры, приоритетные направления развития в России этих сфер связаны с созданием комплексных условий, которые способствуют повышению физической активности граждан и обеспечению доступности занятий для всех категорий граждан, включая инвалидов и малоимущие слои населения.

Для оценки эффективности реализуемых мер в сфере физической культуры и спорта используется принятая в системе государственного управления методическая программа. Постановлением Правительства РФ закреплен перечень индивидуальных индикаторов, используемых для исследования эффективности работы структур и ведомств органов власти России. В

разделе этого постановления «IX. Физическая культура и спорт» предложены следующие индикаторы оценки эффективности:

– доля граждан, регулярно занимающихся культурой и спортом, от всего населения района;

– доля учащихся и студентов, которые регулярно занимаются физической культурой и спортом, от их общего числа;

– доля граждан с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов, которые регулярно занимаются физической культурой и спортом;

– показатели единовременной пропускной способности объектов спорта (процентов);

– общее число спортсменов в субъекте РФ, которые включены в список кандидатов в спортивные сборные команды России;

– количество спортивных сооружений в регионе в расчете на 100 тыс. чел [11].

В 2015 г. в России был законодательно утвержден программой физкультурно-спортивный комплекс «Готов к труду и обороне» (ГТО). Он предусматривает подготовку и выполнение населением различных возрастных групп (от 6 до 70 лет и старше) установленного нормативными требованиями комплекса упражнений по трем уровням сложности, которые соответствуют золотому, серебряному и бронзовому знакам ГТО. Среди всех принявших участие в ГТО 70 % составили учащиеся и студенты. Планируется, что к 2021 году за счет ГТО 80 % студентов будут приобщены к занятиям физкультурой и спортом.

В соответствии с законом к вопросам местного значения (уровень субъектов РФ) относятся вопросы, которые связаны с обеспечением условий для развития в регионе и/или соответствующем муниципальном образовании массового спорта и физкультуры, а также с организацией управления официальными физкультурно-оздоровительными и спортивными мероприятиями. Фактически в России создана многоуровневая система законодательного регулирования развития физической культуры и спорта.

Система управления физической культурой и спортом в Российской Федерации. В целях развития физической культуры и спорта в России создана специальная система управления, включающая все уровни государственной власти, общественные объединения (рис. 2).

Рис. 2. Структура управления спортом и физкультурой в Российской Федерации

(Источник: Ермолаев А. П., Гайнуллин А. Г. Правовое регулирование физической культуры и спорта в Российской Федерации // Novainfo №77-1. 17.01.2018.)

Систему управления спортом и физической культурой в России возглавляет президент. При нем создан совещательный орган – Совет по развитию физической культуры и спорта. Это совещательный орган, действующий в целях обеспечения эффективного взаимодействия между федеральными и местными органами государственной власти в Российской Федерации, а также органами самоуправления и общественными организациями для решения вопросов, возникающих в процессе реализации государственной политики в отрасли спорта и физкультуры. Основные задачи Совета – это подготовка предложений для законодателей и рассмотрение инициатив от местных властей и общественности по развитию физической культуры и спорта. Совет проводит экспертизы проектов законодательных актов и различных нормативных документов в области спорта и физкультуры, и готовит по ним соответствующие предложения. Определенный набор полномочий Совет имеет в сфере подготовки и проведения международных спортивных соревнований на территории России.

Следующим органом государственной власти в системе управления физической культурой и спортом является Правительство Российской Федерации, в предмете ведения которого разработка целевых федеральных программ, направленных на развитие физической культуры и спорта в РФ. Правительство нацелено на создание условий к регулярным занятиям спорта и физкультурой, с целью добиться повышения эффективности системы подготовки спортсменов в спорте высоких достижений. Программы оформляются соответствующими документами Правительства. Например, до 2020 г. в России реализуется федеральная целевая программа «Развитие физической культуры и спорта в РФ на 2016–2020 гг.».

Президент РФ и Правительство РФ – это органы общей компетенции, которые рассматривают вопросы правового регулирования физической культуры и спорта в целом. Отраслевое министерство – Министерство спорта Российской Федерации (Минспорт России) – это федеральный орган исполнительной власти, которое осуществляет ключевые функции по разработке и реализации государственной политики и нормативно-правовой основы в области спорта и физкультуры. Министерство издает свои акты, которые регулируют отдельные виды спорта, определяют проведение крупных спортивно-физкультурных мероприятий, касаются вопросов аккредитации спортивных учреждений.

Структура Министерства спорта РФ представлена на рис. 3 и она отражает сферу компетенций этого ведомства.

Рис. 3. Структура Министерства спорта РФ Министерство спорта

(Источник: Положение о Министерстве спорта Российской Федерации https://www.minsport.gov.ru/ministry/statement/59/103/.)

Министерство состоит из департаментов, которые отвечают за отдельные направления работы: развитие летних видов спорта; международное сотрудничество; управления госимуществом; развитие массового спорта; контроля, организации бюджетного процесса и др. Министерство распоряжается крупными финансовыми средствами из бюджета России. Финансирование расходов на деятельность Министерства спорта РФ происходит за счет средств, направляемых из федерального бюджета (рис. 4). Ежегодно Министерство осваивает около 70 млрд руб. В 2018 г. этот показатель резко вырос из-за проведения Чемпионата мира по футболу.

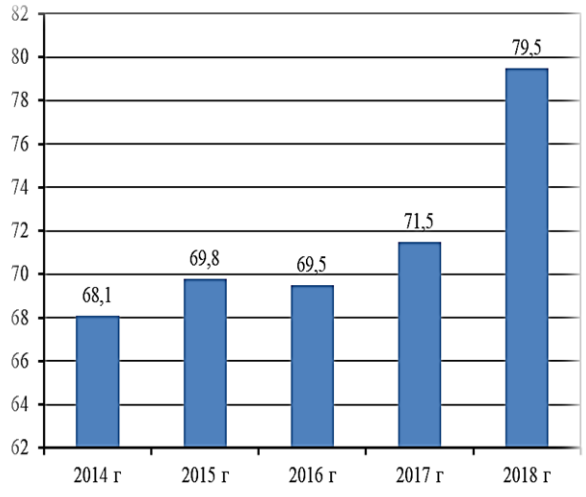

Рис. 4 . Бюджетные ресурсы, которыми распоряжается Министерство спорта РФ, млрд руб.
(Составлено по данным источника: «Бюджет Министерства спорта РФ на 2014-2016 годы»)

Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» определяет следующую структуру системы управления: физкультурно-спортивные организации; система олимпийских движений России; Олимпийский комитет РФ; Паралимпийское движение России; общероссийские, местные и региональные спортивные федерации.

В России главной формой негосударственного физкультурно-спортивного объединения стали общероссийские федерации по видам спорта, среди которых следует выделить Олимпийский комитет России. Комитет реализует функции федерального общественного органа по координации спортом высших достижений, а также занимается координацией работы общественных спортивных организаций.

Субъекты РФ обладают аналогичной федеральной системе структурой. Органы власти субъектов РФ осуществляют деятельность по разработке и созданию законодательных актов, регулирующих вопросы спорта и физкультуры. Например, в Санкт-Петербурге существует Закон о физической культуре и спорте, принята Государственная программа «Развитие физической культуры и спорта». По данным вопросам могут приниматься и муниципальные нормативные документы.

Реализация государственной политики в сфере спорта и физкультуры в России проводится Правительством РФ, Советом при Президенте РФ, Минспорта РФ выполняет основную роль в координации и распределении ресурсов между всеми участниками механизма управления. Заметная роль в системе физической культуры и спорта в Российской Федерации принадлежит общественным объединениям.

Роль физической культуры и спорта в системе национальной безопасности Российской Федерации. В комплексе мер по обеспечению и реализации государственной политики в сфере физической культуры и спорта существенное значение имеет мотивация государства.

Согласно подходу Д. Н. Бахраха, Б. В. Российского и Ю. Н. Старилова, теория интересов определяется видами интересов, которые формируются некоторыми правовыми нормами и указывают сферы правового регулирования общественных интересов или действий. Теория интересов нацелена, в первую очередь, на выявление общественного интереса, который обеспечивается образуемыми правоотношениями. Публичное право всегда служит государственным (общественным) интересам, а частное право регулирует частные интересы. Теория интересов охватывает только наиболее общие части системы разграничения публичного (административного) и частного (гражданского) права. Однако она не формирует сколько-нибудь полного и чёткого разграничения этих правовых систем, так как большинство правовых норм одновременно регулируют как общественные, так и частные интересы [5]. Помимо закреплённых законодательством императивов государственного участия в управлении отношениями в сфере физической культуры, спорта и государственного содействия развитию, имеются ещё и прямые собственные интересы государства. С таковыми сопряжены определённые административно-правовые функции государства. Сказанное в существенной степени связано с ресурсным потенциалом физической культуры и значением спорта для государства и общества. Например, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации отмечается, что в качестве мер противодействия угрозам национальной безопасности необходимо создавать механизм ведения здорового образа жизни граждан. В документе в чис-

ле национальных интересов отмечено повышение качества жизни граждан России, совершенствование здоровья населения, создание условий для стабильного демографического развития страны.

Внимание государства к развитию физкультуры и спорта является важнейшей составляющей социальной политики государства, которая обеспечивает включение в жизнь гуманистических принципов, ценностей и норм.

Президент Российской Федерации в посланиях к Федеральному Собранию РФ неоднократно обозначал направления улучшения ситуации в сфере здоровья нации: развитие и популяризация системы культуры здорового образа жизни; обеспечение условий, которые будут благоприятствовать рождению и воспитанию здоровых детей; развитие системы физкультуры и спорта, как части профилактики и укрепления здоровья нации; обеспечение доступности и высокого качества физкультурно-спортивных комплексов.

Таким образом, развитие физкультуры и спорта является инструментом укрепления здоровья населения России и остается ключевым направлением обеспечения национальной безопасности. Спорт и физкультура воспринимаются государством как средство поддержания надлежащего состояния здоровья населения, а также как средство снижения расходов на систему здравоохранения, что актуально для страны с демографической проблемой старения населения.

Степень включенности спорта и физкультуры в систему национальной безопасности и государственной политики на протяжении истории различалась исходя из политического режима конкретного государства. Спорт использовался властями преимущественно для целей военной подготовки офицерских кадров и поддержания их воинских навыков на должном уровне. Зрелищные виды спорта, народные спортивные праздники использовались в целях политической пропаганды, в настоящее время эта тенденция только усилилась, ведь спортивные мероприятия привлекают внимание значительного количества населения (в интересах политической деятельности), а ресурсов требуют относительно небольших.

Уровень развитости профессионального спорта в стране имеет весьма большое значение не только для международного имиджа государства. В контексте внешней политики физкультура и спорт нередко используются для достижения конкретных целей в определённых ситуациях, например как средство демонстрации несогласия с определённой политикой других стран. Кроме того, спорт стал иметь большое значение для внешней политики государств мира как инструмент дипломатии.

Спорт связан с экономическим развитием, так как обладает хорошим экономическим потенциалом. Инвестирование в спортивные успехи страны является инструментом развития инфраструктуры страны, причем не только связанной непосредственно со спортом (спортивные объекты, стадионы и т.д.), но обеспечивающей инфраструктуры (дороги, железные дороги, аэропорты, порты, телекоммуникации, гостиницы) [12, с. 2].

Очевидна связь развития спорта и физической культуры с системой национальной безопасности и национальных интересов: внутренние (поддержание здоровья населения в целях сокращения социальных расходов; инструмент физической и моральной подготовки широких масс населения; инструмент обеспечения экономического развития регионов и страны в целом; инструмент продвижения интересов и ценностей правящего режима на национальном (центральном, федеральном) уровне среди населения; инструмент обеспечения лояльности населения и др.); внешнеполитические интересы связаны с использованием физкультуры и спорта как инструментов улучшения имиджа страны, воздействия на репутацию, привлечения иностранных инвестиций. Физическая культура и спорт предоставляют публичной власти необходимые ресурсы: социальные, экономические, имиджевые. В этом понимании физкультура и спорт – часть механизма обеспечения национальной безопасности.

Российское государство реализует активную государственную политику в сфере развития физкультуры и спорта. Акцент в ней сделан на развитие массового спорта как инструмента оздоровления населения и спорта высоких достижений как части имиджа России на международной

арене. Развитие физкультуры и спорта в России происходит на фоне развитой нормативно-правовой базы и сложившейся многоуровневой системы управления. Федеральные власти обозначают общие приоритеты развития физкультуры и спорта, распределяют ресурсы, информацию. Региональные власти имеют значительную степень самостоятельности в реализации государственной политики на местах и ориентируются на собственные потребности, ресурсы и возможности. Поэтому немаловажную роль в управлении реализацией государственной политики по физкультуре и спорту в стране играют региональные власти.

В России физическая культура и спорт входят в систему национальной безопасности и блок национальных интересов, связанный с поддержанием здоровья населения в целях сокращения социальных расходов; физической и моральной подготовкой широких масс населения, улучшением имиджа России на международной арене как крупной спортивной державы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пельменев В. К., Конеева Е. В. История физической культуры. Калинингр. ун-т. Калининград, 2000.

2. Об утверждении Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 года [электронный ресурс]: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 07.08.2009 № 1101-р // Министерство спорта Российской Федерации. URL: https://www.minsport.gov.ru/2015/doc/RPRusF1101ot070809.rtf (дата обращения: 15.01.2019).

3. Послание Президента Владимира Путина Федеральному Собранию РФ от 12.12.2012 [электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138990/ (дата обращения: 15.01.2019).

4. Алексеев С. В. Спортивный маркетинг / Под ред. П. В. Крашенинникова. М.:ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2015.

5. Бахрах Д. Н. Административное право / Бахрах Д. Н., Российский Б. В., Старилов Ю. Н. М.: Норма, 2012.

6. Горшков В. Е. Управление физической культурой и спортом в современных условиях. Малаховка: МОГИФК, 2013.

7. WHO. Global Health Observatory data repository [электронный ресурс]. URL: http://apps.who.int/gho/data/view.main.SDG2016LEXREGv? (дата обращения: 20.01.2019).

8. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 07.08.2009 № 1101-р «Об утверждении Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 года»; Постановление Правительства Российской Федерации от 11 июня 2014 года» [электронный ресурс]. URL: http://minsport.gov.ru/sport/phvsical-culture/fiz-ra-papk/4384 (дата обращения: 20.01.2019).

9. О физической культуре и спорте в Российской Федерации [электронный ресурс]: Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ (в ред. от 21.07.2014) // СПС КонсультантПлюс URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73038 (дата обращения: 21.01.2019).

10. Путин назвал развитие массового спорта одним из приоритетов госполитики // Российская газета. 12.08.2017.

11. О мерах по реализации Указа Президента РФ от 21 августа 2012 г. №1199 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ» [электронный ресурс]: Постановление Правительства РФ от 3 ноября 2012 г. № 1142 // Российская газета. URL: https://rg.ru/2012/11/27/meri-dok.html (дата обращения: 11.02.2019).

12. Reiche D. Investing in sporting success as a domestic and foreign policy tool: the case of Qatar // International Journal of Sport Policy and Politics. 2014.

PUBLIC POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE FIELD OF PHYSICAL TRAINING AND SPORTS DEVELOPMENT

G. M. Tsinchenko
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint-Petersburg, Russia

I. S. Orlova
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint-Petersburg, Russia

ABSTRACT: The purpose of this study is to analyze the directions of public policy of the Russian Federation in the sports and physical training development in modern Russia, its legislative regulation and management system.
The study is based on a set of general scientific methods, such as generalization and systematization of theoretical data using the writings of various authors, analysis, synthesis, generalization, and comparison, system-functional and integrated approach, involving the analysis of official statistics and regulatory Federal and regional legal acts.
Theoretical and practical significance of the study is that it clarifies and systematizes the concepts and approaches to the state policy of physical training and sports, which has not been sufficiently studied in the domestic science yet. The analysis of the situation in the management system of physical training and sports in the Russian Federation will allow developing urgent vision of the identified problems and contributing to the improvement of public policy in the field of physical training and sports.
Scientific novelty is to study the relationship between public policy in the sphere of physical training and sports, demographic policy and national security with the use of different tools. Implementation of mechanisms of both policies are subject to a single goal – to overcome the consequences of the current crisis and to ensure the strengthening of health of the population and increase life expectancy.

KEYWORDS: public policy, physical culture and sport national security, health, life expectancy.

AUTHORS' INFORMATION: Galina M. Tsinchenko, Cand. Sci. (Sociological), Associate Professor, North-Western Institute of management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
57/43, Sredniy ave. of V.I., Saint-Petersburg, 199178, Russia, sziu@mail.ru.

Inna S. Orlova, Cand. Sci. (Pedagogical), Associate Professor, North-Western Institute of management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
57/43, Sredniy ave. of V.I., Saint-Petersburg, 199178, Russia, sziu@mail.ru.

FOR CITATION: Tsinchenko G. M., Orlova I. S. Public policy of the Russian federation in the field of physical training and sports development // Management Issues. 2019. № 3 (39). P. 76—87.

REFERENCES

1. Pelmenev V. K., Koneyeva E. V. History of physical training. Kaliningrad University, Kaliningrad, 2000 [Pel'menev V. K., Koneeva E. V. Istoriya fizicheskoy kul'tury. Kaliningr. un-t. Kaliningrad, 2000.] – (In Rus.).
2. On the approval of the Strategy of development of physical training and sports in the Russian Federation for the period up to 2020 [electronic resource]: Resolution of the RF Government dated 07.08.2009 № 1101-r // Ministry of Sports of the Russian Federation. URL: https://www.minsport.gov.ru/2015/doc/RPRusF1101ot070809.rtf (date of reference 15.01.2019) [Ob utverzhdenii Strategii razvitiya fizicheskoy kul'tury i sporta v Rossiyskoy Federatsii na period do 2020 goda [elektronnyy resurs]: Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 07.08.2009 № 1101-r // Ministerstvo sporta Rossiyskoy Federatsii. URL: https://www.minsport.gov.ru/2015/doc/RPRusF1101ot070809.rtf (data obrashcheniya: 15.01.2019).] – (In Rus.).

3. RF President Address to the Federal Assembly dated 12.12.2012 "President Vladimir Putin Address to the Federal Assembly of the Russian Federation" [electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138990/ (date of reference 15.01.2019) [Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu ot 12.12.2012 «Poslanie Prezidenta Vladimira Putina Federal'nomu Sobraniyu RF» [elektronnyy resurs]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138990/ (data obrashcheniya: 15.01.2019).] – (In Rus.).

4. Alekseyev S. V. Sports marketing // Edited by P. V. Krasheninnikov, Moscow: YUNITI-DANA, Law and justice, 2015 [Alekseev S. V. Sportivnyy marketing / Pod red. Krasheninni-kov P. V. M.:YuNITI-DANA, Zakon i pravo, 2015.] – (In Rus.).

5. Bakhrakh D. N., Rossiyskiy B. V., Starilov Yu. N. Administrative law. M.: Norma, 2012 [Bakhrakh D. N., Rossiyskiy B. V., Starilov Yu. N. Administrativnoe pravo. M.: Norma, 2012.] – (In Rus.).

6. Gorshkov V. E. Management of physical culture and sports in modern conditions. Malakhovka: MOGIFK, 2013 [Gorshkov V. E. Upravlenie fizicheskoy kul'turoy i sportom v sovremennykh usloviyakh. Malakhovka: MOGIFK, 2013.] – (In Rus.).

7. WHO. Global Health Observatory data repository [electronic resource]. URL: http://apps.who.int/gho/data/view.main.SDG2016LEXREGv (date of reference 16.02.2019) [WHO. Global Health Observatory data repository [elektronnyy resurs]. URL: http://apps.who.int/gho/data/view.main.SDG2016LEXREGv? (data obrashcheniya: 20.01.2019).] – (In Rus.).

8. Government Order of the Russian Federation dated 07.08.2009 № 1101-r "On the approval of the Strategy of physical training and sports development in the Russian Federation for the period up to 2020"; the Order of the Government of the Russian Federation dated June 11, 2014" [electronic resource]. URL: http://minsport.gov.ru/sport/phvsical-culture/fiz-ra-papk/4384 (date of reference 20.01.2019) [Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 07.08.2009 № 1101-r «Ob utverzhdenii Strategii razvitiya fizicheskoy kul'tury i sporta v Rossiyskoy Federatsii na period do 2020 goda»; Postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 11 iyunya 2014 goda» [elektronnyy resurs]. URL: http://minsport.gov.ru/sport/phvsical-culture/fiz-ra-papk/4384 (data obrashcheniya: 20.01.2019).] – (In Rus.).

9. On physical training and sport in the Russian Federation [electronic resource]: Federal law dated 04.12.2007 n 329-FL (as amended on 21.07.2014) // ConsultantPlus URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73038 (date of reference 21.01.2019) [O fizicheskoy kul'ture i sporte v Rossiyskoy Federatsii [elektronnyy resurs]: Federal'nyy zakon ot 04.12.2007 № 329-FZ (v red. ot 21.07.2014) // SPS Konsul'tantPlyus URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73038 (data obrashcheniya: 21.01.2019).] – (In Rus.).

10. According to Putin, the development of mass sports is one of the priorities of public policy // Rossiyskaya Gazeta.12.08.2017 [Putin nazval razvitie massovogo sporta odnim iz prioritetov gospolitiki // Rossiyskaya gazeta. 12.08.2017.] – (In Rus.)..

11. On implementation measures of the Russian Federation Presidential Decree dated August 21, 2012 № 1199 "On assessment of efficiency of executive authorities the Russian Federation subjects" [electronic resource]: The Order of the Russian Federation Government dated November 3, 2012 № 1142 // Russian newspaper. URL: https://rg.ru/2012/11/27/meri-dok.html (date of reference 11.02.2019) [O merakh po realizatsii Ukaza Prezidenta RF ot 21 avgusta 2012 g. №1199 «Ob otsenke effektivnosti deya-tel'nosti organov ispolnitel'noy vlasti sub"ektov RF» [elektronnyy resurs]: Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 3 noyabrya 2012 g. № 1142 // Rossiyskaya gazeta. URL: https://rg.ru/2012/11/27/meri-dok.html (data obrashcheniya: 11.02.2019).] – (In Rus.).

12. Reiche D. Investing in sporting success as a domestic and foreign policy tool: the case of Qatar // International Journal of Sport Policy and Politics. 2014.

META-GOVERNANCE AS A NEW SOLUTION TO THE GOVERNANCE CRISIS

УДК 005:001.12 *ГСНТИ 82.13.01*
ББК 60.80 *Код ВАК 23.00.02*
DOI: 10.22394/2304-3369-2019-3-88-93

Zhang Xiaohu
Jilin University School
of Philosophy and Sociology,
Changchun, PRC

Li Menglong
Jilin University School
of International and Public Affairs,
Changchun, PRC

ABSTRACT: At the end of XX century, Western countries faced a serious management crisis: the failure of three traditional management models (bureaucracy management, market management and network management). The study notes that there are three typical management regimes in public administration and social management: bureaucratic management, market management and network management. Bureaucratic governance is a rational framework that relies on the government controlling economic and social issues from top to bottom. Market management is procedural rationality based on market mediation to regulate economic and social activities. Network management is a reflective rationality that emphasizes "decentralization", "denationalization" and "diversification" and relies on multiple actors in shaping the management network and facilitating the implementation of management. To cope with the crisis, the researchers propose a new concept of “Meta-governance”, which means that there are “Meta-managers” for the development of a single managerial purpose, coordination of relations between management factors, promote the coordinated management and maintenance of coherence, efficiency, sustainability and stability control. "Meta-governance not only enriches the theory of governance, but also contributes to the development of public administration and global governance. Meanwhile, the implementation of "Meta-governance" should be based on its own status and characteristics of the state. According to the results of the study, it is noted that "Meta-management" is a reaction to management crises in Western countries. It is based on a developed market, a mature civil society and a perfect political structure of Western countries. The absence of these necessary conditions will inevitably affect the effective implementation of "Meta-governance". Imitation is the wrong way to deal with "Meta-governance." Based on local conditions, for the development of a "Meta-governance" regime that corresponds to the real governance of the country, it can help solve the problems of governance.

KEYWORDS: public administration, Meta-governance, bureaucratic management, market management, network management.

AUTHORS' INFORMATION: Zhang Xiaohu, Assistant Professor, Jilin University School of Philosophy and Sociology,
Changchun, Jilin, 130012, China, zhangxiaohu@jlu.edu.cn.

Li Menglong, Assistant Professor, Jilin University School of International and Public Affairs,
Changchun, Jilin, 130012, China, limenglong@jlu.edu.cn.

FOR CITATION: Zhang X., Li M. Meta-governance as a new solution to the governance crisis // Management Issues. 2019. № 3 (39). P. 88—93.

© X. Zhang, M. Li, 2019

There are three typical governance modes in state governance and social governance: bureaucratic governance, market governance and network governance. Bureaucratic governance is substantive rationality, which relies on the government’s management to control the economic and social affairs from top to bottom. Market governance is procedural rationality, which is based on the intermediary of the market to regulate economic and social operation. Network governance is reflective rationality, which emphasizes “decentralization”, “denationalization” and “diversification” and relies on numerous actors to form a governance network and promote the implementation of governance.

At the end of 20th century, western countries were caught in the failure of all three kinds of governance modes. Bob Jessop, a professor at Lancaster University, proposed the concept of "Meta-governance", which based on his study on capitalism and state theory, as a solution to the governance crisis of western countries. In 1998, Bob Jessop made a detailed discussion on "Meta-governance" in the paper "The rise of governance and its risk of failure: the case of economic development" [2], which initiated the research on "Meta-governance".

1. The concept connotation of Jessop's "Meta-governance". Jessop pointed out that the three governance models of bureaucracy, market and network governance all have the possibility of failure. Due to the pursuit of self-interests in business activities, market mechanism can't achieve the goal of effective allocation of resources, which results the failure of market governance. The failure of bureaucratic governance lies in the government's failure to achieve the major political goal: to protect the public's interests and prevent the public from being violated by specific interest groups. Network governance can't control all the factors of governance and is under the influence of the dual restriction of market and government, which means inefficiency. Moreover, network governance is in the dilemma of cooperation and confrontation, openness and closure, governability and flexibility, responsibility and efficiency. All of these reasons lead to the risk of failure of governance [3].

To respond the failure of governance, Jessop proposed "Meta-governance". "Meta-governance" is the governance of governance. Through system design, it puts forward a vision and promotes the coordination of self-organization. In Jessop's opinion, "Meta-governance" has two dimensions: 1) the institutional design, which promotes the interdependence of all parties by providing various mechanisms; 2) the strategic planning, which aim to establish the common vision goals to promote the development and update of the governance model. The goal of "Meta-governance" is to construct a context (negotiation and decision) to realize different governance arrangements (market mechanism, bureaucracy, network governance) while maintaining the consistency and integrity of nation-state [4].

In Jessop's "Meta-governance", government (the state) plays an important role. Government is "as the primary organizer of the dialogue among policy communities, as an institutional ensemble charged with ensuring some coherence among all subsystems, as the source of a regulatory order in and through which they can pursue their aims, and as the sovereign power responsible 'in the last resort' for compensatory action where other subsystems fail" [5]. Meanwhile, "state provides the ground rules for governance, ensures the compatibility of different governance mechanisms and regimes, deploys a relative monopoly of organizational intelligence and information with which to shape cognitive expectations, acts as a 'court of appeal' for disputes arising within and over governance, serves to rebalance power differentials by strengthening weaker parties or systems in the interests of system integration and/or social cohesion." [6]. In Jessop's "Meta-governance", the government returns to the position of governance center.

2. The expansion of "Meta-governance". After Jessop proposes the concept of "Meta-governance", many scholars focus on the study of "Meta-governance", which promotes the expansion of "Meta-governance". Jessop proposes a deeper understanding of "Meta-governance", which aims to promote the establishment and update of cooperative relations between different governance models and establish appropriate organizations and interactive systems to cope with increasingly complex practical problems on the basis of maintaining the internal consistency of nation-states [7]. Eva Sørensen has published a series of research results on "Meta-governance". Sorensen points out that "Meta-governance" is in a pluralistic and fragmented governance system, which maintains a high degree of autonomy of the governance subject while promoting the collaboration of all factors [8]. This process also constructs a mechanism that enables the owners of public power or other resources to initiate or stimulate the consultative governance mechanism and guide the consistency of governance [9]. On the basis of Jessop's opinion, Mark Whitehead thinks that "Meta-governance" means that political authority promotes and guides the construction of self-organizing governance system through rules, organizational knowledge, institutional strategies and policy strategies. To some extent, Meta-governance is the anti-process of governance [10].

Michael Kull emphasizes that "Meta-governance" is to build a coordination frame-

work to deal with the defects of traditional governance mode by decision-making, strengthening cooperation and joint action [11]. Lars A. Engberg thinks that "Meta-governance" is the regulation of self-regulation, which aims to strengthen the vertical and horizontal coordination and integration within the governance system according to different backgrounds [12]. Annette Aagaard Thuesen expands the connotation of "Meta-governance", pointing out that "Meta-governance" is not a single level, but has multi-level application value [13]. Boudewijn Derkxa focuses on research in specific fields, pointing out that "Meta-governance" aims to maintain consistency and coherence in the governance of a certain field and reduce diversity and build a higher level of consultation order while adhering to the autonomy of the governance subject [14].

These researches shows the two dimensions of "Meta-governance": 1) As a result of "governance", which means to form a kind of environment or mechanism, the governance factors and governance mode are interdependence and cooperation in this framework to promote the implementation of the governance and overcome the defect of a certain model of governance; 2). As a process of "governance", which is reflection of "diversity" and "decentralization" and emphasizes that governance requires the existence of authority, namely "Meta-governor". "Meta-governor" has higher influence in the process of governance and guides the implementation of other governance mode and ensures the consistency, sustainability and effectiveness of governance.

Meta-governor. There are two kinds of definition of "Meta-governor". 1) In "Meta-governance", the government plays a major and increasingly important role [15]. This definition emphasizes the important role of government, which means government rules the connection between the different governance systems and determines the new leadership mechanism to guide other partners and design feedback mechanism or learning mechanism and ensure consistency and interoperability of different governance mechanism [16]. The implementation of "Meta-governance" is the government's guidance and control of the domestic governance network in order to achieve the strategic goal, and its goal is directed at the national interests. The government ensures that the final result of governance conforms to the national interests by exerting intervention on governance [17]. In this context of "Meta-governance", the government plays an important role, exerting influence on many independent and semi-autonomous governance participants through non-traditional mechanisms [18].

2) "Meta-governor" has the characteristics of diversification. Luc Fransen points out that in the context of increasingly active transnational economic flows, "Meta-governance" faces problems beyond the boundary of traditional government management and private/non-governmental organizations are playing an increasingly important role in "Meta-governance" [19]. Boudewijn Derkxa makes it clearer that "Meta-governance" is not the specialty of the government, but private organizations also have the possibility of Meta-governance [20]. Alice Moseley thinks that the government, relevant institutions, non-governmental organizations and other actors intend to promote the establishment of new forms of governance and promote the operation of governance network in a collaborative way [21]. It can be seen from these understandings that "Meta-governance" also returns to "diversification".

Implementation of "Meta-governance". Jessop classifies the implementation of "Meta-governance" into four types: 1) Redesigning the market with better incentives to boost outcomes; 2) Redesigning the constitution and adjust the tasks of relevant parties; 3) Redesigning the network relationship to make the cooperative relationship more active and effective between related factors; 4) Creating trust, loyalty and trustworthiness among governance factors, so as to smooth the running process of governance. [22]. Moreover, Wil Zonneveld divides "Meta-governance" into two strategies: 1) Storytelling. It is to form common interests and guide managers' activities by storytelling. 2) Intervention. It is to impact on specific policy. [23]. Jan Kooiman points out that the core of "Meta-governance" lies in the values, norms, principles and choices. [24].

The implementation of "Meta-governance" has two tendencies: direct intervention (hand on) and indirect influence (hand off). Different scholars have different emphases on the two methods, but the implementation of "Meta-governance" requires the combination of the two patterns is the consensus of many scholars. Direct intervention tends to grasp the governance process and rely on the guidance and co-

ordination of "Meta-governor" to grasp the direction of governance and maintain the consistency and effectiveness of governance. Indirect influence highlights the result-oriented, emphasizing the long-term and stability of governance through soft means such as value building, goal determination, identity cultivation and norm formation.

Through the analysis of the connotation of "Meta-governance", "Meta-governor" and implementation of "Meta-governance", we argues that the conception of "Meta-governance" can be defined as: the government or other governance factor plays "Meta-governor" role to form a unified governance target and coordinate the relationships between the governance factors and promote the coordinated governance mechanisms by direct intervention and indirect effects, aim to realize the consistency, effectiveness, stability and long-term of governance. [25].

3. The evaluation and reflection on "Meta-governance". Theoretically speaking, "Meta-governance" is the evolution of governance theory and the component of the governance theory pedigree. From "Government" to "Governance", from "Good Governance" to "Global Governance", from "multi-level Governance" to "Interactive Governance", Governance theories are constantly updated and revised according to actual needs. When the old governance model is difficult to solve the realistic dilemma, the new governance theory comes instead of it. The theory of "Meta-governance" is to solve the governance dilemma faced by western countries from a higher level when the governance mechanisms such as bureaucracy governance, market governance and network governance failed. The theory of "Meta-governance" enriches the perspective and connotation of governance theory.

In practice, "Meta-governance" responds to the dilemma of "Schumpetarian workfare post-national regime" [26] and explores a new way for the development of capitalist countries. In the trend of globalization and internationalization, countries face the challenge of the denationalization of country, the non-government of political system and the internationalization of policy-making. Meta-governance emphasizes the significance of government and maintains the integrality of national system and social cohesion.

"Meta-governance" is also instructive for global governance. Global governance faces an increasingly fragmented problem. Economic globalization allocates resources according to the logic of the market. The inherent defects of market governance lead to the aggravation of global wealth inequality and the increasingly serious confrontation and conflict among countries. The rise of global civil society has strengthened the diversified characteristics of global governance and intensified the complexity of global governance, making the consistency and integrity of global governance more difficult to guarantee. As a political authority, the United Nations has the problem of insufficient authority and it is difficult to guide and maintain the unity and effectiveness of the global governance process. The frequent occurrence of traditional and non-traditional governance problems, such as conflicts and wars, economic crises, refugee problems and environmental pollution, all of them show the failure of global governance. "Meta-governance" promotes the implementation of governance from a higher level of overall governance. It is hoped that the goal of global governance will be achieved by strengthening the authority of the United Nations, integrating international consultative governance mechanisms, and implementing overall governance at multiple levels, including economic, political and social levels.

There is a possibility of failure in any governance and Meta-governance is no exception. The result of governance is not given in advance, and the success of governance needs to be determined by reference standards. The success of governance depends on the reversibility of goals and continuous negotiation and reflection. If the new goals are not redefined and governance factors don't communicate effectively when facing differences, governance will fail. In Jessop's opinion, the failure of "Meta-governance" originates from the paradox of government: on the one hand, the government is an institutional component existing side by side with other institutional component in the process of social formation; on the other hand, the government has the responsibility of maintaining the cohesion in the process of social formation [27]. The paradox of government makes "Meta-governance" unable to avoid the risk of failure.

At the same time, the governance complexity and information contradictory increase the difficulty of decision-making for public participants, which leading to "Meta-governance" over-expansion and public's distrust and the

failure of governance at the end. Therefore, to deal with the risk of the failure of "Meta-governance", we need to overcome it from three dimensions: accepting the sub-optimal result without complete success; increase flexibility in the strategies that are most likely to succeed; emphasize self-reflection, admit the possibility of failure and insist on the continuous implementation of "Meta-governance" [28].

Conclusion

"Meta-governance" emphasizes the important position of government in governance, but it is not equivalent to the traditional "state centralism". The positioning of government in "Meta-governance" does not focus on power but on responsibility. The government is more like what Jessop calls "the elder among equals", with the responsibility of institutional design, normative construction, relationship coordination and identity cultivation, rather than the superior and dominant executor. The main task of the government is not to participate in the governance practice, but to promote the initiative of the governance factors and coordinate different governance models and guide the direction of governance and maintain the effective implementation of governance.

"Meta-governance" is the response to governance crises of western countries. It is established on the basis of developed market, mature civil society and perfect political structure of western countries. Lack of these necessary conditions is bound to affect the effective implementation of "Meta-governance". Imitation is not the right way to deal with "Meta-governance". Based on the local conditions, to form a "Meta-governance" mode, which conforms to the actual governance of the country, it can help solve the governance problems of the country.

REFERENCES

1. Jessop B. The rise of governance and the risks of failure: the case of economic development // International Social Science Journal. 1998. № 50 (155). P. 29–45.

2. Jessop B. The social embeddedness of the economy and its implications for economic governance in Adaman & Pat Devine [electronic resource]. URL: http://www.cddc.vt.edu/digitalfordism/fordism_materials/jessop2.htm. (date of reference 17.05.2019)

3. Sørensen E. Meta-governance: the changing role of politicians in processes of democratic governance // American Review of Public Administration. 2006. №1 (36). P. 98–114.

4. Sørensen E., Sehested K., Pedersen A.R. Emerging Theoretical Understandings of Pluricentric Coordination in Public Governance // American Review of Public Administration. 2011. №4 (41). P. 375–394.

5. Whitehead M. In the shadow of hierarchy: Meta-governance, policy reform and urban regeneration in the West Midlands // Area. 2003. №1 (35). P. 6–14.

6. Kull M. Local Governance, Decentralization and Participation: Meta-Governance Perspectives – Introduction to the Special Issue // Haldus kultuur. 2013. №1 (14). P. 4–10.

7. Engberg L.A., Larsen J.N. Context-Orientated Meta-Governance in Danish Urban Regeneration // Planning Theory & Practice. 2010. №4 (11). P. 549–571.

8. Thuesen A.A. Experiencing Multi-Level Meta-Governance // Local Government Studies. 2013. №4 (39). P. 600.

9. Derkxa B., Glasbergenb P. Elaborating global private Meta-governance: An inventory in the realm of voluntary sustainability standards // Global Environmental Change. 2014. №1 (27). P. 42.

10. Jessop B. State Power // Cambridge: Polity Press, 2007.

11. Jessop B. The Future of the Capitalist State // Cambridge: Polity Press. Wiley, 2002.

12. Bafarasat A.Z. Meta-governance and soft projects: A hypothetical model for regional policy integration // Land Use Policy. 2016. №59. P. 251–259.

13. Dommett K., Flinders M. The Centre Strikes Back: Meta-Governance, Delegation, And The Core Executive in The United Kingdom, 2010–14 // Public Administration. 2015. №1 (93). P. 1–16.

14. Fransen L. The politics of Meta-governance in transnational private sustainability governance // Policy Sciences. 2015. №3 (48). P. 293–317.

15. Moseley A., James O. Central State Steering of Local Collaboration: Assessing the Impact of Tools of Meta-governance in Homelessness Services in England // Public Organization Review. 2008. №2 (8). P. 118–119.

16. Jessop B. "Metagovernance", in Mark Bevir // The Sage Handbook of Governance. London: SAGE Publications Ltd, 2011. P. 113–116.

17. Zonneveld W., Spaans M. Meta-governance and developing integrated territorial strategies: The case study of MIRT territo-

rial agendas in the Randstad (Netherlands) // Planning Theory & Practice. 2014. №4 (15). P. 543–562.

18. Kooiman J., Jentoft S. Meta-Governance: Values, Norms And Principles, And The Making of Hard Choices // Public Administration. 2009. №4 (87). P. 818-836.

19. Xiaohu Z. The Formation, Development and Evaluation of "Meta-governance" Theory // Journal of Southwest Jiaotong University (Social Sciences). 2017. №3 (18). P. 84.

META-GOVERNANCE КАК НОВОЕ РЕШЕНИЕ КРИЗИСА УПРАВЛЕНИЯ

Чжан Сяоху
Цзилиньский университет,
Чанчунь, Китай

Ли Мэнлун
Цзилиньский университет,
Чанчунь, Китай

АННОТАЦИЯ: В конце XX века западные страны столкнулись с серьезным кризисом управления: провалом трех традиционных моделей управления (управление бюрократией, рыночное управление и сетевое управление). В исследовании отмечается, что в государственном управлении и социальном управлении существует три типичных режима управления: бюрократическое управление, управление рынком и управление сетью. Бюрократическое управление – это рациональная основа, которая опирается на то, что правительство контролирует экономические и социальные вопросы сверху донизу. Управление рынком – это процедурная рациональность, основанная на посредничестве рынка для регулирования экономической и социальной деятельности. Управление сетями является отражающей рациональностью, которая подчеркивает «децентрализацию», «денационализацию» и «диверсификацию» и опирается на многочисленных участников в формировании сети управления и содействии внедрению управления. Чтобы справиться с кризисом, ученые предлагают новую концепцию «метауправления», которая означает, что существуют «метауправляющие» для формирования единой цели управления, координации отношений между факторами управления, содействия скоординированным механизмам управления и поддержания последовательности, эффективности, долгосрочной реализации и стабильности управления. «Метауправление» не только обогащает теорию управления, но и способствует развитию государственного управления и глобального управления. Между тем, реализация «метауправления» должна основываться на собственном состоянии и характеристике государства. По результатам исследования отмечается, что «Метауправление» – это реакция на кризисы управления в западных странах. Оно создано на основе развитого рынка, зрелого гражданского общества и совершенной политической структуры западных стран. Отсутствие этих необходимых условий неизбежно скажется на эффективном внедрении «метауправления». Имитация – это неправильный способ внедрения «метауправления». Внедренное же с учетом местных условий, особенностей управления страной «метауправление» поможет решить проблемы государственного управления.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: государственное управление, мета-управление, бюрократическое управление, рыночное управление, сетевое управление.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Чжан Сяоху, старший преподаватель, Институт философии и социологии, Цзилиньский университет,
130012, Китай, Цзилинь, г. Чанчунь, zhangxiaohu@jlu.edu.cn.

Ли Мэнлун, старший преподаватель, Институт публичной дипломатии, Цзилиньский университет,
130012, Китай, Цзилинь, г. Чанчунь, limenglong@jlu.edu.cn.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Чжан С., Ли М. Meta-governance как новое решение кризиса управления // Вопросы управления. 2019. № 3 (39). С. 88—93.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

ECONOMICS AND MANAGEMENT

НИВЕЛИРОВАНИЕ ПОЛЯРИЗАЦИИ ВИДОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 338.24(470.57) *ГСНТИ 06.39.02*
ББК 65.050.22(2Рос.Баш) *Код ВАК 08.00.05*
DOI: 10.22394/2304-3369-2019-3-94-103

С. Ш. Аслаева
Российская Академия Наук,
Уфа, Россия
AuthorID: 263455

АННОТАЦИЯ: Цель. Исследовать нивелирование поляризации видов экономической деятельности (ВЭД) на основе коэффициентов локализации и интенсивности локализации на примере Республики Башкортостан (РБ) с целью улучшения качества принятия управленческих решений в регионах. В процессе достижения цели была исследована эффективность и интенсивность развития ВЭД в РБ, определены отрасли специализации, проанализировано поведение ВЭД в динамике, сопоставлены группы ВЭД по полярности и поляризации с зонами локализации.

Методы. Общенаучные на основе теоретического, сравнительного, логического анализа, а также посредством технико-экономического анализа, экономико-математического моделирования.

Объект/предмет. Объектом исследования является экономика Республики Башкортостан. Предметом исследования является совокупность организационно-экономических отношений, возникающих в процессе управления.

Результаты. Проведенный анализ полярности, нивелирования поляризации видов экономической деятельности представляет собой комплексную оценку, осуществляемую через коэффициенты локализации и интенсивности локализации, нацеленные на принятие оптимальных управленческих решений для экономического развития региона и экономического роста в каждой из его подсистем. В динамике с 2010 г. в Республике Башкортостан происходит нивелирование ВЭД, сближение коэффициентов локализации численности занятых, оборота предприятий и интенсивности локализации.

Научная новизна. Проведен анализ полярности и нивелирования поляризации видов экономической деятельности по зонам локализации.

Финансирование. Данное исследование выполнено в рамках государственного задания ИСЭИ УФИЦ РАН по теме «Нивелирование пространственной поляризации разноуровневых территориальных систем в условиях формирования технологического прорыва» (№ госрегистрации АААА-А17-117021310209-5).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: виды экономической деятельности, отрасли, нивелирование, поляризация, полярность.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Салима Шамилевна Аслаева, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-экономических исследований, Уфимский федеральный исследовательский центр, Российская Академия наук,
450054, Россия, г. Уфа, пр. Октября, 71, salima2006a@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Аслаева С. Ш. Нивелирование поляризации видов экономической деятельности // Вопросы управления. 2019. № 3 (39). С. 94—103.

© С. Ш. Аслаева, 2019

Развитие субъектов Российской Федерации на современном этапе является актуальным вопросом во многих аспектах. По мнению В. Р. Цибульского, большая часть регионов РФ имеет неразвивающуюся экономику и соответственно низкую социальную защищённость населения [1, 2]. Эта проблема носит комплексный характер, который необходимо исследовать с разных сторон: человеческого капитала, природных ресурсов, климатических условий, инвестиционного и инновационного потенциала, инфраструктуры, наличия и объема региональной собственности, что связано с разграничением полномочий и функциями управления региональной власти. Одним из основных аспектов улучшения качества жизни является эффективное управление экономикой в регионах. Во многих регионах РФ происходит переход к стратегическому планированию их развития, при котором возникают вопросы определения будущего регионов, городов и сельских муниципальных образований [3, с. 36]. Основными условиями для организации качественного управления являются уровень социально-экономического развития, специализации и концентрации производств субъектов РФ. До сих пор отсутствуют общепринятые методики обоснования структуры и параметров развития отраслей специализации. На заполнение этих пробелов направлена данная работа.

Исследование эффективности и интенсивности развития экономической деятельности на территориальных образованиях различного уровня является насущным вопросом, на основе которого возможно принятие оптимальных управленческих решений, регулирующих его экономическое пространство. Это диктуется необходимостью создания условий для привлечения новых производственных сил, инвестиций, субсидий, экономически активного населения. Специализация видов экономической деятельности (ВЭД) благоприятствует рациональному использованию природных ресурсов, инновационных технологий, производству. Изучение процессов размещения производств, концентрации экономической активности, изменения специализации территориальных образований позволяет прицельно принимать управленческие решения [4, с. 85]. Вопросы специализации ВЭД актуальны как на мировом уровне, так и на уровне регионов.

Для формирования инструментов реализации стратегии развития субъектов РФ необходимо опираться на принципы самодостаточности, самореферентности, автопоэзисности и региональной специализации [5, с. 157]. Можно выделить два вида функций региональной специализации: внутреннюю и внешнюю. Внутренняя выражается в удовлетворении в первую очередь собственных нужд, а внешняя – в импорте и экспорте с соседними регионами, исходя из их потребностей, и в международных торговых отношениях. В современных условиях формирования мирового рынка участие региональной экономики в разделении труда экономики более высокого уровня очень важно. Производить товары не представляется возможным на одном территориальном образовании из-за имеющихся природных ресурсов. Однако импорт имеет как положительные моменты, так и отрицательные, когда происходит вытеснение с рынка аналогичной продукции национальных предприятий. В основе национальной экономики лежит отраслевая структура, поэтому для управления национальной экономикой необходимо опираться на доминирующие отрасли, которые полностью обеспечивают не только собственные нужды, но и других территориальных образований исходя из их возможностей и потребностей. И этот процесс необходимо регулировать аппаратом управления через процессы организации, учета и контроля.

Для определения ведущих видов экономической деятельности можно использовать коэффициенты локализации, которые дают одномоментное представление о положении отрасли в территориальном образовании, и коэффициенты интенсивности локализации, которые, по мнению В. А. Головина, устраняют данный недостаток коэффициента локализации [6, с. 144].

Коэффициент локализации сопоставляет отраслевую структуру одного территориального образования с аналогичной структурой территориального образования более высокого уровня и представляет собой отношение долей данной отрасли в хозяйстве территориальных образований [7, с. 147]. Формула для расчета коэффициента локализации в регионе:

$= \frac{\quad}{\quad}$, где

X_{ir} – исследуемый параметр i-ой отрасли в регионе r,

X_{iR} – исследуемый параметр для отрасли I по стране в целом,

X_{Ir} – исследуемый параметр по всей экономике для региона r,

X_{IR} – исследуемый параметр по всей экономике страны в целом.

В роли параметров могут выступать показатели валового продукта, товарной продукции, численности занятого населения, основных фондов, степень урбанизации и т.д.

Коэффициент локализации показывает степень концентрированности отрасли в регионе. Отрасль считается отраслью специализации, если выполняется неравенство:

.

Чем ближе к нулю, тем концентрация массы меньше. Коэффициент локализации является единой комплексной характеристикой взаимодействия ВЭД, так как одновременно рассматривает все доли [8, с. 10].

Коэффициент эффективности локализации определяется как отношение коэффициентов локализации:

/ . где

– коэффициент эффективности (интенсивности) локализации,

– коэффициент локализации оборота предприятий,

– коэффициент локализации численности занятых.

Определим уровень развития ВЭД, используя сравнение коэффициентов локализации по обороту предприятий и по численности занятых с 1:

– если оба коэффициента меньше 1, то ВЭД находится в зоне низкой локализации,

– если коэффициент локализации по обороту больше 1, а по численности занятого населения меньше 1, то ВЭД находится в зоне недостаточной локализации ресурсов,

– если коэффициент локализации по обороту меньше 1, а по численности занятых больше 1, то ВЭД находится в зоне недостаточной локализации результатов,

– если оба коэффициента больше 1, то ВЭД находится в зоне повышенной локализации [6, с. 145].

С позиции управления необходимо рассматривать эффективность деятельности ВЭД. Так, для отраслей, находящихся в зоне низкой эффективности локализации, надо принять управленческое решение по организации деятельности исследуемого ВЭД: оставить ли их деятельность на прежнем уровне, возможно, результаты их деятельности достаточны для обеспечения потребностей в ней, или требуются вложения для их развития, или стоит приостановить деятельность данного ВЭД в регионе, но при принятии данного решения нельзя забывать, что экономика не считается конкурентоспособной, если опирается только на некоторые ВЭД [9, с. 370]. В зоне недостаточной локализации ресурсов необходимо вынести управленческое решение, надо ли привлекать экономически активное население в рассматриваемую отрасль и каким образом это сделать. В зоне недостаточной локализации результатов необходимо выяснить, почему при как бы «неплохой» численности работающих в отрасли, наблюдается неэффективная деятельность ВЭД, провести оптимизацию кадров. В зону повышенной локализации входят отрасли, являющиеся «лидерами» локализации.

Рассмотрим ВЭД не только в сравнении коэффициентов локализации и коэффициентов интенсивности локализации с единицей, а также с точки зрения полярности и поляризации. Полярность нами была определена как характеристика качества развития муниципальных образований в статике, поляризация – в динамике, как изменение полярности во времени. Нивелирование (индекс нивелирования) может быть рассчитан как обратная величина к индексу поляризации [10, 11]. Поляризация и нивелирование в развитии экономического пространства рассматриваются как преобладание разных направлений движения выбранных критериев для развития пространственных систем в виде сближения или удаления МО, регионов по уровню развития. Поляризация в развитии стран, прежде всего, характеризуется ростом различий между группами стран по ВВП. Поляризация и полярность развития МО может быть оценена с помощью различных систем показателей, так, имеется опыт использования таких показателей, как плотность населения, среднемесячная заработная плата, объем инвестиций в ос-

новной капитал на душу населения, общая площадь жилых помещений на одного жителя, обеспеченность населения больничными койками, доходы на душу населения

Определим полярность и поляризацию видов экономической деятельности по следующей методике: полярность рассматривается как размах крайних значений какого-либо показателя, или увеличение числа элементов на крайних полях распределения, или же распределение элементов с учетом значений сравниваемых показателей.

При анализе полярности и поляризации проранжированый ряд ВЭД по исследуемым показателям делим медианой на две группы, которые в свою очередь разделим средними значениями. В итоге получаем 4 группы ВЭД.

В таблице 1 представлены показатели полярности в 2016 г. по Республике Башкортостан.

Наибольшая полярность наблюдается при расчете коэффициентов локализации численности занятых ВЭД, наименьшая при расчете коэффициентов локализации оборота предприятий.

Сравним полученные группы при определении полярности ВЭД в РБ с зонами локализации (таблица 2). Согласно методике предоставления информации Росстата, детализация ВЭД проводилась только по разделу «Обрабатывающие производства».

В зоне низкой локализации находятся ВЭД из группы с наименьшим уровнем полярности по коэффициентам локализации, в зоне повышенной локализации – ВЭД, относящиеся к группам с высоким уровнем полярности. Группы полярности по коэффициентам локализации и зоны локализации ВЭД соответствуют друг другу, так как для зон локализации границей обозначена 1, а граница для разделения ВЭД по уровню полярности является медиана, которая равна для коэффициентов локализации численности занятых 1,1, объема производства 0,91. При определении коэффициента интенсивности локализации соответствия по зонам локализации не наблюдается, как и по группам полярности. Это происходит по разным причинам, например, при превышении коэффициента локализации объема производства над объемом локализации численности занятых у ВЭД из группы с низкой и недостаточной локализации ресурсов, они находятся в группах с высокой полярностью интенсивности локализации, что наблюдается у ВЭД «Гостиницы и рестораны», «Здравоохранение и предоставление социальных услуг», «Предоставление прочих коммунальных услуг, социальных и персональных услуг», «Образование».

Или, наоборот, когда ВЭД из зоны недостаточной локализации результатов или повышенной локализации находятся в группах с низкой полярностью интенсивности локализации, это происходит при превышении коэффициента локализации численности занятых над объемом производства, что характерно для всех ВЭД из зоны недостаточной локализации результатов и ВЭД «Строительство» из зоны повышенной локализации.

Прежде чем принять управленческое решение необходимо рассмотреть поведение ВЭД в динамике. Рассмотрим, как со временем изменяется динамика эффективности ВЭД РБ, находящихся в зоне повышенной локализации (рис. 1).

Таблица 1

Полярность видов экономической деятельности РБ в 2016 г.

Показатели	Республика Башкортостан		
	LQ(E)	LQ(V)	LIQ
Полярность в группе ниже медианного уровня	10,92	2,02	5,60
Полярность в группе выше медианного уровня	2,91	4,11	3,51
Отношение средних значений групп выше и ниже медианного	0,43	0,36	0,40
Полярность	31,8	8,29	13,66

Таблица 2

Распределение ВЭД по зонам локализации и группам полярности в 2016 г. в РБ

Зоны локализации	ВЭД	LQ(E)		LQ(V)		LIQ	
		значения	группы полярности	значения	группы полярности	значения	группы полярности
Низкой локализации	Гостиницы и рестораны	0,1	1	0,36	1	3,55	4
	Обработка древесины и производство изделий из дерева	0,79	1	0,8	2	1,01	2
	Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	0,98	2	0,67	2	0,68	2
	Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	0,51	1	0,7	2	1,38	3
	Производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	0,84	2	0,72	2	0,85	2
	Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	0,66	1	0,52	1	0,79	2
	Текстильное и швейное производство	0,82	2	0,87	2	1,06	3
	Целлюлозно-бумажное производство; издательская и полиграфическая деятельность	0,84	2	0,46	1	0,55	1
Недостаточной локализации ресурсов	Здравоохранение и предоставление социальных услуг	0,85	2	1,77	3	2,09	4
	Металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	0,87	2	0,51	1	0,59	1
	Образование	0,92	2	1,2	3	1,31	3
Недостаточной локализации результатов	Добыча полезных ископаемых	1,3	3	0,58	1	0,45	1
	Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	1,97	4	0,61	1	0,31	1
	Производство кожи, изделий из кожи и производство обуви	1,1	3	0,46	1	0,42	1
	Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	1,53	3	0,87	2	0,57	1
	Транспорт и связь	2,95	4	0,53	1	0,18	1
Повышенной локализации	Обрабатывающие производства	1,11	3	1,73	3	1,56	4
	Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	1,11	3	1,36	4	1,22	3
	Производство машин и оборудования	1,35	3	1,71	3	1,27	3
	Производство нефтепродуктов	2,6	4	2,88	4	1,11	3
	Производство прочих неметаллических минеральных продуктов	1,2	3	1,58	3	1,32	3
	Производство резиновых и пластмассовых изделий	1,34	3	1,28	3	0,95	2
	Производство транспортных средств и оборудования	1,53	3	1,63	3	1,06	3
	Строительство	3,23	4	1,23	3	0,38	1
	Химическое производство	3	4	3,58	4	1,19	3

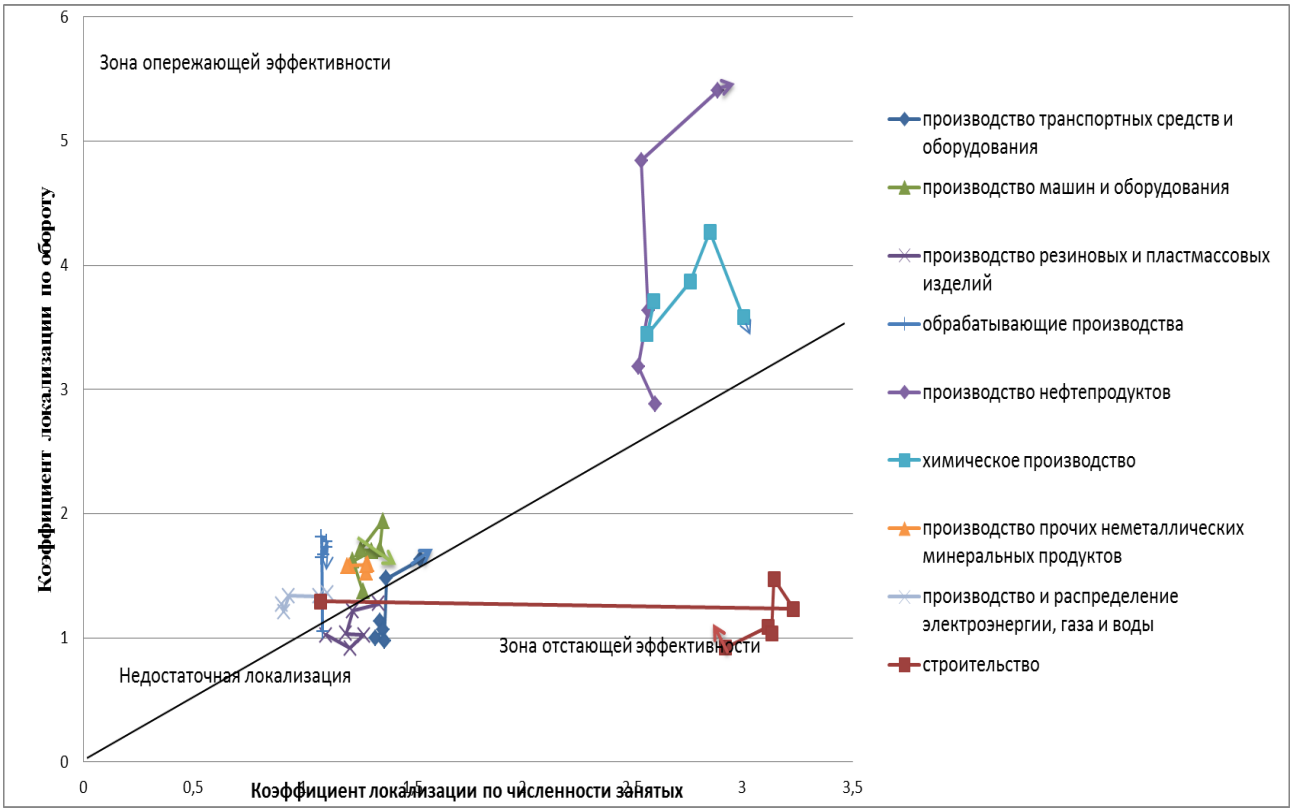

Рис. 1. Графическая модель динамической оценки ВЭД РБ в 2011–2016 гг.

В динамике картина для лидирующих ВЭД по коэффициентам локализации не такая радужная. Отрасль «Строительство» в последние годы перешла в зону отстающей и стремится в зону опережающей эффективности [12]. «Производство транспортных средств» стремится в зону опережающей эффективности, в республике работает более трехсот средних и крупных предприятий в данной отрасли. «Химическое производство» находится в зоне опережающей эффективности, является ведущей отраслью республики. ВЭД «Производство нефтепродуктов» показывает хорошие результаты, данная отрасль также является ведущей отраслью республики и занимает 1-е место среди остальных регионов в РФ, по добычи нефти РБ в РФ занимает 9-е место.

Изменение в динамике характеризуют показатели поляризации. На наш взгляд, понятия поляризации и полярности не могут восприниматься как синонимы. Поляризация – процесс, характеризует развитие. Его можно охарактеризовать как концентрацию экономического развития, следовательно, как процесс перехода из разных зон локализации. Для этого рассмотрим среднегодовые темпы роста коэффициентов локализации и интенсивности локализации. Поляризацию рассчитываем как отношение средних значений групп:

— , где

– среднее значение темпов роста соответствующих коэффициентов ВЭД, у которых значение меньше медианного уровня,

– среднее значение темпов роста соответствующих коэффициентов ВЭД, у которых значение больше медианного уровня.

В таблице 3 представлены показатели поляризации ВЭД в РБ.

Таблица 3

Поляризация ВЭД в РБ в 2011-2016 гг. в Республике Башкортостан

	LQ(E)	LQ(V)	LIQ
Поляризация в группе ниже медианного уровня	1,08	1,38	1,40
Поляризация в группе выше медианного уровня	1,06	1,12	1,09
Поляризация	0,96	0,91	0,91
Размах полярности	1,15	1,55	1,52
Нивелирование	0,87	0,66	0,66

Процесс поляризации в РБ по коэффициентам локализации численности занятых, оборота предприятий, интенсивности коэффициентов в группах выше и ниже медианного значения устойчивый. Более высокий уровень поляризации наблюдается в группах, у которых коэффициенты ниже медианного значения, это может происходить из-за внутренних факторов усиления поляризации, таких как территориальное расположение, их институциональная отсталость, наличие полезных ископаемых, уровень квалификация кадров. При этом те же факторы уменьшают уровень поляризации в группах, которые выше медианного значения.

Поляризация для всего ряда ВЭД меньше единицы, значит, в динамике происходит нивелирование, так как нивелирование является обратным процессом к поляризации, происходит сближение коэффициентов локализации ВЭД в РБ. Наибольшее нивелирование наблюдается при расчете коэффициентов локализации численности населения, наименьшее – при расчете коэффициентов локализации оборота предприятий и интенсивности локализации. Нивелирование рассматривается как процесс сближения или ослабления развития элементов экономического пространства. Управленческие решения в РБ поддерживают сбалансированность на уровне локализованных систем. Процесс нивелирования – это процесс качественных изменений, связанный с производством продукции и услуг и распределением доходов, одной его стороной выступает органы государственной власти.

По мнению Р. Ф. Гатауллина, процесс нивелирования объясняет справедливость и по вертикали и по горизонтали [13, с. 369]. В нашем случае горизонтальное выравнивание нацелено на одинаковую обеспеченность кадрами в отраслях, вертикальное выравнивание направлено на одинаковый уровень производства продуктов и услуг. Происходит сокращение различий в динамике, темпов роста коэффициентов локализации численности занятых, объема производства и соответственно коэффициента интенсивности локализации в отраслях Республики Башкортостан. Что демонстрирует в динамике устойчивый рост поддержки социально-экономического развития, принцип дифференцированной и синхронизированной политики к различным отраслям республики.

Органы власти федеральных, региональных и муниципальных уровней должны органично построить взаимоотношения для формирования механизма нивелирования поляризации экономики республики, преодоления возможных негативных последствий данного процесса. В современных условиях одной из главных задач органов управления для оптимального нивелирования поляризации должно стать привлечение и регулирование инвестиций, как отечественных, так и иностранных [14]. И это должно стать основным управленческим инструментом. Анализ полярности, поляризации нивелирования видов экономической деятельности представляет собой комплексную оценку, через коэффициенты локализации и интенсивности локализации, нацеленные на принятие оптимальных управленческих решений для экономического развития региона и экономического роста в каждой из его подсистем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цибульский В. Р., Койнов С. В., Любаненко А. В. Идентификация скрытых стратегий. Стратегическое планирование в регионах и городах России: ресурсы для развития // Доклады участников юбилейного X Общероссийского форума лидеров стратегического планирования. Санкт-Петербург, 17–18 октября 2011 г. / Под ред. Б. С. Жихаревича. СПб.: Леонтьевский центр, 2012. С. 125–127.

2. Новиков В. П., Цибульский В. Р. Идентификация развития региона на базе индекса локализации // Вестник кибернетики. 2014. №1(13). С. 69–75.

3. Шмакова М. В. Учет стадиальной идентификации территорий при разработке стратегии регионального развития // Вектор экономики. 2017. №11(17). С. 36.

4. Растворцева С. Н. Экономическая эффективность регионов России // Региональная экономика. Том 11. № 1. 2018. С. 84–99.

5. Смирнов В. В. Анализ необходимых условий эффективного социально-экономического развития Чувашской Республики // Аудит и финансовый анализ. 2010. №1. С. 156–166.

6. Головин В. А. Графическая модель динамической оценки эффективности ре-

гионального экономического кластера // Вестник института экономики Российской академии наук. 2018. №2. С. 141–158.

7. Васильева А. В. Определение специализации муниципальных образований Амурской области на основе расчета коэффициентов локализации предприятий // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. 2014. №4. С. 147–153.

8. Коротков А. В. Применение анализа структуры в маркетинге // Вопросы статистики. 2008. № 11. С. 69–72.

9. Морозова О. А. концептуальные исследования конкурентоспособности отраслей регионального хозяйственного комплекса // Вестник ТГУ №1(69). 2008. С. 369–375.

10. Костусенко И. И., Смекалов П. В. Региональное распределение продовольственных ресурсов: вопросы дифференциации и пути сглаживания неравномерности: монография. М.: Научная библиотека, 2013.

11. Гатауллин Р. Ф., Аслаева С. Ш. Нивелирование и поляризация в развитии экономического пространства // Фундаментальные исследования. 2017. № 9. Ч. 1. С. 164–168.

12. Исянбаев М. Н., Ахметов В. Я., Чувашаева Э. Р. Строительный комплекс Республики Башкортостан: современное состояние, проблемы и перспективы развития // Экономика и предпринимательство. 2017. №6(83). С. 388–396.

13. Гатауллин Р. Ф., Каримов А. Г. Теоретико-методологические аспекты исследований нивелирования гетерогенности экономического пространства // Фундаментальные исследования. 2017. №8-2. С. 368–372.

14. Уляева А. Г. Территориальная трансформация муниципальных образований региона: нормативно-правовые основы и опыт реализации // Фундаментальные исследования. 2018. №11–2. С. 290–295.

POLARIZATION LEVELING OF ECONOMIC ACTIVITIES

S. Sh. Aslaeva
Russian Academy of Sciences,
Ufa, Russia

ABSTRACT: Purpose. To study the leveling of polarization of economic activities (EA) based on localization coefficients and localization intensity by the example of the Republic of Bashkortostan (RB) in order to improve the quality of management decisions in the regions. In the process of achieving the goal, we focused on the efficiency and intensity of EA development in the RB, identified industry specialization, the EA behavior in the real-time mode, compared EA groups according to the polarity and polarization with the areas of localization.

Methods. General scientific methods on the basis of theoretical, comparative, logical analysis, as well as through technical and economic analysis, economic and mathematical modeling.

Object/subject. The object of the study is the economy of the Republic of Bashkortostan. The subject of the study is a set of organizational and economic relations arising in the management process.

Results. The analysis of polarity, polarization leveling of economic activities is a comprehensive assessment carried out through the coefficients of localization and localization intensity, aimed at making optimal management decisions for the economic development of the region and economic growth in each of its subsystems. In real-time mode since 2010 in the Republic of Bashkortostan, there has been a leveling of EA, convergence of factors of localization of the number of employed, turnover of enterprises and intensity of localization.

Scientific novelty. The analysis of polarity and polarization leveling of economic activities by localization zones is carried out.

Financing backing. This study was performed within the framework of the national assignment of ISEI USC RAS on the theme "Leveling of spatial polarization of multilevel territorial systems in terms of the formation of a technological breakthrough" (state registration № AAAA-A17-117021310209-5).

KEYWORDS: economic activities, industry, leveling, polarization, polarity.

AUTHORS' INFORMATION: Salima Sh. Aslaeva, Cand. Sci. (Economics) Senior Research Fellow, Institute of Social and Economic Research, Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences,
71, October ave., Ufa, 450054, Russia, salima2006a@mail.ru.

FOR CITATION: Aslaeva S. Sh. Polarization leveling of economic activities // Management Issues. 2019. №3 (39). P. 94—103.

REFERENCES

1. Tsibulsky V. R., Coinov S. V., Rubanenko A. V. Identification of hidden strategies. Strategic planning in regions and cities of Russia: resources for development // Reports of the participants of the X Jubilee All-Russian Forum of Leaders of Strategic Planning. Saint Petersburg, 17-18 October 2011 / edited by B. S. Zhikharevich. SPb.: Leontiev's center, 2012. P. 125-127 [Tsibul'skiy V. R., Koynov S. V., Lyubanenko A. V. Identifikatsiya skrytykh strategiy. Strategicheskoe planirovanie v regionakh i gorodakh Rossii: resursy dlya razvitiya // Doklady uchastnikov yubileynogo X Obshcherossiyskogo foruma liderov strategicheskogo planirovaniya. Sankt-Peterburg, 17–18 oktyabrya 2011 g. / Pod red. B. S. Zhikharevicha. SPb.: Leont'evskiy tsentr, 2012. S. 125–127.] – (In Rus.).

2. Novikov V. P., Tsybulsky V. R. Identification of regional development based on localization index // Bulletin of Cybernetics. № 1(13). 2014. P. 69-75 [Novikov V. P., Tsibul'skiy V. R. Identifikatsiya razvitiya regiona na baze indeksa lokalizatsii // Vestnik kibernetiki. №1(13). 2014. S. 69–75.] – (In Rus.).

3. Shmakov M. V. Records stadial identification of areas in the development of the strategy of regional development // Vector of the economy. 2017. No. 11(17). P. 36 [Shmakova M. V. Uchet stadial'noy identifikatsii territoriy pri razrabotke strategii regional'nogo razvitiya // Vektor ekonomiki. 2017. №11(17). S. 36.] – (In Rus.).

4. Rastvortseva S. N. Economic efficiency of Russian regions // Regional economy. Vol. 11. № 1. 2018. P. 84-99 [Rastvortseva S. N. Ekonomicheskaya effektivnost' regionov Rossii // Regional'naya ekonomika. Tom 11. № 1. 2018. S. 84–99.] – (In Rus.).

5. Smirnov V. V. Analysis of the necessary conditions for effective socio-economic development of the Chuvash Republic // Audit and financial analysis. 2010. № 1. P. 156-166 [Smirnov V. V. Analiz neobkhodimykh usloviy effektivnogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Chuvashskoy Respubliki // Audit i finansovyy analiz. 2010. №1. S. 156–166.] – (In Rus.).

6. Golovin V. A. Graphical model of dynamic evaluation of regional economic cluster efficiency // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2018. № 2. P. 141-158 [Golovin V. A. Graficheskaya model' dinamicheskoy otsenki effektivnosti regional'nogo ekonomicheskogo klastera // Vestnik instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk. 2018. №2. S. 141–158.] – (In Rus.).

7. Vasilyeva A.V. Definition of specialization of municipalities of the Amur region based on calculation of localization coefficients of the enterprises. // Economics, statistics and informatics. Bulletin of UMO. 2014. № 4. P. 147-153 [Vasil'eva A. V. Opredelenie spetsializatsii munitsipal'nykh obrazovaniy Amurskoy oblasti na osnove rascheta koeffitsientov lokalizatsii predpriyatiy // Ekonomika, statistika i informatika. Vestnik UMO. 2014. №4. S. 147–153.] – (In Rus.).

8. Korotkov A.V. Application of structure analysis in marketing // Issues of statistics. 2008. № 11. P. 69-72 [Korotkov A. V. Primenenie analiza struktury v marketinge // Voprosy statistiki. 2008. № 11. S. 69–72.] – (In Rus.).

9. Morozova O. A. Conceptual study of industrial competitiveness in the regional economic system // Bulletin TSU №1 (69). 2008. P. 369-375 [Morozova O. A. kontseptual'nye issledovaniya konkurentosposobnosti otrasley regional'nogo khozyaystvennogo kompleksa // Vestnik TGU №1(69). 2008. S. 369–375.] – (In Rus.).

10. Kostusenko I. I. Smekalov P. V. Regional distribution of food resources: issues of differentiation and papering over the unbalance: Monograph. M.: Scientific library, 2013 [Kostusenko I. I., Smekalov P. V. Regional'noe raspredelenie prodovol'stvennykh resursov: voprosy differentsiatsii i puti sglazhivaniya neravnomernosti: monografiya. M.: Nauchnaya biblioteka, 2013.] – (In Rus.).

11. Gataullin R. F., Ablayeva S. S. Leveling and polarization in the development of economic space // Fundamental research. 2017.

№ 9 (part 1). P. 164-168 [Gataullin R. F., Aslaeva S. Sh. Nivelirovanie i polyarizatsiya v razvitii ekonomicheskogo prostranstva // Fundamental'nye issledovaniya. 2017. № 9 (chast' 1). S. 164–168] – (In Rus.).

12. Isyanbaev M. N., Akhmetov V. Ya., Chuvashayeva E. R. Construction complex of the Republic of Bashkortostan: current status, problems and prospects // Economy and EntrepreneurshiP. 2017. № 6(83). P. 388-396 [Isyanbaev M. N., Akhmetov V. Ya., Chuvashaeva E. R. Stroitel'nyy kompleks Respubliki Bashkortostan: sovremennoe sostoyanie, problemy i perspektivy razvitiya // Ekonomika i predprinimatel'stvo. 2017. №6(83). S. 388–396.] – (In Rus.).

13. Gataullin R. F., Karimov A. G. Theoretical and methodological aspects of studies of leveling heterogeneity of economic space / / Fundamental research. 2017. № 8-2. P. 368-372 [Gataullin R. F., Karimov A. G. Teoretiko-metodologicheskie aspekty issledovaniy nivelirovaniya geterogennosti ekonomicheskogo prostranstva // Fundamental'nye issledovaniya. 2017. №8-2. S. 368–372.] – (In Rus.).

14. Ulyayeva A. G. Territorial transformation of the municipal structures of the region: legal framework and experience of implementation // Fundamental research. 2018. № 11-2. P. 290-295 [Ulyaeva A. G. Territorial'naya transformatsiya munitsipal'nykh obrazovaniy regiona: normativno-pravovye osnovy i opyt realizatsii // Fundamental'nye issledovaniya. 2018. №11–2. S. 290–295.] – (In Rus.).

ЭКОТУРИЗМ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

УДК 338.48-6:502/504(1-3) *ГСНТИ 71.37.05*
ББК 65.43(2Рос) *Код ВАК 08.00.05*
DOI: 10.22394/2304-3369-2019-3-104-112

И. Э. Гергиев
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Владикавказ, Россия
AuthorID: 550120

АННОТАЦИЯ: Цель. Рассмотреть основные тенденции развития экотуризма в России с учетом отечественного и зарубежного опыта. В исследовании отмечается, что развитие экологического туризма способствует созданию заповедников и парков, где поддерживается первоначальное природное состояние и чистота. Экологический туризм во многих российских регионах способствует повышению уровня занятости местного населения и социально-экологическому развитию.

Методы. Изложенные в статье результаты проведённых авторами исследований базировались на таких научных методах, как логический анализ, описание, обобщение, абстрагирование, наблюдение, аналогия, анкетирование. Эмпирической базой явились вторичные исследования, проведенные авторами при анализе литературных источников, статистической информации и сведений, опубликованных в специализированных изданиях и базах данных научных работ, источников в сети интернет, включая специализированные туристские сайты. Методы описания, обобщения и логического анализа применялись для идентификации экологического туризма как объекта исследования.

Результаты. Полученные результаты исследования могут быть использованы муниципальными образованиями, субъектами Российской Федерации, органами федеральной исполнительной власти при разработке и корректировке общефедеральной и региональной политики в сфере экотуризма, а также при подготовке конкретных рекомендаций по совершенствованию регулирования внутренних и внешних туристских потоков.

Научная новизна. Раскрыты основные проблемы развития экотуризма в регионах России как сферы деятельности, направленной на повышение качества жизни населения, а также рассмотрены перспективы развития экотуризма в нашей стране. Обосновано, что экологический туризм дает осязаемый социально-экономический эффект для Российской Федерации. В России много уникальных природных мест, и у нее есть все возможности стать мировым лидером в сфере экотуризма. Таким образом, культура и природные условия российской местности благоприятно воздействуют на перспективы экологического туризма в России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: экологический туризм, регион, государственный заповедник, экологические курорты, особо охраняемые природные территории, национальный парк.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Ирас Эдуардович Гергиев, кандидат экономических наук, доцент, Владикавказский филиал, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
362002, Россия, г. Владикавказ, ул. Молодежная, 7, irasgergiev79@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Гергиев И. Э. Экотуризм как фактор устойчивого развития регионов России // Вопросы управления. 2019. № 3 (39). С. 104—112.

© И. Э. Гергиев, 2019

Экотуризм в современных условиях хозяйствования является одним из важнейших факторов становления и реализации социокультурных ценностей в сфере досуга. Современный мир переполнен разнообразными событиями, поэтому экологический туризм набирает особую популярность среди населения.

Путешествия направлены на ознакомление с прекрасными уголками природы, для сохранения чистоты в окружающей среде. Это демонстрируют и соцопросы, и

экономические исследования сегмента экологического туризма.

Спрос на познавательный, видовой и специализированный (фото-, кино-, детский) экотуризм при этом растет с каждым годом [7].

Развитие экологического туризма способствует созданию заповедников и парков, где поддерживается первоначальное природное состояние и чистота. Экологический туризм во многих российских регионах способствует повышению уровня занятости местного населения и социально-экологическому развитию.

На наш взгляд, главными направлениями развития данной сферы услуг являются:

1. Туристическое просвещение, направленное на расширение мировоззрения населения и получение новых навыков.

2. Изучение традиций и обычаев местного этноса.

3. Межкультурный обмен среди социумов различных стран.

4. Развитие навыков бережного использования экоресурсов и сохранение экосистемы конкретного региона.

В настоящее время экотуризм развивается в условиях повсеместной цифровизации бизнеса с особой интенсивностью. Современный мир уже выделяет следующие виды экологического туризма:

– биотуризм (научный) – походы, в которых изучаются биоценозы и любые типы естественных проявлений;

– природный – путешествие осуществляется по территории пещер, гор, водоемов и прочих естественных природных объектов;

– приключенческий – активный способ передвижения туристов по малоизведанным местам.

Путешествия можно проводить с использованием различных видов транспорта. Каждый сам выбирает способ передвижения, однако основными средствами являются планеры, байдарки, квадроциклы, парусники, каноэ, конные, велосипедные, лыжные и пешеходные типы перемещения.

Этот сегмент в настоящее время приносит мировой экономике примерно около 1 млрд долл. в день, и, очевидно, его обороты будут расти год от года [4]. А ухудшение экологического состояния планеты только дает этому тренду дополнительный толчок – люди спешат увидеть «уходящую натуру», а многие – еще и помочь ей остаться.

Россия – одна из красивейших и богатейших по количеству заповедных уголков стран мира. К сожалению, пока мы сильно отстаем от многих развивающихся стран.

Большинство туристов предпочитают австралийский Какаду, американский Йеллоустон, танзанийский Серенгети и Лимпопо нашим Байкалу, Камчатке, Карелии и Большому арктическому заповеднику.

Под экотуризмом мы понимаем отдельное экономико-экологическое направление, подразумевающее социально-экономическое развитие регионов и стран, а также сохранение и восстановление природных и биоресурсов.

Как отдельный сегмент экотуризм начал развиваться с конца 80-х годов прошлого века, а в моду вошел в 90-х. Ныне экотуризм является одним из самых динамичных секторов мирового туристического рынка с 10–15 % ежегодного прироста [1].

Стоимость экопутешествий, как правило, выше, чем стоимость стандартных туров. Средние мировые расценки – около 200–300 долл. в день на человека.

Кроме того, в современных социально-экономических условиях хозяйствования экотуризм – еще и сектор «экономики впечатлений». С каждым годом количество туристов, предпочитающих такой отдых, увеличивается на несколько процентов. Зарубежные страны (США, Канада, Австралия) используют экологический туризм как возможности для бизнеса, а также для социально-экономического развития на микро-, мезо- и макроуровнях.

В последние годы в мире фиксируется около 1,5 млрд международных посещений различных туристически привлекательных мест, которые обеспечивают около 10 % мирового ВВП. А экологический сегмент в общей доле туризма занимает четверть – 25 %.

По данным сервиса путешествий TripAdvisor [5], 30 % всех туристов мира – это экотуристы. А 70 % от общего их числа заявляют о намерении выбрать в следующем году «более безопасный с экологической точки зрения вид туризма».

Существует две основные модели экотуризма [6]:

1. Австралийская модель предполагает путешествия преимущественно в ненарушенную природу.

2. Западноевропейская модель реализуется в культурном ландшафте и этот же ландшафт поддерживает.

Зарубежные страны научились зарабатывать на экотуризме. Так, по данным TripAdvisor [3], в Канаде только прямые налоговые отчисления от экотуристической деятельности составляют порядка 1,7 млрд долл. Это в пять раз превышает расходы государства на охрану природы, а они составляют около 300 млн долл.

Экономическая модель экотуризма в США работает по принципу так называемого сателлитного эффекта – когда вокруг национального парка или заповедника развивается целый регион.

При ежегодных дотациях из госбюджета в размере 3 млрд долл. совокупный доход от посещений особо охраняемых природных территорий (ООПТ) только в 2017 году составил 14,2 млрд долл. (оценивается доход территории радиусом 60 миль вокруг национального парка).

Еще 3 млрд долл. в год приносит вторичный эффект, связанный с увеличением покупательской способности населения.

Например, знаменитый Йеллоустонский национальный парк (находится на территории штатов Вайоминг, Монтана и Айдахо) в 2017 году посетили около 4,1 млн человек (рисунок 1). Доход только от стоимости входных билетов и сопутствующих сборов составил порядка 50 млн долл. Он обеспечил рабочими местами около 7 тыс. человек и принес 630 млн долл. прибыли [3].

Всего же в США 60 национальных парков и 417 других охраняемых природных территорий. Их посещают 311 млн человек в год, это около 306 тысяч рабочих мест и 36 млрд долл. прибыли.

Другой пример – национальный парк Амбосели (находится в юго-восточной части Кении), он славится своими львами и слонами (рисунок 2) [6].

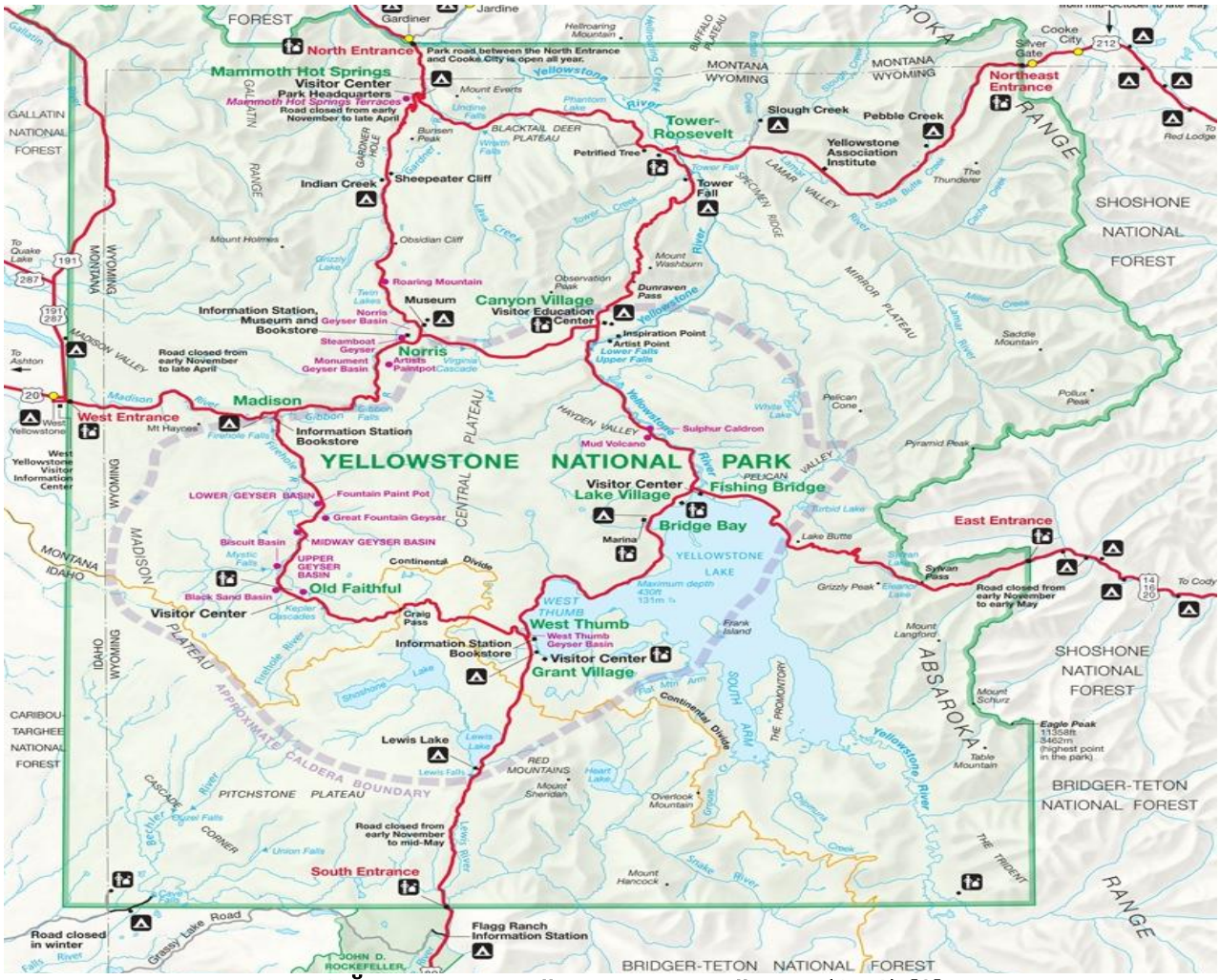

Рис. 1. Йеллоустонский национальный парк (США) [3]

Как объект экотуризма одна особь льва приносит парку около 27 тыс. долл. в год, а стадо слонов – 610 тыс. долл. При этом по всей стране животные исчезают из-за урбанизации и браконьерства и только в Амбосели выживают – любоваться ими туристы могут лишь из отелей или джипов.

Кения находится на третьем месте в мире по совокупному доходу от посещений ООПТ, а это 450 млн долл. в год. На втором месте Австралия, которой нацпарки приносят 3,5 млрд долл. ежегодно. Нацпарки России приносят всего лишь 11,7 млн долл. (рисунок 3) [4].

Однако многие потенциальные клиенты думают, что экопутешествие – это бесконечные скитания по джунглям, горам и прериям, голод и лишения ради сохранения окружающей среды. Отель только с виду может напоминать аутентичную хижину, но внутри он отвечает всем требованиям пятизвездочных гостиниц.

Экоотели, экокурорты, построенные с использованием возобновляемых материалов, расположенные в живописных районах, рядом с деревушками местных жителей или вблизи водопоев диких животных, – все это предпочтения современных туристов, которые российскому бизнесу при организации экотуризма необходимо учитывать.

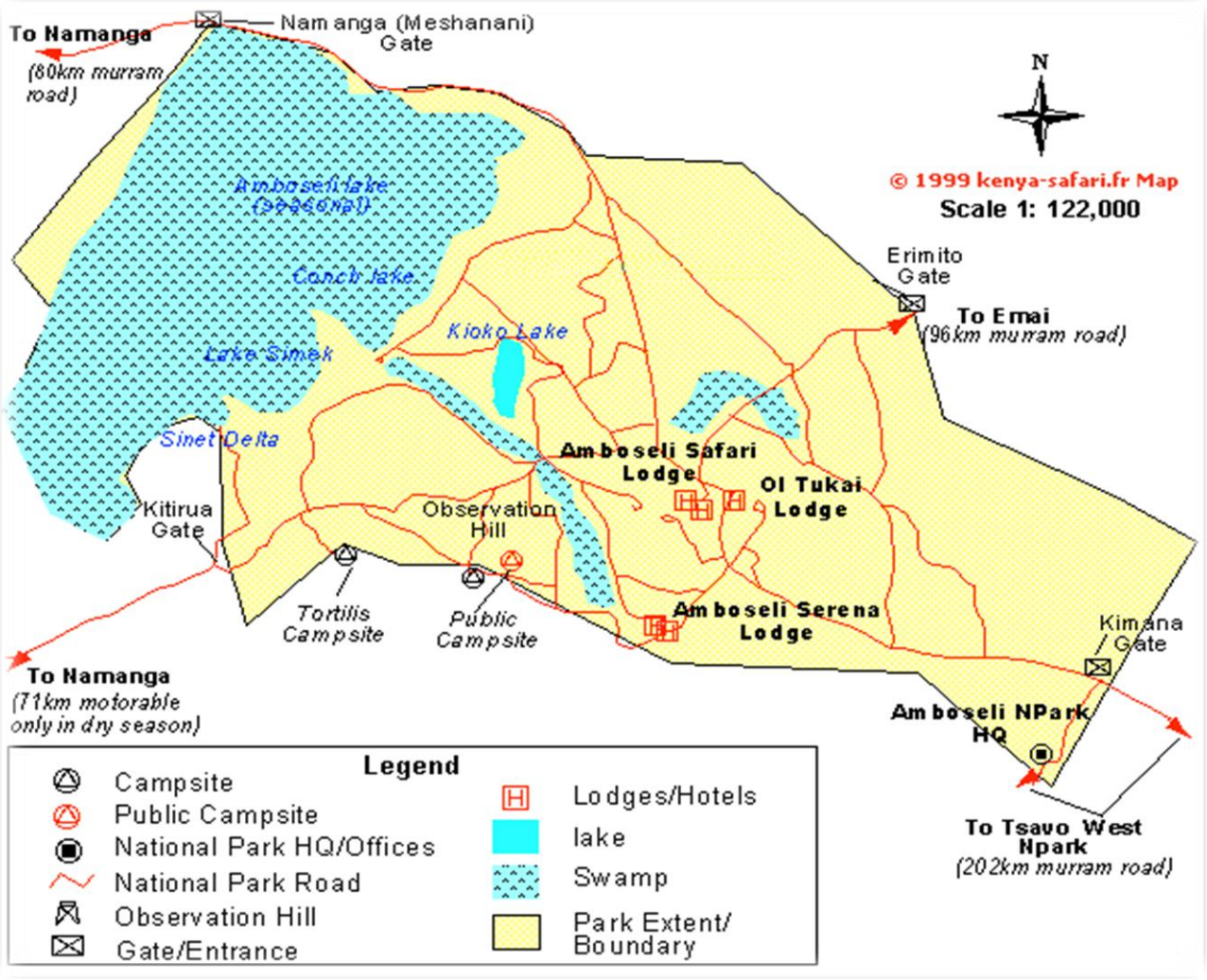

Рисунок 2. Национальный парк Амбосели (Кения) [6]

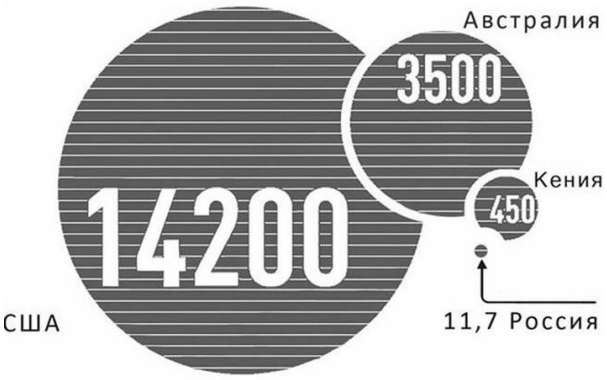

Рис. 3. Ежегодный совокупный доход от посещений ООПТ (в млн долл.) [4]

Россия считается одной из самых зеленых стран мира, ведь на ее территории расположена пятая часть мировых лесов. По данным Всемирной туристской организации ООН (UN WTO) [6], наша страна с ее огромными и малонаселенными пространствами по своему потенциалу экотуризма занимает пятое место в мире.

На территории России находятся 29 объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО. Дальний Восток, Северный Кавказ, Алтай, Карелия, Байкал, Русский Север, Арктика, Крым – всего в России около 19,6 тыс. ООПТ, среди которых 488 федерального, 16,1 тыс. регионального и 3 тыс. местного значения.

Занимают они примерно 15 % территории страны (рисунок 4) [4].

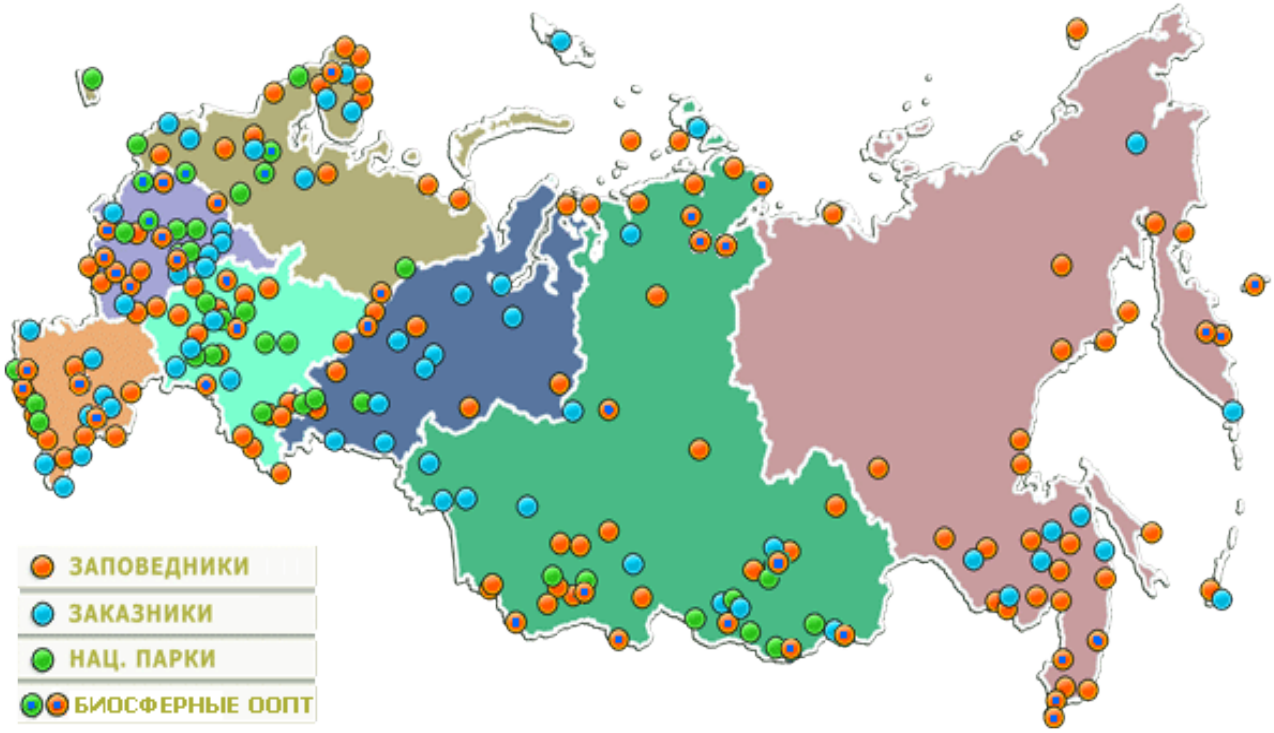

Рис. 4. Особо охраняемые природные территории (ООПТ) в России [4]

В 2017 году около 11 млн чел., по данным Ростуризма [4], посетили российские заповедники и нацпарки, что в два раза превысил показатель 2011 года. Особой популярностью пользовался Байкал, где отдохнули порядка 2,4 млн туристов.

Популярность этого вида туризма отечественные эксперты оценивают и по анализу внутренних перелетов [4]. В первом квартале 2019 года в топ запросов вошли Москва, Сочи, Санкт-Петербург, Минеральные Воды, Калининград и Краснодар, откуда туристический поток растекался по заповедным местам регионов России.

Большинство путешественников ассоциируют путешествия по России именно с экологическим туризмом, и прежде всего это Байкал, Алтай, Камчатка, Карелия и Кавказ. В 2018 году, по данным Biletix [2], на них пришлось 26 % бронирований авиабилетов от общего числа по внутренним направлениям.

Вот только ежегодный доход наших заповедных мест составляет всего 11,7 млн

долл. Это в 1213 раз меньше, чем в США, в сотни раз меньше, чем доходы многих развивающихся стран.

Самой большой проблемой, кроме покупки билетов, является транспорт, так как добраться из Москвы до Камчатки или с Дальнего Востока в Калининград весьма дорого и непросто.

Кроме того, заповедники и нацпарки размещены крайне неравномерно, и многие находятся в зоне риска в связи с изменениями в Земельном кодексе. Если поправки будут приняты, то с 2025 года в России вместо семи категорий земель появятся 18 территориальных зон, для которых устанавливаются разрешенные виды использования земельных участков [5].

Как нам представляется, данные изменения несут большой риск для экологии России. Например, часть лесов может быть отдана под застройку, а количество природоохранных территорий уменьшится. То же самое касается и заповедников.

Многие отечественные эксперты отмечают также, что на региональном уровне экотуризму господдержка не оказывается, нет и адаптивного механизма для государственно-частного партнерства в природопользовании. А финансовых вливаний национальным заповедникам в настоящее время не хватает [5].

Средства съедают текущие проблемы: нехватка горюче-смазочных материалов и техники, подкормка копытных, антибраконьерские рейды. В итоге все сводится к элементарному выживанию природоохранных территорий: людей, животных, природы.

К 2025 году в 32 национальных парках страны должна быть создана инфраструктура для туристов, а туристический поток должен вырасти до 4,3 млн чел., гласит национальный проект «Экология» [6].

Транспортную проблему, на наш взгляд, можно было бы решить за счет налоговых льгот для внутренних авиаперевозчиков. Ассоциация российских авиаперевозчиков и Министерство транспорта РФ ратуют за обнуление НДС и соответствующее предложение уже отправили в Министерство финансов РФ. Это позволило бы значительно снизить стоимость перелетов.

Нами в ходе исследования были выделены факторы, которые реально поспособствуют устойчивому развитию экотуризма в регионах России [6]:

1. Строительство региональной инфраструктуры экотуризма.

2. Разработка широкого ассортимента «продуктов» экотуризма.

3. Вовлечение местных жителей и развитие прилегающих территорий.

4. Привлечение туристов на региональном, федеральном и международном уровнях.

5. Подготовка квалифицированных кадров для данной отрасли.

6. Разработка государственной программы продвижения экотуристских проектов.

В последние годы были утрачены или реорганизованы 3788 ООПТ, среди них 21 заповедник, 16 природных заказников и 56 лечебно-оздоровительных местностей и курортов федерального значения.

Согласно исследованиям, проведенным природоохранной организацией Conservation International, число экологических туристов в мире ежегодно увеличивается на 20–30 %, тогда как ряды всех других туристов за это время пополняются только на 5 % [6].

По оценке Всемирной организации ООН по туризму и путешествиям (UN WTO), Россия по уровню внутреннего и въездного туризма находится лишь на 59-м месте в мире, а доля экотуризма в структуре отечественного туристического рынка не превышает 1 % [4].

В настоящее время российский туристический рынок стремительно развивается, меняются тенденции, растут требования и предпочтения туристов. Растет здоровая конкуренция, а вместе с ней и качество предоставляемых услуг.

Экономическая политика в нашей стране должна способствовать развитию индустрии туризма. Для того чтобы увеличить турпотоки, нужны вложения в туристскую инфраструктуру, именно благодаря профильному министерству мы сможем более эффективно привлекать инвестиции в эту сферу экономики. Выстроить рынок таким способом, чтобы соотношение цена – качество было конкурентоспособным и устраивало туристов.

Как показывает зарубежный опыт, в большинстве стран, где туризм занимает важное место в экономике, его курирует

отдельная организация, чаще всего созданная государством, но не обязательно государственная. Это, например, агентство по развитию туризма во Франции Atout France или национальное агентство по туризму Британии Visit Britain.

Аналогичные организации работают почти во всех странах Европы. При этом все они, как правило, занимаются только продвижением и рекламой своих стран как туристических направлений на внутреннем и зарубежных рынках.

В отличие от Ростуризма, на них не возложены функции регулирования деятельности туроператоров и турагентств – этим занимаются чаще всего профессиональные саморегулируемые организации [6].

Нехватка качественных гостиниц, также как и недостатки прочих элементов туристской инфраструктуры (объектов показа, транспорта, мест стоянок туристских автобусов, не говоря уже о кадрах – гидах-переводчиках) может стать трудно решаемой проблемой, мешающей нормальному распределению туристских потоков по регионам России [8].

Развитие туристской инфраструктуры – это не только забота об отдыхающих и путешествующих. Речь может идти и о создании рабочих мест в районах, где ничего другого, кроме индустрии гостеприимства, нельзя предложить.

Помимо поддержки развивающихся проектов, не следует забывать и об уже работающих, и здесь критически важно рассмотреть возможность сокращения для гостиничных и туристских проектов налога на землю и на недвижимость [5].

Основные факторы, доказывающие перспективное развитие направления:

– биологическая многогранность экосистемы и ландшафтов;
– инфраструктурная обеспеченность;
– популярность регионов;
– особенности климата;
– удаленное размещение от населенных пунктов.

Экологический туризм дает очень осязаемый социально-экономический эффект, и наша страна имеет множество критериев, способствующих развитию экотуризма. В России много уникальных природных мест, и у нее есть все возможности стать мировым лидером в сфере экотуризма.

Таким образом, культура и природные условия российской местности определяют благоприятные перспективы развития экологического туризма в России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глобализация и институциональная модернизация экономики России: теория и практика: монография / под общ. ред. В. В. Бондаренко, Е. М. Щербакова, Н. В. Колгановой, Т. В. Харитоновой. М.: Прометей, 2019

2. Национальные парки России // Официальный сайт Russia.com [электронный ресурс]. URL: http://russia.com/ru/activity/ (дата обращения: 28.03.2019).

3. Национальные парки США // Официальный сайт национальные парки мира [электронный ресурс]. URL: http://www.nparks.ru/usa.php/ (дата обращения: 27.05.2019)

4. Официальный сайт Федерального агентства по туризму [электронный ресурс]. URL: https://www.russiatourism.ru/ (дата обращения: 28.05.2019)

5. Позмогов А. И., Гергиев И. Э. Актуальные проблемы устойчивого экономического роста России. LAPLAMBERT Academic Publishing Omni Scriptum GmbH&Co. KG Bahnhofstrasse 28, 66111 Saarbrücken, Germany, 2017

6. Позмогов А. И., Гергиев И. Э., Каллагов Б. Р., Бекойты А. Г. Перспективы развития интегрированных корпоративных бизнес-структур в условиях неустойчивости социально-экономических систем. М.: РУСАЙНС, 2018.

7. Рамендик Д. М. Психодиагностика в социально-культурном сервисе и туризме: учебное пособие для академического бакалавриата / Д. М. Рамендик, О. В. Одинцова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2019.

8. Технология и организация экскурсионных услуг: учебное пособие для академического бакалавриата / Н. И. Кулакова, Т. В. Ганина; под редакцией Н. И. Кулаковой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2019.

ECOTOURISM AS A FACTOR OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF RUSSIAN REGIONS

I. E. Gergiev
Financial University under the Government of the Russian Federation,
Vladikavkaz, Russia

ABSTRACT: To consider the main trends of eco-tourism development in Russia taking into account domestic and foreign experience. The study notes that the development of eco-tourism contributes to the creation of reserves and parks, where the original state of nature and cleanliness are maintained. Eco-tourism in many Russian regions contributes to the increase of local employment and social and environmental development.

The results of the research presented in the article were based on such scientific methods as logical analysis, description, generalization, abstraction, observation, analogy, questioning. Secondary research conducted by the authors in the analysis of literary sources, statistical information and information published in specialized journals and databases of scientific works, sources on the Internet, including specialized tourist sites became the empirical base for the work. Methods of description, generalization and logical analysis were used to identify eco-tourism as an object of research.

The results of the study can be used by Municipalities, subjects of the Russian Federation, Federal Executive authorities in the development and adjustment of Federal and regional policy in the field of eco-tourism, as well as in the preparation of specific recommendations to improve the regulation of internal and external tourist flows.

The main problems of eco-tourism development in the regions of Russia as a sphere of activity aimed at improving the quality of life of the population are revealed, as well as the prospects of eco-tourism development in our country are considered. It is proved that eco-tourism gives a very tangible socio-economic effect for the Russian Federation, which has many criteria that contribute to the development of eco-tourism. Russia has many unique natural places, and it has all the opportunities to become a world leader in eco-tourism. Thus, the culture and natural conditions of the Russian area have a positive impact on the prospects of ecological tourism in Russia.

KEYWORDS: ecological tourism, region, state reserve, ecological resorts, specially protected natural territories, national park.

AUTHORS' INFORMATION: Iras E. Gergiev, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor, Vladikavkaz branch, Financial University under the Government of the Russian Federation,
7, Molodezhnaya st., Vladikavkaz, 362002, Russia, irasgergiev79@gmail.com.

FOR CITATION: Gergiev I. E. Ecotourism as a factor of sustainable development of Russian regions // Management Issues. 2019. №3 (39). P. 104—112.

REFERENCES

1. Globalization and institutional modernization of the Russian economy: theory and practice: monograph / edited by V. V. Bondarenko, E. M. Shcherbakova, N. V. Kolganova, T. V. Kharitonova. Moscow: Prometey, 2019 [Globalizatsiya i institutsional'naya modernizatsiya ekonomiki Rossii: teoriya i praktika: monografiya / pod obshch. red. V. V. Bondarenko, E. M. Shcherbakova, N. V. Kolganovoy, T. V. Kharitonovoy. M.: Prometey, 2019.] – (In Rus.). .
2. National parks of Russia. // Official website Russia.com [electronic resource]. URL: http://russia.com/ru/activity/ (date of reference 28.03.2019) [Natsional'nye parki Rossii. / Ofitsial'nyy sayt Russia.com [elektronnyy resurs]. URL: http://russia.com/ru/activity/ (data obrashcheniya: 28.03.2019).] – (In Rus.)].
3. National parks of the United States. // Official website national parks of the world [electronic resource]. URL: http://www.nparks.ru/usa.php/ (date of ref-

erence 27.05.2019) [Natsional'nye parki SShA. / Ofitsial'nyy sayt natsional'nye parki mira [elektronnyy resurs]. URL: http://www.nparks.ru/usa.php/ (data obrashcheniya: 27.05.2019)] – (In Rus.).
4. Official website of the Federal Agency for Tourism [electronic resource]. URL: https://www.russiatourism.ru/ (date of reference 28.05.2019) [Ofitsial'nyy sayt Federal'nogo agentstva po turizmu [elektronnyy resurs]. URL: https://www.russiatourism.ru/ (data obrashcheniya: 28.05.2019)] – (In Rus.).
5. Pozmogov A. I., Gergiyev I. E. Topical issues of sustainable economic growth in Russia. LAPLAMBERT Academic Publishing, Omni Scriptum GmbH&Co. KG Bahnhofstrasse 28, 66111 Saarbrücken, Germany, 2017 [Pozmogov A. I., Gergiev I. E. Aktual'nye problemy ustoychivogo ekonomicheskogo rosta Rossii. LAPLAMBERT Academic Publishing Omni Scriptum GmbH&Co. KG Bahnhofstrasse 28, 66111 Saarbrücken, Germany, 2017.] – (In Rus.).
6. Pozmogov A. I., Gergiyev I. E., Kallagov B. R., Bekoity A. G. Prospects of development of integrated corporate business structures in the context of instability of socio-economic systems. M.: RUSIENCE, 2018 [Pozmogov A. I., Gergiev I. E., Kallagov B. R., Bekoyty A. G. Perspektivy razvitiya integrirovannykh korporativnykh biznes-struktur v usloviyakh neustoychivosti sotsial'no-ekonomicheskikh sistem. M.: RUSAYNS, 2018.] – (In Rus.)..
7. Ramendik D. M. Psychodiagnosis in social and cultural service and tourism: textbook for academic undergraduate // D. M. Ramendik, O. V. Odintsova. 2nd edition, updated and revised. M.: Publishing house Yurait, 2019 [Ramendik D. M. Psikhodiagnostika v sotsial'no-kul'turnom servise i turizme: uchebnoe posobie dlya akademicheskogo bakalavriata / D. M. Ramendik, O. V. Odintsova. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Izdatel'stvo Yurayt, 2019.] – (In Rus.).
8. Technology and organization of excursion services: textbook for academic undergraduate // N. I. Kulakova, T. V. Ganina; edited by N. I. Kulakova. 2nd edition, updated and revised. M.: Publishing house Yurait, 2019 [Tekhnologiya i organizatsiya ekskursionnykh uslug: uchebnoe posobie dlya akademicheskogo bakalavriata / N. I. Kulakova, T. V. Ganina; pod redaktsiey N. I. Kulakovoy. 2-e izd., ispr. i doP. M.: Izdatel'stvo Yurayt, 2019.] – (In Rus.).

ВОСПРИЯТИЕ КОМПАНИИ МОЛОДЫМИ РАБОТНИКАМИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

УДК 316.334.2-057.51 *ГСНТИ 82.17.25*
ББК 60.561.2п9 *Код ВАК 08.00.05*
DOI: 10.22394/2304-3369-2019-3-113-128

Р. А. Долженко
Уральский государственный экономический университет,
Екатеринбург, Россия
AuthorID: 617562

Д. В. Хомутова
ПАО «Синарский трубный завод»,
Каменск-Уральский, Россия

АННОТАЦИЯ: Постановка проблемы. Молодые работники промышленного предприятия являются особой категорией персонала, чей уровень удовлетворённости, вовлеченности подвержен изменениям. Заводам необходимо набирать все большее количество молодых людей, их отношение к организации во многом будет определять перспективы их долгосрочной трудовой деятельности. В связи с этим необходимо чётко понимать мотивационную структуру молодёжи на предприятии, оценить результативность его деятельности в области молодёжной политики.

Методологическая база исследования. Теория поколений Хоува и Штрауса. Концепция удовлетворённости трудом молодых работников Ядова и Здравомыслова. Работы Свердловских социологов в области промышленной социологии, изучавших удовлетворённость трудом работников Синарского трубного завода.

Методы исследования. В статье представлены результаты социологического исследования отношения молодых работников, их взгляда на компанию, а также мер по реализации системной работы с молодёжью на промышленном предприятии. Основные методы: анкетные опросы молодых работников и глубинное интервью руководителей цеховых советов молодёжи. Объектом исследования выступили молодые работники ПАО «Синарский трубный завод» и их отношение к отдельным аспектам работы в компании. Было опрошено 410 молодых работников предприятия, проведено 9 интервью.

Результаты исследования. Проведена оценка уровня удовлетворённости трудом молодых работников предприятия как в целом, так и по отдельным направлениям. Проанализирована система ценностей молодых работников, выделены приоритеты в ней, показано, что ключевые ценности работающей молодёжи не обладают ярко выраженной спецификой по сравнению с остальными поколениями персонала. Изучено отношение молодёжи к действующим в организации программам, подразделениям по работе с молодыми работниками, выделено, что оно неоднородно по отношению к представителям разных уровней управления. Описаны первоочередные задачи, которые может реализовать предприятие для обеспечения высокого уровня удовлетворённости трудом молодых работников предприятия, связанные с предоставлением возможностей для развития персонала.

Выводы. Отношение к труду молодых работников на предприятии не зависит от поколения, в целом они демонстрируют высокий уровень вовлеченности и удовлетворённости на общем фоне. Опыт ПАО «СинТЗ» в части организации работы с молодыми работниками, который был проанализирован в работе, может быть учтён, скорректирован, дополнен любыми другими формами работы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: молодёжь, молодые работники, поколения, промышленное предприятие, вовлеченность персонала, удовлетворённость работников.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Руслан Алексеевич Долженко, доктор экономических наук, доцент,
Уральский государственный экономический университет
62144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, 62, rad@usue.ru.

Дарья Вадимовна Хомутова, ведущий специалист по работе с молодежью УРПП, ПАО «Синарский новотрубный завод»,
623401, Россия, г. Каменск-Уральский, пр. Заводской, 1, sinarsky@sintz.ru.

© Р. А. Долженко, Д. В. Хомутова, 2019

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Долженко Р. А., Хомутова Д. В. Восприятие компании молодыми работниками промышленного предприятия // Вопросы управления. 2019. № 3 (39). С. 113—128.

Введение. Происходящие в системе трудовых отношений изменения характеризуются их большой скоростью и масштабом влияния на все аспекты деятельности компаний. Демографическая ситуация в свою очередь заставляет бизнес вовлекать в производственные процессы и молодёжь, и лиц предпенсионного возраста, помимо основного трудоспособного населения, что приводит к одновременному сосуществованию на предприятии работников разных поколений. Особое отношение к молодым работникам со стороны бизнеса обоснованно, так как в них сосредоточено будущее компании, но никогда ранее не было так сложно выстраивать кадровую политику – чтобы она соответствовала ценностям и интересам молодых людей, которые привыкли взаимодействовать в цифровой среде, стараются «работать, чтобы жить», не по примеру родителей, которые «жили, чтобы работать», очень легки на подъем – могут оперативно сменить место работы и проживания и др.

В этой связи важно понимать, что хотят получить от компании молодые работники, и что она может им дать для удовлетворения их запросов. И уже от отталкиваясь от этого знания, стараться выстроить такую кадровую политику по отношению к молодым людям, которая позволит бизнесу эффективно достигать свои задачи.

В рамках данного предметного поля нами было проведено исследование отношения молодых работников ПАО «СинТЗ», промышленного предприятия Свердловской области, к возможностям работы на заводе, с целью его учёта при построении кадровой политики компании. Для этого последовательно будут решены следующие задачи: а) анализ особенностей молодых работников как субъекта трудовых отношений, б) проведение социологического исследования отношения молодых работников к возможностям работы в ПАО «СинТЗ», в) разработка рекомендаций по выстраиванию кадровой политики компании применительно к молодым работникам. Представленные выводы могут быть использованы в деятельности любой промышленной организации региона в силу их универсальности, а также схожести проблем, с которыми сталкивается бизнес в этом направлении.

Теоретические предпосылки исследования уровня удовлетворённости молодых работников. Отметим, что тема отношения работников к предприятию остаётся крайне востребованной – как у учёных, так и у практиков, как в нашей стране, так и за рубежом, начиная с середины XX века и до настоящего времени. За этот период исследования в этой области несколько раз меняли фокус с удовлетворённости трудом – на лояльность персонала и, наконец, вовлеченность персонала. Основоположниками в этой области являются советские социологии В. А. Ядов и А. Г. Здравомыслов , которые провели исследование удовлетворённости трудом у молодых работников ленинградских предприятий [4]. Перед исследователями стояла цель определить на материале эмпирических данных реальную картину отношения к труду рабочей молодёжи, выделить наиболее существенные факторы, способствующие превращению труда в жизненную потребность работника.

В последующие годы было проведено множество аналогичных опросов других категорий работников, представителей различных отраслей и направлений деятельности. После поглощения предметной области социологии труда другими смежными направлениями, произошедшего после 90-х годов в нашей стране, опросы об отношении работников к организации, производственным процессам, изменениями, HR-бренду и т.д. [6, с. 12] прочно вошли в инструментарий исследователей различных вопросов по менеджменту, экономической социологии и даже экономике труда (если судить по диссертационным исследованиям в этой области).

За рубежом акценты смещены в сторону оценки восприятия сотрудниками изменений в организации, этому аспекту посвящён целый пласт работ, как правило, оценивающий отношение к этому феномену с негативной стороны, например, в работах L. Greenhalgh и Z. Rosenblatt с позиции оценки изменений как стимула для возникновения чувства беспомощности у работников [13, P. 438], аналогичные выводы представлены в работе S. Ashford, C. Lee и P. Bobko

[12, P. 803], через призму ожидания ухудшения занятости и т.д. [18, P. 913]. Контент-анализ научных работ на тему отношения молодых работников к компании, опубликованных в зарубежных изданиях показал, что значение именно этой категории персонала за последние годы увеличилось [11, P. 56], в том числе в промышленных предприятиях [17]. Бизнес, исследователей интересует не отношение всего персонала к компании, а отдельных наиболее проблемных категорий (молодёжь, пенсионеры, инвалиды и др.) и их влияние на кадровую политику компании [16, P. 218].

Отметим, что в последние годы появились работы, оценивающий такой аспект как разницу восприятия трудовой деятельности у представителей разных поколений – так называемую теорию поколений Ника Хоува [14]. Суть этой концепции сводится к тому, что представители разных поколений существуют в отличающихся условиях, что не может не привести к формированию на их основе разных систем ценностей. В силу того, что пенсионный возраст повышается, и бизнес начинает все более активно работать с молодёжью, вовлекая её в производственный процесс, одномоментно на территории предприятия работают представители разных поколений. Система ценностей как показало наше исследование определяет интересы и формирует конкретные мотивы, значит в идеале, система стимулирования должна учитывать ценности индивидов, на которых она будет направлена в организации [3]. Этот аспект проблемы поколений пока не изучался подробно, ни российскими, ни зарубежными исследователями. В то время как работ, посвящённых просто теории поколений и её применении в системе управления персоналом, появляется все больше.

И, наконец, заострим внимание на промышленной (заводской) социологии, которая имела значение в управлении промышленными предприятиями в СССР [1]. До двухтысячных годов это направление во многом было представлено Уральской школой заводской социологии, социологами, работающими на промышленных предприятиях, производящих опросы работников заводов [5, с. 31]. Ряд ключевых работ в этом направлении был подготовлен исследователями Синарского трубного завода [8, с. 18], но после череды оптимизаций организационной структуры, вымывания функции социологии труда из деятельности группы ТМК можно констатировать, что остались лишь точечные «островки» компетентности в этой области в регионе [9], в рамках которых продолжает вестись научная работа, выходят статьи, защищаются диссертации по данной теме [10].

Понимая всю важность работы с молодёжью в организации, идентифицируя ряд нарастающих проблем в области подбора персонала на предприятии, нами было реализовано социологическое исследование молодых работников ПАО «СинТЗ» и их отношения к компании, а также той деятельности, которая она реализует по отношению к молодому персоналу.

Методология и характеристика объекта исследования. Прежде всего дадим общую характеристику компании, в которой было реализовано исследование. Таковой явилась ПАО «Синарский трубный завод» (далее ПАО «СинТЗ»), которое входит в группу компаний ТМК. Предприятие занимается производством и поставкой различных стальных труб и полых профилей и ведёт свою историю в этом направлении с 1934 года.

Основными потребителями труб производства ПАО «СинТЗ» являются такие компании как: ПАО «НК «Роснефть», ПАО «Сургутнефтегаз», ПАО «Нефтяная компания «Лукойл»», ПАО «Татнефть», ОАО «Газпромнефть», ОАО ТКЗ «Красный котельщик», ООО «Белэнергомаш – БЗЭМ» и другие. В год ПАО «СинТЗ» заключает свыше трёх тысяч крупных договоров на поставку и отгрузку заказов, более чем по двенадцати тысячам позиций.

Численность работников предприятия на текущий момент составляет 6 095 сотрудников. Фонд начисленной заработной платы работников за 9 месяцев 2018 года составил 2 424 700 тыс. рублей [20].

Доля молодёжи составляет 30 % от общей численности, на момент проведения исследования общее количество работников возрастом до 30 лет на предприятии – 1367 человек.

Отметим, что компания испытывает постоянную потребность в новых кадрах, принимает много молодых сотрудников. Данные о количестве соискателей работы в ПАО «СинТЗ» представлены на рисунке 1.

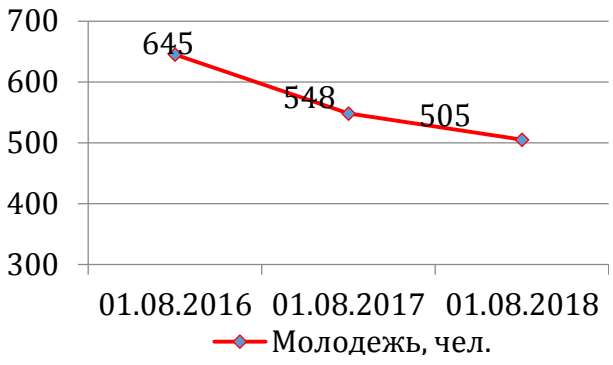

Рисунок. 1. Данные о количестве кандидатов на трудоустройство в ПАО «СинТЗ» из числа молодёжи.

Как видно из рисунка, отмечается снижение притока молодёжи на завод, что требует пересмотреть подходы к подбору персонала данной категории, усилить работу в этом направлении, использовать новые источники подбора.

Кроме того, этих данных будет недостаточно для понимания объёма притока молодых работников, т.к. не каждый соискатель в итоге принимается на работу. Анализ показал, что воронка подбора среди молодых сотрудников составляет 1 из 6, т.е. примерно 8–9 кандидатов из 50 трудоустраивается на предприятие.

В настоящее время организационная структура управления молодёжью на предприятии выглядит следующим образом (рисунок 2):

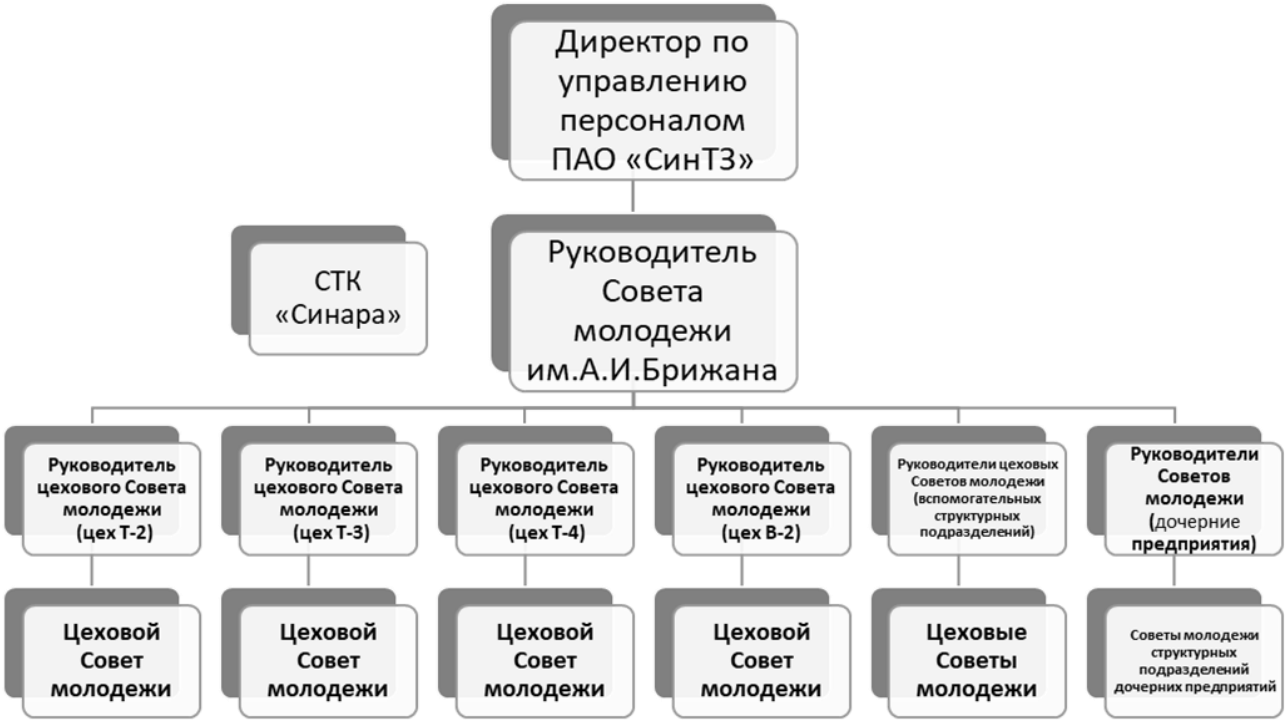

Рисунок 2. Организационная структура подразделений, задействованных во взаимодействии с молодёжью на предприятии

Для понимания того, насколько результативна данная структура, в анкету нами были включены вопросы об удовлетворённости молодых работников деятельностью отдельных структур компании на разных уровнях иерархии (цеховой совет молодёжи, руководство цеха, совет молодёжи им. А. И. Брижана, директор по персоналу, руководство предприятия).

На первый взгляд, можно сделать вывод о том, что работа с молодёжью ведётся на системном уровне, в рамках действующих на заводе структур. Но достаточно ли устоявшихся подходов для решения всего комплекса задач системы управления персоналом? Результаты социологического исследования в формате анкетного опроса и интервью с руководителями цеховых советов молодёжи (9 человек) показали, что все не так однозначно.

Исследование было проведено нами в марте 2018 года во всех подразделениях

предприятия, кроме энергоцеха (в силу того, что работников в возрасте до 30 лет там нет).

Цель исследования – выявить актуальные, перспективные потребности молодых работников предприятия, замерить уровень удовлетворённости реализацией направлений деятельности ПАО «СинТЗ» в области работы с молодёжью.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач исследования:

1. Выявить актуальные, перспективные потребности молодых работников предприятия.

2. Определить степень участия структур предприятия, реализующих взаимодействия с молодыми работниками, в жизни молодёжи подразделения.

3. Замерить уровень удовлетворённости молодых работников предприятия реализацией программы «Молодёжь ПАО «СинТЗ».

4. Выявить трудовые ценности и трудовую мотивацию молодёжи.

5. Информировать молодых работников о текущих и новых направлениях взаимодействия с молодёжью на предприятии.

Объект исследования – работники предприятия возрастом до 30 лет.

Выборка квотная, репрезентирующая согласно критериям: молодые рабочие до 30 лет (все подразделения завода, кроме энергоцеха); параметры: пол, возраст, категория, стаж работы на предприятии, наличие детей.

В анкетном опросе приняло участие 410 респондентов, что составило 30,0 % от штатной численности молодых работников предприятия. Данные обработаны с помощью программы «VORTEX». Результаты исследования представлены в % от количества ответивших.

Результаты исследования отношения молодых работников ПАО «СинТЗ» к компании. Ключевой аспект, который нас интересует на входе исследования, – понимание того, как относятся молодые работники к самому предприятию, довольны ли они работой, испытывают ли особое отношение к факту трудоустройства на предприятие? Распределение ответов на вопрос об отношении молодёжи к ПАО «СинТЗ» приведено на рисунке 3.

Отметим, что каждому четвёртому молодому человеку (22,4 %) все равно, где работать, главное – зарабатывать деньги. Чаще так считают мужчины (24,3 %), чем женщины (18,7 %). Нет такого мнения у молодых руководителей завода (0,0 %), в основном представители этой категории персонала гордятся самим фактом работы в ПАО «СинТЗ».

Молодёжь, которая работает в цехе В-2 (80,0 %), отделах управления заводом (72,7 %) и ОТК (72,0 %) наиболее довольна, тем обстоятельством, что работает в ПАО «СинТЗ». Менее довольны этим фактом молодые работники цеха Т-3 (48,0 %). Женщины (71,6 %) более довольны своим местом работы, чем мужчины (57,6 %). Эти результаты подтверждают тезис о том, что мужчины имеют больший, по сравнению с женщинами, уровень притязаний к работе [7].

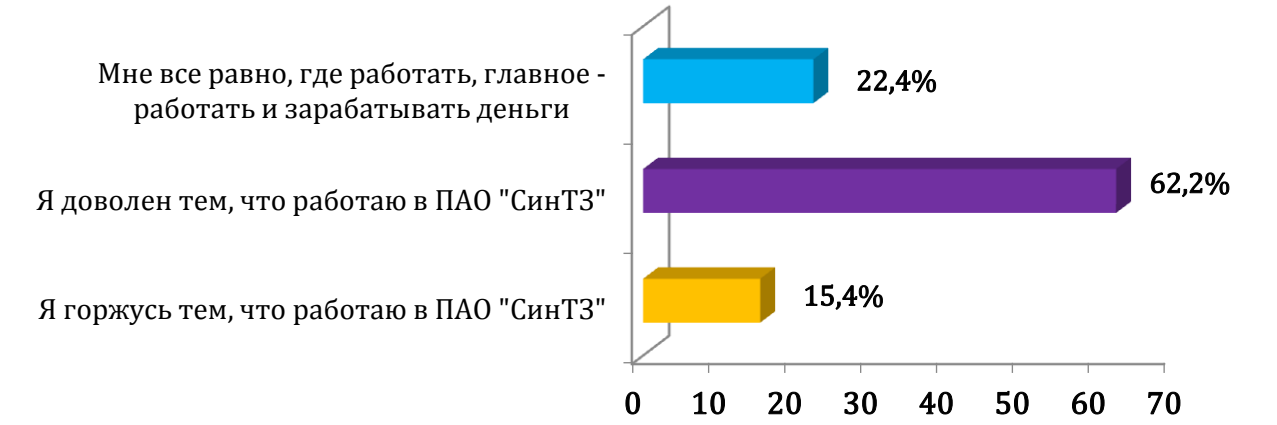

Рисунок 3. Отношение молодёжи к предприятию

Только каждый шестой молодой работник (15,4 %) предприятия испытывает гордость за то, что он работает в ПАО «СинТЗ». Чаще всего это чувство возникает у молодых руководителей (50,0 %) и молодых специалистов предприятия (30,6 %). Гораздо реже гордость за своё предприятие испытывают рабочие (13,4 %). Таким образом, ответы на данный вопрос обозначили проблему низкого уровня лояльности молодых работников по отношению к предприятию на фоне других сотрудников.

Каковы карьерные предпочтения сотрудников? Ответы на данный вопрос распределились следующим образом (рисунок 4).

Почти все респонденты указали, что менять профессию и место работы в ближайшее будущее не собираются. В планах у молодёжи совершенствовать своё профессиональное мастерство, осваивать вторую смежную профессию и главное – стремиться к карьерному росту на предприятии.

Важной частью анкеты стали вопросы, связанные с определением приоритетов в жизни молодёжи: семейного благополучия, карьеры, уровня доходов, возможностей общения. Проведённый опрос позволил сделать определённые выводы об основных жизненных приоритетах молодёжи ПАО «СинТЗ». Забегая вперёд, отметим, что мы не обнаружили разницы в ценностных приоритетах у представителей разных поколений, скорее всего, отличия в них нивелируются едиными подходами к кадровой политике на предприятии. Более того, интересы молодых людей практически ничем не отличаются от таковых у остальных работников предприятия.

1. Семейное благополучие – 62,9 % респондентов отметили этот приоритет в качестве важного для себя.

Это жизненное кредо большинства женщин (74,6 %) предприятия (мужчин – 57,1 %), а также молодых работников, у которых двое и более детей (73,4 %). Молодёжь, работающая на предприятии свыше 7 лет (70,8 %) семейное благополучие ставит на первое место. Молодые работники в возрасте 26–30 лет (67,1 %) уважают семейные ценности и ставят их на первое место.

2. Высокий достаток – 53,3 % опрошенных заинтересованы в высоком уровне доходов.

Именно в этом жизненном принципе солидарны молодые мужчины (52,7 %) и женщины (54,5 %), половина которых отмечают его как основной в своей жизни. Высокий достаток особенно актуален для молодых людей в возрасте 26–30 лет (58,9 %) и молодых работников, у которых двое и более детей (59,4 %). На высокий достаток чаще всего претендует молодёжь в цехах: Т-3 (64,0 %), Т-2 (58,9 %) и ОТК (62,0 %).

Рисунок 4. Профессиональные планы на будущее у молодых работников предприятия

3. Карьерный рост и реализация своих интересов и способностей – интересны 23,3 % и 20,4 % респондентов соответственно.

Данные приоритеты чаще отмечают молодые руководители (50,0 %), специалисты (38,9 %). Показали свою заинтересованность в карьерном росте и самореализации молодые работники ЦСП (54,5 %), электроцеха (53,8 %), заводоуправления (45,5 %), газового цеха (40,0 %) и ОТК (38,0 %).

4. Жизненные приоритеты, направленные на общение, соответствие этическим и моральным нормам общества набрали менее 10,0 % от числа респондентов:

– возможность изменить ситуацию в обществе к лучшему – 8,1 %;

– возможность интересного общения – 6,7 %;

– уважение со стороны окружающих, престиж – 7,4 %;

– соответствие моральным и этическим нормам – 3,4 %.

Как показывают исследования, уровень удовлетворённости и вовлеченности, как правило, во многом зависит от осведомлённости респондентов о реализуемых в компании начинаниях, выстроенной системы внутренних коммуникаций. В связи с этим отдельным блоком вопросов мы оценили осведомленность молодых работники о действиях организации в их отношении, о том, из каких источников они черпают информацию, удовлетворены ли действиями кураторов направления на местах.

На заводе принята программа «Молодёжь ПАО “СинТЗ”», но мы предполагали, что не все респонденты знают о его существовании. Для получения информации об этом аспекте в анкету был включён закрытый вопрос, распределение ответов на который приведено на рисунке 5.

Самая большая часть работников, которые затруднились при ответе о программе «Молодёжь ПАО “СинТЗ”» – это молодёжь со стажем работы 5–7 лет (27,6 %). В своём большинстве это работники в возрасте 26–30 лет (19,0 %). Каждый четвёртый работник цеха В-2 (23,3 %) не уверен в своих знаниях о программе.

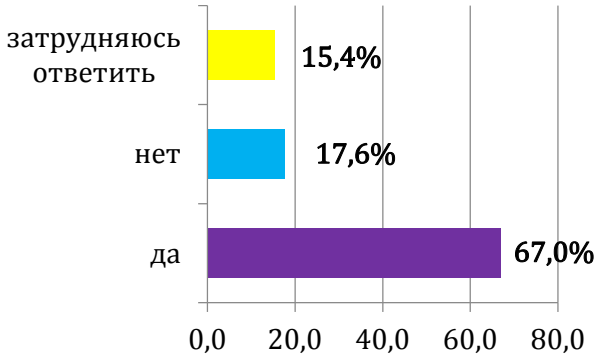

Рисунок 5. Информированность персонала о программе «Молодёжь ПАО «СинТЗ»»

Наибольшее количество молодых работников, которые не знакомы с программой «Молодёжь ПАО “СинТЗ”» имеют стаж работы менее 1 года (23,9 %). Каждый пятый мужчина (22,1 %) не знает о существовании данной программы на предприятии. Каждый четвёртый специалист (25,0 %) не знаком с положениями программы. В цехе Т-3 о действующей программе знает только каждый второй молодой работник (54,0 %).

Реализация кадровой политики по отношению к молодым сотрудникам реализуется в ПАО «СинТЗ» на разных уровнях, поэтому нам важно было понять, как молодёжь оценивает результативность взаимодействия с руководителями цеховых советов молодёжи, начальниками цехов, руководством компании в целом. Распределение ответов на эти вопросы представлено на рисунках 6–7.

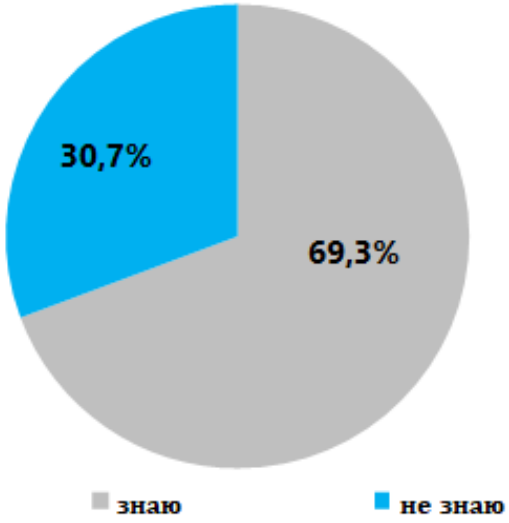

Рисунок 6. Распределение ответов на вопрос «Знаете ли Вы, кто в Вашем цехе руководитель Цехового совета молодёжи?»

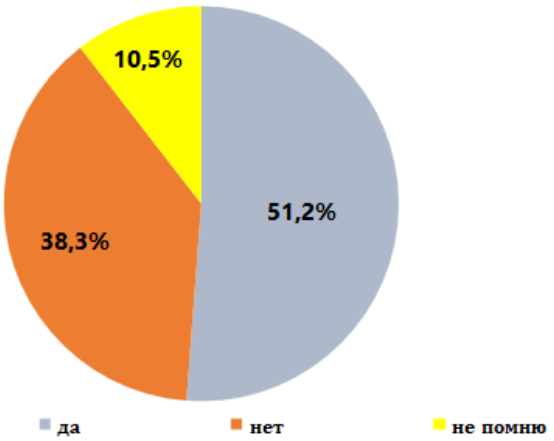

Рисунок 7. Распределение ответов на вопрос «Сотрудничали ли Вы с руководителем цехового совета молодёжи?»

Руководителей цеховых советов молодёжи (далее ЦСМ) на предприятии знают две трети (69,3 %) опрошенных. При этом надо отметить, что каждый третий молодой работник предприятия не знает (30,7 %) руководителя ЦСМ и никогда с ним не общался (38,3 %). Индекс удовлетворённостью молодёжи деятельностью руководителя ЦСМ находится на высоком уровне – 0,79. Значение индекса удовлетворённости колеблется от 0 до 1. Индекс удовлетворённости 0,35 и менее – низкое значение; 0,36–0,65 – среднее значение; более 0,65 – высокое значение. Распределение этого индекса по цехам приведено на рисунке 8.

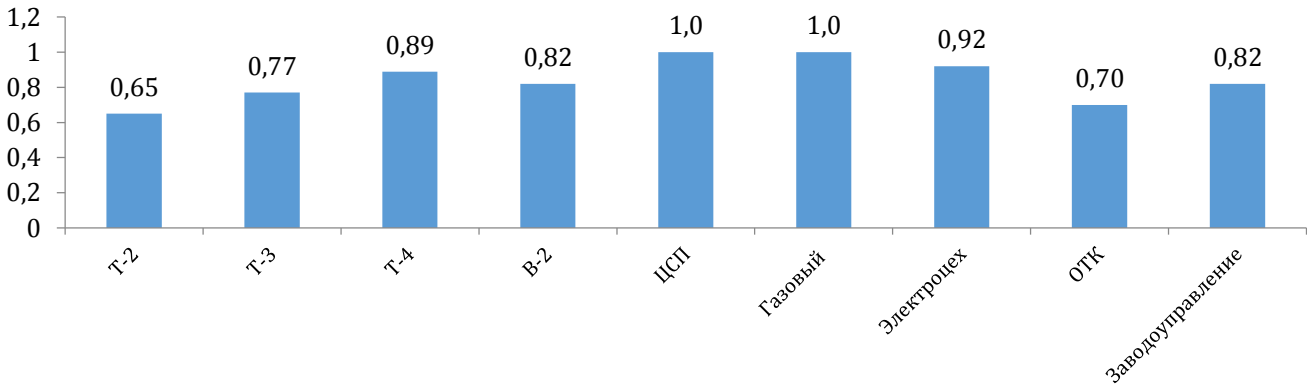

Рисунок 8. Удовлетворённость деятельностью руководителя ЦСМ в цехах

Со всеми руководителями ЦСМ были проведены интервью с целью поиска проблем в области работы с молодыми людьми в цеха. По некоторым цехам необходима активизация деятельности руководителей ЦСМ (цех Т-2, ОТК), формирование по ним индивидуальных планов восстановления, контроль их выполнения до конца года. Если он не будет выполнен, может быть принято решение о замене руководителя ЦСМ.

Удовлетворённость молодёжи деятельностью и качеством проводимых заводских мероприятий (по заводу в целом):

– Удовлетворённость качеством проводимых спортивно-оздоровительных мероприятий – 0,78;

– Удовлетворённость качеством проводимых культурно-массовых мероприятий – 0,77;

– Удовлетворённость условиями для профессиональной самореализации – 0,73.

Если сопоставить индексы с аналогичными в других областях деятельности, то можно констатировать, что для молодых людей характерен высокий уровень удовлетворённости. Кроме того, ряд исследований показывает, что молодые сотрудники, как правило, демонстрируют самый низкий уровень удовлетворённости, в силу того, что их предпочтения в работе до конца ещё не сформированы [19]. В нашем случае, уровень удовлетворённости молодых работников ПАО «СинТЗ» очень высокий. Но следует с осторожностью относиться к подобным показателям, с учетом разных подходов к их оценке, наличия такого явления, как фиктивная удовлетворённость и вовлеченность, «эмоциональных качелей», вызванных изменениями в организации и др.

Поэтому для нас важнее было получить представления о том, в каких мероприятиях компании принимает участие молодёжь, а также сделать срез предложений и их направления по развитию отдельных направлений взаимодействия с молодёжью на предприятии ПАО «СинТЗ» (рисунок 9).

Опрос показал, что почти половина молодых работников (48,6 %) предприятия приняли участие в конкурсах профессионального мастерства по рабочим профессиям. Каждый пятый молодой трубник участвовал в конкурсе по охране труда и промышленной безопасности (20,5 %), молодёжной научно-практической конференции (20,5 %), молодёжной спартакиаде (20,5 %), молодёжном тур слёте (18,0 %).

Как видно из рисунка, молодых людей в первую очередь интересуют мероприятия в области спорта, здоровья, досуга, профессионального развития. Наименьший интерес вызывает развитие научно-технического творчества, профилактика экстремизма, профориентация подрастающего поколения. Сопоставление мнение интересов молодых людей с приоритетами кадровой политики показало, что они не соответствуют друг другу. Бизнес старается делать все больший акцент на том, что наименее интересно молодым людям. В частности, респондентами были предложены следующие направления для развития молодёжной политики в ПАО «СинТЗ» (Рисунок 10).

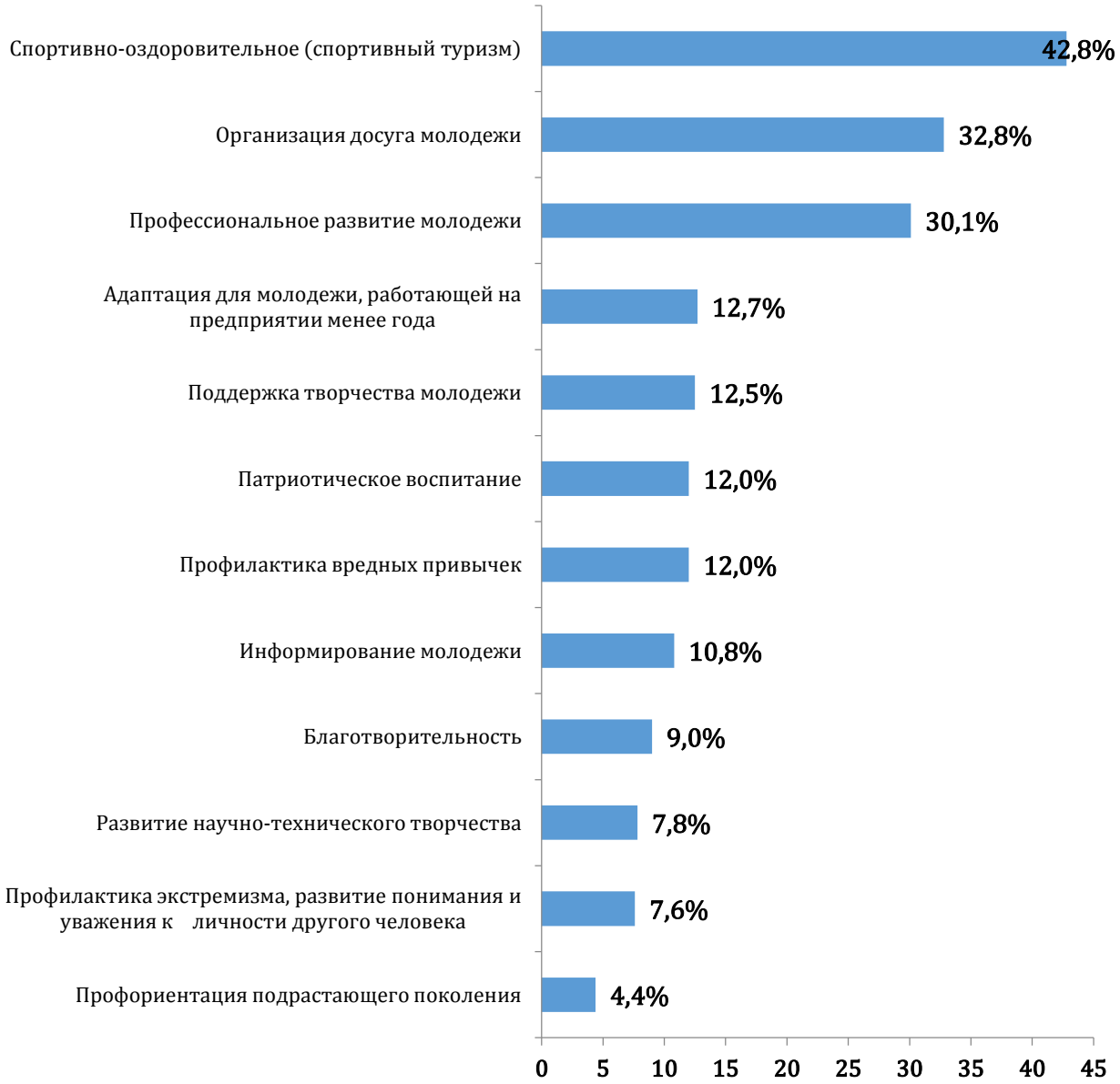

Рисунок 9. Актуальные направления работы с молодёжью по мнению респондентов

Рисунок 10. Актуальные виды деятельности молодёжной политики

Такое направление, как «Единое информационное пространство для молодёжи», активно развиваемое в группе компаний ТМК, получило лишь 9,4 % голосов молодых работников предприятия. Молодых людей интересует повышение уровня доходов (76 % респондентов), возможности для саморазвития, (30,6 %), карьера (22,8 %). Перекрёстный анализ результатов ответов на разные вопросы показал, что молодёжь поддерживает предложение о повышении заработной платы во всех подразделениях завода. Наиболее заинтересована в повышении заработка молодёжь со стажем работы более 7 лет (88,5 %). Возможность получить высшее образование наиболее активно поддерживает рабочая молодёжь (31,5 %) и молодые родители, у которых двое и более детей (34,4 %). Построение карьеры интересует молодых руководителей (50,0 %) и служащих (46,2 %).

Респондентами также отмечены мероприятия:

– наличие перспективы повышения квалификации, разряда – 16,7 %;

– организация досуга молодёжи – 15,0 %;

– развитие управленческих и профессиональных компетенций – 11,8 %.

Эффективные направления деятельности, нацеленные на профессиональное развитие молодёжи, приведены на рисунке 11.

Из каких источников молодёжь черпает информацию о мероприятиях, проводимых в рамках реализации программы «Молодёжь ПАО «СинТЗ»? Вопрос был полузакрытый, что позволило получить информацию о большом количестве источников, предложенных респондентами:

1. Газета «Синарский трубник» – 58,6 %;
2. Социальная сеть «ВКонтакте»;
3. От руководителя цехового Совета молодёжи – 24,0 %;
4. Информационные стенды в цехах и на участках – 20,3 %;
5. Заводское радио – 15,9 %;
6. От непосредственного руководителя – 14,5 %.

Менее 10% голосов набрали такие источники информации как:

– сайт «КУ66» (9,6 %);

– Instagram (9,3 %);

– социальная сеть «Одноклассники» (7,4 %);

– смс-информирование (7,1 %);

– от руководителя заводского Совета молодёжи (5,6 %);

– электронная почта (5,6 %).

Рисунок 11. Эффективные направления деятельности, нацеленные на профессиональное развитие молодёжи

Таким образом, подводя итоги социологического опроса, можно сделать следующие выводы:

1. Большинство молодых работников предприятия (77,6 %) горды тем фактом, что являются работниками ПАО «СинТЗ». Основными жизненными приоритетами молодые трубники выбирают: семейное благополучие, высокий достаток, карьерный рост и реализация своих интересов и способностей.

2. Планы на будущее у молодых работников связаны с профессиональной деятельностью на предприятии, это: карьерный рост, в пределах своего разряда повышение профессионального мастерства, освоение второй или смежной профессии.

3. Две трети (67,0 %) молодых работников предприятия информированы о действующей на предприятии программе «Молодёжь ПАО “СинТЗ”».

4. Удовлетворённость молодёжи деятельностью и качеством проводимых заводских мероприятий находится на *высоком уровне*: качеством проводимых спортивно-оздоровительных мероприятий (0,78), качеством проводимых культурно-массовых мероприятий (0,77), условиями для профессиональной самореализации (0,73). Наиболее высокий индекс удовлетворённости зафиксирован в: ЦСП, электроцехе, газовом цехе, цехе Т-4 и заводоуправлении.

5. Две трети (69,3 %) молодых работников знают своих руководителей ЦСМ, но при этом взаимодействовала с ними только половина (51,2 %) молодых работников. Индекс удовлетворённости деятельностью руководителей цеховых советов молодёжи высокий (0,79).

6. Актуальные направления работы с молодёжью: спортивно-оздоровительное (спортивный туризм), организация досуга молодых людей, их профессиональное развитие.

7. Для более глубокого освоения профессии молодёжь хотела бы принимать участие в: конкурсах профессионального мастерства по рабочим профессиям, стажировках на других предприятиях ТМК, молодёжной научно-практической конференции.

8. Молодёжная политика ПАО «СинТЗ» должна опираться, на какие виды деятельности как: возможность продвижения молодёжи по карьерной лестнице, формирование у молодых работников системы ценностей, правил, традиций и принципов предприятия, совершенствование процесса адаптации молодых работников на предприятии.

9. Основные мероприятия, способствующие закреплению молодёжи на заводе: повышение уровня заработной платы, помощь завода в получении высшего и среднего образования, возможность построения профессиональной карьеры.

10. Эффективные направления деятельности, направленные на профессиональное развитие молодых людей: совершенствование системы поощрения трудовой деятельности молодых работников, обеспечение профессионального воспитания, адаптации и карьерного роста молодёжи.

По итогам исследования были сформулированы рекомендации для дирекции по работе с персоналом ПАО «СинТЗ» по включению в систему сбалансированных показателей следующие КПЭ по направлению активизации деятельности с молодёжью.

Таблица 1

Перечень рекомендуемых КПЭ по направлению взаимодействия с молодёжью

Показатель	**Результат**
Доля молодёжи в возрасте до 35 лет в общей численности персонала ПАО «СинТЗ»	Не менее 30%
Текучесть молодёжи со стажем работы до одного года	Не выше 10%
Показатель удовлетворённости молодых работников своей работой в ПАО «СинТЗ»	Не менее 65%
Процент принятых сотрудников из целевой группы – учащиеся школ, СПО, ВО	Не менее 20%
Доля молодых работников, состоящих в резерве на руководящие должности в общей численности резервистов	Не менее 20%

Например, ПАО «СинТЗ» в 2018 году удалось снизить уровень текучести молодёжи на 3 %, увеличить долю молодых работников на предприятии на 8 %, увеличить долю молодёжи в списке резервистов на руководящие должности на 5 %, установить взаимодействие с учениками подшефных школ, студентами колледжей и институтов и трудоустроить 8 студентов в цеха предприятия.

С учётом мнения молодых людей о кадровой политике компании по отношению к ним были выделены следующие два приоритета: профориентационная работа с молодёжью, комплексное развитие молодых сотрудников.

В части активизации профориентационной работы необходимо усилить привлечение и закрепление молодёжи на предприятии через индивидуальные планы адаптации, посвящение в молодые работники ТМК и СинТЗ.

Комплексное развитие молодых сотрудников должно включать в себя профессиональное, научно-техническое, досуговое и информационное развитие. По каждому направлению необходимо запустить ежегодный конкурс на звание лучшего молодого работника. У всех молодых людей в рамках системы наставничества в организации на период адаптационного периода должны быть сформированы индивидуальные планы развития (ИПР).

Заключение. Как видно из представленного анализа, организация работы молодого персонала является сложным, ответственным направлением деятельности в любой крупной промышленной компании. От того, насколько эффективно она будет реализована, зависит деятельность не только предприятия, но и существование населённого пункта, территории, на которой оно находится.

Теория поколений является модной концепцией, на которую опираются множество компаний, но проведённый анализ показал, что проблема кроется не в иных ценностях, которые характерны для молодёжи, а тех возможностях, которые обеспечивает для них внешняя среда. Зачастую молодые люди хотят того же, что и более взрослые работники: карьеры, большей заработной платы, возможностей для саморазвития. Но в силу их амбициозности они не готовы мириться с теми условиями, в которых существует традиционный бизнес. Поэтому перед промышленными предприятиями не стоит вопрос: учитывать или нет специфику молодёжи при выстраивании кадровой политики?

Цель, поставленная в работе, была достигнута – проведено исследование отношения молодых работников ПАО «СинТЗ», промышленного предприятия Свердловской области, к возможностям работы на заводе, проанализированы его результаты, предложены рекомендации по развитию кадровой политики компании. Анализ показал, что молодые люди являются особой категорией персонала, обладающей в чем-то специфичным восприятием завода, но их структура ценностей в целом гомологична с представлениями других поколений работников. Перед ними стоит следующая задача: учесть все факторы, обуславливающие особенность молодых работников, для того чтобы в перспективе обеспечить компании возможность продолжить своё существование на современном изменчивом рынке. Опыт ПАО «СинТЗ», который был проанализирован в данной статье, показывает, что отдельные промышленные предприятия активно работают в этом направлении и их опыт может и должен быть учтён, скорректирован, дополнен любой другой компанией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Герчиков В. И. Социальное планирование и социологическая служба в промышленности: методология с позиций практики. Новосибирск: Наука, 1984.

2. Долженко Р. А. Опыт исследования системы внутренних коммуникаций как инструмента воздействия на вовлеченность персонала // Известия вузов. Серия «Экономика, финансы и управление производством». 1984. №03(21). С. 52–59

3. Долженко Р. А. Особенности взаимосвязи системы трудовой мотивации персонала и организационной культуры коммерческих банков Алтайского края // Экономическая социология. 2010. Т. 11. № 5. С. 84–108.

4. Здравомыслов А. Г., Ядов В. А. Человек и его работа в СССР и после: Учебное пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2003.

5. Качайнова Н. Б., Попова Н. В. Заводская социология: истоки и перспективы // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2016. Т. 2. № 3. С. 29–38.

6. Митчелл А. Создание бренда изнутри путём вовлечения сотрудников // Identity. 2005. №5. С. 10–12.

7. Поплавская А. А., Соболева Н. Э. Удовлетворённость различными аспектами работы мужчин и женщин в России // Мониторинг. 2017. №5 (141). С. 271–288.

8. Попова Н. В. Социология на предприятии Урала: заметки заводского социолога // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 60–66.

9. Попова Н. В. Молодежные лидеры об организации работы с молодёжью на промышленных предприятиях // ЦИТИСЭ. 2018. № 1 (14). С. 18.

10. Попович Д. А. Совершенствование инструментов работы с молодёжью в системе корпоративного управления на промышленных предприятиях: диссертация … кандидата экономических наук. М., 2009.

11. Andersson I. M., Gunnarsson K., Hedlund, A., Rosen, G. (2017) Young People's Attitudes to Attractive Work, During and After Upper Secondary School, Nordic journal of working life studies. Vol. 7. №1. P. 55-68.

12. Ashford S., Lee C., Bobko P. Content, causes and consequences of job insecurity: A theory-based measure and substantive test // Academy of Management Journal. 1989. Vol. 32. P. 803–829.

13. Greenhalgh L., Rosenblatt Z. Job Insecurity: towards conceptual clarity // Academy of Management Review. 1984. Vol. 9. P. 438–448

14. Howe N., Strauss W. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. New York: William Morrow & Company, 1981.

15. Howe N., Strauss W. «The Next Twenty Years: How Customer and Workforce Attitudes Will Evolve», Harvard Business Review, 2007. P. 41–52

16. Lowe G.S.; Rastin S. Organizing the next generation: Influences on young workers' willingness to join unions in Canada, British journal of industrial relations. 2000. Vol. 38. №2. P. 203–222.

17. Rasanen T., Laitinen H., Rasa P.L. The effect of age on subjective assessment of hygienic work environment in the metal industry, International journal of industrial ergonomics. 2000. Vol. 25. №5. P. 483-489.

18. Reisel W.D., Banai M. Comparison of a multidimensional and a global measure of job insecurity: Predicting job attitudes and work

behaviours // Psychological Reports. 2002. Vol. 90. P. 913–922.

19. Sheldon M.E. Investment and Involvement as Mechanism Producing Organizational commitment // Administrative Science Quarterly. 1971. №16. P.143–150.

20. Ежеквартальный отчет ПАО «СинТЗ» за 3 квартал 2018 г. [электронный ресурс] URL: https://sintz.tmk-group.ru/media_ru/files/290/579/sintz_otch318.pdf (дата обращения 25.05.2019)

PERCEPTION OF THE COMPANY BY YOUNG WORKERS OF AN INDUSTRIAL ENTERPRISE

R. A. Dolzhenko
Ural State University of Economics,
Ekaterinburg, Russia

D. V. Khomutova
PJSC “Sinarsky Pipe Plant”,
Kamensk-Uralsky, Russia

ABSTRACT: Young employees of an industrial enterprise are a special category of personnel whose level of satisfaction and involvement is subject to changes. Factories need to recruit more and more young people, their attitude to the organization will largely determine the prospects for their long-term employment. In this regard, it is necessary to understand clearly the motivational structure of youth in the enterprise, to assess the effectiveness of its activities in the field of youth policy.

Methodological base of the research. Howe and Strauss generation theory. Yadov and Zdravomyslov’s concept of young workers’ job satisfaction. Sverdlovsk sociologists’ writings concerning employees’ job satisfaction at Sinarsky pipe plant.

Method of research. The article presents the results of a sociological study of the young workers’ attitude, their view of the company, as well as measures to implement systematic work with young people in an industrial enterprise. Key methods: questionnaire survey of young workers and in-depth interview the heads of the youth shopfloor councils. The object of the study: young employees of PJSC "Sinarskiy pipe plant" and their attitude to certain aspects of work in the company. 410 young employees of the enterprise were interviewed, 9 interviews were conducted.

Research results. The assessment of the level of satisfaction with the work of young employees of the enterprise as a whole, and in certain areas was conducted. The system of values of young workers is analyzed, priorities in it are allocated, and it is shown that key values of the working youth do not possess pronounced specificity in comparison with other generations of the personnel. The attitude of young people to the existing programs in the organization and departments of work with young workers is studied. It is highlighted that the attitude is heterogeneous in relation to representatives of different levels of management. The article describes the priorities that can be implemented by the company to ensure a high level of satisfaction with the work of young employees associated with the provision of opportunities for staff development.

Summary. The attitude to the work of young workers in the company does not depend on the generation; in general, they show a high level of involvement and satisfaction on general. The experience of PJSC "SinTZ" in the organization of work with young employees, which was analyzed in the research, can be taken into account, adjusted, and supplemented by any other company.

KEYWORDS: youth, young workers, generations, industrial enterprise, personnel involvement, employees’ satisfaction.

AUTHORS' INFORMATION: Ruslan A. Dolzhenko, Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, Ural State University of Economics,
62, 8 March st., Ekaterinburg, 62144, Russia, rad@usue.ru.

Daria V. Khomutova, Leading specialist on youth work of PJSC “Sinarsky Pipe Plant”,
1, Zavodskoy ave., Kamensk-Uralsky, 623401, sinarsky@sintz.ru

FOR CITATION: Dolzhenko R. A., Khomutova D. V. Perception of the company by young employees of an industrial enterprise // Management Issues. 2019. № 3 (39). P. 113—128.

REFERENCES

1. Gerchikov V. I. Social planning and sociological service in industry: methodology from the standpoint of practice. Novosibirsk: Nauka, 1984 [Gerchikov V. I. Sotsial'noe planirovanie i sotsiologicheskaya sluzhba v promyshlennosti: metodologiya s pozitsiy praktiki. Novosibirsk: Nauka, 1984.] – (In Rus.).

2. Dolzhenko R. A. Experience in the study of internal communications as a tool to influence the involvement of staff // Reports of Universities. Series "Economics, Finance and Production management". 1984. № 03(21). P 52-59 [Dolzhenko R. A. Opyt issledovaniya sistemy vnutrennikh kommunikatsiy kak instrumenta vozdeystviya na vovlechennost' personala // Izvestiya VUZov. Seriya «Ekonomika, finansy i upravlenie proizvodstvom». 1984. №03(21). S. 52–59] – (In Rus.).

3. Dolzhenko R. A. Interrelation of the system of labor motivation and corporate culture in commercial banks in Altai region // Economic sociology. 2010. V. 11. № 5. P. 84-108 [Dolzhenko R. A. Osobennosti vzaimosvyazi sistemy trudovoy motivatsii personala i organizatsionnoy kul'tury kommercheskikh bankov Altayskogo kraya // Ekonomicheskaya sotsiologiya. 2010. T. 11. № 5. S. 84–108.] – (In Rus.).

4. Zdravomyslov A. G., Yadov V. A. Man and his work in the USSR and after: textbook for Universities. 2nd edition, updated and revised. M.: Aspect Press, 2003 [Zdravomyslov A. G., Yadov V. A. Chelovek i ego rabota v SSSR i posle: Uchebnoe posobie dlya vuzov. 2-e izd., ispr. i doP. M.: Aspekt Press, 2003.] – (In Rus.).

5. Kachainova N. B., Popova N. V. Factory sociology: origins and prospects // Bulletin of Tyumen State University. Socio-economic and legal research. 2016. Vol.2. № 3. P. 29-38 [Kachaynova N. B., Popova N. V. Zavodskaya sotsiologiya: istoki i perspektivy // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya. 2016. T. 2. № 3. S. 29–38.] – (In Rus.).

6. Mitchell A. Creating a brand from inside by engaging employees // Identity. 2005. №5. P. 10-12 [Mitchell A. Sozdanie brenda iznutri putem vovlecheniya sotrudnikov // Identity. 2005 №5. S. 10–12.] – (In Rus.).

7. Poplavskaya A. A., Soboleva N. E. Satisfaction with various aspects of work of men and women in Russia // Monitoring. 2017. № 5 (141). P. 271-288 [Poplavskaya A. A., Soboleva N. E. Udovletvorennost' razlichnymi aspektami raboty muzhchin i zhenshchin v Rossii // Monitoring. 2017. №5 (141). S. 271–288.] – (In Rus.).

8. Popova N. V. Sociology at the enterprise of Ural: notes by a factory sociologist // Sociological studies. 2017. №.7. P. 60-66 [Popova N. V. Sotsiologiya na predpriyatii Urala: zametki zavodskogo sotsiologa // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2017. № 7. S. 60–66.] – (In Rus.).

9. Popova N.V. Youth leaders on the organization of work with young people in industrial enterprises \\ CITISE. 2018. № 1 (14). P. 18 [Popova N. V. Molodezhnye lidery ob organizatsii raboty s molodezh'yu na promyshlennykh predpriyatiyakh // TsITISE. 2018. № 1 (14). S. 18.] – (In Rus.).

10. Popovich D. A. Improving tools for working with young people in the system of corporate governance at industrial enterprises: thesis for a Candidate Degree in Economics. M., 2009 [Popovich D. A. Sovershenstvovanie instrumentov raboty s molodezh'yu v sisteme korporativnogo upravleniya na promyshlennykh predpriyatiyakh: dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni kandidata ekonomicheskikh nauk. M., 2009.] – (In Rus.).

11. Andersson I.M., Gunnarsson K., Hedlund, A., Rosen, G. (2017) Young People's Attitudes to Attractive Work, During and After Upper Secondary School, Nordic journal of working life studies. Vol. 7. №1. P. 55-68.

12. Ashford S., Lee C., Bobko P. Content, causes and consequences of job insecurity: A theory-based measure and substantive test // Academy of Management Journal. 1989. Vol. 32, P. 803–829

13. Greenhalgh L., Rosenblatt Z. Job Insecurity: towards conceptual clarity // Academy of Management Review. 1984. Vol. 9. P. 438–448

14. Howe N., Strauss W. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. New York: William Morrow & Company, 1981.

15. Howe N., Strauss W. «The Next Twenty Years: How Customer and Workforce Attitudes Will Evolve», Harvard Business Review, 2007. P. 41-52

16. Lowe G.S.; Rastin S. Organizing the next generation: Influences on young workers' willingness to join unions in Canada, British journal of industrial relations. 2000. Vol. 38. №2. P. 203-222.

17. Rasanen T., Laitinen H., Rasa P.L. The effect of age on subjective assessment of hygienic work environment in the metal industry, International journal of industrial ergonomics. 2000. Vol. 25. №5. P. 483-489.

18. Reisel W.D., Banai M. Comparison of a multidimensional and a global measure of job insecurity: Predicting job attitudes and work behaviours // Psychological Reports. 2002. Vol. 90. P. 913-922.

19. Sheldon M.E. Investment and Involvement as Mechanism Producing Organizational commitment // Administrative Science Quarterly. 1971. №16. P.143-150.

20. Quarterly report of PJSC "SinTZ" for the 3rd quarter of 2018. [electronic resource] URL: https://sintz.tmk-group.ru/media_ru/files/290/579/sintz_otch318.pdf (date of reference 25.05.2019) [Ezhekvartal'nyy otchet PAO "SinTZ" za 3 kvartal 2018 g. [elektronnyy resurs] URL: https://sintz.tmk-group.ru/media_ru/files/290/579/sintz_otch318.pdf (data obrashcheniya 25.05.2019)] – (In Rus.).

АНАЛИЗ МЕТОДИК ВЫЯВЛЕНИЯ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ ФОРМИРОВАНИЯ И ОЦЕНКИ БИЗНЕС-СРЕДЫ РЕГИОНА

УДК 332.1:65 *ГСНТИ 06.61.33*
ББК 65.04-13 *Код ВАК 08.00.05*
DOI: 10.22394/2304-3369-2019-3-129-139

А. С. Кузавко
Смоленский государственный университет,
Смоленск, Россия
AuthorID: 748669

АННОТАЦИЯ: Цель: исследование существующих методик анализа бизнес-среды региона для выявления их отличительных особенностей, преимуществ и недостатков. В исследовании отмечается, что акцент стратегического управления переносится с федерального на региональный уровень, где совокупность ресурсов, имеющихся в наличии и допустимо возможных быть использованными для достижения определенных целей, государства, общества, и определят главное стратегическое направление развития соответствующих территорий. Вместе с тем, такая деятельность невозможна без опоры на информационную базу, полученную в результате диагностики конкурентоспособности локальной бизнес-среды, оценки и анализа ее научно-технического, производственного, инфраструктурного и кадрового потенциалов с целью обеспечения устойчивого социально-экономического развития того или иного региона, эффективного использования его ресурсов, а также удовлетворения всех возможных потребностей внутреннего рынка, выявления уровня предпринимательской восприимчивости и активности.

Методом сопоставления по уровню стабильности и сложности бизнес-среды региона сравниваются различные подходы к её оценке. Методом синтеза делается вывод о возможности применения методик для выявления закономерностей формирования бизнес-среды.

Проанализированы и описаны существующие методики анализа бизнес-среды региона, подтверждено многообразие подходов, позволяющих исследователям самостоятельно варьировать критерии и признаки, значимые для проводимого анализа. Представленная систематизация подходов к анализу и оценке бизнес-среды региона может быть использована при формировании системы целей, а также выстраивании стратегии регионального развития.

Выделены признаки группировки существующих методов анализа бизнес-среды, разработана матрица выбора подхода к анализу и оценке бизнес-среды региона, исходя из ее основных характеристик.

Исследование выполнено при финансовой поддержке «Совета по грантам Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук» по проекту МК-883.2019.6.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: бизнес-среда, регион, характеристики бизнес-среды, методы анализа и оценки.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Антон Сергеевич Кузавко, кандидат экономических наук, доцент, Смоленский государственный университет
214006, Россия, г. Смоленск, ул. Пржевальского, 4, akuzavko@rambler.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Кузавко А. С. Анализ методик выявления закономерностей формирования и оценки бизнес-среды региона // Вопросы управления. 2019. № 3 (39). С. 129—139.

Потенциал территории в настоящее время все чаще выходит на первый план при принятии тех или иных управленческих решений на различных уровнях. Акцент стратегического управления переносится с федерального на региональный уровень, где совокупность ресурсов, имеющихся в наличии и допустимо возможных быть использованными для достижения определенных целей, государства, общества, и определят главное стратегическое направление развития соответствующих территорий. Вместе с тем, такая деятельность невозможна без опоры на информационную

© А.С. Кузавко, 2019

базу, полученную в результате диагностики конкурентоспособности локальной бизнес-среды, оценки и анализа ее научно-технического, производственного, инфраструктурного и кадрового потенциалов с целью обеспечения устойчивого социально-экономического развития того или иного региона, эффективного использования его ресурсов, а также удовлетворения всех возможных потребностей внутреннего рынка, выявления уровня предпринимательской восприимчивости и активности. Деятельность основных бизнес-субъектов в рамках стратегического направления также определяется средой их функционирования. Выбор приоритетного направления работы, в рамках действующей политической ситуации, нормативно-правого законодательства, социальных настроений и предпочтений, оценка и анализ деятельности конкурентов, поставщиков, и потребителей – формируют основу для разработки программ и механизмов их реализации. Причем наибольшую выгоду получают субъекты, сумевшие реализовать возможности, предоставляемые средой и пережившие ее угрозы с наименьшими потерями.

Под бизнес-средой региона в данном исследовании понимается совокупность факторов, которые оказывают существенное влияние на инициацию и эффективное развитие бизнеса в рамках определенной территории, то есть это такая среда, где формируются и динамично наращивают свой потенциал предприятия, организации и другие субъекты, необходимые для развития данного региона и удовлетворения его потребностей. Во многом от того, насколько данная деловая среда является благоприятной, зависит число вновь создаваемых субъектов бизнеса, а также и успешность развития уже существующих предпринимательских структур. Одновременно при всей важности иных факторов, необходимых для развития частной предпринимательской инициативы (например, отраслевая специфика территории, уровень платежеспособного спроса и некоторых иных), именно деловой климат (а в первую очередь, регуляторная среда) существенно влияет на качество развития бизнеса, поскольку рассматриваемый фактор определяет главные правила ведения бизнеса на той или иной территории.

Для эффективного управления предприятиями также необходимо понимать действие факторов среды, уметь определять и предвидеть их влияние. Результативность формирования подобной благоприятной предпринимательской бизнес-среды требуется обязательно рассматривать с двух позиций. С одной стороны, соответствующее развитие предпринимательства оказывает значительное влияние на состояние тех или иных внешних и внутренних факторов бизнес-среды. С другой стороны, имеется и обратная связь, благоприятная среда оказывает положительное воздействие на дальнейшее развитие бизнеса и способствует повышению его социально-экономической эффективности. Стоит отметить, что в первую очередь, это может проявляться в росте уровня занятости населения и, в итоге соответственно, увеличении уровня и качества его жизни. Одновременно с этим, чем выше социально-экономическая эффективность бизнеса, и чем больший вклад он вносит в экономику той или иной территории, тем стабильнее социально-экономическое положение данного региона и тем более конкурентоспособным он будет являться на макроэкономическом уровне, и как следствие – происходит повышение эффективности социальной политики конкретного региона в целом.

Данные аспекты обусловили актуальность исследования подходов к анализу и оценке бизнес-среды, что позволит сформировать объективную базу для принятия эффективных управленческих решений, так как именно бизнес-среда определяет условия для долгосрочного экономического роста, является основной предпосылкой развития бизнеса и повышения конкурентоспособности страны.

Несмотря на существование значительного числа подходов к исследованию бизнес-среды региона большинство авторов сходится на выделении таких основных характеристик бизнес-среды, как: уровень ее сложности и степень стабильности. Под сложностью бизнес-среды региона понимается число элементов и факторов, на которые организация должна каким-либо образом реагировать, а также и уровень вариативности каждого из них. Весьма сложная деловая среда состоит из большого числа

разнородных элементов, которые взаимодействуют друг с другом и, соответственно, влияют на организацию. Вместе с тем простая деловая среда складывается из трехчетырех групп соответствующих однородных элементов.

Так, определяя сложность той или иной бизнес-среды, Дж. Чайлд одним из первых выделил не только число элементов в соответствующем окружении, но и их разнообразие. Он доказал тот факт, что организации, обладающие довольно простым окружением, прилагают меньше усилий для осуществления обработки той или иной входящей информации, так как данная информация, исходящая от разнообразных элементов внешней среды, весьма гомогенна, а таким образом, и относительно совместима [1].

Стабильность бизнес-среды – это скорость, с которой происходят какие-либо изменения в окружающей бизнес-среде. При соответствующей нарастающей скорости тех или иных изменений в окружении современных организаций, динамичность такой среды зависит от значительного числа различных факторов. Так, в частности, она может отличаться по отраслям. Нестабильная среда, как правило, характеризуется весьма частыми изменениями, которые непосредственно связаны с теми или иными колебаниями спроса, действиями разных конкурентов, появлением каких-либо новых технологий и продуктов, все это может иметь непредсказуемый характер.

Стабильной деловая среда считается в случае, когда ее элементы не меняются в пределах достаточно длительного промежутка времени. Фактором такой стабильной среды представляется как устойчивый спрос, так и предложение на те или иные продукты, а также услуги. Есть вероятность возникновения изменений спроса, однако их весьма не трудно предсказать.

Понятие динамичности внешней среды связано с моделями организации как открытой и закрытой систем. Р. Канн, Д. Кац [2] настаивают на том, что такая изменчивость внешней среды является функцией изменения соответствующих характеристик «входов» и «выходов» конкретной организации. Чем более динамичной представляется внешняя среда, тем сильнее они изменяются, и, соответственно, организационная система становится более открытой.

Динамичность внешней среды понимается достаточно неоднозначно. Выделим основные аспекты, которые наиболее часто рассматриваются различными исследователями: 1) частота изменений в той или иной части окружения (то есть темпы); 2) различие типов такого изменения (а именно, способность к разнообразию); 3) неоднородность процесса в рамках рассматриваемого изменения (стабильность или же нестабильность) [2, 3, 4].

Исходя из описанных двух основных характеристик бизнес-среды региона, была проведена дифференциация существующих групп подходов к ее анализу и оценке. Матрица, представляющая распределение подходов, показана на Рис.1.

Сложность понятия бизнес-среды региона определяет существование значительного числа подходов к ее исследованию. Все многообразие подходов можно условно сгруппировать следующим образом в зависимости от признака, положенного в основу:

– по методу, лежащему в основе анализа;
– по уровню обобщенности;
– по предмету управления.

Наиболее общий подход к анализу – на основе оценки энтропийной меры неопределенности, которая позволяет учитывать динамический аспект моделирования процессов региона и количественно оценивать эту неопределенность для оценки предсказуемости и эффективности управления моделями процессов [5]. Н. Е. Кубина, Н. Ю. Лукьянова, Л. Ю. Щербинина предлагают системный подход к оценке бизнес-среды региона, базирующийся на трех ее основных компонентах: состоянии конкурентной среды, деловой активности и потребительских настроениях [6].

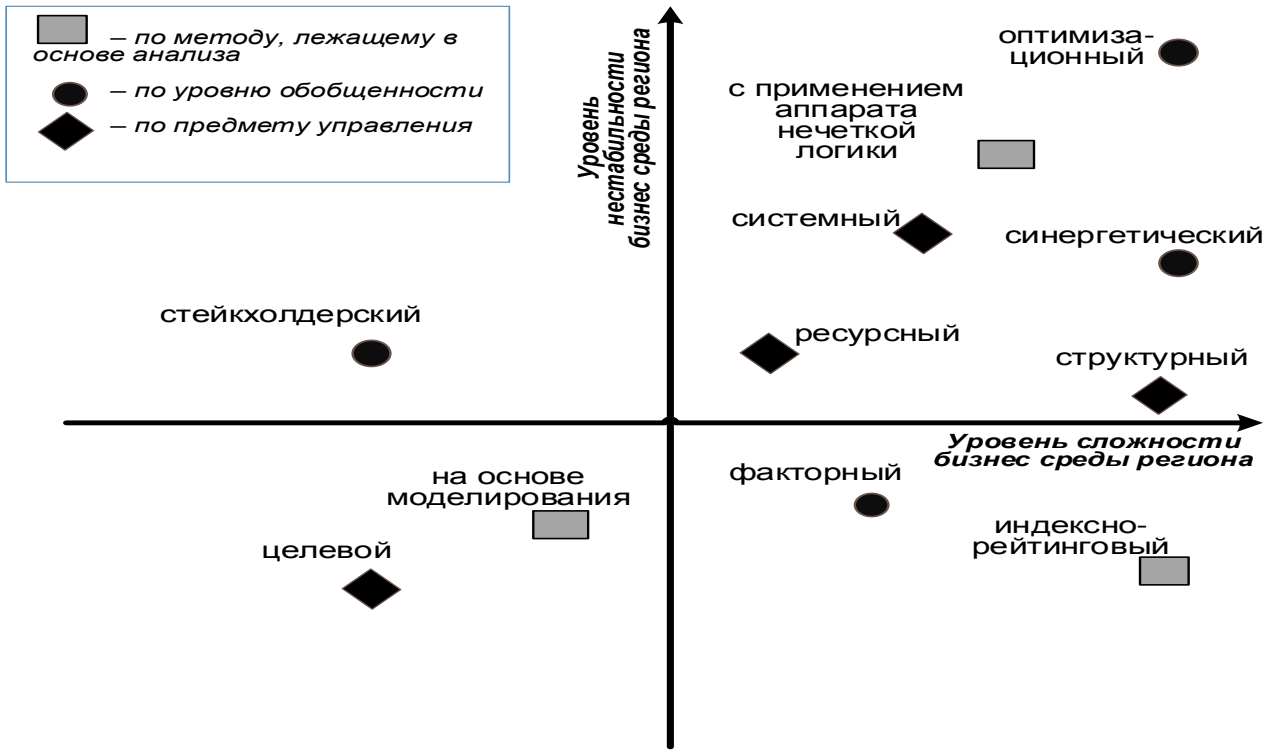

Рис. 1. Матрица выбора подхода к анализу и оценке бизнес-среды региона исходя из ее основных характеристик

Н. З. Солодилова, Р. И. Маликов, К.Е. Гришин в своей работе [7] делают акцент на инфраструктуре, предлагая использование разработанной матричной институциональной модели предпринимательской деятельности для анализа региональной деловой среды. С точки зрения описываемого структурного подхода, регион рассматривается как территория или пространство, как участник рынка, как общность людей и как подсистема государственной системы управления. При этом подход к исследованию будет определяться целями развития различных структур региона, которые отличаются. Так, целью территориального развития является обеспечение оптимального размещения объектов и населенных пунктов внутри региона, целью пространственного развития – оптимальное использование различных видов ресурсов и территорий. При этом целью социального развития может являться повышение качества жизни, экологического – защита окружающей среды, экономического – повышение ВРП, инвестиционного – увеличение объема инвестиций, инновационного – увеличение количества внедренных инноваций и затрат на НИОКР. Целевой подход исходит из ориентации на достижение целевых индикаторов развития. В свою очередь ресурсный подход предполагает обеспечение развития имеющихся у территории природных, производственных, управленческих, инфраструктурных ресурсов. Такие подходы можно выделить исходя из предмета управления.

Для осуществления прогнозно-адаптивного управления развитием бизнес-среды региона часто применяется подход на основе моделирования, опирающийся на определение соответствующих целевых показатели деятельности в определенном будущем периоде по результатам прогнозирования развития рынка с использованием ряда экономико-математических и имитационных моделей. Помимо традиционных моделей все более популярными и отвечающими потребностям современных условий становятся инструменты с включением элементов нечеткой логики. Когнитивная модель бизнес-среды включает блоки: мониторинга бизнес-среды региона; выявления внешних и внутренних источников информации; выделения релевантной информации об организациях бизнес-среды региона; ситуационного анализа деятельности предприятия; системы содействия поддержки управленческих решений на основе иерархии нечетких классификаторов [8]. М. Мунизу, К. А. Даманг, М. Армаях, Н. Бра-

сит используют метод анализа иерархии для идентификации ключевых факторов развития бизнес-среды региона [9]. комплексный подход основан на методе анализа основного компонента и целочисленном программировании [10]. К. В. Тлябичевым представлена методика оценки предпринимательской среды того или иного региона, принципиальным отличием которой представляется использование бенчмаркинговой процедуры [11]. С. Матсумото, Т. Китано, С. Хосоно в качестве основы для определения позиции организации в отрасли предлагают анализ бизнес-среды с использованием RSS или веб-новостей. Этот метод позволяет понять ее конкурентные возможности в конкретной отрасли и выявить факторы дифференциации [12].

М. Л. Бурлаков описывает оптимизационный подход, где сконцентрировано внимание лишь на наиболее «опасных» сторонах развития, структурных изменения в формах управления и ключевых противоречиях. Такой подход определяется отмечаемой автором крайней неопределённостью современной бизнес-среды. В то же время такая неопределённость является неотделимой от рыночной природы среды, в связи с чем прогнозирование и моделирование предоставляют возможность раскрыть природу такой среды именно в многовариантном аспекте и, соответственно, найти необходимое приемлемое решение. Стабильность в развитии бизнеса при рассматриваемом подходе достигается при помощи сочетания разнообразных инструментов и соответствующих методов, связанных с упорядочением системы управления и прогнозирования динамично-устойчивого состояния современной рыночной среды, в которой значительно увеличивается роль государства по управлению бизнесом [13].

Можно также выделить стейкхолдерский подход, который рассматривает бизнес-среду через деятельность ее субъектов и заключается в выделении и анализе поведения «ключевых акторов», принимающих активное участие как в формировании стратегии социально-экономического развития региона, так и в процессе ее реализации путем мониторинга степени удовлетворения собственных потребностей. В. А. Овчаренко выделяет развитие малого и среднего предпринимательства как основную движущую силу развития бизнес-среды региона. Предложенный им комплексный показатель привлекательности региональной среды основывается на соответствующем анализе показателей экономической отдачи и уровня рискованности вложений малого бизнеса. Разработанная методика предоставляет возможность для сравнения и ранжирования между собой тех или иных регионов, проведения факторного анализа влияния на благоприятность предпринимательской среды определенного региона каких-либо единичных факторов, а также позволяет сопоставлять ряд полученных значений комплексного показателя по конкретным видам деятельности с проведением последующего анализа сложившихся условий благоприятности [14]. Малый бизнес часто определяется как база для оценки среды во многих западных методиках [15].

При анализе и оценке бизнес-среды региона большинство авторов акцентируют внимание лишь на одном из ее компонентов, выделяя его как наиболее значимый. При этом анализ территорий именно с позиции оценки их привлекательности для бизнеса и инвестиционных вложений более характерен для западных теорий. Чаще всего для оценки привлекательности территории для развития бизнеса используются количественные методы, основанные на анализе межотраслевых балансов различного уровня [16]. Применение данных методов для оценки российской бизнес-среды представляется затруднительным, так как межотраслевой баланс в РФ в явном виде органами государственной статистики не составляется. На основе анализа бизнес-среды регионов стран Балтийского региона А. Симелыте, А. Лиусваитиене [17] при оценке предлагают опираться на уровень прямых иностранных инвестиций в регион, который отражает привлекательность среды для развития бизнеса, степень вмешательства государства в действие рыночных механизмов и накладываемые такими мерами ограничения. Так, согласно проведенному эмпирическому анализу, было отмечено, что более высокий уровень вмешательства и поддержки государства гарантируют больший объем инвестиций. М. Фабус также отмечает уровень притока инвестиций как ключевой фактор оценки привлекательности бизнес-среды региона, вы-

деляя прямую зависимость между качеством среды и притоком инвестиций [18].

Человеческий потенциал, уровень его развития и внутренние резервы неоднократно отмечаются исследователями как ключевой фактор при оценке, особенно в аспекте рассмотрения возможностей инновационного развития территории в современных условиях. Предлагается методика для измерения и интерпретации показателей креативной экономики путем выявления не только показателей, которые оценивают потенциал страны, но и показателей, связанных с измерением эффективности, а также взаимосвязи между ними [19]. Перспективен многоступенчатый эмпирический подход к анализу инновационной продукции и деятельности организации [20]. Представленная модель Crepon-Duguet-Mairesse (CDM) реализуется в виде четырех этапов и позволяет изучать инновационную деятельность предприятий через взаимосвязанные факторы. Анализ среды по оценкам предприятий, работающих в 25 странах ЕС в период 2006–2014 годов, показывает важность влияния национальной культуры на прибыльность предприятий [21]. Кроме того, для некоторых отраслей учет человеческого фактора имеет решающее значение. Разработана методика его оценки и его влияния на бизнес-среду в авиастроительной отрасли [22].

К. Ёу, Б. С. Дал, З. Лин, Й. Аманквах-Амоах представляют факторный подход к исследованию, описывая двухэтапный анализ совокупной производительности основных факторов производства, апробированный на сопоставимом анализе стран Южной Африки и США [23].

Индексно-рейтинговый подход достаточно распространен при исследовании территорий. С одной стороны, он позволяет наглядно посредством сведения различных индикаторов в определенный единый числовой показатель (зачастую с разными удельными весами) провести оценку тех или иных аспектов социально-экономического развития. С другой же стороны, он позволяет самим территориям применять результаты оценки своего социально-экономического положения в целях создания стратегии дальнейшего развития, а также привлекать внимание стейкхолдеров. Одним из самых распространенных показателей конкурентоспособности территорий является индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) [24], под которым понимается интегрированный показатель уровня развития современного общества, а также экономики и эффективности всего государства. Он рассчитывается Программой развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) и применяется в ходе составления тех или иных докладов ООН о развитии человечества. Его главные компоненты – представляются индексы продолжительности жизни, валового национального дохода, образования, при помощи которых проводится оценка долголетия и здоровья всего населения определенного государства, также уровень образованности и уровень их жизни. Также часто используется индекс процветания Института Legatum (The Legatum Prosperity Index) [25], который подразумевает оценку уровня развития предпринимательства, состояния экономики, эффективности государственного управления, обеспечения соответствующей безопасности, уровня образования, гарантий личных свобод, здоровья всего населения, развития социального капитала. С точки зрения обеспечения необходимых условий для образования и возможностей развития конкурентоспособных предприятий рассчитывается индекс Международного института управленческого развития (Institute of Management Development, IMD) [26]. Территории оцениваются по 333 показателям, которые характеризуют состояние четырех следующих сфер: экономика, развитие бизнеса, государственное управление, инфраструктура. Для проведения оценки конкурентоспособности стран часто используются исследования Всемирного банка условий ведения бизнеса и его отчеты «Doing Business» [27]. Среди российских рейтингов достаточно широко распространен рейтинг инвестиционной привлекательности, который составляется специальным агентством RAEX («Эксперт РА»), где оценивается два аспекта регионального развития, а именно: инвестиционный потенциал и инвестиционный риск. Рейтинг инновационного развития субъектов РФ составляется экспертами Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ с 2012 года. Он основывается на системе показателей, которые характеризуют научно-технический потенциал, социально-экономические условия инноваци-

онной деятельности, уровень инновационной активности, а также качество региональной инновационной политики [28]. Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата составляется АСИ с 2014 года, он оценивает мероприятия региональных властей, связанные с созданием благоприятных условий для ведения бизнеса и выявляет наилучшие практики [29]. Показатели данного рейтинга можно условно разделить на четыре группы: показатели эффективности экономики, показатели масштаба экономики, показатели бюджетной сферы, а также показатели социальной сферы.

Зарождающиеся институты, влияние глобализационных процессов, активное развитие новых сетевых структур межфирменного взаимодействия и увеличение внимания к различным формам объединений определяют рост их роли в современной бизнес-системе регионов и позволяют говорить о выделении синергетического подхода, предполагающего поиск общих проблем и потребностей целевых групп и определение системных факторов развития. Основной акцент при таком подходе делается на анализе взаимодействия и получаемых от него синергетических эффектах. О. А. Фихтнер [30] предлагает методику исследования и оценки эффективности сетевых связей предпринимательских структур, опирающуюся на количественную оценку составляющих эффекта сетевизации, что дает возможность участникам взаимодействия регулировать эффективность сетевизации путем перераспределения сетевого ресурса с целью увеличения интегрального эффекта сетевизации. Ю. Н. Шедько описывает методику, разработанную на принципах институционально-синергетического подхода и ценностно-ориентированного подхода к управлению, в котором система ценностей (формирование, использование, развитие и сохранение человеческого потенциала региона) является одновременно и главным критерием, и основой целеполагания, базовую модель взаимодействия предпринимательских структур, адаптированную к факторам региональной бизнес-среды [32]. В работе также представлены систематизированные конкурентные факторы, способствующие более эффективному функционированию предпринимательских структур в новых условиях российской экономики. Закономерности формирования межфирменных сетей, критерии выявления межфирменных сетевых структур и подробная методика их исследований рассмотрена в [33].

Таким образом, современная бизнес-среда региона, являясь динамичной, постоянно развивающейся системой, как объект исследования достаточно сложна и включает в себя анализ и оценку множества взаимосвязанных и взаимозависящих сфер. В то же время представители государственных структур управления регионом и бизнес-сообщества остро нуждаются в оперативной и объективной информации для принятия решений. Предложенная и описанная матрица выбора подхода к анализу и оценке бизнес-среды региона исходя из ее основных характеристик за счет, прежде всего, наглядности и ограниченного числа оцениваемых характеристик, дает возможность достаточно оперативно и эффективно определить наиболее целесообразный подход к исследованию среды и тем самым сформировать основу для более точного прогнозирования периодов роста и спада на отраслевых рынках, принятия взвешенных управленческих решений по вопросам инвестирования, поиска более привлекательных рынков и т.д. Представленная систематизация подходов к анализу и оценке бизнес-среды региона может быть использована при формировании системы целей, а также выстраивании стратегии регионального развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чайлд Дж. Организационная структура, внешняя среда и показатели деятельности организации: роль стратегического выбора. СПб.: Высшая школа менеджмента СПбГУ, 2010.

2. Кондратьев Э. В. Потерянная модель: сравнительный анализ основных концепций развития предприятия // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Экономические науки. 2013. № 1. С. 65–79.

3. Холл Ричард Х. Организации: структуры, процессы, результаты. СПб.: Питер, 2001.

4. Дафт Ричард Л. Теория организации. М.: ЮНИТИ, 2012.

5. Saidi M., Tissaoui A., Benslimane D., Benallal W. An entropy-based uncertainty

measure of configurable process models // Proceedings – 14th International Conference on Signal Image Technology and Internet Based Systems (SITIS-2018). Spain. P. 16–23.

6. Кубина Н. Е., Лукьянова Н. Ю., Щербинина Л. Ю. Методологический подход к оценке состояния бизнес-среды Калининградской области: деловая активность // Финансы и бизнес. 2017. № 1. С. 33–48.

7. Солодилова Н. З., Маликов Р. И., Гришин К. Е. Модернизация деловой среды как фактор решения задач импортозамещения // Экономический вестник Донбасса. № 1(43). 2016. С. 165–171.

8. Яковлев А. В., Бойцов А. А. Когнитивная модель бизнес-среды Северо-Западного региона и способы её применения в инвестиционной деятельности// Сб. докл.: Научная сессия. Институт стратегического управления социальными системами ГУАП. СПб., 2010. С. 217–221.

9. Munizu M., Damang K., Armayah Asdar M., Brasit N. A study on priority factors of competitiveness and performance of manufacturing companies using Analytical Hierarchy Processes (AHP) // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. Vol. 235. (Issue 1). 2019.

10. Moradi A., Razmi J., Babazadeh R., Sabbaghnia A. An integrated principal component analysis and multi-objective mathematical programming approach to agile supply chain network design under uncertainty// Journal of Industrial and Management Optimization. Vol.15 (Issue 2) 2019. P. 855–879.

11. Тлябичев К. В. Эффективность механизма формирования благоприятной предпринимательской среды в регионе // Вестник ИГТУ (Иркутск).:2009. №2. С. 129–132.

12. Matsumoto S., Kitano T., Hosono S. External business environment analysis with RSS/web // Proceedings – 2008 IEEE International Conference on Services Computing, SCC 2008.Vol. 2. 2008. № 4578511. P. 73–80.

13. Бурлаков М. Л. Формирование эффективной бизнес-среды в системе рыночной неопределенности: автореферат дис. … кандидата экономических наук. М., 2007.

14. Овчаренко В. А. Формирование и развитие предпринимательской среды региона: автореферат диссертации … кандидата экономических наук. СПб., 2008.

15. Belás J., Demjan V., Habánik J., Hudáková M., Sipko J. The business environment of small and medium-sized enterprises in selected regions of the Czech Republic and Slovakia// Ekonomie a Management. Vol. 18 (1). 2015. P. 95–110.

16. Boosting Innovation: the cluster approach // OECD Proceedings, 1999. 418 p.

17. Šimelyte A., Liučvaitiene A. Foreign Direct Investment Policy-Friendly Business Environment in R&D Sectors: Baltic States versus Visegrad Countries // Journal of East-West Business. Vol. 18 (Issue 1). 2012. P. 66–93.

18. Fabus M. Business environment analysis based on the Global Competitiveness Index (GCI) and Doing Business (DB): Case study Slovakia // Journal of Security and Sustainability Issues. Vol. 7. Issue 4. 2018. P. 831–839.

19. Ndou V., Schiuma G., Passiante G. Towards a framework for measuring creative economy: evidence from Balkan countries // Measuring Business Excellence. Vol. 23 (Issue 1). 2019. P. 41–62.

20. Ramadani V., Hisrich R.D., Abazi-Alili H., Dana L.-P., Panthi L., Abazi-Bexheti L. Product innovation and firm performance in transition economies: A multi-stage estimation approach // Technological Forecasting and Social Change. Vol. 140. 2019. P. 271–280.

21. Gaganis C., Pasiouras F., Voulgari F. Culture, business environment and SMEs' profitability: Evidence from European Countries // Economic Modelling. V. 78. 2019. P. 275–292.

22. Kucuk Yilmaz A. Strategic approach to managing human factors risk in aircraft maintenance organization: risk mapping // Aircraft Engineering and Aerospace Technology. Vol.91 (Issue 4). 2019. P. 654–668.

23. You K., Dal Bianco S., Lin Z., Amankwah-Amoah J. Bridging technology divide to improve business environment: Insights from African nations// Journal of Business Research. Vol. 97. 2019. P. 268–280.

24. Human Development Indices and Indicators [электронный ресурс]. URL: http://hdr.undp.org/en/global-reports(дата обращения: 20.06.2019).

25. The legatum prosperity index 2018 [электронный ресурс]. URL: https://www.prosperity.com/feed/executive-summary-1 (дата обращения: 20.06.2019).

26. Institute of Management Development, IMD [электронный ресурс]. URL: https://www.imd.org/wcc/world-competitiveness-center-rankings/world-competitiveness-ranking-2018/ (дата обращения: 20.06.2019).

27. Doing business: measuring business regulations [электронный ресурс]. URL: http://russian.doingbusiness.org/ru/reports/global-reports/doing-business-2019 (дата обращения: 20.06.2019).

28. Рейтинг инновационного развития регионов [электронный ресурс]. URL: https://issek.hse.ru/rir/(дата обращения: 20.06.2019).

29. Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах РФ [электронный ресурс]. URL: http://asi.ru/investclimate/rating/ (дата обращения: 20.06.2019).

30. Фихтнер О. А. Концептуальное видение сущности и перспектив сетевого развития российского бизнес-пространства // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2014. № 82. С. 22–27.

31. Шедько Ю. Н. Совершенствование механизмов управления устойчивым развитием региона: диссертация … доктора экономических наук. М., 2016.

32. Шерешева М. Ю. Методология исследования сетевых форм организации бизнеса. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2014.

ANALYSIS OF THE METHODS FOR IDENTIFYING PATTERNS OF FORMATION AND ASSESSMENT OF THE REGIONAL BUSINESS ENVIRONMENT

A. S. Kuzavko
Smolensk State University,
Smolensk, Russia

ABSTRACT: Purpose: to study the existing methods of analysis of the business environment of the region to identify their distinctive features, advantages and disadvantages. The study notes that the focus of strategic management is transferred from the Federal to the regional level, where the set of resources available and permissible to be used to achieve certain goals of the state and society will determine the main strategic direction of development of the relevant territory. At the same time, such activity is impossible without relying on the information base obtained as a result of diagnostics of the competitiveness of the local business environment, evaluation and analysis of its scientific, technical, industrial, infrastructural and human resources in order to ensure sustainable socio-economic development of a region, the effective use of its resources, as well as meeting all possible needs of the domestic market, identifying the level of entrepreneurial susceptibility and activity.

Different approaches to its assessment are compared by the method of comparison on the level of stability and complexity of the business environment of the region. The synthesis method concludes on the possibility of using techniques to identify patterns of formation of the business environment.

The existing methods of the business environment analysis of the region are analyzed and described; the diversity of approaches, allowing researchers to independently vary the criteria and features relevant to the analysis is confirmed. The presented systematization of approaches to the analysis and assessment of the business environment of the region can be used in the development of a system of goals, as well as building a strategy for regional development.

The signs of grouping of the existing methods of business environment analysis are highlighted, the matrix of choice of approaches to the analysis and assessment of the business environment of the region, based on its main characteristics, is developed.

The study was carried out with the financial support of the "Council for Grants of the President of the Russian Federation for state support of young Russian scientists – Candidates of Sciences" under the project MK-883.2019.6.

KEYWORDS: business environment, region, characteristics of the business environment, methods of analysis and evaluation.

AUTHORS' INFORMATION: Anton S. Kuzavko, Cand. Sci. (Economic) Associate Professor, Smolensk State University,
4, Przhevalsky st.., Smolensk, 214000, Russia, akuzavko@rambler.ru.

FOR CITATION: Kuzavko A. S. Analysis of the methods for identifying patterns of formation and assessment of the regional business environment // Management Issues. 2019. № 3 (39). P. 129—139.

REFERENCES

1. Child J. Organizational structure, external environment and performance indicators of the organization: the role of strategic choice. SPb.: Higher school of management, 2010 [Chayld Dzh. Organizatsionnaya struktura, vneshnyaya sreda i pokazateli deyatel'nosti organizatsii: rol' strategicheskogo vybora. SPb.: Vysshaya shkola menedzhmenta SPbGU, 2010.] – (In Rus.).

2. Kondratyev E. V. Lost pattern: comparative analysis of the basic concepts of enterprise development // News of Universities. Volga region. Economics. 2013. № 1. P. 65-79 [Kondrat'ev E. V. Poteryannaya model': sravnitel'nyy analiz osnovnykh kontseptsiy razvitiya predpriyatiya // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Ekonomicheskie nauki. 2013. № 1. S. 65–79.] – (In Rus.).

3. Hall Richard H. Organizations: structures, processes, results. SPb.: Peter, 2001. [Kholl Richard Kh. Organizatsii: struktury, protsessy, rezul'taty. SPb.: Piter, 2001.] – (In Rus.).

4. Daft Richard L. Organization Theory. M.: UNITI, 2012 [Daft Richard L. Teoriya organizatsii. M.: YuNITI, 2012.] – (In Rus.).

5. Saidi M., Tissaoui A., Benslimane D., Benallal W. Anestropy-based and uncertainty-based method for configurable process models // Proceedings – 14th International Conference on Signal Technology (SITIS-2018). Spain. P.16-23 [Saidi M., Tissaoui A., Benslimane D., Benallal W. An entropy-based uncertainty measure of configurable process models // Proceedings – 14th International Conference on Signal Image Technology and Internet Based Systems (SITIS-2018). Spain. P. 16–23.]. – (In Rus.).

6. Kubina N. E., Lukyanova N. Yu., Shcherbinina L. Yu. Methodological approach to assessing the state of the business environment of the Kaliningrad region: business activity // Finance and business. 2017. № 1. P. 33-48 [Kubina N. E., Luk'yanova N. Yu., Shcherbinina L. Yu. Metodologicheskiy podkhod k otsenke sostoyaniya biznes-sredy Kaliningradskoy oblasti: delovaya aktivnost' // Finansy i biznes. 2017. №1. S. 33–48.] – (In Rus.).

7. Solodilova N. Z., Malikov R. I., Grishin K. E. Modernization of the business environment as a factor in solving the tasks of import substitution // Ekonomic Vestnik of Donbass. № 1 (43). 2016. P. 165-171 [Solodilova N. Z., Malikov R. I., Grishin K. E. Modernizatsiya delovoy sredy kak faktor resheniya zadach importozameshcheniya // Ekonomicheskiy vestnik Donbassa. № 1(43). 2016. C. 165–171.] – (In Rus.).

8. Yakovlev A. V., Boytsov A. A. Cognitive model of the business environment of the North-West region and methods of its use in investment activity // Collection of reports: Scientific Institute of Strategic Management of Social Systems, Session of the SUAI. SPb., 2010. P. 217-221 [Yakovlev A. V., Boytsov A. A. Kognitivnaya model' biznes-sredy Severo-Zapadnogo regiona i sposoby ee primeneniya v investitsionnoy deyatel'nosti// Sb. dokl.: Nauchnaya sessiya. Institut strategicheskogo upravleniya sotsial'nymi sistemami GUAP. SPb., 2010. S. 217–221.] – (In Rus.).

9. Munizu, M., Damang, K., Armayah, Asdar, M., Brasit, N., Ariana A study on priority factors of competitiveness and performance of manufacturing companies using Analytical Hierarchy Processes (AHP) // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. Vol. 235. (Issue 1). 2019.

10. Moradi, A., Razmi, J., Babazadeh, R., Sabbaghnia, A., Integrated Analysis and Multi-Objective Mathematical Programming Approach // Journal of Industrial and Management Optimization. Vol.15 (Issue 2) 2019. PP. 855-879.

11. Tlyabichev K. V. Effectiveness of the mechanism for creating a favorable business environment in the region. Irkutsk: Bulletin of ISTU. 2009. №2. P. 129-132 [Tlyabichev K. V. Effektivnost' mekhanizma formirovaniya blagopriyatnoy predprinimatel'skoy sredy v regione. Irkutsk: Vestnik IGTU. 2009. №2. S. 129–132.] – (In Rus.).

12. Matsumoto S., Kitano T., Hosono S. External business environment analysis with RSS / web // Proceedings – 2008 IEEE International Conference on Services Computing, SCC 2008. Vol. 2. P. 73-80.

13. Burlakov M. L. Formation of an effective business environment in the system of market uncertainty: abstract of the thesis for the degree of Candidate of Science (Economics). M., 2007 [Burlakov M. L. Formirovanie effektivnoy biznes sredy v sisteme rynochnoy

neopredelennosti: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata ekonomicheskikh nauk. M., 2007.] – (In Rus.).

14. Ovcharenko V.A. Formation and development of the business environment of the region: abstract of the thesis for the degree of Candidate of Science (Economics). St. Petersburg, 2008 [Ovcharenko V. A. Formirovanie i razvitie predprinimatel'skoy sredy regiona: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata ekonomicheskikh nauk. Sankt-Peterburg, 2008.] – (In Rus.).

15. Belás J., Demjan V., Habánik J., Hudáková M., Sipko J. Ekonomie a Management. Vol. 18 (1). 2015. P. 95-110.

16. Boosting Innovation: the cluster approach // OECD Proceedings, 1999.

17. Simelyte A., Liučvaitiene A. R & D Sectors: Baltic States versus Visegrad Countries // Journal of East-West Business. Vol. 18 (Issue 1). 2012. P. 66-93.

18. Fabus M. Business environment analysis based on the Global Competitiveness Index (GCI) and Doing Business (DB): Case study Slovakia // Journal of Security and Sustainability Issues. Vol. 7 (Issue 4). 2018. P. 831-839.

19. Ndou V., Schiuma G., Passiante G. Towards a Balkan countries // Measuring Business Excellence. V. 23 (Issue 1). 2019. P. 41-62.

20. Ramadani V., Hisrich RD, Abazi-Alili H., Dana L.-P., Panthi L., Abazi-Bexheti L. Product innovation and multi-stage estimation approach // Technological Forecasting and Social Change. Vol. 140. 2019. P. 271-280.

21. Gaganis C., Pasiouras F., Voulgari F. Culture, business environment and profitability: Evidence from European Countries // Economic Modeling. Vol. 78. 2019. P. 275-292.

22. Kucuk Yilmaz A. Strategic approach: risk mapping // Aircraft Engineering and Aerospace Technology. Vol.91 (Issue 4). 2019. P. 654-668.

23. You K., Dal Bianco S., Lin Z., Amankwah-Amoah J. Insights from the African nations // Journal of Business Research. Vol. 97. 2019. PP. 268-280.

24. Human Development Indices and Indicators [electronic resource]. URL: http://hdr.undp.org/en/global-reports (date of reference: 20.06. 2019)

25. The legatum prosperity index 2018 [website]. URL: https://www.prosperity.com/feed/executive-summary-1 (date of reference: 20.06. 2019)

26. Institute of Management Development, IMD [electronic resource]. URL: https://www.imd.org/wcc/world-competitiveness-center-rankings/world-competitiveness-ranking-2018/ (date of reference: 20.06. 2019)

27. Doing business: measuring business regulations [electronic resource]. URL: http://russian.doingbusiness.org/ru/reports/global-reports/doing-business-2019 (date of reference: 20.06. 2019)

28. Rating of innovative development of regions [electronic resource]. URL: https://issek.hse.ru/rir/ (date of reference: 20.06.2019) [Reyting innovatsionnogo razvitiya regionov [elektronnyy resurs]. URL: https://issek.hse.ru/rir/(data obrashcheniya: 20.06.2019).] – (In Rus.).

29. National rating of the state of the investment climate in the regions of the Russian Federation [electronic resource]. URL: http://asi.ru/investclimate/rating/ (date of reference: 20.06. 2019) [Natsional'nyy reyting sostoyaniya investitsionnogo klimata v sub"ektakh RF [elektronnyy resurs]. URL: http://asi.ru/investclimate/rating/ (data obrashcheniya: 20.06.2019).] – (In Rus.).

30. Fichtner O. A. Conceptual vision of the nature and prospects of the network development of the Russian business space // Bulletin of Novgorod State University. Yaroslav the Wise. 2014. № 82. P. 22-27 [Fikhtner O. A. Kontseptual'noe videnie sushchnosti i perspektiv setevogo razvitiya rossiyskogo biznes-prostranstva // Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo. 2014. № 82. S. 22–27.] – (In Rus.).

31. Shedko Yu. N. Improving the management mechanisms of the region's sustainable development: thesis for the degree of Doctor of Science (Economics). M., 2016 [Shed'ko Yu. N. Sovershenstvovanie mekhanizmov upravleniya ustoychivym razvitiem regiona: dissertatsiya … doktora ekonomicheskikh. M., 2016.] – (In Rus.).

32. Sheresheva M. Yu. Research methodology of network forms of business organization. M.: Publishing house of Higher School of Economics. 2014. [Sheresheva M. Yu. Metodologiya issledovaniya setevykh form organizatsii biznesa. M.: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki. 2014.] – (In Rus.).

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА НА ПРИМЕРЕ ОТРАСЛИ ОЛЕНЕВОДСТВА

УДК 338.43(571.121) *ГСНТИ 06.61.33*
ББК 65.32(2Рос-6Яма) *Код ВАК 08.00.05*
DOI: 10.22394/2304-3369-2019-3-140-148

А. Ю. Масленникова
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Екатеринбург, Россия
AuthorID: 768175

Ю. С. Катвицкая
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Екатеринбург, Россия

АННОТАЦИЯ: Цель. Анализ агропромышленного комплекса ЯНАО на примере отрасли оленеводства и разработка рекомендаций по повышению эффективности. В исследовании отмечается, что уверенный рост Ямала, повышение его конкурентоспособности является одним из приоритетных направлений развития экономики страны. Обладая большим природно-ресурсным потенциалом, округ является одной из важнейших стратегических территорий и одним из самых благополучных в социально-экономическом плане регионов в России.

Методы. В качестве основного был использован системный подход, применялись методы сравнительного анализа, сопоставления, аналогии и обобщения.

Результаты. Основным результатом данного теоретико-методического исследования является анализ развития отрасли АПК ЯНАО на примере отрасли оленеводства. Авторы предлагают конкретные шаги, обосновывая их необходимость, по повышению эффективности развития агропромышленного комплекса ЯНАО за счет комплекса мер. Актуальность предложенных мероприятий обусловлена серьезными проблемами в отрасли оленеводства и отрицательной динамикой показателей.

Научная новизна. Авторами проанализированы основные экономические показатели АПК ЯНАО, в т.ч. на примере отрасли оленеводства, выявлены положительные и отрицательные факторы развития отрасли, определены ключевые проблемы, предложены основные направления повышения эффективности развития отрасли, которые могут быть использованы и в других регионах как модель для тиражирования. По результатам исследования отмечается, что для ЯНАО крайне важна поддержка инвесторов и государства в отрасли оленеводства, так как треть мирового поголовья оленей находится на данной территории. Преимущественно этим видом хозяйственной деятельности занимаются коренные малочисленные народы Севера, которые сталкиваются с рядом проблем: сезонное обледенение пастбищ, их перевыпас, заболеваемость животных.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: агропромышленный комплекс, валовый региональный продукт, сельское хозяйство, коренные малочисленные народы Севера.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Анастасия Юрьевна Масленникова, кандидат экономических наук, доцент, Уральский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
620000, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, 66, maslennikova343@yandex.ru.

Юлия Сергеевна Катвицкая, аспирант, Уральский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
620000, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, 66, kotser1a@mail.ru

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Масленникова А. Ю., Катвицкая Ю. С. Повышение эффективности агропромышленного комплекса Ямало-Ненецкого автономного округа на примере отрасли оленеводства // Вопросы управления. 2019. № 3 (39). С. 140—148.

© А. Ю. Масленникова, Ю. С. Катвицкая, 2019

Ямало-Ненецкий автономный округ как часть Арктической зоны Российской Федерации относится к геостратегическим территориям, имеющим существенное значение для обеспечения территориальной целостности страны и безопасности государства. За последние годы регион стал признанной площадкой для реализации крупных инвестиционных проектов, центром газо- и нефтедобычи. Уверенный рост Ямала, повышение его конкурентоспособности является одним из приоритетных направлений развития экономики страны. Обладая большим природно-ресурсным потенциалом, округ является одной из важнейших стратегических территорий и одним из самых благополучных в социально-экономическом плане регионов в России.

Уникальная особенность автономного округа – сосуществование в условиях особо уязвимой и экстремальной арктической среды двух диаметрально противоположных направлений деятельности. Первое – промышленное освоение территории Крайнего Севера, основанное на разработке недр и запасов, второе – хозяйственная деятельность, которую традиционно ведут коренные малочисленные народы (КМНС) этой территории. Традиционный образ жизни ведут более 45 % представителей северных народов, это более 5 000 семей численностью 19 тыс. человек. В этой связи особая роль в экономике региона принадлежит агропромышленному комплексу.

Агропромышленный комплекс – совокупность отраслей экономики страны, которые действуют скоординированно и участвуют в процессе создания и переработки сельскохозяйственной продукции, а также в доведении ее до потребителя.

Цель деятельности отраслей АПК представлена на рисунке 1.

АПК является сложной многоотраслевой производственно-экономической системой, которая играет важную роль во многих аспектах жизни населения [1]:

1. В экономической сфере АПК отвечает за развитие агропродовольственного рынка, макроэкономическую устойчивость, увеличение количества продавцов ОПФ, отношения с зарубежными партнерами, а также за рост доходов бюджета.

2. В социальной – влияет на улучшение уровня качества жизни граждан, демографический рост, подъем сельского хозяйства, снижение безработицы, доходы агропромышленных товаропроизводителей.

3. В экологической сфере обеспечивает безопасное питание, сохранение природной среды, рациональное природопользование.

4. В политической жизни способствует обеспечению продовольственной независимости и внутренней политической устойчивости.

АПК является сложной многоотраслевой производственно-экономической системой, состоящей из нескольких основных сфер, представленных на рисунке 2.

Таким образом, АПК включает в себя три составляющие: промышленность, сельское хозяйство, инфраструктуру.

Ямало-Ненецкий автономный округ входит в Уральский федеральный округ. Валовой региональный продукт данного субъекта РФ представлен на рисунке 3. Изучив рисунок, можно сделать вывод, что ЯНАО стабильно входит в тройку лидеров по ВРП Урала.

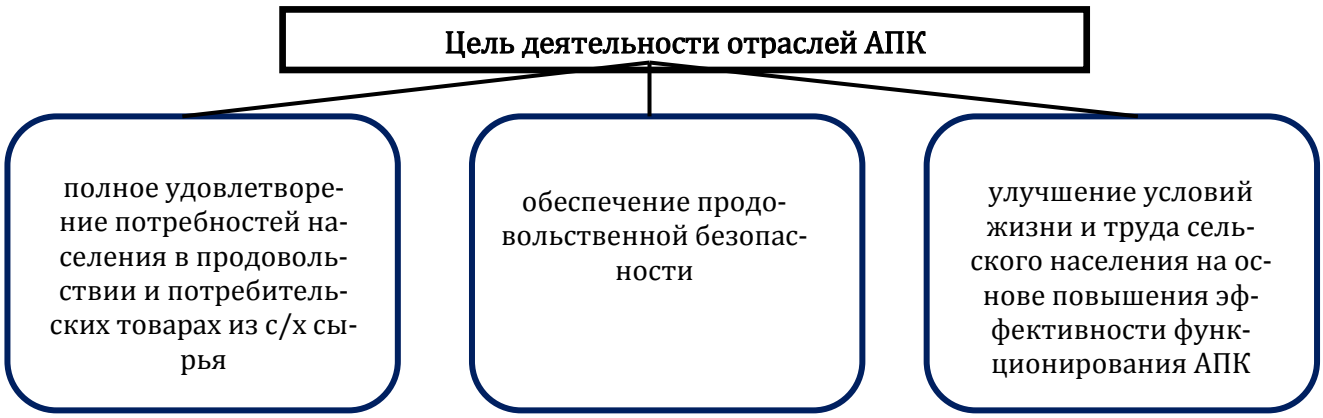

Рисунок 1. Цель деятельности отраслей АПК

Рисунок 2. Отраслевой состав АПК

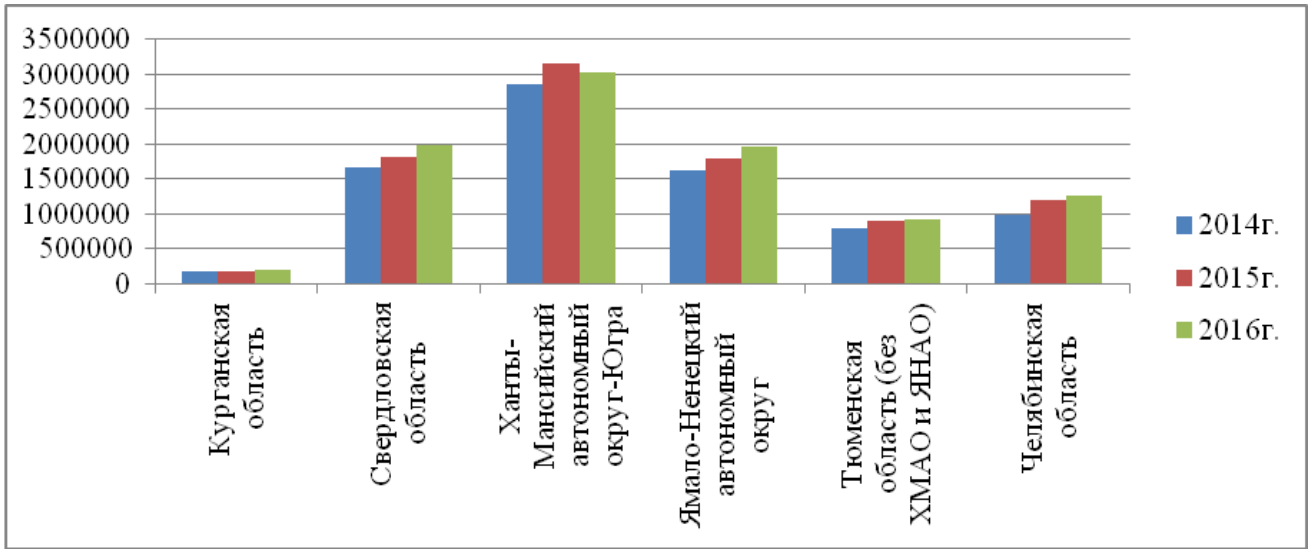

Рисунок 3. Валовый региональный продукт Уральского федерального округа за период 2014-2016 гг.

На рисунке 4 представлен валовой региональный продукт Ямало-Ненецкого автономного округа по отраслям. Согласно данным наибольшую долю в ВРП составляют следующие экономические виды деятельности: оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования; обрабатывающие производства; операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг; добыча полезных ископаемых; транспорт и связь. На восьмом месте находится сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство с показателем на 2016 год 5,1 %.

Сельскохозяйственная деятельность имеет большое значение, особенно для коренных малочисленных народов Севера [5]. Поскольку основным их промыслом является оленеводство. Оно служит важной составляющей демографической устойчивости коренных народов Севера, т.к. позволяет сохранить духовные ценности местного населения и их самобытность. В системе агропромышленного комплекса автономного округа оленеводческую деятельность осуществляют более 20 организаций, имеющих различные организационно-правовые формы собственности, 7 перерабатывающих предприятий. Также ведут традиционную хозяйственную деятельность, связанную с оленеводством, более 80 национальных общин и порядка 3 000 личных хозяйств коренных народов Севера. Общая численность работающих и осуществляющих оленеводческую деятельность – порядка 16 тыс. человек.

В округе выпасается треть мирового поголовья северного оленя и самое большое оленье стадо в России – это уникальный возобновляемый биоресурс, способный на многие десятилетия обеспечить экономику страны ценным экологически чистым сырьем для таких отраслей промышленности, как пищевая, легкая, фармацевтическая.

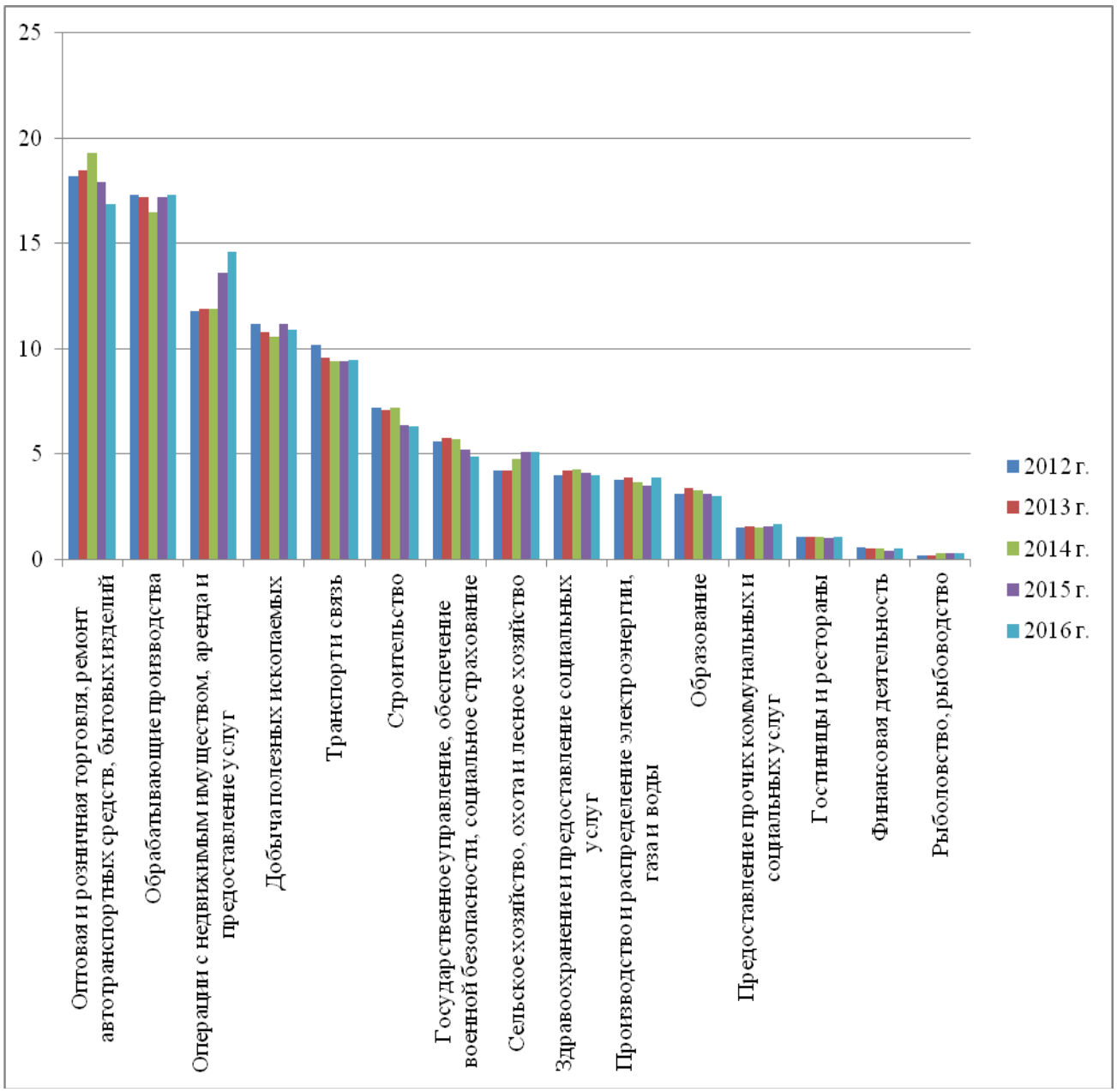

Рисунок 4. Валовой региональный продукт ЯНАО по отраслям [10]

ЯНАО является крупнейшим российским и мировым оленеводческим центром [4, 6, 7, 8, 9]. Общая земельная площадь по автономному округу составляет 76 925 тыс. га. Из них сельхозугодия – 200,8 тыс. га. В том числе пашни – 0,9 тыс. га, кормовые угодья – 199,9 тыс. га.

Одной из важных особенностей оленеводческой деятельности является то, что 63,1 % всего поголовья животных находится в хозяйствах местного населения и только 36,9 % – в собственности сельхозпредприятий.

Анализируя текущее состояние оленеводства, необходимо отметить неконтролируемый рост поголовья оленей у населения. Этот негативный момент способствует ухудшению экологии и состояния пастбищ, поскольку нет ответственных за их рекультивацию. Имеет место только тенденция потребления.

В Ямало-Ненецком автономном округе проживает порядка 538 385 человек (70 974 семей), из них ведут традиционный образ жизни 248 805 человек (33 047 семей), оседлый – 289 579 человека (37 927 семей). Данные о численности коренных народов представлены в таблице 1.

Таблица 1

Численность коренных малочисленных народов Севера (КМНС) в Ямало-Ненецком автономном округе на 01.01.2018 года [2, 3]

		ГО Салехард	Красноселькупский район	Пуровский район	Приуральский район	Ямальский район	Шурышкарский район	Надымский район	Тазовский район	Всего по ЯНАО
Традиционный образ жизни	Люди	13751	1972	21429	33805	62150	39985	1885	73828	248805
	Семьи	1964	247	3061	4226	7769	4998	236	10547	33047
Ооседлый образ жизни	Люди	35751	3944	42859	16903	93226	28955	7538	60404	289579
	Семьи	4468	493	5357	2113	11653	4136	1077	8629	37927
Всего	Люди	49502	5916	64288	50708	155376	68940	9423	134232	538385
	Семьи	6432	740	8419	6338	19422	9135	1312	19176	70974

Данные таблицы 1 показывают, что по статистике удельного веса всего в округе ведут традиционный образ жизни – 46,21 %, оседлый – 53,79 % населения. Наибольшее количество коренных жителей проживает в северных районах округа: в Ямальском районе 155 376 человек (28,9 %), Тазовском – 134 232 (24,9 %) вторыми на позиции выходит Шурышкарский район – 68 940 человек (12,8 %) и Пуровский район – 64 288 (12 %), тройку замыкает ГО Салехард – 49 502 человек (9,2 %).

С начала 2014 года в крупных районах Ямальского и Тазовского района автономного округа происходят негативные события для хозяйствующих субъектов КМНС общин, ИП, ООО – сезонное обледенение пастбищ с изменением климата, оскудение кормовой базы за счет увеличения оленпоголовья, заболевание сибирской язвой, всё это отражается на хозяйственной деятельности. В результате большого отхода/падежа оленпоголовья – на убойно-холодильные комплексы сдается продукция с низкой упитанностью, снижаются объемы сдаваемой продукции, часто малые предприятия не сдают плановые показатели по мясу.

В конечном итоге работники, оставшиеся без оленей, переезжают на оседлый образ жизни в сельские поселения, что в последние 1–2 года привело к увеличению уровня безработицы среди молодежи.

Финансовое положение малых организаций КМНС часто убыточно. Например, в Ямальском районе с 2018 г. и последующие годы к ликвидации / реорганизации подлежат три организации МОП «Ямальское», МОП «Панаевское» и МОП «Ярсалинское», это затронет порядка 421 человек, из них высвободится от 128 до 200 человек, включая их семьи.

В результате проведенной реорганизации трех муниципальных предприятий создадутся новые общины КМНС или малые предприятия в форме ИП или ООО.

По предварительной оценке в Ямальском районе могут создаться из территориально-родовых семейственных родов с наибольшим количеством оленпоголовья – 22 общины КМНС или субъектов МСП с общей численностью 122 работника.

Оценочное количество поголовья оленей вновь открываемых общинах КМНС или субъектов МСП – от 2 000 до 10 000 голов.

Созданные общины в основном будут сориентированы на оленеводство, переработку продукции оленеводства, включая сбор, заготовку и выделку шкур, окостенелых рогов, пантов, мяса, субпродуктов, изготовление утвари, хозяйственного инвентаря, нарт, лодок, иных традиционных

средств передвижения, сувениров из меха оленей, иных материалов, пошиву национальной одежды и другие виды промыслов и ремесел, связанных с обработкой меха.

На начальном этапе, вновь созданные общины КМНС столкнутся с вопросами подготовки документации в ведении малого бизнеса, выбором организационно-правовой формы малого предприятия, налогового режима, кадрового учета, юридической работы, ведением бухгалтерской и налоговой отчетности, открытием расчетного счета и т.д.

В этом случае, с начала 2020 года возникнут барьеры, препятствующие улучшению социально-экономического положения общин КМНС и субъектов малого и среднего предпринимательства, занятых в традиционных отраслях.

Решением данной проблемы является открытие структур консультационной поддержки для общин и малых предприятий КМНС по правовым, финансовым, организационным вопросам.

Консультационные центры, организация кабинето-места или региональный представитель в муниципальных районах, где находится наибольшее количество КМНС, смогли бы сориентировать малые хозяйствующие субъекты КМНС:

– на развитие экономической деятельности,

– создание режима экономического благоприятствования для работодателей, работающих в общинах КМНС и организациях малых форм хозяйствования,

– создание новых рабочих мест для представителей КМНС;

– оказание практической помощи в организации собственного дела, оказание организационно-правовой помощи, помощи в участии получения грантовых поддержек, государственных субсидий на уровне местного самоуправления, на уровне автономного округа и т.д.

Одновременно это затронет и большой контингент безработных и незанятых граждан из числа КМНС в муниципальных районах автономного округа, тем самым замотивирует их на самозанятость и привлечет к предпринимательской деятельности.

Таким образом, агропромышленный комплекс Ямало-Ненецкого автономного округа имеет большое значение для экономики страны. В Уральском федеральном округе он занимает третье место по валовому региональному продукту. Для ЯНАО крайне важна поддержка инвесторов и государства в отрасли оленеводства, так как треть мирового поголовья оленей выпасается на данной территории. Преимущественно этим видом хозяйственной деятельности занимаются коренные малочисленные народы Севера, которые сталкиваются с рядом проблем: сезонное обледенение пастбищ, их перевыпас, заболеваемость животных.

Предложенные мероприятия привлекут внимание инвесторов к Ямало-Ненецкому автономному округу, что создаст условия для дальнейшего развития агропромышленных подотраслей и освоения территории Крайнего Севера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ушачев И.Г., Санду И.С., Демишкевич Г.М. Методологические подходы развития инновационно-инвестиционной деятельности в АПК: монография. М. : Научный консультант, 2016.

2. Зуев С.М. Оленеводство в Ямало-Ненецком автономном округе: перспективы и проблемы // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2015. № 3 (88) С. 103–107.

3. Зуев С.М. Проблемы устойчивого развития оленеводства в Ямало-Ненецком автономном округе // Россия в глобальном мире. 2016. № 9 (32). С. 173–187.

4. Вастихина, Г.В. Оленеводство – приоритетная отрасль АПК ЯНАО, проблемы и перспективы развития // Актуальные вопросы в научной работе и образовательной деятельности. 2013. С. 22–25.

5. Пахомчик С.А, Лаптев В.А., Хабаров Д.А. Роль национальных общин в развитии АПК ЯНАО // Вестник государственного аграрного университета Северного Зауралья. 2013. № 2(21). С. 33–37.

6. Сергеева Е.А. Формирование модели инновационного развития малого и среднего бизнеса и окружного Химграда Ямало-Ненецкого автономного округа: монография / Е.А. Сергеева, Л.А. Ельшин, А.С. Брысаев. Казань: Казанский национальный исследовательский технологический университет, 2013.

7. Департамент агропромышленного комплекса Ямало-Ненецкого автономного округа. Режим доступа:

https://dapk.yanao.ru/. (дата обращения 17.06.2019).

8. Об оленеводстве в Ямало-Ненецком автономном округе (ред. от 02.10.2018) [электронный ресурс]: Закон Ямало-Ненецкого автономного округа от 6 июня 2016 года № 34-ЗАО // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 17.06.2019).

9. Об утверждении комплексной программы «Устойчивое развитие коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе на 2018-2020 годы» [электронный ресурс]: Постановление Правительства Ямало-Ненецкого автономного округа от 12 декабря 2018 года №1271-П // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 17.06.2019).

10. Управление Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу [электронный ресурс]. URL: http://tumstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tumstat/ru/statistics/jnoStat/ (дата обращения: 17.06.2019).

IMPROVING THE EFFICIENCY OF THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX OF THE YAMALO-NENETS AUTONOMOUS AREA BY THE EXAMPLE OF THE REINDEER HERDING

A. Yu. Maslennikova
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ekaterinburg, Russia

Yu. S. Katvitskaya
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ekaterinburg, Russia

ABSTRACT: Purpose. Analysis of the agro-industrial complex of YANAO by the example of reindeer herding and development of recommendations to improve the efficiency. The study notes that the steady growth of Yamal and improving its competitiveness are one of the priorities of the country's economy. Possessing a great natural resource potential, the district is one of the most important strategic areas and one of the most prosperous socio-economic regions in Russia.

Methods. The system approach was used as the main one; together with the methods of comparative analysis, contrast, analogy and generalization.

Results. The main result of this theoretical and methodological research is the analysis of the development of the agricultural sector of YANAO by the example of reindeer herding. The authors propose specific steps, justifying their necessity, to improve the efficiency of development of the agricultural complex in the Yamal-Nenets Autonomous Area through a set of measures. The need for the proposed measures is due to serious problems in the reindeer breeding industry and negative dynamics of indicators.

Scientific novelty. The authors analyzed the main economic indicators of agriculture of YANAO, including the example of reindeer herding, identified positive and negative factors of the industry and its key problems, proposed the main directions of improving the efficiency of the industry, which can be used in other regions as a pattern for replication. According to the results of the study, it is noted that the support of investors and the state in the reindeer herding industry is extremely important for YANAO, as a third of the world's reindeer population is produced in this area. Mainly this type of economic activity is engaged in indigenous peoples of the North, who are faced with a number of problems: seasonal icing pastures, overgrazing, and morbidity of animals.

KEYWORDS: agro-industrial complex, gross regional product, agriculture, indigenous peoples of the North.

AUTHORS' INFORMATION: Anastasiya Yu. Maslennikova, Cand. Sci. (Economics) Associate Professor, Ural Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
66, 8 March st., Ekaterinburg, 620000, Russia, maslennikova343@yandex.ru.

Yulia S. Katvitskaya, graduate student, Ural Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
66, 8 March st., Ekaterinburg, 620000, Russia, kotser1a@mail.ru

FOR CITATION: Maslennikova A. Yu., Katvitskaya Yu. S. Improving the efficiency of the agro-industrial complex of Yamalo-Nenets autonomous area by the example of reindeer breeding // Management Issues. 2019. № 3 (39). P. 140—148.

REFERENCES

1. Ushachev I. G., Sandu I. S., Demeshkevich G. M. Methodological approaches for the development of innovative and investment activities in agriculture: monograph. M.: Scientific consultant, 2016 [Ushachev I.G., Sandu I.S., Demishkevich G.M. Metodologicheskie podkhody razvitiya innovatsionno-investitsionnoy deyatel'nosti v APK: monografiya. M. : Nauchnyy konsul'tant, 2016.] – (In Rus.).

2. Zuev S. M. Reindeer herding in Yamalo-Nenets Autonomous Area: prospects and problems // Scientific Bulletin of Yamalo-Nenets Autonomous area. 2015. № 3 (88). P. 103–107. [Zuev, S.M. Olenevodstvo v Yamalo-Nenetskom avtonomnom okruge: perspektivy i problem // Nauchnyy vestnik Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga. 2005. №3 (88). S. 103–107.] – (In Rus.).

3. Zuev S. M. Problems of sustainable development of reindeer herding in the Yamal-Nenets Autonomous area // Russia in the global world. 2016. № 9 (32). P. 173–187. [Zuev S.M. Problemy ustoychivogo razvitiya olenevodstvo v Yamalo-Nenetskom avtonomnom okruge // Rossiya v global'nom mire. 2016. №9 (32). S. 173–187.] – (In Rus.).

4. Vastikhina G. V. Reindeer herding – a priority sector of agribusiness YANAO, problems and prospects // Topical issues in scientific work and educational activities. 2013. P. 22–25. [Vastikhina, G.V. Olenevodstvo – prioritetnaya otrasl' APK YaNAO, problemy i perspektivy razvitiya. Aktual'nye voprosy v nauchnoy rabote i obrazovatel'noy deyatel'nosti. 2013. S. 22–25.] – (In Rus.).

5. Pakhomchik S. A., Laptev V. A., Khabarov D. A. Role of national communities to develop agribusiness YANAO // Bulletin of the State Agrarian University of the Northern Trans-Urals. 2013. № 2(21). P. 33–37 [Pakhomchik, S.A, Laptev, V.A., Khabarov D.A. Rol' natsional'nykh obshchin v razvitii APK YaNAO. Vestnik gosudarstvennogo agrarnogo universiteta Severnogo Zaural'ya. 2013. № 2(21). S. 33–37] – (In Rus.).

6. Sergeyeva E. A. Development of the pattern of innovative development of small and medium business and regional Khimgrad of Yamalo-Nenets Autonomous area: monograph // E. A. Sergeyeva, L. A. Elshin and A. S. Britayev. Kazan: Kazan National Research Technological University, 2013 [Sergeeva E.A. Formirovanie modeli innovatsionnogo razvitiya malogo i srednego biznesa i okruzhnogo Khimgrada Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga: monografiya / E. A. Sergeeva, L.A. El'shin, A.S. Brysaev. Kazan': Kazanskiy natsional'nyy issledovatel'skiy tekhnologicheskiy universitet, 2013.] – (In Rus.).

7. Department of agro-industrial complex of Yamalo-Nenets Autonomous area. Mode of access: https://dapk.yanao.ru/ (date of reference 17.06.2019) [Departament agropromyshlennogo kompleksa Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga. Rezhim dostupa: https://dapk.yanao.ru. (data obrashcheniya 17.06.2019)] – (In Rus.).

8. On reindeer herding in Yamalo-Nenets Autonomous area (ed. by 02.10.2018) [electronic resource]: the Law of Yamalo-Nenets Autonomous area dated June 6, 2016 № 34-ZAO // RLS ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru (date of reference 17.06.2019) [Ob olenevodstve v Yamalo-Nenetskom avtonomnom okruge (red. ot 02.10.2018) [elektronnyy resurs]: Zakon Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga ot 6 iyunya 2016 goda №34-ZAO // SPS KonsulʹtantPlyus. URL: http://www.consultant.ru (data obrashcheniya: 17.06.2019).] – (In Rus.).

9. On the approval of the complex program "Sustainable development of indigenous small peoples of the North in the Yamal-Nenets Autonomous area for 2018-2020" [e-resource]: Resolution of the Government of the Yamal-Nenets Autonomous area dated December 12, 2018 № 1271-P // RLS ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru (date of reference 17.06.2019) [Ob utverzhdenii kompleksnoy programmy «Ustoychivoe razvitie korennykh

malochislennykh narodov Severa v Yamalo-Nenetskom avtonomnom okruge na 2018-2020 gody» [elektronnyy resurs]: Postanovlenie Pravitel'stva Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga ot 12 dekabrya 2018 goda №1271-P // SPS Konsul'tantPlyus. URL: http://www.consultant.ru (data obrashcheniya: 17.06.2019).] – (In Rus.).

10. Department of the Federal State Statistics Service for Tyumen region, Khanty-Mansi Autonomous Area-Yugra and Yamalo-Nenets Autonomous Area [e-resource]. URL: http://tumstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tumstat/ru/statistics/jnoStat/ (date of reference 17.06.2019) [Upravlenie Federal'noy sluzhby gosudarstvennoy statistiki po Tyumenskoy oblasti, Khanty-Mansiyskomu avtonomnomu okrugu – Yugre i Yamalo-Nenetskomu avtonomnomu okrugu [elektronnyy resurs]. URL: http://tumstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tumstat/ru/statistics/jnoStat/ (data obrashcheniya: 17.06.2019).] – (In Rus.)

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА РОССИИ

УДК 658.5:004 *ГСНТИ 06.54.51*
ББК 65.291с51 *Код ВАК 08.00.05*
DOI: 10.22394/2304-3369-2019-3-149-154

А. И. Позмогов
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Владикавказ, Россия
AuthorID: 411216

АННОТАЦИЯ: Цель. В статье рассматриваются вопросы, связанные с трансформацией промышленности в цифровой экономике. В исследовании отмечается, что в настоящее время всё большее число российских управленцев делает ставку на аналитику больших данных как способ получения масштабных результатов в максимально сжатые сроки. При выборе данного подхода, необходимо осуществить эффективное внедрение современных IT-технологий для хранения и обработки данных, а также привлечь экспертов в области информационных технологий. Последние помогут точно определить, где и каким образом применить полученные массивы данных, чтобы извлечь в перспективе максимальную выгоду для бизнеса.

Методы. На основе обширного массива эмпирических данных, сформированного с использованием материалов официальной статистики и иной информации открытых официальных источников, проведен прогнозный анализ необходимости цифровых преобразований в бизнесе.

Результаты. Сформулирована теоретическая платформа исследования, базирующаяся на теории нового индустриального общества. Показано, что трансформация промышленного комплекса – это всегда дискретный процесс структурных изменений и институциональных преобразований. При этом остается необходимость развития архитектуры традиционных систем, построения инфраструктуры, модернизации активов, создания высокотехнологичных производств, в которых нужно использовать достижения современных технологий.

Научная новизна. Выявлены факторы, оказывающие влияние на процесс адаптации и цифрового управления промышленных предприятий в условиях повсеместной цифровизации экономики России. В исследовании обосновывается, что внедрение базовых элементов «Индустрии 4.0» в настоящее время позволяет повысить эффективность использования промышленных активов в среднем на 20 %, сократить расходы на сырье и повысить качество продукции и ускорить трансфер технологий из лабораторий в промышленную эксплуатацию.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: цифровая трансформация, цифровизация, финансовые инновации, компьютеризация, сетевое взаимодействие, технологическое обновление, инновационное развитие.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Анатолий Иванович Позмогов, кандидат экономических наук, доцент, Владикавказский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
362002, Россия, г. Владикавказ, ул. Молодежная, 7, pozmogov@bk.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Позмогов А. И. Цифровая трансформация промышленного комплекса России // Вопросы управления. 2019. № 3 (39). С. 149—154.

Цифровая трансформация – непременное условие выживания корпораций в современных социально-экономических условиях.

Цифровая трансформация бизнеса подразумевает осуществление ряда мер, направленных на обеспечение предприятия необходимыми ресурсами с целью дальнейшего стратегического развития.

К таким мерам, на наш взгляд, можно отнести:

– оптимизацию внутренних бизнес-процессов предприятия посредством внедрения современных IT-технологий;

– автоматизацию взаимодействия с клиентами, поставщиками и партнёрами;

– кардинальное изменение системы управления проектами планируемых бизнес-моделей;

– реформирование корпоративной культуры организации.

© А. И. Позмогов, 2019

По прогнозам исследовательской компании IDC, уже в 2019 году общемировые затраты на цифровую трансформацию достигнут 2,5 трлн долл. По сравнению с 2018 годом рост составит около 15 %. К 2020 году расходы на цифровую трансформацию бизнеса увеличатся до 3 трлн долл. [1].

Необходимость проведения цифровых преобразований в бизнесе и промышленности сегодня уже не вызывает сомнений. Сильно разнятся мнения относительно способа осуществления трансформации. Одни эксперты уверены, что процесс модернизации надо проводить «по мелочам», другие являются сторонниками комплексного подхода. Рассмотрим обе стратегии трансформации бизнеса и промышленности:

1. Цифровая трансформация «по мелочам». Данная стратегия подразумевает произвольную (точечную) оптимизацию бизнес-процессов с помощью передовых IT-технологий. В основе концепции – гибкий подход к модернизации производственных операций. Розничным компаниям, фермерам, строителям, транспортникам и промышленникам рекомендуется по мере надобности выполнить следующие действия:

– автоматизировать взаимодействия с контрагентами;

– использовать облачные сервисы для обеспечения повсеместного доступа сотрудников к рабочим файлам и приложениям с мобильных устройств (особенно актуально для специалистов, работающих удалённо и на выезде);

– внедрить системы сбора и аналитики больших данных;

– разработать мобильное приложение для обеспечения клиентов более быстрым, удобным и качественным сервисом;

– модернизировать и оптимизировать существующие бизнес-процессы.

В настоящее время всё большее число российских управленцев делает ставку на аналитику больших данных как способ получения масштабных результатов в максимально сжатые сроки. При выборе данного подхода необходимо осуществить эффективное внедрение современных IT-технологий для хранения и обработки данных, а также привлечь экспертов в области информационных технологий. Последние помогут точно определить, где и каким образом применить полученные массивы данных, чтобы извлечь в перспективе максимальную выгоду для бизнеса.

2. Поэтапный подход к цифровой трансформации.

Немецкая академия наук и инженерии разработала пошаговое руководство по цифровой трансформации производства «Индустрия 4.0» [2]. Для создания «умной промышленности» необходимо обеспечить тесную взаимосвязь и координацию между физическими и вычислительными ресурсами (рисунок 1).

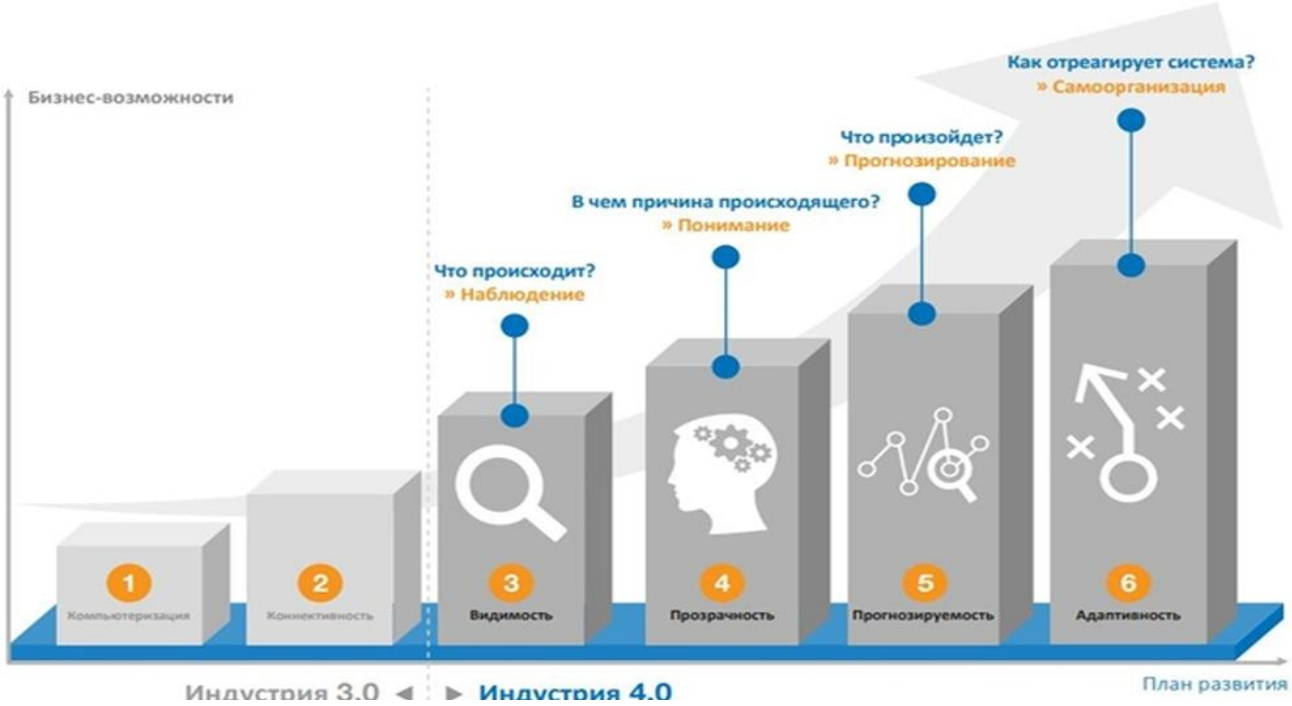

Рис. 1. Цифровая трансформация промышленности «Индустрия 4.0» [2]

Для того чтобы достичь уровня быстроразвивающегося, динамичного, поддающегося адаптации предприятия, компания должна преодолеть следующие 6 ступеней:

1. Компьютеризация – внедрение автоматизированных систем управления всеми ключевыми процессами производства, а также закупка оборудования, поддающегося цифровому управлению.

2. Сетевое взаимодействие – объединение разрозненных технологий в единую среду Internet of things (Интернет вещей). Как правило, по протоколу IP между собой интегрируются системы автоматизированного проектирования и производства (CAD/CAM), управления технологическими процессами (MES), а также новое либо модернизированное старое оборудование. Также должна быть организована возможность удалённого обслуживания этой среды.

3. Обозримость – отображение актуальной рабочей картины предприятия в цифровой / виртуальной среде. Достигается путём установки датчиков на производственное оборудование и внедрения систем PLM, ERP и MES. Автоматизация учёта позволяет принимать более оперативные и эффективные управленческие решения.

4. Прозрачность – интеграция среды цифрового отображения предприятия с системами аналитики (в частности, инструментами обработки больших данных).

5. Прогнозирование – внедрение заточенных под производство технологий предиктивной аналитики (технологий прогнозирования).

6. Адаптивность – автоматизация функций, отвечающих за гибкость, адаптацию бизнеса к изменяющимся условиям внешней среды.

Независимо от того, какую стратегию цифровой трансформации бизнес выберет, успешность её проведения будет зависеть от человеческого фактора. Ни автоматизация, ни оптимизация бизнес-процессов, ни аппаратное обеспечение не имеют столь большого значения, как поведение сотрудников [3].

Для того чтобы эффективно провести цифровую трансформацию, надо сформировать на предприятии соответствующую социально-культурную атмосферу. Это достигается путём изменения ментальности каждого отдельно взятого сотрудника. Он должен быть готов к следующим изменениям:

– внедрению инноваций в рабочие процессы;

– постоянному профессиональному развитию;

– свободному социальному взаимодействию (демократичному стилю руководства, возможности открыто излагать свою точку зрения, активному участию в развитии предприятия).

Международное исследование Dynatrace показало, что основными препятствиями на пути цифровой трансформации являются усложнение технологической инфраструктуры и проблемы с производительностью информационных систем [4].

При этом, около 48 % опрошенных заявили, что из-за снижения производительности цифровых систем они каждую неделю неэффективно используют 9–12,5 часов рабочего времени. Вместо того чтобы заниматься своими прямыми обязанностями, высококвалифицированные сотрудники пытаются решить проблемы IT-характера.

Причём три четверти работников прямо заявляют о том, что не уверены в своих способностях самостоятельно исправлять сбои информационных систем, что ведет к потерям доходов бизнеса.

Чтобы оборудование и программное обеспечение работало исправно и эффективно, проводить цифровую трансформацию бизнеса и производства следует под строгим контролем профессионалов [5].

В условиях повсеместной цифровизации многие российские компании приступили к внедрению «граничных ИТ» (edge IT), а также «теневых ИТ» (shadow IT, ИТ-устройства, программное обеспечение и сервисы, которые присутствуют в организации, но не обслуживаются ИТ-отделом) в структуру предприятия, хотя до недавнего времени ни граничные, ни теневые ИТ не рассматривались в масштабах всего предприятия как критически важные технологии. Более того, эксперты считают теневые ИТ серьезной угрозой безопасности.

Согласно прогнозу компании Gartner, к 2020 г. треть успешных атак на информационные ресурсы организаций будут выполняться через теневые ИТ [4].

Компания Gartner в своем исследовании констатирует быстрый прогресс аддитив-

ных технологий (3D-печати, 3DP – 3D printing).

Как показывает кривая зрелости технологий («кривая Гартнера»), применение аддитивных технологий для создания медицинских изделий достигло «пика завышенных ожиданий» и станет обычной практикой в течение ближайших 2–5 лет. Кроме того, подчеркивается, что в ряде отраслей в сфере здравоохранения 3D-печать уже становится нормой (рисунок 2).

В частности, 3D-печать уже используется для создания индивидуальной продукции (протезы, коронки, брекеты, имплантаты и т.п.).

В последнее время наметился устойчивый сдвиг от связки SMAC (social, mobile, analytics, cloud; соцсети, мобильные технологии, аналитика, облачные сервисы), доминировавшей на протяжении последних нескольких лет, в сторону искусственного интеллекта (ИИ), Интернета вещей (IoT), распределенных реестров, виртуальной/дополненной реальности (AR/VR), граничных вычислений, платформ разработки приложений с минимальным кодированием и некоторых других [5].

Но основой, технологическим базисом корпоративных технологий по-прежнему остаются облака, кибербезопасность и большие данные. Продолжая развиваться, последние активно переплетаются с традиционной инфраструктурой предприятий.

Отечественные предприятия, желающие оказаться на передовой цифровой трансформации, ищут способы внедрения новейших технологий, что требует от директора по информационным технологиям (CIO) компании решительной реакции [6].

Технологическая инновация в ходе своего становления на промышленном предприятии проходит через пять стадий:

– запуск технологии (technology trigger);

– пик чрезмерных ожиданий (Peak of Inflated Expectation);

– избавление от иллюзий (Trough of Disillusionment);

– преодоление недостатков (Slope of Enlightenment);

– плато продуктивности (Plateau of Productivity).

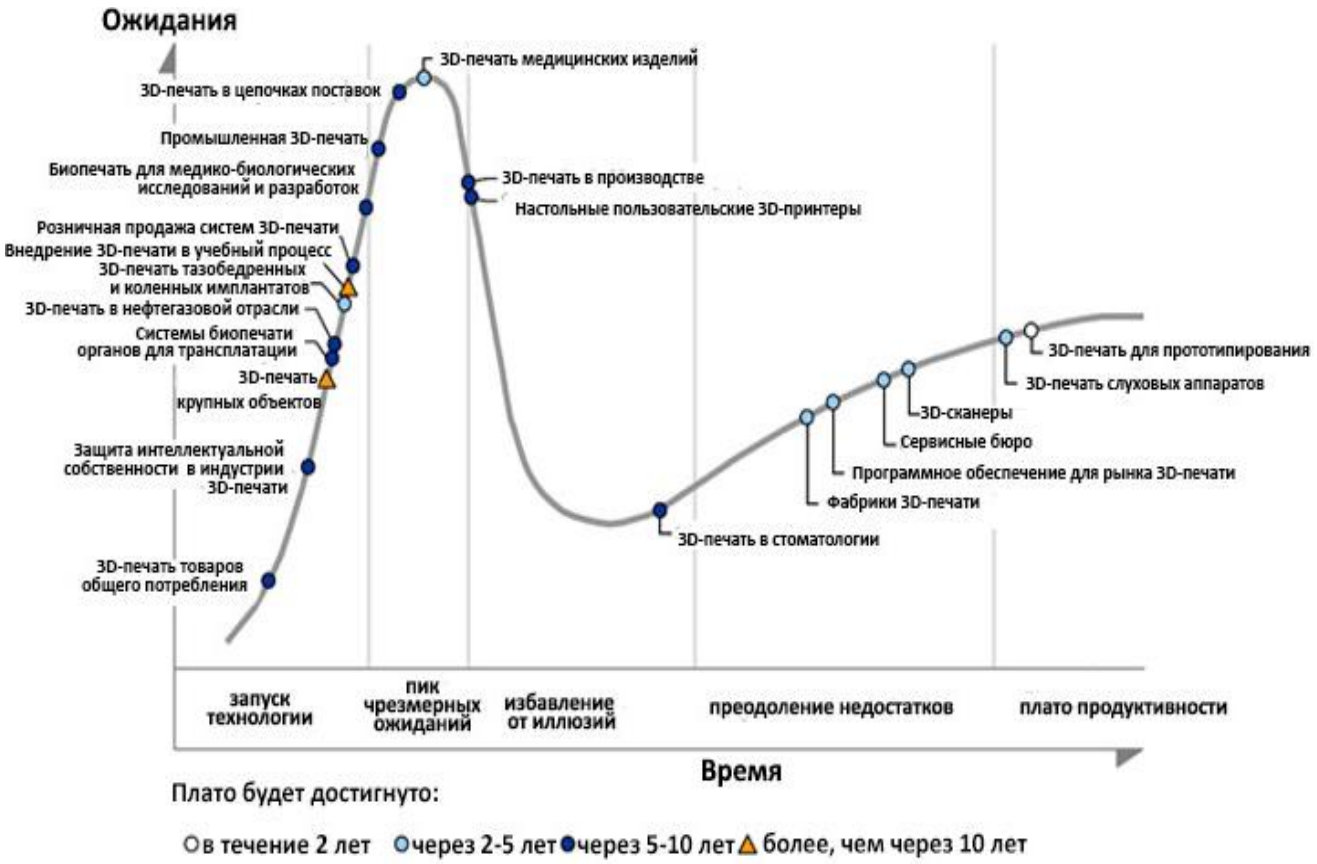

Рис. 2. Кривая Гартнера для 3D-печати [4].

Таким образом, внедрение цифровых технологий в промышленности обеспечивает повышение эффективности и производительности труда, а также создает основу для изменения и совершенствования существующих бизнес-моделей.

Ожидаемые эффекты, на наш взгляд, будут получены за счет предиктивной аналитики в техническом обслуживании и ремонте оборудования и эксплуатируемых объектов, технологий видеоаналитики, технологий промышленного интернета вещей.

При этом остается необходимость развития архитектуры традиционных систем, построения инфраструктуры, модернизации активов, создания высокотехнологичных производств, в которых нужно использовать достижения современных технологий.

Внедрение базовых элементов «Индустрии 4.0» в настоящее время позволяет повысить эффективность использования промышленных активов в среднем на 20 %, сократить расходы на сырье и повысить качество продукции и ускорить трансфер технологий из лабораторий в промышленную эксплуатацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глобализация и институциональная модернизация экономики России: теория и практика: монография. М.: Прометей, 2019.

2. Корпоративная социальная ответственность: учебник. М.: КноРус, 2018.

3. Позмогов А. И., Гергиев И. Э. Актуальные проблемы устойчивого экономического роста России. LAPLAMBERT Academic Publishing Omni Scriptum GmbH&Co. KG Bahnhofstrasse 28, 66111 Saarbrücken, Germany, 2017.

4. Позмогов А. И., Гергиев И. Э., Каллагов Б. Р., Бекойты А. Г. Перспективы развития интегрированных корпоративных бизнес-структур в условиях неустойчивости социально-экономических систем. М.: РУСАЙНС, 2018.

5. Сологубова Г. С. Составляющие цифровой трансформации: монография. М.: Издательство Юрайт, 2019.

6. Тогузова И. З., Парастаева К. В. Особенности развития цифровой экономики в современных условиях. // Экономика и предпринимательство. 2018. № 2 (91). С. 913–916.

DIGITAL TRANSFORMATION OF THE RUSSIAN INDUSTRIAL COMPLEX

A. I. Pozmogov
Financial University under the Government of the Russian Federation,
Vladikavkaz, Russia

ABSTRACT: Purpose. The article deals with the issues related to the transformation of industry in the digital economy. The study notes that currently an increasing number of Russian managers rely on big data analytics as a way to obtain large-scale results in the shortest possible time. When choosing this approach, it is necessary to implement effective implementation of modern IT-technologies for data storage and processing, as well as to attract experts in the field of information technology. The latter will help to determine exactly where and how to apply the resulting data sets to extract the maximum benefit for business in future.

Methods. Using a vast array of empirical data, formed with the use of official statistics and other information from open official sources, a predictive analysis of the need for digital transformation in business is conducted.

Results. A theoretical research platform based on the theory of a new industrial society is formulated. It is shown that the transformation of the industrial complex is always a discrete process of structural changes and institutional transformations. At the same time, there is a need to develop the architecture of traditional systems, build infrastructure, upgrade assets, and create high-tech industries in which you need to use the achievements of modern technologies.

Scientific novelty. The factors influencing the process of adaptation and digital management of industrial enterprises in the conditions of widespread digitalization of the Russian economy are revealed. The study substantiates that the introduction of the basic elements of "Industry 4.0" currently

allows increasing the efficiency of industrial assets by an average of 20%, reducing raw material costs, improving product quality, and accelerating the transfer of technologies from laboratories to industrial operation.

KEYWORDS: digital transformation, digitalization, financial innovation, computerization, networking, technological upgrading, innovative development.

AUTHORS' INFORMATION: Anatoly I. Pozmogov, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor of the Department of Management, Vladikavkaz branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation,
7, Molodezhnaya st., Vladikavkaz, 362002, Russia, pozmogov@bk.ru.

FOR CITATION: Pozmogov A. I. Digital transformation of the Russian industrial complex // Management Issues. 2019. № 3 (39). P. 149—154.

REFERENCES

1. Globalization and institutional modernization of the Russian economy: theory and practice: monograph. Moscow: Prometey, 2019 [Globalizatsiya i institutsional'naya modernizatsiya ekonomiki Rossii: teoriya i praktika: monografiya. M.: Prometey, 2019.] – (In Rus.).

2. Corporate social responsibility: textbook. M.: KnoRus, 2018 [Korporativnaya sotsial'naya otvetstvennost': uchebnik. M.: KnoRus, 2018.] – (In Rus.).

3. Pozmogov A. I., Gergiyev I. E. Topical issues of sustainable economic growth in Russia. LAPLAMBERT Academic Publishing, Omni Scriptum GmbH&Co. KG Bahnhofstrasse 28, 66111 Saarbrücken, Germany, 2017 [Pozmogov A. I., Gergiev I. E. Aktual'nye problemy ustoychivogo ekonomicheskogo rosta Rossii. LAPLAMBERT Academic Publishing Omni Scriptum GmbH&Co. KG Bahnhofstrasse 28, 66111 Saarbrücken, Germany, 2017.] – (In Rus.).

4. Pozmogov A. I., Gergiyev I. E., Kallagov B. R., Bekoity A. G. Prospects of development of integrated corporate business structures in the context of instability of socio-economic systems. M.: RUSCIENCE, 2018 [Pozmogov A. I., Gergiev I. E., Kallagov B. R., Bekoyty A. G. Perspektivy razvitiya integrirovannykh korporativnykh biznes-struktur v usloviyakh neustoychivosti sotsial'no-ekonomicheskikh sistem. M.: RUSAYNS, 2018.] – (In Rus.).

5. Sologubova S. G. Components of digital transformation: monograph. M.: Publishing House Yurait, 2019 [Sologubova G. S. Sostavlyayushchie tsifrovoy transformatsii: monografiya. M.: Izdatel'stvo Yurayt, 2019.] – (In Rus.).

6. Toguzova I. Z., Parastayeva K. V. Features of digital economy development in modern context. // Economics and entrepreneurshiP. 2018. № 2 (91). P. 913-916 [Toguzova I. Z., Parastaeva K. V. Osobennosti razvitiya tsifrovoy ekonomiki v sovremennykh usloviyakh. // Ekonomika i predprinimatel'stvo. 2018. № 2 (91). S. 913–916.] – (In Rus.).

ИТОГИ ГОДА ЭКОЛОГИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ОЦЕНКА ИНСТРУМЕНТОВ РЕГУЛИРОВАНИЯ)

УДК 351:502/504(470+571) *ГСНТИ 87.01.75*
ББК 67.401.146 *Код ВАК 23.00.02*
DOI: 10.22394/2304-3369-2019-3-155-169

А. А. Тимин
Микропредприятие «Двери»,
Екатеринбург, Россия

М. А. Фельдман
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Екатеринбург, Россия
AuthorID: 460956

АННОТАЦИЯ: Цель. Анализ результатов деятельности органов государственной власти Российской Федерации и Свердловской области в сфере охраны окружающей среды в Год экологии. В исследовании отмечается, что экологические риски с приходом нового технологического уклада выросли многократно, а загрязнение водных объектов и атмосферного воздуха, истощение природных ресурсов и прирост отходов стали общемировыми проблемами. Защита окружающей среды является одним из приоритетов политики любого современного государства.

Методы. Проанализированы официальные отчёты о состоянии и об охране окружающей среды, позиции представителей власти и экспертов с использованием системного подхода.

Результаты. Выявлено, что динамика снижения загрязнения воды устойчива, по обращению с отходами и выбросами в атмосферный воздух положительная динамика отсутствует. При этом из-за недостаточного количества затрат и неполноценного использования инструментов уровень экологической напряженности остаётся высоким. Год экологии не принес ожидаемых результатов. Вместе с тем, с точки зрения долгосрочной перспективы в Год экологии были инициированы программы и проекты, которые через несколько лет могут стать точками роста экологической политики: закон об экологическом сборе, проект ОНФ «Интерактивная карта свалок», внедрение приоритетов раздельного сбора мусора и включение в национальный проект «Экология» показателя по внедрению НДТ.

Научная новизна. Дана оценка различных направлений экологической политики: определена степень эффективности существующих инструментов, разработаны рекомендации по их совершенствованию.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: год экологии, обращение с отходами, выбросы в атмосферный воздух, загрязнение водных объектов, затраты на охрану окружающей среды.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Артем Андреевич Тимин, менеджер по развитию, микропредприятие «Двери»,
620000, Россия, г. Екатеринбург, ул. Первомайская, 92, timinartem@mail.ru.

Михаил Аркадьевич Фельдман, доктор исторических наук, профессор, Уральский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
620000, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, 66, feldman-mih@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Тимин А. А., Фельдман М. А. Итоги года экологии в Российской Федерации (оценка инструментов регулирования) // Вопросы управления. 2019. № 3 (39). С. 155—169.

Введение. Экологические риски с приходом нового технологического уклада выросли многократно, а загрязнение водных объектов и атмосферного воздуха, истощение природных ресурсов и прирост отходов стали общемировыми проблемами. Защита окружающей среды является одним из приоритетов политики любого современного государства. В России уровень экологического напряжения остается высоким: пло-

© А. А. Тимин, М.А. Фельдман, 2019

щадь, занимаемая мусором, превышает площадь стран Бенилюкса, а перерабатывается всего 7 % новых отходов [1, с. 1], 8 городов России находятся в зоне высокого и очень высокого загрязнения атмосферного воздуха [2, с. 3], 15 % источников централизованного водоснабжения в стране не соответствуют санитарным и эпидемиологическим требованиям [3, с. 1].

Для привлечения внимания государства, бизнеса и общества к этим и другим проблемам 5 января 2016 г. Президент России Владимир Путин подписал указ, в соответствии с которым 2017 г. в России был объявлен Годом экологии. Помимо общей активизации экологической политики Федерации и регионов, был создан план по проведению «Года экологии», в который вошло более двухсот мероприятий [4, с. 3].

Мы попытаемся оценить достижения экологической политики в РФ и Свердловской области в 2017 г., выявив результаты «Года экологии» и определить эффективность инструментов регулирования экологической политики.

Представители власти в целом положительно оценивают «Год экологии». С. Е. Донской (министр природных ресурсов и экологии РФ в мае 2012 – мае 2018 гг.) в качестве самых значимых направлений «Года экологии» назвал мероприятия по внедрению новой системы утилизации мусора, наилучших доступных технологий (далее НДТ); по строительству очистных сооружений для защиты водных объектов; появление двух новых особо охраняемых природных территорий (далее ООПТ) [5, с. 2].

Заместитель председателя Госдумы Ольга Тимофеева считает, что удалось изменить отношение части населения страны к экологии, так как за прошедший год не менее 20 млн человек приняли участие в различных экологических акциях. По мнению Тимофеевой, «Год экологии объединил общественников, экологов, различные органы власти, представителей науки и бизнеса. Он дал старт большой совместной работе на годы вперед» [5, с. 4].

Как видно, оценки представителей власти носят оптимистический характер. Эксперты из общественных организаций не разделяют такую оценку и утверждают, что «Год экологии» не принес ожидаемых результатов [6, с. 5].

Ситуация по России. Рассмотрим результативность наиболее значимых направлений экологической политики. Данные для анализа возьмём из доклада Министерства природных ресурсов и экологии РФ «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2017 г.» и других источников.

Сокращение выбросов в атмосферный воздух является одним из главных направлений экологической политики, так как установлено, что постоянное превышение допустимой концентрации только одного из видов контролируемых загрязняющих веществ приводит к повышению заболеваемости в 1,7 раза, а в некоторых возрастных группах — до 3 раз [7, с. 1]. Данные, представленные по этому направлению Федеральной службой по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды, приведены в таблице 1.

Как видно из материалов таблицы 1, за 5 лет количество городов, где средняя концентрация какой-либо примеси за год превышает предельно допустимую концентрацию (далее ПДК), снизилось на 65 или почти на треть. Это обусловлено повышением в 2014 году нормы предельно допустимой концентрации формальдегида более, чем в 3 раза. При прежней норме количество городов, где превышена ПДК, к 2017 фактически уменьшилось только на 15 городов за 5 лет [8, с. 2].

Таблица 1

Выбросы в атмосферу в городах [8]

	2013	**2014**	**2015**	**2016**	**2017**
Количество городов, в которых среднегодовые концентрации одного или нескольких веществ превышали 1 ПДК	204	174	147	147	139
По старой норме формальдегида	204	199	194	194	189
С учетом прежней и новой ПДК формальдегида, отмечались значения СИ больше 10	38	44	34	38	38

Эти данные приобретут ещё большее значение, если учитывать, что около 75 % населения России живет в городах, и по обобщенным данным Всемирной организации здравоохранения средний удельный вес влияния экологических факторов на состояние здоровья населения составляет от 17 до 20 % [9, с. 3]. Таким образом, сохраняющийся на протяжении десятилетий высокий уровень экологической напряженности глобально снижает уровень качества жизни и подрывает потенциал человеческого капитала.

Вместе с тем, количество городов, в которых максимальные концентрации превышают ПДК в 10 раз, за пять лет и по сравнению с 2016 г. не изменилось.

Валовой объем выбросов в атмосферу загрязняющих веществ за семь лет не изменился. Это один из важнейших результатов экологической политики, который нельзя назвать положительным. За период 2010–2017 гг. валовой объем выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух снизился на 0,9 %, в том числе от стационарных источников – на 8,6 %, от передвижных вырос на 10,2 %.

Проявляется тенденция увеличения доли выбросов от нестационарных источников. Это происходит вследствие увеличения количества машин и снижения объемов промышленного производства. К сожалению, в Год экологии совокупный объем выбросов увеличился на 1,4 %.

С учетом того, что наиболее значимыми инструментами по этому направлению являются плата за негативное воздействие, нормирование выбросов, налоговые льготы и экологический мониторинг – можно сделать вывод: указанные инструменты неэффективны.

Далее рассмотрим основные показатели по воде (таблица 3). Из таблицы мы видим, что, за период 2010–2017 гг. показатель общего водозабора в Российской Федерации уменьшился на 12,8 %. Основной причиной этой динамики стали проекты модернизации водной инфраструктуры, обновление аэрационных станций, которые снизили потери воды и повысили эффективность её использования.

За период 2010–2017 гг. объем сброса сточных вод в поверхностные природные водоемы сократился на 13,4 %. **Мы видим устойчивую положительную динамику по важнейшим показателям водных объектов: за 7 лет оба показателя улучшились больше чем на 12 %.** Такой результат стал возможен благодаря росту эффективности использования воды предприятиями, а также помещению крупных водных объектов в зону федеральной ответственности и принятию дополнительных мер защиты. Наиболее значимыми инструментами по этому направлению стали федеральные законы, проекты ГЧП, экологическая экспертиза и федеральная программа «Чистая вода». В данном случае эти инструменты показали себя эффективными. Стоит отметить, что в Год экологии положительная динамика не увеличилась, и мероприятия Года экологии не повлияли на показатели

Таблица 2

Динамика объемов выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух от стационарных и передвижных источников, 2010-2017 гг., тыс. т [10, с. 273]

	2010	**2012**	**2014**	**2015**	**2016**	**2017**	2017 к 2010, %
Валовой объём выбросов	32353	32468	31228	31269	31617	32068	99
От стационарных источников	19116	19630	17452	17296	17349	17477	91
От передвижных источников	13237	12838	13776	13973	14268	14591	110

Таблица 3

Водные ресурсы, млн м^3 [10, с. 275]

	2010	**2012**	**2014**	**2015**	**2016**	**2017**	2017 к 2010, %
Забор воды из природных источников	78955	72052	70806	68614	69498	68887	87
Положительная динамика		9%	2%	4%	-1%	1%	
Сброс сточных вод	49191	45525	43890	42853	42894	42575	86
Положительная динамика		8%	4%	3%	0,01%	1%	

.

Таблица 4

Твердые коммунальные отходы, млн куб. м [11, с. 2]

	2010	2012	2014	2016	2017	2017 к 2007, %
Произведено	235,4	278,1	283,4	268,8	274,4	116%
Отправлено на переработку	32,1	26,9	21,3	23,9	27,9	86%

Накопленные отходы являются наиболее острой мировой экологической проблемой, для России она особенно актуальна, так как отходы уже занимают огромную площадь, а инфраструктура для решения проблемы пока не создана (таблица 4).

В 2017 году тема переработки твёрдых коммунальных отходов (далее ТКО) получила дополнительную актуализацию из-за крупного социального конфликта, причиной которого стали события в Волоколамске, где из-за неконтролируемого состояния полигона дети попали в больницу с подозрением на отравление [12]. В Год экологии в России было произведено 274 млн куб. м ТКО. Это на 16 % больше, чем в 2010, свидетельствуют данные Росстата. Лидером по мусорообразованию остается Москва. Столица производит без малого десятую часть отходов страны (24 млн куб. м в 2017 году) [11, с. 3].

Поступательный прирост объемов мусора наблюдался до 2012 года, по итогам которого страна произвела 278 млн куб. м. В последующие годы цифра незначительно колебалась. В Год экологии объем произведенных бытовых отходов вырос на 2 %. ***При этом только 10 % российского мусора отправляется на мусороперерабатывающие заводы*** [11, с. 2]**.** Доля переработки ТКО за 7 лет снизилась на 14 % .В Год экологии доля переработки возросла на 16 % [11, с. 2]. Это связано с началом мусорной реформы, активизацией поддержки мусороперерабатывающих заводов и созданием новых механизмов ликвидации незаконных свалок.

Экологическую политику по этому направлению нельзя назвать эффективной. Наиболее значимыми инструментами стали соглашения ГЧП, налоговые льготы, плата за негативное воздействие, экологический мониторинг и система вывоза мусора. Мы видим, что этих инструментов недостаточно для решения такой глобальной проблемы [11].

За последние годы экологическая ситуация не улучшилась и продолжает оставаться напряженной. Значимые улучшения можно выделить только в сфере водных объектов, выбросы в атмосферный воздух остаются на прежнем высоком уровне, а ситуация с мусором ухудшилась.

Для оценки российской экологической политики необходимо сравнение с другими странами, для этого обратимся к международным экологическим рейтингам.

В индексе экологической эффективности, включающем 19 экологических показателей и отслеживающем процессы обеспечения жизнеспособности экосистем и охраны окружающей среды, мы видим очень нестабильную динамику: 28-е место в 2006, 69-е в 2010 и 106-е в 2012; на данный момент Россия занимает 52-е место из 180 стран. Достаточно высокое место Россия занимает и в рейтинге адаптации к климатическим изменениям – 33-е из 171 страны. Высокие места в этих рейтингах обеспечивают, в первую очередь, внушительные запасы природных ресурсов [12, с. 3]. Самые слабые позиции наша страна занимает по рейтингам «зелёной экономики»: 74-е место из 80 по глобальному индексу «зелёной экономики», 39-е из 40 по глобальному инновационному индексу экологически чистых технологий и 116-е в мире – по доле возобновляемой энергии. Это говорит о нарастающем отставании России в развитии «зеленой экономики» и инвестиций в неё [12, с. 5]. Это не только ведет к обострению экологических рисков, но и глобально снижает конкурентоспособность России на мировой арене.

Далее рассмотрим, в каком состоянии охрана окружающей среды подошла к Году экологии в Свердловской области, каких успехов достигла за этот год и как развивается сейчас.

Ситуация в Свердловской области. Общероссийская Общественная организация «Зелёный патруль» с 2008 года формирует экологический рейтинг субъектов РФ. Свердловская область всегда оказывается в числе кризисных регионов, в Год экологии область занимала 84-е место из 85, а в 2018 опустилась на последнее место [14]. Данные рейтинга говорят о том, что несмотря на то, что темпы улучшения показателей в Сверд-

ловской области выше, чем по России, уровень экологической напряженности области остается одним из самых высоких в России, а затраты на экологию и эффективность проектов отстают от аналогичных кризисных регионов.

Эксперты ОНФ совместно с Минприроды России подготовили «Экологический рейтинг российских городов – 2017». В рейтинге приняли участие региональные центры и города с населением свыше 100 тыс. человек. Всего в рейтинг вошло 69 городов, ещё 34 города предоставили неполную или некорректную информацию [15].

В рейтинге присутствуют два города Свердловской области – Екатеринбург и Нижний Тагил. Екатеринбург занял последнее место в группе отстающих городов и 54-е место в общем рейтинге, Нижний Тагил занял 9-е из 15 мест в группе аутсайдеров и 64 место в общем рейтинге. Эта оценка является значимой и для Свердловской области в целом, так как это крупнейшие города региона и в них проживает 1 501 700 и 353 950 человек соответственно, то есть 43 % населения области [15].

Плохое состояние окружающей среды Свердловской области определяется спецификой развития, характерной для многих старопромышленных регионов России [16, с. 5]. В связи с этим серьезные экологические риски возникают, прежде всего, в сфере обращения с отходами, охране атмосферного воздуха и водных объектов.

Ежегодные государственные доклады о состоянии и охране окружающей среды Свердловской области позволяют сделать выводы о динамике проблем и эффективности экологической политики в регионе на протяжении 2003-2017 годов.

Как видно из таблицы 5, с 2010 года объём выбросов в атмосферный воздух сократился на 17 %. Наиболее важным фактором для нас является сокращение выбросов от стационарных источников на 23 %. Отчасти такое сокращение является следствием экономических кризисов последних лет. Увеличение темпов снижения выбросов произошло благодаря реконструкции и модернизации производства, проведению природоохранных мероприятий, многие из которых состоялись в рамках государственно-частного партнёрства. Мы видим, что в 2017 году количество выбросов возросло на 2 %, это связано с восстанавливающимся после кризиса объёмом производства. Объём выбросов от автотранспорта остался практически на том же уровне.

Мы не можем назвать политику в этом направлении высокоэффективной, так как основной эффект дало снижение объёмов производства, однако можно выделить в качестве результативных такие инструменты, как соглашение ГЧП и возврат платы за негативное воздействие [20]. Остальные инструменты нуждаются в доработке. В целом работы в рамках заключенных соглашений с предприятиями продолжаются, однако важных проектов в Год экологии по этому направлению реализовано не было.

Таблица 5

Динамика основных показателей загрязнения окружающей среды в Свердловской области

Наименование показателя	Единица измерения	2010 [17]	2015 [18]	2016 [19]	2017 [20]	2017 к 2010, %
Объем выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух, в том числе:	тыс. тонн	1 638	1 402	1334	1369	83
Положительная динамика	%		15	5	-2	
от стационарных источников	тыс. тонн	1 195	983	906	928	77
от автотранспорта	тыс. тонн	442	418	428	441	99
Объем сброса загрязненных сточных вод	млн куб. м	763	660	616	586	76
Положительная динамика	%		14	7	5	
Объем забора воды	млн куб. м	1 440	1 198	1163	1083	75
Положительная динамика	%		17	3	7	
Объем размещения отходов производства и потребления	млн тонн	108	101	100	98,5	91
Доля использования отходов производства относительно объема их образования	%	41,7	46,6	44,9	41,8	100

Данные таблицы свидетельствуют: объём сброса загрязнённых сточных вод постепенно уменьшается. За 7 лет он сократился на 24 %, помимо эффективно реализуемой программы это объясняется сокращением общего объёма использования воды (с 2010 года объем использованной воды сократился на 25 %), общий забор воды также сократился. Снижение забора водных ресурсов обусловлено экономным использованием водных ресурсов в связи с нарастающим истощением многих водных объектов области. Также улучшение данного показателя обязано модернизации аэрационной станции и строительству очистных сооружений совместно с предприятиями в рамках ГЧП. Год экологии не увеличил темп улучшений, а сокращение забора воды связано с завершением проектов по модернизации аэрационных станций.

В силу длительного воздействия техногенных факторов большинство поверхностных источников вблизи Екатеринбурга, Нижнего Тагила, Каменска-Уральского имеют высокую степень загрязнения. В Год экологии было проведено обустройство 28 родников для обеспечения чистой водой 13 муниципалитетов, снижения рисков загрязнения питьевой воды Нижнего Тагила Дегтярским рудником. **В целом мы по этому направлению можем положительно оценить как результаты работы за 7 лет, так и проекты, инициированные в Год экологии.** Во многом результаты достигнуты за счёт программы «Чистая вода», второй этап которой завершился в 2017 году [21, с. 3], однако проекты ГЧП и экологический мониторинг мы также можем выделить в качестве результативных инструментов по этому направлению.

Ситуация с мусорными полигонами в Свердловской области продолжает оставаться напряжённой. Около 30 % действующих полигонов не имеют надлежащим образом оформленных документов: нет землеотводов, проектной документации, полигоны не включены в федеральный реестр объектов размещения отходов и т.д. В целом ситуация с отходами очень серьёзная. По количеству накопленных отходов Свердловская область занимаем 3-е место в стране, здесь размещено более 9 миллиардов тонн отходов [1, с. 3].

При рассмотрении показателей объёма размещения отходов производства и потребления и доли использования отходов производства относительно объема их образования можно увидеть, что за 7 лет положение не изменилось, и прирост отходов продолжается. Используется только 41 % отходов. Впрочем, этот показатель значительно не меняется уже 15 лет. Объём размещения отходов сократился на 9 %. Этот результат достигнут благодаря внедрению передовыми предприятиями НДТ, соглашениям ГЧП, заключенным в этой сфере, и снижению объёмов производства. В Год экологии объём размещения отходов сократился на 1,5 %, это связано с начавшейся в области кампанией по борьбе с незаконными свалками. Однако интенсивность изменений пока недостаточна для решения этой важнейшей проблемы; например, такого опасного вида отходов, как красные шламы, накоплено в хранилищах уже 137 млн тонн, и каждый год образуется ещё до 3 млн тонн отходов, которые отравляют окрестные земли и подземные воды, и это только одно направление в данной сфере [22, с. 3]. Мы можем выделить основные причины неэффективности государственной политики в сфере обращения с отходами:

1. Отсутствие раздельного сбора и эффективных механизмов сортировки. Отсутствие системы сбора опасных отходов.
2. Высокий уровень криминогенности и коррупциогенности данной сферы. Низкая эффективность мониторинга.
3. Отсутствие инвестиций в эту сферу в связи с экономическим кризисом и неэффективной инвестиционной политикой.
4. Нестабильность законодательства. В 2017 году средний срок действия экологического закона составлял 5 месяцев. Постоянно вносятся поправки, которые не являются нормами прямого действия, и для того, чтобы они начали работать, необходимо принять большое количество подзаконных актов, которых долгое время нет, поэтому у предприятий возникают большие проблемы по организации своей природоохранной деятельности [1, с. 6].
5. Низкие штрафы за нарушение правил обращения с отходами и хранение количества отходов, превышающего норму [23, с. 6].

Таким образом, за исключением соглашений ГЧП и экологического мониторинга, применение различных инструментов не дало нужного результата, и накопление от-

ходов продолжается. Для того чтобы переломить ситуацию, необходимо совершенствование старых, внедрение новых инструментов и их системное использование. В первую очередь, необходимо внедрять экономические механизмы поддержки экологически ответственных предприятий, развивать механизмы экологических плат и общественного контроля. Год экологии не стал прорывом по этому направлению, однако в 2017 году активно шла подготовка к мусорной реформе и был введен экологический сбор. Эти инструменты могут повысить эффективность политики в отношении мусора.

Таблица 6 показывает, что Свердловская область тратит на экологию меньше 1 % бюджета. Для старопромышленного региона с напряженной экологической ситуацией во всех основных сферах этого мало. **Показательно, что в Год экологии из бюджета выделено меньше всего средств за последние 6 лет.**

Всё это говорит о том, что Год экологии в первую очередь призван был привлечь внимание к самой проблеме, а также усилить ответственность бизнеса за нарушение экологических норм.

По итогам Года экологии Заместитель председателя Госдумы Ольга Тимофеева выделила в качестве достижения рост общественного участия, при этом представители крупных общественных организаций заявляли, что их мнения не были учтены [6, с. 5].

Экологическое просвещение в Год экологии также было не слишком эффективным. Прошло множество просветительских акций, большая часть — в Москве, однако организаторы отмечают, что посещаемость достаточно низкая, и у людей нет интереса к проблемам экологии. В итоге на таких мероприятиях встречаются преимущественно одни и те же люди. Подобная ситуация наблюдалась и в регионах [6, с. 4].

Эксперты отмечают, что государство при принятии экологических решений часто игнорирует мнение населения и общественных организаций: это происходило, например, с решениями по строительству мусоросжигательных заводов, горно-обогатительного комбината в Челябинске и реформированию экологического законодательства [6, с. 8].

В 2017–2018 годах Министерство с целью экологического и патриотического воспитания поддержало более 50 мероприятий, проведенных в соответствии с инициативами граждан и общественных организаций.

В Свердловской области в Год экологии действительно удалось привлечь большое количество людей к решению экологических проблем. Однако необходимо отметить, что, несмотря на устанавливающиеся традиции ежегодного проведения природоохранных мероприятий, в 2018 году масштабы их значительно снизились. Третий конгресс «Промышленная экология регионов» собрал на 45 % меньше участников, чем второй [25]. Во Всероссийском дне посадки леса в 2018 году участвовало в 3,3 раза меньше человек, чем годом ранее, а деревьев посадили в 10 раз меньше, чем в 2017 году [26]. В субботнике «Зелёная Россия», за который в Год экологии Свердловская область получила Гран-при за самое массовое участие, в 2018 году участвовало 14 % от участников прошлого года [27].

Мы видим, что «совместной работы на годы вперёд [5]» не получилось, и уже в следующем году посещаемость мероприятий критически упала. Можно предположить, что в 2018 году поддержка экологических мероприятий стала менее интересовать органы власти, поскольку ни на федеральном, ни на региональном уровне привлечение общественности к решению экологических проблем не является приоритетной задачей.

Многие представители общественных организаций критиковали план мероприятий Года экологии, который включал более 200 мероприятий. Для того чтобы оценить этот документ, рассмотрим мероприятия для Свердловской области, дополненные Правительством области.

Таблица 6

Бюджетные расходы на охрану окружающей среды Свердловской области, млн руб. [24]

2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2017 к 2010
230	358	337	353	540	396	412	283	23%
	55%	-8%	4%	52%	-27%	4%	-32%	

Из 17 мероприятий три практически не требовали затрат и сводились к экологическому просвещению детей младшего возраста; 12 мероприятий и так были проведены в 2017 г. В их числе, например, издание государственного доклада «О состоянии и об охране окружающей среды Свердловской области», который предусмотрен ежегодно.

В конечном итоге, только два мероприятия представляют интерес: изыскание источников водоснабжения за счёт подземных вод и разработка проектной документации по ликвидации экологического ущерба Левихинского месторождения [28, с. 3]. Первый комплекс мероприятий привёл к положительным результатам, о которых мы писали выше, второй – дал начало решению одной из самых острых экологических проблем Свердловской области. Однако большая часть мероприятий не представляет интереса, так как является крайне незначительной по объемам финансирования или обозначает мероприятия, которые и так должны были быть проведены. Эксперты из общественных организаций утверждают, что примерно такая же ситуация с мероприятиями и в других регионах.

Министр природных ресурсов отметил появление новых ООПТ. Это, безусловно, улучшение ситуации, однако, с точки зрения организационной эффективности, это недостаточный результат: **выполнена только треть задуманного**. На Год экологии было запланировано создание 11 национальных парков и 6 заповедников, фактически создали 1 и 2 соответственно. По мнению экспертов, одной из причин такой неудачи является противодействие местных властей по коррупционным мотивам [6, с. 5].

Заместитель председателя Госдумы отметил проект Общероссийского народного фронта «Генеральная уборка» и Интернет-ресурса «Интерактивная карта свалок» — с его помощью удалось выявить 15 722 свалки по всей стране и добиться ликвидации 7 038 объектов несанкционированного складирования отходов [6, с. 8]. Этот проект действительно показал свою эффективность и имеет большой потенциал.

Проект «+1», созданный группой СМИ, опросил экспертов из общественных организаций по вопросу эффективности Года экологии. **Средняя оценка экспертов составила 3 балла из 5.** Общественники подняли большое количество проблем, но чаще всего говорили о том, что решение о строительстве мусоросжигательных заводов — неэффективно, так как они строятся по устаревшим схемам и просто переводят загрязнение из земли в воздух, в то же время, для создания системы раздельного сбора в Год экологии ничего не сделано. Эти решения противоречат приоритетам, сформулированным в российском законодательстве и поручениях Президента.

По мнению экспертов, большая часть того, о чём говорилось на конференциях, осталась нереализованной [6, с. 6]: это касается и создания ООПТ, и законодательных реформ, и многого другого. Для решения скандальной проблемы отходов приняли устаревшее решение – создание мусоросжигательных заводов. Международные конвенции, о необходимости принятия которых общественники говорят с конца 1990-х, так и не были приняты, и даже указание Президента не ускорило их принятие. Президент, судя по кадровым решениям, оценивает проведение Года экологии не менее критично, чем общественники: неслучайно главы Минприроды и Росприроднадзора после Года экологии лишились своих постов.

Сейчас Президент актуализирует проблему охраны окружающей среды с помощью утверждения перечня показателей для оценки эффективности деятельности руководителей регионов. В принятом в апреле 2019 года перечне одним из 15 показателей стало «Качество окружающей среды», а значит – улучшение экологии становится приоритетной задачей для всех руководителей регионов [29].

Становится понятно, что реальными целями Года экологии было привлечение внимания к экологическим проблемам, увеличение площади ООПТ и запуск реформ по внедрению новых инструментов. Улучшение ситуации по основным направлениям (воздух, вода, мусор) не было первостепенным и реализовывалось в текущем режиме. Наиболее действенными инструментами показали себя соглашения ГЧП, проекты федерального и регионального уровней, возврат налогов. В Свердловской области с 28 основными предприятиями-загрязнителями заключены соглашения ГЧП, в рамках которых они обязаны снизить уровень негативного воздействия, проект «Чистая вода» внес вклад в модернизацию водной ин-

фраструктуры, возврат платы за негативное воздействие мотивирует предприятия старопромышленных регионов вкладывать миллиарды рублей в экологию. Развития требуют такие инструменты, как экологические выплаты разных уровней, просветительская деятельность, экономическая поддержка экологически ответственных предприятий.

Выводы. Оценивая Год экологии, мы вынуждены согласиться с большей частью общественников: «Результаты не соответствуют амбициозным планам» [6, с. 8]. Если мы обратимся к показателям экологической политики как по России, так и по Свердловской области, то по подавляющему большинству направлений мы не увидим качественных достижений ни за прошедшие семь лет, ни за Год экологии. Исключением является политика в отношении водных объектов, здесь за семь лет основные показатели по России улучшились на 12 %, по Свердловской области на 24 %, и установилась позитивная динамика. Это произошло благодаря программе «Чистая вода» и модернизации водной инфраструктуры в регионах [21]. Проблема мусора, напротив, обострилась, и большую часть решений в Год экологии по этому направлению нельзя назвать эффективными.

Не оправдали ожиданий и изменения экологического законодательства в сфере экологической отчётности, раздельного сбора мусора, промышленных отходов, ООПТ, экологической экспертизы, налоговых льгот. Не были ратифицированы международные конвенции. При этом экологическое законодательство не отличалось стабильностью.

Вместе с тем, с точки зрения долгосрочной перспективы в Год экологии были инициированы программы и проекты, которые через несколько лет могут стать точками роста экологической политики: закон об экологическом сборе, проект ОНФ «Интерактивная карта свалок», внедрение приоритетов раздельного сбора мусора и включение в национальный проект «Экология» показателя по внедрению НДТ. Однако, помимо воды, значимых улучшений экологической ситуации за семь лет не было; следовательно, Год экологии оказался не слишком результативным и не смог переломить ситуацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пахальчак Г. Ю. «Государство, требуя от предприятий выполнения природоохранных мероприятий, свои собственные обязанности не торопится выполнять» [электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvo-trebuya-ot-predpriyatiy-vypolneniya-prirodoohrannyh-meropriyatiy-svoi-sobstvennye-obyazannosti-ne-toropitsya-vypolnyat (дата обращения: 19.12.2018).

2. Волкова А. В. Рынок утилизации отходов [электронный ресурс] // Национальный исследовательский университет. Высшая школа экономики. Центр развития. URL: https://dcenter.hse.ru/data/2018/07/11/1151608260/Рынок%20утилизации%20отходов%202018.pdf (дата обращения: 19.12.2018)

3. Замахина Т. Штрафы за загрязнение водоемов вырастут в разы [электронный ресурс] // Российская газета – Столичный выпуск №7715 (252) 2018. URL: https://rg.ru/2018/11/08/shtrafy-za-zagriaznenie-vodoemov-vyrastut-v-razy.html (дата обращения 19.12.2018).

4. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года [электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 07 мая 2018 г. № 204 // СПС КонсультантПлюс. http://www.consultant.ru (дата обращения 19.12.2018)

5. Нодельман В. Итоги Года экологии: «Остановиться уже не получится» [электронный ресурс] // Известия – Общество, 2018. URL: https://iz.ru/688601/valeriia-nodelman/itogi-goda-ekologii-ostanovitsia-uzhe-ne-poluchitsia (дата обращения 19.12.2018).

6. Год экологии: неофициальные итоги [Электронный ресурс] // plus-one, 2018. URL:http://plus-one.rbc.ru/god-ecologii/ (дата обращения 19.12.2018 г.).

7. О федеральной целевой программе «Оздоровление экологической обстановки и населения Оренбургской области в 1996-2000 годах» [электронный ресурс]: Постановление Правительства Российской Федерации от 08 июля 1996 г. №658. // СПС КонсультантПлюс. http://www.consultant.ru (дата обращения 19.12.2018)

8. Черногаева Г. М. Обзор состояния и загрязнения окружающей среды в Российской Федерации за 2017 год [электронный

ресурс] // Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (Росгидромет), 2018. URL: http://www.meteorf.ru/product/infomaterials/90/ (дата обращения 19.12.2018).

9. Тагаева Т. О. Экологическая ситуация и природоохранная политика в регионах России [электронный ресурс] // Экономика региона. 2016. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskaya-situatsiya-i-prirodoohrannaya-politika-v-regionah-rossii (дата обращения: 11.03.2019).

10. О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2017 году [электронный ресурс]: Государственный доклад // Официальный сайт Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации. URL: http://www.mnr.gov.ru/docs/gosudarstvennye_doklady (дата обращения 19.02.2019).

11. Нодельман В. Россия производит всё больше коммунальных отходов [Электронный ресурс] // Известия – Общество, 2018. URL: https://iz.ru/723299/valeriia-nodelman/sor-v-izbu (дата обращения 19.12.2018).

12. Линделл Д. В Волоколамске начался митинг местных жителей против полигона «Ядрово» [Электронный ресурс] // РБК, 2018. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5ad1ba479a794707635fa03a (дата обращения 19.12.2018).

13. Алексеева Н. Н. Место России в глобальных экологических рейтингах [Электронный ресурс]: презентация на Экотех'17 Международную выставку-форум, 2018. URL: https://ecostandardgroup.ru/about/korporativnaya-otvetstvennost/rating/Место_России_в_глобальных.Н.Н_Алексеева.pdf (дата обращения: 19.12.2018).

14. Экологический рейтинг субъектов Российской Федерации [Электронный ресурс] // Общероссийская общественная организация «Зелёный патруль». Официальный сайт. URL: http://greenpatrol.ru/ru/stranica-dlya-obshchego-reytinga/ekologicheskiy-reyting-subektov-rf?tid=338&sid=2102 (дата обращения: 19.12.2018).

15. Экологический рейтинг российских городов [Электронный ресурс] // Общероссийский народный фронт Официальный сайт. URL: https://onf.ru/2017/11/21/onf-i-minprirody-predstavili-ekologicheskiy-reyting-rossiyskih-gorodov/ (дата обращения: 04.03.2018).

16. Концепция экологической безопасности Свердловской области на период до 2020 года [электронный ресурс]: Постановление Правительства Свердловской области от 28 июля 2009 г. № 865–ПП // СПС КонсультантПлюс. http://www.consultant.ru (дата обращения 04.03.2018)

17. О состоянии и об охране окружающей среды Свердловской области в 2010 году [Электронный ресурс]: Государственный доклад. Официальный сайт Министерства природных ресурсов и экологии Свердловской области. URL: http://www.mprso.ru/gosudarstvennye-doklady-o-sostoyanii-i-ob-ohrane-okruzhaiushei-sredy-sverdlovskoi-oblasti (дата обращения 04.03.2018).

18. О состоянии и об охране окружающей среды Свердловской области в 2015 году [Электронный ресурс]: Государственный доклад // Официальный сайт Министерства природных ресурсов и экологии Свердловской области. URL: http://www.mprso.ru/gosudarstvennye-doklady-o-sostoyanii-i-ob-ohrane-okruzhaiushei-sredy-sverdlovskoi-oblasti (дата обращения 04.03.2018).

19. О состоянии и об охране окружающей среды Свердловской области в 2016 году [Электронный ресурс]: Государственный доклад // Официальный сайт Министерства природных ресурсов и экологии Свердловской области. URL: http://www.mprso.ru/gosudarstvennye-doklady-o-sostoyanii-i-ob-ohrane-okruzhaiushei-sredy-sverdlovskoi-oblasti (дата обращения 04.03.2018).

20. О состоянии и об охране окружающей среды Свердловской области в 2017 году [Электронный ресурс]: Государственный доклад // Официальный сайт Министерства природных ресурсов и экологии Свердловской области. URL: http://www.mprso.ru/gosudarstvennye-doklady-o-sostoyanii-i-ob-ohrane-okruzhaiushei-sredy-sverdlovskoi-oblasti (дата обращения 19.12.2018).

21. О федеральной целевой программе «Чистая вода» на 2011–2017 годы [электронный ресурс]: Постановление Правительства Российской Федерации от 22 декабря 2010 г. №1092 // СПС КонсультантП-

люс. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения 19.12.2018)

22. Ошуркова И.О. Поставили на красное // Российская газета – Экономика УРФО 2018. №7472 (9). С. 9–14.

23. Пахальчак Г.Ю. Совершенствование экономических механизмов ликвидации ранее накопленного экологического ущерба// Экологическая и техносферная безопасность горнопромышленных регионов: труды V Международной науч.-практ. конференции. Екатеринбург, 2017.

24. Об исполнении областного бюджета за 2017 год [электронный ресурс]: Закон Свердловской области от 05 июня 2018 г. № 58-ОЗ // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения 19.12.2018)

25. Итоги III Всероссийского Конгресса «Промышленная экология регионов» [Электронный ресурс]// Российский форум Роспромэкспо. Официальный сайт. URL: http://ural-rospromeco.com/ (дата обращения: 19.12.2018).

26. Акция «Лес победы» [Электронный ресурс] // Общероссийское экологическое общественное движение «Зелёная Россия». Официальный сайт. URL: http://genyborka.ru/ (дата обращения: 19.12.2018).

27. Субботник «Зелёная Россия» [Электронный ресурс] // Общероссийское экологическое общественное движение «Зелёная Россия». Официальный сайт. URL: http://genyborka.ru/ (дата обращения: 19.12.2018).

28. Об утверждении Перечня мероприятий по подготовке и проведению в Свердловской области в 2017 году Года особо охраняемых природных территорий [электронный ресурс]: Приказ Министерства природных ресурсов и экологии Свердловской области от 01 октября 2015 № 859. // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения 19.12.2018)

29. Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации [электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 25 апреля 2019 №193. // СПС КонсультантПлюс. http://www.consultant.ru (дата обращения 19.12.2018)

RESULTS OF THE ECOLOGY YEAR IN THE RUSSIAN FEDERATION (ASSESSMENT OF REGULATORY TOOLS)

A. A. Timin
Micro-enterprise «Doors»,
Ekaterinburg, Russia

M. A. Feldman
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Ekaterinburg, Russia

ABSTRACT: Purpose. Analysis of the public authorities' results of the Russian Federation and Sverdlovsk region in the field of environmental protection in the year of ecology. The study notes that environmental risks of the new technological order have increased many times, and pollution of water bodies and air, depletion of natural resources and waste growth have become global problems. Environmental protection is one of the policy priorities of any modern state.

Methods. The official reports on the state and protection of the environment, the views of the authorities and experts using a systematic approach are analyzed.

Results. It was revealed that the dynamics of reducing water pollution is stable; there is no positive dynamics in the treatment of waste and emissions into the air. At the same time, due to insufficient costs and inadequate use of tools, the level of environmental tension remains high. The year of ecology has not achieved the expected results. However, for the long run, in the year of the environment the programs and projects, which in a few years may be the growth points of environmental policy, can be instigated. They are the law on ecological gathering, the ONF project "Interactive map of landfills", implementation of the priorities of separate waste collection and inclusion of the indicator on BAT implementation in the national project "Ecology".

Scientific novelty. The assessment of various directions of environmental policy is given: the degree of efficiency of existing tools is defined; recommendations on their improvement are developed.

KEYWORDS: year of ecology, waste management, emissions into the air, pollution of water bodies, environmental protection costs.

AUTHORS' INFORMATION: Artem A. Timin, Manager for the development, micro-enterprise «Doors», 92, Pervomayskaya st., Ekaterinburg, 620000, Russia, timinartem@mail.ru.

Mikhail A. Feldman, Dr. Sci. (Historical), Professor, Ural Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
66, 8 March st., Ekaterinburg, 620000, Russia, feldman-mih@yandex.ru

FOR CITATION: Timin A. A., Feldman M. A. Results of the ecology year in the Russian Federation (assessment of regulatory tools) // Management Issues. 2019. № 3 (39). P. 155—169.

REFERENCES

1. Pakhalchak G. Yu. “The state, requiring enterprises to carry out environmental protection measures, is in no hurry to fulfill their own responsibilities” [electronic resource]. URL: https://cyberleninka.ru/ article/n/gosudarstvo-trebuya-ot-predpriyatiy-vypolneniya-prirodoohrannyh-meropriyatiy-svoi-sobstvennye-obyazannosti-ne-toropitsya-vypolnyat (date of reference: 19.12.2018) [Pakhal'chak G. Yu. «Gosudarstvo, trebuya ot predpriyatiy vypolneniya prirodookhrannykh meropriyatiy, svoi sobstvennye obyazannosti ne toropitsya vypolnyat'» [elektronnyy resurs]. URL: https://cyberleninka.ru/ article/n/gosudarstvo-trebuya-ot-predpriyatiy-vypolneniya-prirodoohrannyh-meropriyatiy-svoi-sobstvennye-obyazannosti-ne-toropitsya-vypolnyat (data obrashcheniya: 19.12.2018).] – (In Rus.).

2. Volkova A. V. Waste recycling market [electronic resource] // National Research University Higher School of Economics. Development center. URL: https://dcenter.hse.ru/ data/2018/07/11/1151608260/Market% 20ofdisposal%20waste%202018.pdf (date of reference: 19.12.2018) [Volkova A. V. Rynok utilizatsii otkhodov [elektronnyy resurs] // Natsional'nyy issledovatel'skiy universitet Vysshaya shkola ekonomiki. Tsentr razvitiya. URL: https://dcenter.hse.ru/data/ 2018/07/11/1151608260/Rynok%20utilizatsii%20otkhodov%202018.pdf (data obrashcheniya: 19.12.2018)] – (In Rus.).

3. Zamakhina T. Fines for polluting water bodies will increase significantly [electronic resource] // Russian Newspaper – Capital release №7715 (252). 2018. URL: https://rg.ru/2018/11/08/shtrafy-za-zagriaznenie-vodoemov-vyrastut-v-razy.html (date of reference: 19.12.2018) [Zamakhina T. Shtrafy za zagryaznenie vodoemov vyrastut v razy [elektronnyy resurs] // Rossiyskaya gazeta – Stolichnyy vypusk №7715 (252) 2018. URL: https://rg.ru/2018/11/08/shtrafy-za-zagriaznenie-vodoemov-vyrastut-v-razy.html (data obrashcheniya 19.12.2018).] – (In Rus.).

4. On national goals and strategic tasks of development of the Russian Federation for the period up to 2024 [electronic resource]: the Decree of the President of the Russian Federation dated May 07, 2018 № 204 // RLS ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru (date of reference 19.12.2018) [O natsional'nykh tselyakh i strategicheskikh zadachakh razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2024 goda [elektronnyy resurs]: Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 07 maya 2018 g. № 204 // SPS Konsul'tantPlyus. URL: http://www.consultant.ru (data obrashcheniya 19.12.2018)] – (In Rus.).

5. Nodelman V. Results of the year of ecology: "It will not be possible to stop" [electronic resource] // News – Society, 2018. URL: https://iz.ru/688601/valeriia-nodelman/itogi-goda-ekologii-ostanovitsia-uzhe-ne-poluchitsia (date of reference 19.12.2018) [Nodel'man V. Itogi Goda ekologii: «Ostanovit'sya uzhe ne poluchitsya» [elektronnyy resurs] // Izvestiya – Obshchestvo, 2018. URL: https://iz.ru/688601/valeriia-nodelman/itogi-goda-ekologii-ostanovitsia-uzhe-ne-poluchitsia (data obrashcheniya 19.12.2018).] – (In Rus.).

6. The year of ecology: unofficial results [electronic resource] // plus-one, 2018. URL:http://plus-one.rbc.EN/god-ecologii/ (date of reference 19.12.2018) [God ekologii:

neofitsial'nye itogi [Elektronnyy resurs] // plus-one, 2018. URL:http://plus-one.rbc.ru/god-ecologii/ (data obrashcheniya 19.12.2018 g.).] – (In Rus.).

7. On the Federal special purpose program "Improvement of an ecological situation and the population of Orenburg region in 1996-2000" [electronic resource]: Resolution of the Government of the Russian Federation dated July 08, 1996 № 658. // RLS ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru (date of reference 19.12.2018) [O federal'noy tselevoy programme "Ozdorovlenie ekologicheskoy obstanovki i naseleniya Orenburgskoy oblasti v 1996-2000 godakh" [elektronnyy resurs]: Postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 08 iyulya 1996 g. №658. // SPS Konsul'tantPlyus. http://www.consultant.ru (data obrashcheniya 19.12.2018)]. – (In Rus.)

8. Chernogayeva G. M. Review of the state and pollution of the environment in the Russian Federation for 2017 [electronic resource] // Federal service for hydrometeorology and environmental monitoring (Roshydromet), 2018. URL: http://www.meteorf.ru/ product/infomaterials/90/ (date of reference 19.12.2018) [Chernogaeva G. M. Obzor sostoyaniya i zagryazneniya okruzhayushchey sredy v Rossiyskoy Federatsii za 2017 god [elektronnyy resurs] // Federal'naya sluzhba po gidrometeorologii i monitoringu okruzhayushchey sredy (Rosgidromet), 2018. URL: http://www.meteorf.ru/ product/infomaterials/90/ (data obrashcheniya 19.12.2018).] – (In Rus.).

9. Tagayeva T. O. Environmental situation and environmental policy in the regions of Russia [electronic resource] // Economy of the region. 2016. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskaya-situatsiya-i-prirodoohrannaya-politika-v-regionah-rossii (date of reference: 11.03.2019) [Tagaeva T. O. Ekologicheskaya situatsiya i prirodookhrannaya politika v regionakh Rossii [elektronnyy resurs] // Ekonomika regiona. 2016. №1. URL: https://cyberleninka.ru/ article/n/ekologicheskaya-situatsiya-i-prirodoohrannaya-politika-v-regionah-rossii (data obrashcheniya: 11.03.2019).] – (In Rus.).

10. On the state and environmental protection of the Russian Federation in 2017 [electronic resource]: State report. Official website of the Ministry of Natural Resources and Ecology of the Russian Federation. URL: http://www.mnr.gov.ru/docs/gosudarstvennye_doklady (date of reference 19.02.2019) [O sostoyanii i ob okhrane okruzhayushchey sredy Rossiyskoy Federatsii v 2017 godu [elektronnyy resurs]: Gosudarstvennyy doklad. Ofitsial'nyy sayt Ministerstva prirodnykh resursov i ekologii Rossiyskoy Federatsii. URL: http://www.mnr.gov.ru/docs/gosudarstvennye_doklady (data obrashcheniya 19.02.2019).] – (In Rus.).

11. Nodelman V. Russia produces more and more household waste [electronic resource] // News-Society, 2018. URL: https://iz.ru/723299/valeriia-nodelman/sor-v-izbu (date of reference 19.12.2018) [Nodel'man V. Rossiya proizvodit vse bol'she kommunal'nykh otkhodov [Elektronnyy resurs] // Izvestiya – Obshchestvo, 2018. URL: https://iz.ru/723299/valeriia-nodelman/sor-v-izbu (data obrashcheniya 19.12.2018).] – (In Rus.).

12. Lindell D. Public rally by local residents against the landfill “Yadrovo” began in Volokolamsk [electronic resource] // RBC 2018. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5ad1ba479a794707635fa03a (date of reference 19.12.2018) [Lindell D. V Volokolamske nachalsya miting mestnykh zhiteley protiv poligona «Yadrovo» [Elektronnyy resurs] // RBK, 2018. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5ad1ba479a794707635fa03a (data obrashcheniya 19.12.2018).] – (In Rus.).

13. Alekseyeva N. N. Russia's place in global environmental rankings [electronic resource]: presentation at ECOTECH ' 17 International exhibition and forum, 2018. URL: https://ecostandardgroup.ru/about/korporativnaya-otvetstvennost/rating/Место_ России_в_глобальных. Н.Н_Алексеева.pdf (date of reference 19.12.2018) [Alekseeva N. N. Mesto Rossii v global'nykh ekologicheskikh reytingakh [Elektronnyy resurs]: prezentatsiya na Ekotekh’17 Mezhdunarodnuyu vystavku-forum, 2018. URL: https://ecostandardgroup.ru/about/korporativnaya-otvetstvennost/rating/Mesto_Rossii_v_global'nykh.N.N_Alekseeva.pdf (data obrashcheniya: 19.12.2018).] – (In Rus.).

14. Ecological rating of subjects of the Russian Federation [electronic resource]: All-Russian public organization «Green patrol». Official site. URL: http://greenpatrol.ru/ru/stranica-dlya-obshchego-reytinga/ekologicheskiy-reyting-subektov-

rf?tid=338&sid=2102 (date of reference 19.12.2018) [Ekologicheskiy reyting sub"ektov Rossiyskoy Federatsii [Elektronnyy resurs]: Obshcherossiyskaya obshchestvennaya organizatsiya «Zelenyy patrul'». Ofitsial'nyy sayt. URL: http://greenpatrol.ru/ru/stranica-dlya-obshchego-reytinga/ekologicheskiy-reyting-subektov-rf?tid=338&sid=2102 (data obrashcheniya: 19.12.2018).] – (In Rus.).

15. Ecological rating of Russian cities [electronic resource]: All-Russia People's Front Official website. URL: https://onf.ru/2017/11/21/onf-i-minprirody-predstavili-ekologicheskiy-reyting-rossiyskih-gorodov/ (date of reference 04.03.2018) [Ekologicheskiy reyting rossiyskikh gorodov [Elektronnyy resurs]: Obshcherossiyskiy narodnyy front Ofitsial'nyy sayt. URL: https://onf.ru/2017/11/21/onf-i-minprirody-predstavili-ekologicheskiy-reyting-rossiyskih-gorodov/ (data obrashcheniya: 04.03.2018).] – (In Rus.).

16. The concept of environmental safety of Sverdlovsk region for the period up to 2020 [electronic resource]: Resolution of the Government of Sverdlovsk region dated July 28, 2009 № 865-PP. // RLS ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru (date of reference 04.03.2018) [Kontseptsiya ekologicheskoy bezopasnosti Sverdlovskoy oblasti na period do 2020 goda [elektronnyy resurs]: Postanovlenie Pravitel'stva Sverdlovskoy oblasti ot 28 iyulya 2009 g. № 865–PP. // SPS Konsul'tantPlyus. URL: http://www.consultant.ru (data obrashcheniya 04.03.2018)] – (In Rus.).

17. On the state and environmental protection of Sverdlovsk region in 2010 [electronic resource]: Public report. Official website of the Ministry of Natural Resources and Ecology of Sverdlovsk region. URL: http://www.mprso.ru/gosudarstvennye-doklady-o-sostoyanii-i-ob-ohrane-okruzhaiushei-sredy-sverdlovskoi-oblasti (date of reference 04.03.2018) [O sostoyanii i ob okhrane okruzhayushchey sredy Sverdlovskoy oblasti v 2010 godu [Elektronnyy resurs]: Gosudarstvennyy doklad. Ofitsial'nyy sayt Ministerstva prirodnykh resursov i ekologii Sverdlovskoy oblasti. URL: http://www.mprso.ru/gosudarstvennye-doklady-o-sostoyanii-i-ob-ohrane-okruzhaiushei-sredy-sverdlovskoi-oblasti (data obrashcheniya 04.03.2018).] – (In Rus.).

18. On the state and environmental protection of Sverdlovsk region in 2015 [electronic resource]: Public report. Official website of the Ministry of Natural Resources and Ecology of Sverdlovsk region. URL: http://www.mprso.ru/gosudarstvennye-doklady-o-sostoyanii-i-ob-ohrane-okruzhaiushei-sredy-sverdlovskoi-oblasti (date of reference 04.03.2018) [O sostoyanii i ob okhrane okruzhayushchey sredy Sverdlovskoy oblasti v 2015 godu [Elektronnyy resurs]: Gosudarstvennyy doklad. Ofitsial'nyy sayt Ministerstva prirodnykh resursov i ekologii Sverdlovskoy oblasti. URL: http://www.mprso.ru/gosudarstvennye-doklady-o-sostoyanii-i-ob-ohrane-okruzhaiushei-sredy-sverdlovskoi-oblasti (data obrashcheniya 04.03.2018).] – (In Rus.).

19. On the state and environmental protection of Sverdlovsk region in 2016 [electronic resource]: State report. Official website of the Ministry of Natural Resources and Ecology of Sverdlovsk region. URL: http://www.mprso.ru/gosudarstvennye-doklady-o-sostoyanii-i-ob-ohrane-okruzhaiushei-sredy-sverdlovskoi-oblasti (date of reference 04.03.2018) [O sostoyanii i ob okhrane okruzhayushchey sredy Sverdlovskoy oblasti v 2016 godu [Elektronnyy resurs]: Gosudarstvennyy doklad. Ofitsial'nyy sayt Ministerstva prirodnykh resursov i ekologii Sverdlovskoy oblasti. URL: http://www.mprso.ru/gosudarstvennye-doklady-o-sostoyanii-i-ob-ohrane-okruzhaiushei-sredy-sverdlovskoi-oblasti (data obrashcheniya 04.03.2018).] – (In Rus.).

20. On the state and environmental protection of Sverdlovsk region in 2017 [electronic resource]: State report. Official website of the Ministry of Natural Resources and Ecology of Sverdlovsk region. URL: http://www.mprso.ru/gosudarstvennye-doklady-o-sostoyanii-i-ob-ohrane-okruzhaiushei-sredy-sverdlovskoi-oblasti (date of reference 19.12.2018) [O sostoyanii i ob okhrane okruzhayushchey sredy Sverdlovskoy oblasti v 2017 godu [Elektronnyy resurs]: Gosudarstvennyy doklad. Ofitsial'nyy sayt Ministerstva prirodnykh resursov i ekologii Sverdlovskoy oblasti. URL: http://www.mprso.ru/gosudarstvennye-doklady-o-sostoyanii-i-ob-ohrane-okruzhaiushei-sredy-sverdlovskoi-oblasti (data obrashcheniya 19.12.2018).] – (In Rus.).

21. On the Federal special purpose program "Clean water" for 2011 – 2017 [electronic resource]: Resolution of the Government of the Russian Federation of December 22, 2010 № 1092 // RLS ConsultantPlus. URL:

http://www.consultant.ru (date of reference 19.12.2018) [O federal'noy tselevoy programme «Chistaya voda» na 2011–2017 gody [elektronnyy resurs]: Postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 22 dekabrya 2010 g. №1092 // SPS Konsul'tantPlyus. URL: http://www.consultant.ru (data obrashcheniya 19.12.2018)] – (In Rus.).

22. Oshurkova I. O. To be on red // Russian Newspaper – Economy of the Ural Federal district № 7472 (9) 2018. P. 9-14 [Oshurkova I.O. Postavili na krasnoe // Rossiyskaya gazeta – Ekonomika URFO №7472 (9) 2018. S. 9-14.] – (In Rus.).

23. Pakhalchak G. Yu. Improvement of economic mechanisms for the elimination of previously accumulated environmental damage // Environmental and technosphere safety of mining regions: Proceedings of V International scientific and practical conference. Ekaterinburg, 2017 [Pakhal'chak G.Yu. Sovershenstvovanie ekonomicheskikh mekhanizmov likvidatsii ranee nakoplennogo ekologicheskogo ushcherba// Ekologicheskaya i tekhnosfernaya bezopasnost' gornopromyshlennykh regionov: trudy V Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Ekaterinburg, 2017.] – (In Rus.).

24. On the regional budgetary performance for 2017 [electronic resource]: Law of Sverdlovsk region dated June 05, 2018 N 58-OL // RLS ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru (date of reference 19.12.2018) [Ob ispolnenii oblastnogo byudzheta za 2017 god [elektronnyy resurs]: Zakon Sverdlovskoy oblasti ot 05 iyunya 2018 g. N 58-OZ. // SPS Konsul'tantPlyus. URL: http://www.consultant.ru (data obrashcheniya 19.12.2018)] – (In Rus.).

25. Results of III All-Russian Congress "Industrial ecology of regions" [electronic resource]: Russian Forum Rospromexpo. Official website. URL: http://ural-rospromeco.com/ (date of reference 19.12.2018) [Itogi III Vserossiyskogo Kongressa «Promyshlennaya ekologiya regionov» [Elektronnyy resurs]: Rossiyskiy forum Rospromekspo. Ofitsial'nyy sayt. URL: http://ural-rospromeco.com/ (data obrashcheniya: 19.12.2018).] – (In Rus.).

26. Drive “Forest of Victory” [electronic resource]: All-Russian environmental social movement "Green Russia". Official website. URL: http://genyborka.ru/ (date of reference 19.12.2018) [Aktsiya «Les pobedy» [Elektronnyy resurs]: Obshcherossiyskoe ekologicheskoe obshchestvennoe dvizhenie «Zelenaya Rossiya». Ofitsial'nyy sayt. URL: http://genyborka.ru/ (data obrashcheniya: 19.12.2018).] – (In Rus.).

27. Voluntary Saturday work “Green Russia” [electronic resource]: All-Russian environmental social movement "Green Russia". Official website. URL: http://genyborka.ru/ (date of reference 19.12.2018) [Subbotnik «Zelenaya Rossiya» [Elektronnyy resurs]: Obshcherossiyskoe ekologicheskoe obshchestvennoe dvizhenie «Zelenaya Rossiya». Ofitsial'nyy sayt. URL: http://genyborka.ru/ (data obrashcheniya: 19.12.2018).] – (In Rus.).

28. On the approval of the list of actions for preparation and carrying out a Year of specially protected natural territories in Sverdlovsk region in 2017 [electronic resource]: Decree of the Ministry of Natural Resources and Ecology of Sverdlovsk region dated October 01, 2015 № 859 // RLS ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru (date of reference 19.12.2018) [Ob utverzhdenii Perechnya meropriyatiy po podgotovke i provedeniyu v Sverdlovskoy oblasti v 2017 godu Goda osobo okhranyaemykh prirodnykh territoriy [elektronnyy resurs]: Prikaz Ministerstva prirodnykh resursov i ekologii Sverdlovskoy oblasti ot 01 oktyabrya 2015 № 859. // SPS Konsul'tantPlyus. http://www.consultant.ru (data obrashcheniya 19.12.2018)] – (In Rus.).

29. On performance evaluation of chief executives (Senior Government Officials) of the subjects of the Russian Federation and the activities of Executive bodies of the subjects of the Russian Federation [electronic resource]: Presidential Decree № 193 dated April 25, 2019. // RLS ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru (date of reference 19.12.2018) [Ob otsenke effektivnosti deyatel'nosti vysshikh dolzhnostnykh lits (rukovoditeley vysshikh ispolnitel'nykh organov gosudarstvennoy vlasti) sub"ektov Rossiyskoy Federatsii i deyatel'nosti organov ispolnitel'noy vlasti sub"ektov Rossiyskoy Federatsii [elektronnyy resurs]: Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 25 aprelya 2019 №193. // SPS Konsul'tantPlyus. URL: http://www.consultant.ru (data obrashcheniya 19.12.2018)] – (In Rus.).

ВОПРОСЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ СБЫТА ПРЕДПРИЯТИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СТРОИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ

УДК [338.45:691]:339.138 *ГСНТИ 06.81.55*
ББК 65.305.6-32 *Код ВАК 08.00.05*
DOI: 10.22394/2304-3369-2019-3-170-178

М. В. Шишкин
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Екатеринбург, Россия

АННОТАЦИЯ: В настоящее время для многих промышленных предприятий становится важным вопрос повышения эффективности сбыта. Так как эффективная и многоуровневая концепция стратегического управления сбытом приносит производственному предприятию значительное увеличение объема продаж, стабильный рост дохода и уверенное положение на конкурентном рынке. Предметом исследования выступают вопросы эффективности сбыта предприятия промышленности строительных материалов. Целью статьи является проведение анализа эффективности сбыта промышленного предприятия ООО «МАН Групп», которое занимается производством и продажей бетонов различных марок на территории Свердловской области. Для проведения анализа эффективности сбыта в работе на основе актуальной статистической информации рассчитаны специальные показатели.

Полученные в ходе анализа результаты ООО «МАН Групп» демонстрируют повышение спроса на продукцию и повышение эффективности стратегии управления сбытом. Так в в 2017 году объем реализации продукции вырос на 6841 тыс.руб. против 2017 года. На 1 сотрудника отдела сбыта и производственного отедела приходится в 2017 году 11363,2 тыс. руб. реализованной продукции, что на 3599,3 тыс. руб. больше чем в 2015 году. В 2017 году было заключено 523 контракта, из них 505 успешно выполнены. Коэффициент оборачиваемости запасов сократился на 1,1 п.п., а период оборачиваемости увеличился на 2 дня, что свидетельствует об эффективной работе отдела сбыта.

Автором выявлены ключевые проблемы, влияющие на эффективность сбытовой деятельности промышленного предприятия. Сформулированные на основании этого рекомендации могут найти применение в деятельности предприятия, что позволит разрабатывать эффективную стратегию, усовершенствовать контроль при спаде продаж, контроль выполнения планов сбыта, сформировать базы данных покупателей, осуществить грамотную политику ценообразования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: сбытовая деятельность промышленного предприятия; ассортиментная политика; разработка эффективной стратегии сбыта; стратегическое управление сбытовой деятельностью.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Михаил Владимирович Шишкин, ассистент, Уральский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, 66, fresor@list.ru

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Шишкин М. В. Вопросы эффективности сбыта предприятия промышленности строительных материалов // Вопросы управления. 2019. № 3 (39). С. 170—178.

© М. В. Шишкин, 2019

На сегодняшний день главным средством, определяющим результаты и эффективность деятельности любой организации, является эффективная система сбытовой деятельности, включающая в себя как основные взаимодействующие между собой элементы, так и методы, на основе которых происходит организация сбыта на промышленных предприятиях. Возрастающая конкуренция глобальных производителей

различных товаров и услуг требует от предприятий переориентации производственной деятельности на удовлетворение потребностей основных заказчиков, своевременного реагирования на запросы потребительского рынка, а также эффективного взаимодействия с внутренними и внешними контрагентами.

Общие вопросы использования основ стратегического управления с целью достижения целей предприятий в области сбыта товаров или услуг подробно описаны в работах А. П. Панкрухина и В. И. Степанова. Вопросы относительно сбыта, а также модернизации сбытовой политики предприятий освещены в трудах таких известных российских ученых, как В. В. Бурцев, В. С. Демидов.

В исследованиях М. Джеффри и Ф. Котлера описан зарубежный опыт решения проблем стимулирования сбытовой деятельности предприятий, который можно использовать, адаптируя его к российским условиям. Свои методики, имеющие узкую направленность в отношении изучения сбытовой политики промышленных предприятий, предложил В. П. Пилипчук.

По мнению английского специалиста в сфере сбытовой политики Г. Дж. Болта, «сбытовую деятельность можно определить следующим образом: персонифицированный, непосредственный и двухсторонний процесс осуществления контактов и убеждения с целью достижения определенных результатов и прежде всего увеличения продажи продукции на определенном сегменте рынка».

Представленное определение является достаточно полным и раскрывается сущность сбытовой деятельности промышленного предприятия.

Сбытовая деятельность промышленного предприятия представляет собой процесс нацеливания производства на удовлетворение платежеспособного спроса покупателей и качество продукции, маркетинговый процесс по поддержанию и формированию спроса на продукцию предприятия, организация эффективных каналов распределения. Эффективная система управления сбытом приносит промышленному предприятию увеличение объема продаж, рост прибыли и стабильность компании на рынке. Именно система управления сбытом решает как стратегические, так и тактические задачи.

На эффективность сбытовой деятельности предприятия значительное влияние оказывает экономически грамотно организованная система движения товарной массы от производителя в розничную торговую сеть через каналы товародвижения, то есть система сбыта.

В настоящее время продажа промышленной продукции становится проблемным процессом для многих предприятий. В первую очередь для промышленного покупателя важно, чтобы покупаемый им товар соответствовал его требованиям и выполнял свои основные функции. Так же для потребителя большое значение имеет цена данного товара. Если, например, цена будет слишком высокой, то вероятность того, что у вас купят этот товар, будет минимальной. А если цена на товар, наоборот, будет слишком низкой, то у потребителей появятся дополнительные вопросы к его качеству.

В начале 2011 году было проведено маркетинговое исследование рынка готовых бетонных смесей в г. Екатеринбурге и Свердловской области. В результате было выявлено, что существующие компании на тот момент не могли полностью обеспечить потребность в готовых бетонных смесях строительных площадок города Екатеринбурга и Свердловской области.

В мае 2011 года была открыта компания ООО «МАН Групп». В настоящее время она является одним из лидеров рынка по производству бетонов и растворов в Екатеринбурге. За все время работы было произведено более 150 000 тыс. м3 бетона.

На сегодняшний день, сбытовая деятельность и распределение товаров являются необходимой сферой функционирования промышленного предприятия ООО «МАН Групп» и включают в себя ряд операций: распределение, транспортировка и хранение товаров, контакты с покупателями и посредниками с целью их продажи, доработку, продвижение к оптовым и розничным торговым звеньям.

В настоящее время важным для производственного предприятия является анализ эффективности сбытовой деятельности. Это связано с тем, что именно в этой сфере формируются конечные результаты деятельности.

Для оценки эффективности стретегии управления сбытом на предприятии проанализируем ряд показателей (таблица 1).

По данным таблицы 1 можно сделать вывод, что в 2017 году объем реализации продукции вырос на 6841 тыс. руб. против 2017 года. На 1 сотрудника отдела сбыта и производственного отедела проходится в 2017 году 11363,2 тыс. руб. реализованной продукции, что на 3599,3 тыс. руб. больше чем в 2015 году.

В 2017 году было заключено 523 контракта, из них 505 успешно выполнены. Коэффициент оборачиваемости запасов сократился на 1,1 п.п., а период оборачиваемости увеличился на 2 дня, что свидетельствует об эффективной работе отдела сбыта.

Для того чтобы оценить, насколько эффективна стратегия управления сбыта, проанализируем показатели эффективности ассортиментной политики предприятия. Для этого необходимо проанализировать актуальность продуктов компании, исходя из их положения на рынке относительно роста рынка данной продукции и занимаемой выбранной для анализа компанией доли на рынке. Для этого воспользуемся матрицей Бостонской консалтинговой группы (БКГ). В ее основу заложены две концепции: темп роста рынка (вертикальная ось) и относительная доля рынка (горизонтальная ось). Для того чтобы составить матрицу БКГ, рассмотрим параметры, характеризующие направления, необходимые для отражения в оси координат.

Прежде всего, проанализируем объем продаж продукции у ООО «МАН Групп» и его основного конкурента ООО «Урал Бетон». Далее в таблице 3 рассчитаем относительную долю рынка продукции ООО «МАН Групп».

Таблица 1

Показатели эффективности стратегии управления сбытом на предприятии ООО «МАН Групп» за 2015-2017 гг.

Показатели	2015	2016	2017	2017/2015, +/-	2017/2015, %
Объем реализованной продукции, тыс.руб.	186334	190003	193175	6841	103,7
Всего сотрудников, занимающихся сбытом продукции, чел.	24	23	17	-7	70,8
Запасы готовой продукции, тыс.руб.	13569	14996	15265	1696	112,5
Количество заключенных контрактов, шт.	510	518	523	13	102,5
Число полностью выполненных контрактов, шт.	489	498	505	16	103,3
Коэффициент оборачиваемости запасов готовой продукции	13,7	12,7	12,6	-1,1	92,0
Период оборачиваемости запасов, дней	26	28	28	2	107,7
Объем реализованной продукции на 1 сотрудника отдела сбыта и производственного отдела, тыс.руб.	7763,9	8261,0	11363,2	3599,3	146,4

Таблица 2

Объем продаж продукции, руб.

Наименование	ООО «МАН Групп»	«Урал Бетон»
СХП 1 – бетон	151256	80235
СХП 2 – раствор на отсеве	41919	26562

Таблица 3

Оценка относительной доли рынка СХП

Наименование	Объем продаж, руб.	Объем продаж у конкурента, руб.	Относительная доля рынка	Темп роста рынка
СХП 1 – бетон	151256	80235	1,8	13%
СХП 2 – раствор на отсеве	41919	26562	1,5	7%

Далее на рисунке 1 построим матрицу БКГ для ООО «МАН Групп».

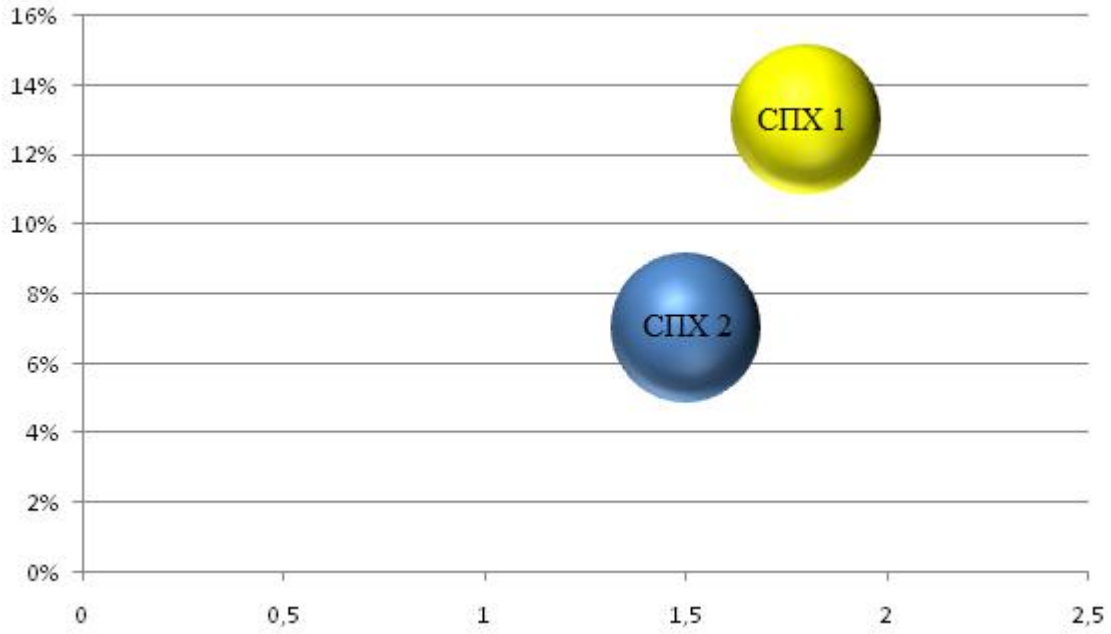

Рисунок 1 – Матрица БКГ для ООО «МАН Групп»

Итак, исходя из полученных данных можно заключить, что из всех видов продукции, реализуемых ООО «МАН Групп», наибольшую долю на рынке занимает производство бетона, он же и больше всего пользуется спросом.

Далее распределим рассмотренные категории продукции предприятия на виды в зависимости от значимости для предприятия.

«Звезды» – СХП 1–бетон. В компании есть такие категории – и это плюс. «Звезды» приносят очень большую прибыль. Но, несмотря на привлекательность данного товара, чисто денежный доход от него достаточно низок, так как требует существенных инвестиций для обеспечения высокого темпа роста.

«Дойные коровы» – СХП 2 – раствор на отсеве. Приносит неплохую прибыль, которую можно использовать для финансирования других продуктов.

«Мертвый груз» не обнаружен.

Таким образом, необходимо как можно больше вкладывать средств в развитие и продвижение раствора на отсеве.

Следующим элементом товарной политики предприятия является анализ жизненного цикла продукта. Эта модель отражает реакцию рынка на товар во времени с точки зрения изменений моды, вкусов, стиля, технического прогресса, психологического старения. Концепция жизненного цикла позволяет маркетологам вовремя увидеть изменение потребностей потребителя и скорректировать комплекс маркетинга, а также проанализировать товарный ассортимент и сбалансировать продуктовый портфель фирмы.

1 – бетон

2 – раствор на отсеве.

1. Этап роста. Сбыт увеличивается, подключается раннее большинство потребителей, растёт число конкурентов, цены немного снижаются. Затраты на стимулирование сбыта, как правило, увеличиваются, чтобы противодействовать конкурентам. Прибыль растёт, так как издержки на стимулирование сбыта приходятся на больший объём продаж и одновременно сокращаются издержки производства. Предприятию желательно максимально продлить период роста. Для этого можно использовать следующие стратегические подходы: повысить качество товаров и расширить ассортимент; освоить новые сегменты рынка; использовать новые каналы сбыта; переориентировать рекламу с информации о товаре на стимулирование приобретения; вовремя снизить цены, чтобы привлечь дополнительных потребителей. К такому товару относится – раствор на отсеве.

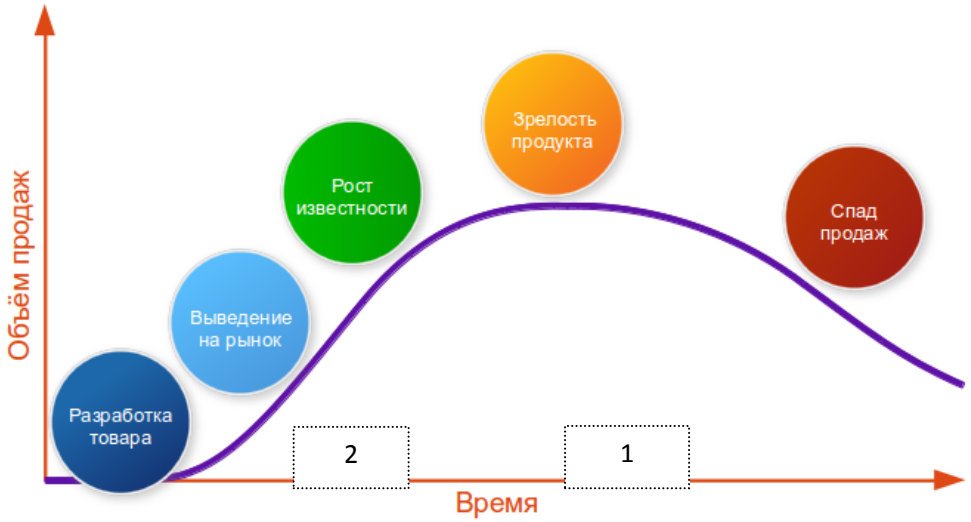

Рисунок 2 – Этапы жизненного цикла

2. Этап зрелости. Большинство товаров, существующих на рынке, находятся на этапе зрелости. Замедление темпов роста объёмов продаж на этапе зрелости ведёт к обострению конкуренции и уходу с рынка более слабых производителей; росту расходов на рекламу; увеличению затрат на исследование и разработку модифицированных товаров и в итоге к снижению прибыли. На данном этапе предприятие может использовать следующие стратегии: улучшить качество товара; его свойства; внешнее оформление; разработать и провести широкую рекламную кампанию; снизить цены; применить стимулирование сбыта (скидки, купоны, сувениры, конкурсы); использовать самые популярные каналы сбыта; предложить сопутствующие услуги. К такому товару относят – производство бетона.

Одними из важных показателей эффективности деятельности предприятия являются показатели рентабельности.

Проанализируем показатели рентабельности в таблице 4. Из таблицы видно, что в 2017 году рентабельность продаж увеличилась на 0,8% против 2015 года. Рентабельность продукции также увеличивается с каждым годом, в 2017 году она увеличилась на 1%.

Из рисунка 3 видно, что все показатели рентабельности имеют тенденцию роста, что свидетельствует о повышении спроса на продукцию и повышении эффективности стратегии управления сбытом.

Таким образом, можно сделать вывод, что сбытовая деятельность является одной из главных подсистем функционирования ООО «МАН Групп». Она оказывает прямое влияние на экономический эффект от деятельности предприятия, ограничивает рост себестоимости реализуемой продукции, сокращает сроки выполнения заказов.

Основываясь на проведенных выше исследованиях, можем рекомендовать предприятию ООО «МАН Групп» формировать ассортимент выпускаемой продукции более глубоким, также усовершенствовать систему сбыта, а именно: разрабатывать эффективную стратегию, усовершенствовать контроль при спаде продаж, контроль выполнения планов сбыта, сформировать базы данных покупателей, осуществить грамотную политику ценообразования.

В свою очередь предприятию ООО «МАН Групп» целесообразно обновить производственное и торговое оборудование и повысить уровень сервиса.

Таблица 4

Показатели рентабельности ООО «МАН Групп» за 2015-2017 гг., %

Показатели	2015	2016	2017	2017/2016, +/-	2017/2015, +/-
Рентабельность продаж	12,1	12,1	12,9	0,8	0,8
Рентабельность продукции	6,7	6,8	7,7	0,9	1
Рентабельность затрат	5,3	5,6	6,2	0,6	0,9
Экономическая рентабельность	8,9	9,5	10,2	0,7	1,3

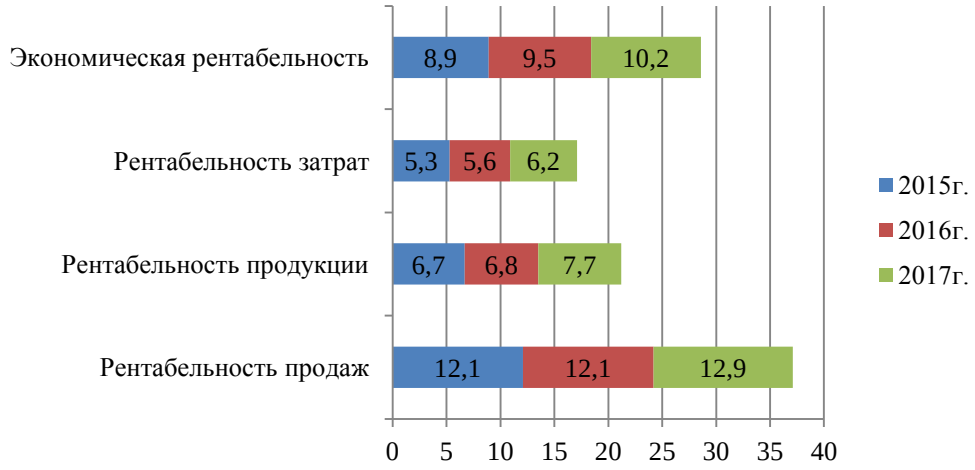

Рисунок 3 – Показатели рентабельности ООО «МАН Групп» за 2015-2017 гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акулич И. Л. Маркетинг: практикум. Учеб. пособие / И. Л. Акулич. – Минск: Вышэйшая школа, 2015.
2. Арбенина Т.И. Экономика и управление предприятием: учебное пособие / Т.И. Арбенина, Г.П. Бутко, В.Ж. Дубровский. – Екатеринбург: изд-во Урал. гос. экон. ин-та, 2015.
3. Аузан А.А. Модернизация как проблема: в поисках национальной формулы // Журнал Новой экономической ассоциации. 2017. № 7. С. 136–137.
4. Болт Г.Дж. Практическое руководство по управлению сбытом. – М.: Экономика, 2014.
5. Боровских Н.В. Формирование и развитие конкурентных стратегий субъектов хозяйствования производственного комплекса: Автореф. дис. ... докт. экон. наук. – Екатеринбург, 2015.
6. Бреусова Е.А., Смирнова Е.В. Сбытовая политика в деятельности современной организации // Концепт: научно-методический электронный журнал. 2016. Т. 17. С. 203–206.
7. Бурцев В.В. Сбытовая и маркетинговая деятельность. Типовые должностные инструкции, внутрифирменные документы / В.В. Бурцев. – М.: Экзамен, 2015..
8. Бурцев В.В. Совершенствование системы управления сбытом продукции // Маркетинг в России и за рубежом. 2016. № 6. С.24–26
9. Вертакова Ю.В. Развитие методов стратегического планирования сбытовой деятельности предприятия // Известия ЮЗГУ. 2015. № 4 (17). С. 33–40.
10. Виноградова С.Н. Организация и технологии торговли. / С.Н. Виноградова. – М.: Высшая школа, 2014.
11. Гаджинский А.М. Логистика: учебник для высших и средних специальных учебных заведений. – М.: Информационно-внедренческий центр «Маркетинг», 2013.
12. Гайдаенко Т. А. Маркетинговое управление. М.: Эксмо, 2015.
13. Голубин Е. Формирование и оптимизация каналов сбыта. – М.: Инфра-М, 2015.
14. Григорьев М. Н., Ткач В. В., Уваров С. А. Коммерческая логистика: теория и практика: учебник для бакалавров. М.: Юрайт, 2015.
15. Демидов В. С. Повышение эффективности управления сбытовой политики предприятия // Маркетинг, Реклама и Сбыт. 2015. № 3. С.32–33.
16. Демина Н. В. Содержание и методология исследования потребителей и потребительского поведения // Проблемы регионального развития России: экономико-правовые аспекты : материалы межвузовской научно-практической конференции. Пятигорск, 2015. С. 93–104.
17. Джеффри М. Маркетинг, основанный на данных. М.: МИФ, 2014.
18. Диксон П. Управление маркетингом. – М.: Бином, 2015.
19. Драгилева Л., Масленникова Е. Анализ динамики розничной торговли в Свердловской области // РИСК: Ресурсы, информация, снабжение, конкуренция. 2015. № 3–1. С. 77–82.

20. Драгилева Л.Ю., Масленникова Е.В., Худякова С.К. Развитие предпринимательства в розничной торговле // Интеграл. 2013. № 3. С. 128-129.

21. Дубинин Н.И., Демчук О.В. Проблемы формирования экономической политики производственно-сбытовой деятельности предприятия // Символ науки. 2017. №2. С. 50–52.

22. Иванова Н. В. Особенности управления сбытом продукции на производственном предприятии // Управление каналами дистрибуции. 2015. № 2. С. 114–128.

23. Иванова Н. В. Управление маркетингом на производственном предприятии / Н. В. Иванова, Е. Б. Васильченко, А. А. Карпова. Волгоград: Волгоградская ГСХА, 2015.

24. Кметь Е. Б. Маркетинговые коммуникации. Теория, практика, управление: учебник. – Саратов: Ай Пи Ар Букс, 2016.

25. Кметь Е. Б. Управление маркетингом: учебник / Е. Б. Кметь, А. Г. Ким. – Саратов: Вузовское образование, 2016.

26. Концевич Г. Е. К вопросу о зависимости системы управления предприятием от типа его организационной структуры // Экономика и управление: практические аспекты : материалы науч.-практ. конференции / Ин-т сервиса, туризма и дизайна (филиал) СКФУ в г. Пятигорске. 2015. С. 72–75.

27. Коргова М.А. К вопросу об ограничениях системы управления // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 11. С. 206–213.

28. Котлер Ф. Маркетинг менеджмент: пер. с англ. / Ф. Котлер. СПб.: Питер, 2016.

29. Крипак Е.М. Методы и модели формирования сбытовой стратегии предприятия / Е.М. Крипак. М.: Норма, 2017.

30. Кыштымова Е.А. Инструменты механизма внутрифирменного и стратегического планирования промышленных предприятий // Вестник ОрелГИЭТ. 2017. № 1 (27). С. 50–56.

EFFICIENCY CONSIDERATION OF THE COMPANY'S DISTRIBUTION OF THE BUILDING MATERIALS INDUSTRY

M.V. Shishkin
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Ekaterinburg, Russia

ABSTRACT: Currently, for many industrial enterprises, the issue of increasing the efficiency of sales becomes important, since an effective and multi-level concept of strategic sales management brings a significant increase in sales, stable income growth and a confident position in the competitive market. The issues of sales efficiency of the construction materials industry are the subject of the study. The purpose of the article is to analyze sales efficiency of the industrial enterprise "MAN Group", which is engaged in the production and sale of concretes of various brands in Sverdlovsk region. To analyze the efficiency of sales of industrial enterprises in "MAN Group" special indicators based on relevant statistical information are calculated in the work.

The results obtained during the analysis of LLC "MAN Group" demonstrate an increase in demand for products and increase of the efficiency of the sales management strategy. So in 2017, the volume of sales increased by 6841 thousand rubles compared to 2017. In 2017 11363,2 thousand roubles of sold products accrue to an employee of the Sales Department and Production Department that is 3599,3 thousand rubles more than in 2015. In 2017, 523 contracts were signed, of which 505 were successfully completed. The inventory turnover ratio decreased by 1.1 P. P. , and the turnover period increased by 2 days, which indicates the efficient work of the Sales Department.

The author identifies the key problems affecting the efficiency of marketing activities of an industrial enterprise. The recommendations formulated on the basis of this can be applied in the activities of the enterprise, which will allow to develop an effective strategy, improve control over the decline in sales, improve control over the implementation of sales plans, create a database of buyers, implement a competent pricing policy.

KEYWORDS: sales activity of industrial enterprise; assortment policy; development of efficient sales strategy; strategic management of sales activity.

AUTHORS' INFORMATION: Mikhail V. Shishkin, Assistant, Ural Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia),
66, 8 March st., Ekaterinburg, 620144, Russia, fresor@list.ru.

FOR CITATION: Shishkin M. V. Efficiency consideration of the company's distribution of the building materials industry // Management Issues. 2019. № 3 (39). P. 170—178.

REFERENCES

1. Akulich I. L. Marketing: practical course. Workbook // I. L. Akulich. – Minsk: Higher school, 2015 [Akulich I. L. Marketing: praktikum. Ucheb. posobie / I. L. Akulich. – Minsk: Vysheyshaya shkola, 2015.] – (In Rus.).

2. Arbenina T.I.. Economics and enterprise management. Workbook. / T. I. Arbenina, G. P. Butko, V. J. Dubrovsky – Ekb.: Ural State Institute of Economics. 2015 [Arbenina T.I. Ekonomika i upravlenie predpriyatiem: uchebnoe posobie. / T.I. Arbenina, G.P. butko, V.Zh. Dubrovskiy – Ekb.: Ural. gos. ekon. in-ta, 2015.] – (In Rus.).

3. Auzan A. A. Modernization as a problem: in search of a national formula // Journal of the New Economic Association. 2017. № 7. P. 136-137 [Auzan A.A. Modernizatsiya kak problema: v poiskakh natsional'noy formuly // Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii. 2017. № 7. S. 136–137.] – (In Rus.).

4. Bolt G. J. Practical sales management. - M.: Economics, 2014 [Bolt G.Dzh. Prakticheskoe rukovodstvo po upravleniyu sbytom.– M.: Ekonomika, 2014.] – (In Rus.).

5. Borovskikh N.V. Formation and development of competitive strategies for economic entities of the industrial complex: extended abstract of Doctor Sci. Dissertation (Economics) – Ekaterinburg, 2015 [Borovskikh N.V. Formirovanie i razvitie konkurentnykh strategiy sub"ektov khozyaystvovaniya proizvodstvennogo kompleksa: Avtoref. dis. ... dokt. ekon. nauk. – Ekaterinburg, 2015.] – (In Rus.).

6. Breusova E. A., Smirnova E. V. Marketing policy in the activities of a modern organization // Scientific and methodical electronic journal "Concept". 2016. V. 17. P. 203-206 [Breusova E.A., Smirnova E.V. Sbytovaya politika v deyatel'nosti sovremennoy organizatsii // Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal «Kontsept». 2016. T. 17. S. 203–206.] – (In Rus.).

7. Burtsev V. V. Sales and marketing activities. Standard job descriptions, internal documents // V. V. Burtsev. – M.: Exam, 2015 [Burtsev V.V. Sbytovaya i marketingovaya deyatel'nost'. Tipovye dolzhnostnye instruktsii, vnutrifirmennye dokumenty / V.V. Burtsev. – M.: Ekzamen, 2015.] – (In Rus.).

8. Burtsev V. V. Improvement of sales management system // Marketing in Russia and abroad. 2016. № 6. P. 24-26 [Burtsev V.V. Sovershenstvovanie sistemy upravleniya sbytom produktsii // Marketing v Rossii i za rubezhom. 2016. №6. S.24-26] – (In Rus.).

9. Vertakova Yu. V. Development of strategic planning methods of marketing activities of enterprises // News of SWSU, 2015. № 4 (17). P. 33–40 [Vertakova Yu.V. Razvitie metodov strategicheskogo planirovaniya sbytovoy deyatel'nosti predpriyatiya // Izvestiya YuZGU, 2015. № 4 (17). S. 33 – 40.] – (In Rus.).

10. Vinogradova S. N. Trade organization and technologies. // S. N. Vinogradov, Moscow: Higher School, 2014 [Vinogradova S.N. Organizatsiya i tekhnologii torgovli. – M.: Vysshaya shkola, 2014.] – (In Rus.).

11. Gadzhinsky A. M. Logistics: textbook for higher and secondary special educational institutions. M.: Information-innovation center "Marketing", 2013 [Gadzhinskiy A.M. Logistika: uchebnik dlya vysshikh i srednikh spetsial'nykh uchebnykh zavedeniy. – M.: Informatsionno-vnedrencheskiy tsentr «Marketing», 2013.] – (In Rus.).

12. Gaidayenko T. A. Marketing management // T. A. Gaidayenko. M.: Eksmo, 2015 [Gaydaenko T.A. Marketingovoe upravlenie / T.A. Gaydaenko. M.: Eksmo, 2015] – (In Rus.).

13. Golubin E. Formation and optimization of distribution channels. // E. Golubin-M.: Infra-M, 2015 [Golubin E. Formirovanie i optimizatsiya kanalov sbyta. / E. Golubin – M.: Infra-M, 2015.] – (In Rus.)..

14. Grigoriyev M. N., Tkach V. V., Uvarov S. A. Commercial logistics: theory and practice: textbook for bachelors. M.: Yurayt, 2015 [Grigor'ev M.N., Tkach V.V., Uvarov S.A. Kommercheskaya logistika: teoriya i praktika: uchebnik dlya bakalavrov. M.: Yurayt, 2015.] – (In Rus.).

15. Demidov V. S. Increase of efficiency of marketing policy management of the enterprise // Marketing, advertising and sale. 2015. № 3. P. 32–33 [Demidov V.S. Povyshenie

effektivnosti upravleniya sbytovoy politiki predpriyatiya // Marketing, Reklama i Sbyt. 2015. № 3. S.32–33.] – (In Rus.).

16. Demina N. V. Content and methodology of consumer research and consumer behavior // Problems of regional development of Russia: economic and legal aspects. Materials of inter-university scientific and practical conference. Pyatigorsk, 2015. P. 93-104 [Demina N.V. Soderzhanie i metodologiya issledovaniya potrebiteley i potrebitel'skogo povedeniya // Problemy regional'nogo razvitiya Rossii: ekonomiko-pravovye aspekty. Materialy mezhvuzovskoy nauchno-prakt. konferentsii. Pyatigorsk, 2015. S. 93-104.] – (In Rus.).

17. Jeffrey M. Market-based management. M.: MYTH, 2014 [Dzheffri M. Marketing, osnovannyy na dannykh. M.: MIF, 2014.] – (In Rus.).

18. Dixon P. Marketing management. // P. Dixon-M.: Binom, 2015 [Dikson P. Upravlenie marketingom.– M.: Binom, 2015.] – (In Rus.).

19. Dragileva L., Maslennikova E. Analysis of retail trade dynamics in Sverdlovsk region // RISK: Resources, information, supply, competition. 2015. № 3-1. P. 77-82 [Dragileva L., Maslennikova E. Analiz dinamiki roznichnoy torgovli v Sverdlovskoy oblasti // RISK: Resursy, informatsiya, snabzhenie, konkurentsiya. 2015. № 3-1. S. 77-82.] – (In Rus.).

20. Dragileva L. Yu., Maslennikova E. V., Khudyakova S. K. Development of entrepreneurship in retail trade // Integral. 2013. № 3. P. 128-129 [Dragileva L.Yu., Maslennikova E.V., Khudyakova S.K. Razvitie predprinimatel'stva v roznichnoy torgovle // Integral. 2013. № 3. S. 128-129.] – (In Rus.).

21. Dubinin N. I., Demchuk O. V. Problems economic policy development of production and marketing activity of the enterprise // Symbol of science. 2017. № 2. P. 50-52 [Dubinin N.I., Demchuk O.V. Problemy formirovaniya ekonomicheskoy politiki proizvodstvenno-sbytovoy deyatel'nosti predpriyatiya // Simvol nauki. 2017. №2. S. 50-52] – (In Rus.).

22. Ivanova N. V. Features of sales management at the production enterprise // Distribution channels management. 2015. № 2. P. 114-128 [Ivanova N.V. Osobennosti upravleniya sbytom produktsii na proizvodstvennom predpriyatii // Upravlenie kanalami distributsii. 2015. № 2. S. 114-128.] – (In Rus.).

23. Ivanova N. V. Marketing management at a manufacturing enterprise // N. V. Ivanova, E. B. Vasilchenko, A. A. Karpov. Volgograd: Volgograd State Agricultural Academy, 2015 [Ivanova N.V. Upravlenie marketingom na proizvodstvennom predpriyatii / N.V. Ivanova, E.B. Vasil'chenko, A.A. Karpova. Volgograd: Volgogradskaya GSKhA, 2015] – (In Rus.).

24. Kmet E. B. Marketing communications. Theory, practice, management: textbook for Masters. – Saratov: IPR Books, 2016 [Kmet' E.B. Marketingovye kommunikatsii. Teoriya, praktika, upravlenie: uchebnik dlya magistrov. – Saratov: Ay Pi Ar Buks, 2016.] – (In Rus.).

25. Kmet E. B. Marketing management: textbook // E. B. Kmet, A. G. Kim. – Saratov: University education, 2016 [Kmet' E.B. Upravlenie marketingom: uchebnik / E.B. Kmet', A.G. Kim. – Saratov: Vuzovskoe obrazovanie, 2016.] – (In Rus.).

26. Kontsevich G. E. On the dependence of the enterprise management system on the type of its organizational structure // Economics and management: practical aspects. Materials of scientific and practical conference. Institute of Service, Tourism and Design (branch) of NCFU in Pyatigorsk. 2015. P. 72-75 [Kontsevich G.E. K voprosu o zavisimosti sistemy upravleniya predpriyatiem ot tipa ego organizatsionnoy struktury // Ekonomika i upravlenie: prakticheskie aspekty. Materialy nauch.-prakti. konferentsii. In-t. servisa, turizma i dizayna SKFU v g. Pyatigorske. 2015. S. 72-75] – (In Rus.).

27. Korgova M. A. On the issue of the management system constraints // Social and humanitarian knowledge. 2015. № 11. P. 206-213 [Korgova M.A. K voprosu ob ogranicheniyakh sistemy upravleniya // Sotsial'no – gumanitarnye znaniya. 2015. № 11. S. 206-213.] – (In Rus.).

28. Kotler F. Marketing management: transl. from English. // F. Kotler. SPb. Peter, 2016 [Kotler F. Marketing menedzhment: per. s angl. / F. Kotler. SPb.: Piter, 2016.] – (In Rus.).

29. Kripak E. M. Methods and models of sales strategy formation of the enterprise // E. M. Kripak – M.: Norma, 2017 [Kripak E M. Metody i modeli formirovaniya sbytovoy strategii predpriyatiya / E. M. Kripak – M.: Norma, 2017.] – (In Rus.).

30. Kyshtymova E. A. Tools of intra-corporate and strategic planning at industrial enterprises // Bulletine of OryolGIET. 2017. № 1 (27). P. 50-56 [Kyshtymova E. A. Instrumenty mekhanizma vnutrifirmennogo i strategicheskogo planirovaniya promyshlennykh predpriyatiy // Vestnik OrelGIET. 2017. № 1 (27). S. 50-56.] – (In Rus.).

УПРАВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ

HUMAN RESOURCES MANAGEMENT

УПРАВЛЕНИЕ ТРУДОВОЙ МОТИВАЦИЕЙ БАНКОВСКИХ СЛУЖАЩИХ

УДК 316.334.22 *ГСНТИ 82.17.25*
ББК 60.561.23 *Код ВАК 22.00.08*
DOI: 10.22394/2304-3369-2019-3-179-190

И. А. Кох
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Екатеринбург, Россия
AuthorID: 532417

АННОТАЦИЯ: **Введение.** Предметом социологического исследования являются условия работы банковских служащих, удовлетворенность трудом, социально-психологический климат в кредитно-финансовых организациях. Это необходимо и важно для повышения эффективности работы банков.

Цель статьи – проанализировать деятельность банковских служащих, выявить их потребности и ценностные ориентации, знание которых необходимо для разработки системы стимулирования и мотивации труда. Особое внимание уделено проблемам улучшения условий труда, создания благоприятного социально-психологического климата в банковских организациях. В исследовании отмечается, что Банковское законодательство, государственный контроль, экономическая нестабильность и сложная политическая ситуация в мире требуют от банков искать эффективные способы работы для развития рынка банковских услуг. В связи с этим особенно актуальными становятся вопросы управления персоналом, поскольку от рационально построенной системы мотивации труда зависит эффективность работы сотрудников и банка в целом.

Методологией исследования послужили концепции мотивации персонала, а в качестве метода использованы анализ статистических справочных данных о работе банков в регионе – Свердловской области – и массовый социологический опрос банковских служащих, проведенный в октябре 2017 г. – феврале 2018 года. Всего опрошено 400 человек.

Научная новизна прикладного исследования состоит в изучении влияния условий работы, системы мотивации труда на эффективность и удовлетворенность служащих своей трудовой деятельностью с учетом региональных условий. В этом выражается и **практическая значимость** результатов исследования, которые могут быть полезны для разработки системы стимулирования и мотивации труда в банковских учреждениях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: персонал, банк, банковский служащий, стимулы труда, система мотивации труда.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Иван Адамович Кох, доктор социологических наук, профессор, Уральский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
620000, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, 66, kia4@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Кох И. А. Управление трудовой мотивацией банковских служащих // Вопросы управления. 2019. № 3 (39). С. 179—190.

© И. А. Кох, 2019

В экономике российского общества постоянно возрастает роль кредитно-финансовых учреждений, среди которых основными являются государственные и региональные коммерческие банки. Банки занимают центральное место в перераспре-

делении денежных средства юридических и физических лиц, в финансовом обеспечении предпринимательской деятельности, кредитовании экономического и социального развития страны и ее регионов.

Банковское законодательство, государственный контроль, экономическая нестабильность и сложная политическая ситуация в мире требуют от банков искать эффективные способы работы для развития рынка банковских услуг. В связи с этим особенно актуальными становятся вопросы управления персоналом, поскольку от рационально построенной системы мотивации труда зависит эффективность работы сотрудников и банка в целом.

Развитие рыночных отношений закономерно повышает роль банков в экономике, увеличивает объем их работы, а как следствие – постоянно повышаются требования к служащим банка. Банковские служащие образуют сегодня многочисленную группу в профессиональной структуре населения, а по своей роли и материальной обеспеченности значительная часть их может быть отнесена к среднему классу, который в развитых странах составляет опору экономического развития в обществе и обеспечивает социальную стабильность. Поэтому повышение результативности работы персонала банков, улучшение условий труда в сочетании с разработкой и совершенствованием системы мотивации и стимулирования банковских служащих являются актуальными задачами развития кредитно-финансовых учреждений. Недостаточное внимание к персоналу приведет к снижению профессиональной компетенции банковских служащих, что может вызвать сбои в кредитовании предпринимательской деятельности, инвестиционной активности в экономике и другие негативные экономические и социальные последствия.

Успех того или иного банка обеспечивается уровнем профессиональных, технологических и личных компетенций его служащих. Изучение практического опыта работы показывает недостатки в профессиональных знаниях банковских служащих, особенно менеджеров в области управления персоналом. Не всегда используются в банковской сфере научно обоснованные системы мотивации персонала, социальные программы, мероприятия по сплочению коллектива и созданию благоприятного социально-психологического климата, а также совершенствование этики обслуживания клиентов.

Актуальность проблемы управления персоналом обусловлена и тем фактом, что руководители эффективно управляют только в том случае, если знают и понимают потребности личности, механизмы формирования мотивации человека, мотивы и стимулы активной трудовой деятельности с учетом региональных особенностей. Задача руководителя любого ранга – побудить людей работать добросовестно, энергично, эффективно и направить энергию работников на достижение целей организации.

Влияние системы мотивации на производительность труда невозможно переоценить. Эффективное управление служащими достигается умелым использованием средств мотивации. Для этого важно знать потребности личности, знать, как возникают мотивы, какими способами мотивы приводятся в действие, как осуществляется стимулирование работника. В этой связи не случайно вопросы мотивации и стимулирования труда привлекают все большее внимание исследователей и практических работников, прежде всего менеджеров. Проблема мотивации персонала очень широко и глубоко рассматривается сегодня в научной литературе.

Все эти вопросы требуют дальнейшего исследования и научно-теоретического осмысления. Особого внимания заслуживают исследование особенностей профессиональной группы банковских служащих и ее роли и места в формирующейся новой социальной структуре российского общества, изучение влияния различных внутренних и внешних факторов на эффективность деятельности, роль корпоративной культуры и формирование организационной приверженности и лояльности как критерия включенности в профессиональную группу.

Актуальной проблемой является разработка эффективных управленческих технологий, регулирующих профессиональное развитие персонала и высокую эффективность труда банковских служащих. В настоящее время в науке накоплен значительный теоретический и практический материал в исследовании проблем развития и функционирования организаций, управления персоналом, в том числе и в финансово-кредитной сфере.

Методологической основой исследования являются концепции мотивации персонала, которые развивали Фредерик Тэйлор (разделение труда и контроль за выполнением функций работника), Элтон Мэйо (доктрина человеческих отношений), Анри Файоль (административная школа менеджмента), Абрахам Маслоу (иерархическая теория потребностей), Фредерик Герцберг (двухфакторная теория мотивации X и Y), Дуглас Мак Грегор («теория X» и «теория Y»).

Мотивацию персонала целесообразно осмысливать в логике развития предпринимательства и классических теорий управления, в которых содержится немало рекомендаций, сохраняющих актуальность для управления современными организациями. «Классический» менеджмент сформировался в начале XX в. Традиционная модель мотивации связана с идеями Фредерика Тейлора и школой рациональной организации труда [11; с. 9–104]. Ф. Тейлор сформулировал основные принципы научного менеджмента:

1) разделение труда и расчленение производственных процессов на отдельные операции;

2) каждому работнику устанавливается напряженное и конкретное задание;

3) замена традиционных методов труда конкретными правилами, разработанными на основе изучения трудовых операций, и правильная расстановка работников и их обучение рациональным приемам работы.

Принципы Ф. Тейлора предусматривали жесткое административное и экономическое принуждение исполнителей, а также беспрекословное соблюдение установленных норм. Среди важнейших принципов научной организации труда Ф. Тейлор выделил специализацию работы и распределение ответственности между рабочими и управляющими.

Первые концепции представляли менеджмент как науку и искусство управления людьми, как способы преодоления «работы с прохладцей», по выражению Ф. Тейлора [11, с. 11]. Одной из самых важных проблем управления, возникающей перед менеджментом, является искусственное замедление работы, проблема эта была эмпирически выявлена и описана Ф. Тейлором в книге «Принципы научного менеджмента» [см. 11, с. 11–23]. «Работу с прохладцей» автор объяснял неэффективностью системы стимулирования труда, недостаточной мотивацией работника, прежде всего недостатками системы оплаты труда, а также плохими условиями работы, авторитарным стилем руководства. Совместная работа большого числа людей при равной оплате ежедневной выработки приводит к тому, что постепенно хорошо работающие рабочие замедляют темпы работы до уровня наихудших. Ф. Тейлор ставит своей задачей «уничтожение медленной работы и “работы с прохладцей” во всех ее формах и установление таких отношений между предпринимателем и рабочими, при которых каждый рабочий будет работать к наибольшей выгоде для себя и с максимальной производительностью» [11, с. 12]. «Работу с прохладцей», замедленную работу, в современной социологии называют рестрикционизмом.

Последователь Ф. Тэйлора Генри Форд, который первым применил конвейер для задания рабочего ритма, не мог не обратить внимание на однотонный характер труда. Однако, по его убеждению, «для большинства людей идеальной представляется работа, не предъявляющая никаких требований к их мыслительным способностям» [12, с. 319].

Таким образом, представители этой школы придерживались принципа, что важнейшей задачей руководителя является распределение заданий, а работники должны выполнять задания как можно лучше и быстрее. Руководители определяли способ выполнения задач, а также устанавливали систему денежного поощрения для стимулирования работников. Следовательно, чем больше производили работники продукции, тем больше зарабатывали.

Французский инженер, основоположник административной школы менеджмента Анри Файоль выделяет 5 основных функций управления, одной из которых выступает мотивация. По его мнению, мотивация – это прежде всего «процесс достижения баланса между целями компании и работника для наиболее полного удовлетворения потребностей обоих» [12, с. 5].

Анри Файоль сформулировал ряд важнейших принципов управления, среди которых в первую очередь выделил вознаграждение персонала [См.: 12; с. 95]. Для Файоля определяющим фактором стимулирования работы является оплата труда, удовлетворение потребностей рабочих.

Против факторов, не зависящих от воли нанимателя, – экономическая ситуация, предложение рабочей силы на рынке труда, – он предусматривает различные способы компенсаций: поурочная или сдельная оплата, повременная ставка, премии, участие в прибылях и различные нематериальные стимулы. Файоль приходит к следующему выводу: «Вне зависимости от того, какое вознаграждение за труд получает работник – деньги или же такие блага, как тепло, свет, кров, продукты питания, – смысл его состоит в удовлетворении потребностей работника» [12; с. 95]. А. Файоль рассматривает и иные нематериальные стимулы, проявляя известный патернализм во взглядах на производственные отношения.

Нанимателю предписывается заботиться о работниках вне работы, соблюдая благоразумие, способствуя повышению образования, уважая их личную свободу [см.: 12; с. 85–106]. Анри Файоль считал важнейшей проблемой управления организацией согласование общих, групповых и личных интересов: «Невежество, амбициозность, эгоизм, леность, слабость и разного рода страсти приводят к тому, что общие интересы ослабевают, уступая место интересам личным, и это обстоятельство порождает вечную борьбу» [12, с. 94–95].

Таким образом, представители административной школы менеджмента считали, что работники нуждаются в постоянном руководстве и контроле сверху, следовательно, централизация управления – это явление естественного порядка.

Ментальную основу административного менеджмента представил в 1960 г. в своей концепции мотивации Дуглас Мак-Грегор. В поисках ответа на практический вопрос о том, какие способы управления людьми для достижения успеха наиболее эффективны. Один из вариантов он назвал «теорией X», исходным положением которой является утверждение: «средний индивид обладает врожденной неприязнью к работе». Следовательно, большинство людей «необходимо принуждать, контролировать и запугивать» [14, с. 261]. Мак-Грегор предложил и другой вариант – «теория Y», согласно которой «средний человек имеет склонность при определенных условиях не только принимать, но и искать ответственности... Работники, разделяющие цели организации, будут проявлять самоуправление и самоконтроль... Поэтому ограниченность человеческого участия в организационной деятельности сопряжена не со свойствами человеческой натуры, а с ошибками руководства» [14, с. 266].

Таким образом, согласно концепции «X» Д. Мак Грегора, работники стремятся избегать выполнения поручений, поэтому они нуждаются в контроле и во внешнем стимулировании для достижения наивысших результатов. Персонал следует стимулировать в денежной форме. Теория «Y» рассматривает работников в качестве самостоятельных и ответственных субъектов, обладающих большим потенциалом, имеющих множество нестандартных идей, которые способны улучшить показатели работы организации, поэтому для их реализации руководитель должен создавать соответствующие условия [см.: 15, P. 33-48]. Критик и продолжатель этой теории, автор концепции «Z» Уильям Оучи считал, что японская система пожизненного найма, забота об условиях труда и благосостоянии работников дает стабильность и уверенность в завтрашнем дне, что обеспечит эффективное выполнение задач организации на основе сочетания факторов «X» и «Y».

В современном менеджменте концепции мотивации представляют чаще всего симбиоз указанных трех классических теорий либо конкретизацию отдельных идей прошлого. Для банковских служащих наиболее инструментальны содержательные концепции мотивации: иерархия потребностей Абрахаама Маслоу, двухфакторная модель мотивации Фредерика Герцберга и теории «X», «Y» и «Z» Дугласа Мак Грегора и Уильяма Оучи, представленные с позиции концепции человеческих ресурсов. А. Маслоу в своей доктрине расположил пять мотивирующих личность потребностей в иерархическом порядке:

1) физиологические потребности,

2) потребности в безопасности,

3) потребности в принадлежности к группе,

4) потребности в уважении,

5) потребность в самореализации [см.: 8, с. 60–68].

Для более полной реализации своего потенциала работник сначала удовлетворяет низшие потребности, а затем доминантными становятся высшие.

В своей двухфакторной модели Ф. Герцберг выделил факторы собственно мотива-

ции (он назвал их «мотиваторами») и гигиенические факторы – факторы здоровья [см.: 15, с. 30]. К первой группе факторов (внутренних) принято относить профессиональный успех, карьеру и перспективы профессионального развития, признание достигнутых человеком результатов и др. При этом полагают, что человек будет удовлетворен своей работой, что будет способствовать росту производительность труда. Другая группа факторов (внешних) – это условия труда, система оплаты труда, взаимоотношения с другими сотрудниками и руководством. Если эти факторы действуют недостаточно, то работник испытывает низкую удовлетворенность своей деятельностью, если же они действуют активно, то это будет мотивировать работника на лучший результат [15, с. 30].

Несмотря на значительное количество исследований по вопросам теории, функционирования и развития организаций, проблемам мотивации и стимулирования персонала, в настоящее время требуется постоянное отслеживание тенденций постоянных изменений и быстрой смены рыночных форм экономики и организации труда, а также учета региональных особенностей и специфики отрасли. К их числу относятся и кредитно-финансовые организации, прежде всего банки. В российских банках используются различные принципы из приведенных научных концепций мотивации, которые основываются на единстве двух основных форм – материальной и нематериальной мотивации.

Результаты проведенного нами социологического исследования позволили определить профессионально-ценностные ориентации и особенности служащих банков как особой профессиональной группы, а также личные качества, потребности и мотивацию деятельности персонала банков в регионе. Выводы из результатов нашего исследования могут стать основанием для разработки системы мотивации и стимулирования персонала банков с учетом региональных особенностей их деятельности (экономической активности, потребностей в инвестициях, средних доходов населения и других).

Эмпирической базой исследования являются статистические справочные данные о работе банков в регионе – Свердловской области – и социологический опрос служащих банков, проведенный в октябре 2017 г. – феврале 2018 г. автором статьи в банках Свердловской области, преимущественно в городе Екатеринбурге. Помимо анализа документов, информации и анализа статистических данных был проведен массовый анкетный опрос, в ходе которого было опрошено 400 банковских служащих.

Для опроса было отобрано с учетом образования и рода занятий по полу – 40 % мужчин и 60 % женщин; возрастные группы: до 30 лет – 25 %, от 31 до 50 лет – 68 %, лица старше 50 лет – 7 %. По стажу работы: 53,8 % опрошенных проработали в банках до 6 лет; служащие от 6 до 12 лет – 24,0 %; более 12 лет – 22,2 % опрошенных служащих. Отметим, что значительная доля лиц оформлены на основе трудового контракта (см. таблицу 1).

Таблица 1

Какая форма занятости была у Вас на предыдущем месте работы и какая в настоящее время?

№	Форма занятости	Предыдущее место работы		В настоящее время	
		Кол-во	В % к числу опрошенных	Кол-во	В % к числу опрошенных
1	Бессрочный трудовой договор (постоянное рабочее место)	353	**88,2**	294	**73,5**
2	Срочный трудовой договор	35	**8,7**	42	**10,5**
3	Работа на неполную ставку	1	**0,2**	10	**2,5**
4	Временное непостоянное рабочее место	7	**1,7**	9	**2,2**
5	Договор подряда	0	**0,0**	8	**2,0**
6	Другое	1	**0,2**	13	**3,2**
7	Не ответили	3	**0,7**	24	**6,0**

Как уже было отмечено, в управлении персоналом банка одно из центральных мест занимает мотивация и стимулирование трудовой деятельности. В условиях снижения доходности банковской деятельности и усиления конкуренции именно в мотивации служащих скрыты значительные резервы, которые могут помочь банку не только пережить трудные времена, но и создать предпосылки для будущего развития. Совершенствование системы мотивации персонала банка становится все более актуальным и привлекательным еще и потому, что широкий диапазон нематериальных форм стимулирования и мотивации служащих не требует больших финансовых средств, но при этом может активно повлиять на повышение производительности труда и рост эффективности работы банка.

В связи с тем, что понятия «мотивация» и «стимулирование» имеют различные, порой противоречивые толкования, условимся под мотивацией понимать внутренние для индивида побуждения к достижению необходимых результатов в деятельности, а под стимулированием – внешние воздействия на работника со стороны менеджмента. Мотив – внутренние побуждения поступков и действий человека, вызванные его собственными потребностями, интересами, эмоциями. К мотивам относятся побуждения, действующие в течение длительного времени, в том числе чувство долга, обязательность, стремление выполнить порученное дело, оказать помощь коллеге. Мотивом может быть стремление к достижению поставленной цели, к завершению работы и др. Руководитель для мотивации должен определить приоритетные потребности сотрудника и найти способы их удовлетворения.

Мотивация и стимулирование труда сотрудников банка являются одной из самых важных функций руководителя. В связи с внедрением новых технологий, возрастанием уровня сложности работ, часто вызывающими повышение интенсивности работы в банках, деятельность банковских служащих все больше увязывается с человеческим фактором, с отношением служащих к своему труду, личной инициативой и заинтересованностью в повышении качества и производительности труда. Для достижения управленческих целей руководителю целесообразно прежде всего использовать внутренние побудительные мотивы, опираясь на потребности и ценностные ориентации работника.

В условиях рыночной экономики такие способы внешнего стимулирования, как система премирования за хорошие результаты работы и штрафы за неудовлетворительные действия, позволяют значительно уменьшить субъективизм менеджеров в работе с персоналом. В начале 90-х годов были сняты ограничения на доходы населения, что породило надежду на то, что высокая зарплата решает все проблемы с мотивацией и стимулированием сотрудников. Возник явный перекос в пользу внешних материальных стимулов, которые еще в период плановой экономики преобладали над внутренними, хотя моральным мотивам и стимулам ранее придавалось большое значение. Однако за последние три десятка лет сменилось поколение людей и заметно поменялись ценностные ориентации, потребности и приоритеты работников. В условиях череды экономических кризисов менеджменту приходится изыскивать пути для сокращения издержек, а ситуация на финансовых рынках нередко вынуждает делать это за счет экономии фондов материального стимулирования. В этих условиях крайне важно найти разумный баланс между внутренними мотивами и внешними стимулами труда, которые в конечном случае базируются на потребностях и ценностных ориентациях банковских служащих.

Наши исследования показали, что трудовая мотивация человека тесно увязана с удовлетворенностью трудом, условиями и характером работы, с социально-психологическим климатом и доверием к руководству. О ценностях, связанных с мотивацией к труду, дают представление результаты массового опроса банковских служащих (рисунок 1).

Опрос показал, что высшими ценностями для служащих банка в плане мотивации к труду являются уважение коллег и свобода (право) выбора места работы. Для сотрудников банка очень важно, чтобы заработная плата была адекватна трудовому вкладу, что можно еще назвать приверженностью принципу справедливости. Самым низким баллом из 8 показателей оценена система мотивации, функционирующая в банке (3,5 балла), поскольку, по мнению многих опрошенных, она не соответствует личным представлениям сотрудника.

* Балл рассчитан по формуле средневзвешенной величины, по пятибалльной оценке, каждого пункта, где 1 – низший балл («совершенно не согласен»), 5 – высший балл («полностью согласен»).

Рисунок 1. Ценности банковских служащих.

Руководители структурных подразделений банков различных уровней управления далеко не всегда четко представляют, какие стимулы и мотивы наиболее результативно воздействуют на подчиненных. Исследования показывают, что руководители часто переоценивают действенность и значимость для работников материальных стимулов – зарплаты и премий, и недооценивают внутреннюю мотивацию к работе – самостоятельность, творческое отношение к делу, инициативность, стремление к высоким результатам и личному самоутверждению. О ценностных ориентациях служащих банка можно косвенно судить по оценкам удовлетворенности трудом и своей работой, представленным в таблице 2.

Таблица 2

Удовлетворенность трудом и своей работой банковских служащих

№	Факторы удовлетворенности трудом и своей работой	Балл*
1	Качественное выполнение работы	4,4
2	В целом я доволен своей работой в банке	4,2
3	Ресурсы (материалы, техника) справедливо распределены среди работников	4,2
4	Я думаю, что моя работа оценивается справедливо	3,9
5	Я чувствую, что отлично справляюсь с обязанностями на работе	3,9
6	Руководство в моем Банке справедливо относится к работникам	3,7
7	Я чувствую, что мои профессиональные дела идут так, как задумано	3,7
8	У нас сотрудники могут обращаться к руководству с вопросами, не опасаясь нежелательных последствий	3,7
9	В моей работе происходят изменения, приводящие к потере ценных для меня аспектов (например: коллектив, возможность обучения, уважение, возможность карьерного роста)	2,4
10	У меня есть ощущение, что то, чем я занимаюсь на работе, не имеет особого смысла	2,1

* Балл рассчитан по формуле средневзвешенной величины, по пятибалльной оценке, каждого пункта, где 1 – низший балл («совершенно не согласен»), 5 – высший балл («полностью согласен»).

Из десяти предложенных для оценки факторов удовлетворенности трудом и условиями работы опрошенные служащие на первые места поставили: 1) ценность качественной работы; 2) наличие необходимых ресурсов для работы (хорошие условия труда); 3) справедливая оценка труда. В целом можно считать, что данные рисунка 1 и таблицы 2 в совокупности отражают потребности, интересы и ценностные ориентации банковских служащих. Полученные данные целесообразно учитывать при разработке системы стимулирования и мотивации труда сотрудников банка.

На практике в банках используются разнообразные формы мотивации служащих. Наряду с распространенной традиционной формой вознаграждения по результатам труда – заработной платой, премией, широко используются другие формы материального и нематериального стимулирования. В банках, в которых проводился опрос, различные группы служащих охвачены разными формами мотивации (рисунок 2).

Обращает на себя внимание, что четверть опрошенных служащих не знают, какой формой мотивации они охвачены: либо их не проинформировали, либо они не интересуются этим вопросом. И в том и другом случае результат один: упускается возможность активного влияния на рост производительности труда сотрудников банка.

Система мотивации реализуется разнообразными способами, что видно из данных таблицы 3.

Результаты опроса показывают, что в банковской сфере используется не только материальное поощрение, но широкий спектр нематериальных средств мотивации, которые получили общее название «социальный пакет». Три четверти опрошенных служащих отметили «Добровольное медицинское страхование»: вероятно, это самая привлекательная и действенная мера стимулирования. На втором месте по популярности – повышение заработной платы. Эти два стимула относятся к материальным, и только на третьем месте – нематериальный стимул – похвала. Другие стимулы могут быть отнесены и к материальным, и к нематериальным, однако по своему содержанию входят в «социальный пакет», создающий привлекательность работы в банке.

Вместе с тем существуют различные оценки материального и морального стимулирования, а также «социального пакета». Как оценивают сотрудники банков сложившуюся систему мотивации? Мнения банковских служащих представлены в таблице 4.

Рисунок 2. Группы служащих, охваченные разными формами мотивации.

Таблица 3

Какие стимулы применяются у Вас на работе?
(можно указать несколько ответов)

№	Система мотивации	Кол-во ответов	В % к числу опрошенных	В % к числу ответов
1	Добровольное медицинское страхование	305	20,9	78,0
2	Повышение заработной платы	178	12,2	45,5
3	Дополнительные тренинги	173	11,8	44,2
4	Похвала	172	11,8	44,0
5	Оплата отпуска	147	10,1	37,6
6	Продвижение по службе	96	6,6	24,6
7	Оплата спортивных занятий	77	5,3	19,7
8	Дополнительное страхование	72	4,9	18,4
9	Бонусы	61	4,2	15,6
10	Корпоративные поездки	41	2,8	10,5
11	Участие в планировании целей и задач	36	2,5	9,2
12	Выговоры	33	2,3	8,4
13	Рабочие дополнения: телефон, машина, др.	29	2,0	7,4
14	Оплата образования	20	1,4	5,1
15	Скидки на питание	13	0,9	3,3
16	Оплата питания	3	0,2	0,8
17	Помощь в улучшении жилищных условий	0	0,0	0,0
18	Оплата детского сада	0	0,0	0,0
19	Другие	5	0,3	1,3
	Итого:	**1461**	**100,0**	**373,6**

Таблица 4

Оценка служащих системы мотивации в банках

№	Способы мотивации и стимулирования служащих	Балл*
1	Моя заработная плата адекватна моему трудовому вкладу	3,9
2	Я думаю, что моя работа оценивается справедливо	3,9
3	Дополнительные льготы и услуги, предоставляемые мне работодателем, вполне удовлетворяют меня	3,6
4	Система мотивации и стимулирования в моем банке совпадает с моими личными предпочтениями	3,5
5	Мои старания и полученные результаты приводят к тому, что меня загружают еще больше	3,2
6	Дополнительных стимулов, таких как социальный пакет, ДМС и т.п., в моей работе становится все меньше.	2,4
7	Я прекрасно знаком с вопросом аутплейсмента. Я знаю все формы помощи, которые мой Банк оказывает уволенным сотрудникам	2,4
8	В целом мои условия труда ухудшаются.	2,1
9	У меня есть ощущение, что то, чем я занимаюсь на работе, не имеет особого смысла	2,1
10	Выполняя работу, я вынужден действовать вопреки своей системе ценностей	2,0

* Балл рассчитан по формуле средневзвешенной величины по пятибалльной оценке каждого пункта, где 1 – низший балл («совершенно не согласен»), 5 – высший балл («полностью согласен»).

Служащие банка очень важным для себя считают справедливую оценку своей работы, соответствие вознаграждения трудовым затратам, как, впрочем, и работники других отраслей. Хотя эта оценка субъективна и зависит как от способностей и прилежания к труду, так и от самооценки личности. Психологически это очень важно и создает позитивный настрой на работу и добросовестное отношение к своему труду. Результаты нашего опроса показали, что большинство служащих (позиции 1–5) высоко оценивают созданные условия труда и систему мотивации, но есть и немало низ-

ких оценок (позиции 6–10) в отношении системы мотивации банковских служащих.

Руководители нередко недооценивают такие стимулы к труду, как своевременное информирование сотрудников о различных сторонах деятельности организации, благоприятную психологическую атмосферу в коллективе. Еще меньше учитывается перегруженность или недогруженность работой, нечеткие распоряжения и неясность служебных обязанностей (должностных инструкций). Негативно воспринимается служащими как необоснованная критика, так и отсутствие признания.

Знаменитый японский менеджер и предприниматель Акио Морита, основатель корпорации «Sony», говоря об особенностях японской модели управления персоналом, отмечает, что руководители должны обращать внимание и учитывать внутренние мотивы работника к труду: «Все же я считаю большой ошибкой мнение о том, что деньги – это единственный способ вознаграждения людей за труд. Людям нужны деньги, но они хотят получить удовольствие от своей работы и гордиться ею» [10; с. 135]. Все потребности могут мотивировать поведение, а ведущая потребность есть основная доминанта трудового поведения. Согласно закону возвышения потребностей, лишь когда удовлетворены низшие потребности, становятся доминантными высшие.

Таким образом, результаты нашего исследования раскрывают некоторые особенности управления персоналом в банковских организациях, характеризуют сложившуюся систему стимулирования и мотивации служащих банка, показывают взаимосвязь основных факторов и специфику мотивации служащих банка. В процессе исследования были выявлены доминирующие ценности банковских служащих и необходимость их учета при разработке системы стимулирования и мотивации в организации, учета влияния социально-психологических факторов на трудовую активность. В системе мотивации важно гармонично сочетать материальные и нематериальные формы стимулирования, принимать во внимание субъективные предпочтения служащих.

Управление персоналом банка должно основываться на стратегически продуманной кадровой политике, профессиональной подготовке и систематическом повышении квалификации служащих. Необходимо совершенствовать организационную культуру банка, развивать корпоративно-культурные элементы организации и их влияние на формирование личности служащего. Только комплексный подход к решению проблем управления персоналом может обеспечить успешное развитие банка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев С.В. Кадровый потенциал банка. М.: «Призма», 2008.

2. Андреева И.В. Банки. СПб.: изд-во «Питер», 2007.

3. Алавердов А.Р. Управление персоналом в коммерческих банках. М.: изд-во «Соминтэк», 2009.

4. Вартанян И.П. Некоторые особенности работы с персоналом в условиях кризиса банков // Деньги и кредит. 2010, №2. С. 12–15.

5. Жуков А.Д. Банковское дело. К.: «КНЕУ», 2008.

6. Клочков А. К. KPI и мотивация персонала. Полный сборник практических инструментов. М.: Эксмо, 2010.

7. Крупинина Н.Н. Оценка деятельности – ключевой вопрос кадровой политики банка // Деньги и кредит. 2009. № 8. С.23–25.

8. Маслоу А. Г. Мотивация и личность: [пер. с англ.]. СПб: Изд-во «Питер», 2009.

9. McGregor D. The human side of enterprise // New York: McGraw-Hill – 1960.

10. Морита Акио. Сделано в Японии. М.: изд-во «Альпина Бизнес Букс», 1986.

11. Тэйлор Фредерик Уинслоу. Принципы научного менеджмента. Пер. с англ. М.: Изд-во «Журнал «Контроллинг», 1991.

12. Управление – это наука и искусство: А. Файоль, Г. Эмерсон, Ф. Тэйлор, Г. Форд. М.: изд-во «Республика», 1992.

13. Чижов Н.А. Персонал банка: технология управления и развития. М.: «Анкил», 2008.

14. Шелдрейк Дж. Теория менеджмента: от тейлоризма до японизации / Пер. с англ. под ред. В.А. Спивака. СПб.: ИД «Питер», 2001.

15. Шапиро С. А. Мотивация и стимулирование персонала. М.: ГроссМедиа. 2005.

MANAGEMENT OF BANK EMPLOYEES' LABOR MOTIVATION

I. A. Kokh
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Ekaterinburg, Russia

ABSTRACT: The subject of sociological research is the working conditions of bank employees, job satisfaction, social and psychological climate in credit and financial institutions. This is necessary and important to improve the efficiency of banks.

The purpose of the article is to analyze the activities of bank employees, to identify their needs and value orientations, the knowledge of which is necessary for the development of a system of stimulation and motivation of labor. Special attention is paid to the problems of improving working conditions, creating a favorable socio-psychological climate of banking organizations. The study notes that banking legislation, state control, economic instability and the difficult political situation in the world require banks to look for effective ways of work for the development of the banking market. In this regard, the issues of personnel management are particularly relevant, since the efficiency of the employees and the bank as a whole depends on the rationally constructed system of labor motivation.

The research methodology was the concept of staff motivation, and the method used was the analysis of statistical reference data on the work of banks in the region -Sverdlovsk region and a mass sociological survey of bank employees conducted in October 2017 – February 2018. 400 people were interviewed.

The scientific novelty of the applied research is to study the impact of working conditions, the system of labor motivation on the efficiency and satisfaction of employees with their work, taking into account regional conditions. This also expresses the practical significance of the results of the study, which can be useful for the development of a system of stimulation and motivation of labor in banking institutions.

KEYWORDS: personnel, bank, bank employee, labor incentives, labor motivation system.

AUTHORS' INFORMATION: Ivan A. Kokh, Dr. Sci. (Sociological), Professor, Ural Institute of Management – branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 66, 8 March st., Ekaterinburg, 620144, Russia, kia4@mail.ru

FOR CITATION: Kokh I. A. Management of bank employees' labor motivation // Management Issues. 2019. № 3 (39). P. 179—190.

REFERENCES

1. Andreyev S. V. Personnel potential of the bank. M.: "Prism", 2008 [Andreev S. V. Kadrovyy potentsial banka. M.: «Prizma», 2008.] – (In Rus.).
2. Andreyeva I. V. Banks. SPb.: Publishing House: "Peter", 2007 [Andreeva I.V. Banki. SPb.: izd-vo «Piter», 2007.] – (In Rus.).
3. Alaverdov A. R. Personnel management in commercial banks. M.: Publishing House "Somintek" [Alaverdov A.R. Upravlenie personalom v kommercheskikh bankakh. M.: izd-vo «Somintek», 2009.] – (In Rus.).
4. Vartanyan I. P. Some features of work with personnel in the context of banking crisis // Money and credit. 2010, №2. P. 12-15 [Vartanyan I.P. Nekotorye osobennosti raboty s personalom v usloviyakh krizisa bankov // Den'gi i kredit. 2010, №2. S.12-15.] – (In Rus.).
5. Zhukov A. D. Banking. K.: KNEU, 2008 [Zhukov A.D. Bankovskoe delo. K.: «KNEU», 2008.] – (In Rus.).
6. Klochkov A. K. KPI and staff motivation. Full collected book of practical tools // M.: Eksmo. 2010 [Klochkov A. K. KPI i motivatsiya personala. Polnyy sbornik prakticheskikh instrumentov //M.: Eksmo. 2010.] – (In Rus.).
7. Krupenina N. N. Activity appraisal is a key issue of personnel policy of in a bank // Money and credit. 2009. № 8. P. 23-25 [Krupinina N.N. Otsenka deyatel'nosti –

klyuchevoy vopros kadrovoy politiki banka // Den'gi i kredit. 2009. №8. S.23-25.] – (In Rus.).

8. Maslow A. H. Motivation and personality: [Transl. from Eng.]. St. Petersburg: Publishing House "Peter", 2009 [Maslou A. G. Motivatsiya i lichnost': [per. s angl.]. SPb: Izd-vo «Piter», 2009.] – (In Rus.).

9. McGregor D. The human side of enterprise // New York: McGraw-Hill – 1960 [McGregor D. The human side of enterprise // New York: McGraw-Hill – 1960.] – (In Rus.).

10. Morita Akio. Made in Japan. M., Publishing house "Alpina Business Books", 1986 [Morita Akio. Sdelano v Yaponii. M., izd-vo «Al'pina Biznes Buks», 1986.] – (In Rus.).

11. Taylor Frederick Winslow. Principles of scientific management. Transl. from Eng. M.: Publishing house “Journal “Controlling”, 1991 [Teylor Frederik Uinslou. Printsipy nauchnogo menedzhmenta. Per. s angl. M.: Izd-vo «Zhurnal «Kontrolling», 1991.] – (In Rus.).

12. Management is science and art: A. Fayol, G. Emerson, F. Taylor, G. Ford. M., Publishing House "Republic", 1992 [Upravlenie – eto nauka i iskusstvo: A. Fayol', G. Emerson, F. Teylor, G. Ford. M., izd-vo «Respublika», 1992.] – (In Rus.).

13. Chizhov N. A. Bank staff: Technology of management and development. M.: Ankil, 2008 [Chizhov N.A. Personal banka: tekhnologiya upravleniya i razvitiya. M.: «Ankil», 2008.] – (In Rus.).

14. Sheldrake J. Management theory: from Taylorism to Japanimation // Transl. from Eng. Edited by V. A. Spivak. Publishing House “Peter”, 2001 [Sheldreyk Dzh. Teoriya menedzhmenta: ot teylorizma do yaponizatsii / Per. s angl. pod red. V.A. Spivaka. Izdatel'skiy dom «Piter», 2001.] – (In Rus.).

15. Shapiro S. A. Personnel motivation and stimulation. M.: GrossMedia. 2005 [Shapiro S. A. Motivatsiya i stimulirovanie personala M.: GrossMedia. 2005.] – (In Rus.).

КАДРОВЫЕ ИННОВАЦИИ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

УДК 35.08:005.95 *ГСНТИ 82.17.25*
ББК 67.401.02п *Код ВАК 22.00.08*
DOI: 10.22394/2304-3369-2019-3-191-198

А. С. Никитина
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Екатеринбург, Россия
AuthorID: 724431

Ю. М. Кузнецова
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Екатеринбург, Россия
AuthorID: 677649

АННОТАЦИЯ: Цель – сформировать целостное представление о существующих инновационных кадровых технологиях в сфере государственного и муниципального управления. В исследовании отмечается, что эффективность кадровой политики на государственной и муниципальной службе представляет собой важный показатель, оценивающий уровень качественного развития органов государственной и муниципальной власти, а также способность государственных органов отвечать на современные вызовы и соответствовать новым общественным трендам. Трендообразующим фактором в Российской Федерации, особенно в сфере деятельности органов государственной и муниципальной власти, является Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. Важно отметить, что сегодня глава государства постоянно акцентирует внимание на повышении эффективности кадровой политики в различных отраслях в связи со стремительным развитием технологий. Исходя из этого, внедрение кадровых инноваций станет важным вопросом дальнейшего развития государственной службы.

Методы: Анализ нормативно-правовых актов в сфере кадровой модернизации и инновационного преобразования органов государственной власти, анализ научных работ экспертов в сфере управления персоналом по вопросам кадровых инноваций, а также изучение мирового опыта внедрения кадровый инноваций.

Результаты. В ходе анализа были рассмотрены кадровые инновации и их применимость при модернизации государственной службы и оценена возможность интеграции данной инновации в сферу кадрового управления. Отмечается, что в современной России наблюдается рост спроса на кадровые инновации в сфере государственного и муниципального управления. Их внедрение способствует как росту эффективности служащих, так и снижению затрат на обслуживание госаппарата за счёт возможного снижения численности персонала.

Научная новизна. Научная новизна заключается в выявлении степени возможности применения кадровых технологий в сфере государственного и муниципального управления.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: кадровые инновации, инновации в государственном управлении, кадровая политика в государственном секторе, кадровый потенциал государственных служащих, эффективность кадровой работы.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Алена Сергеевна Никитина, кандидат социологических наук, доцент, Уральский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, 66, alena.nikitina@ui.ranepa.ru.

Юлия Маратовна Кузнецова, старший преподаватель, Уральский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, 66, julia.kuznetsova@ui.ranepa.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Никитина А. С., Кузнецова Ю. М. Кадровые инновации в сфере государственного и муниципального управления // Вопросы управления. 2019. № 3 (39). С. 191—198.

© А. С. Никитина, Ю.М. Кузнецова, 2019

Эффективность кадровой политики на государственной и муниципальной службе представляет собой важный показатель, оценивающий уровень качественного развития органов государственной и муниципальной власти, а также способность государственных органов отвечать на современные вызовы и соответствовать новым общественным трендам.

Трендообразующим фактором в Российской Федерации, особенно в сфере деятельности органов государственной и муниципальной власти, является Послание Президента РФ Федеральному Собранию [1]. Важно отметить, что сегодня Президент постоянно акцентирует внимание на повышении эффективности кадровой политики в различных отраслях в связи со стремительным развитием технологий. Исходя из этого, внедрение кадровых инноваций станет важным вопросом дальнейшего развития государственной службы.

Согласно Концепции социально-экономического развития [2] до 2020 года предстоит сформировать модель «эффективного государства», что подразумевает собой, в том числе, повышение уровня эффективности деятельности государственных и муниципальных служащих. Модернизация кадровой политики, в данной ситуации, представляет собой не рекомендацию, а необходимость для сохранения нормальных темпов развития государства.

Для анализа инновационных методов, которые возможно интегрировать в кадровую политику государственной и муниципальной службы, следует разделить их по двум категориям (см. рис.1).

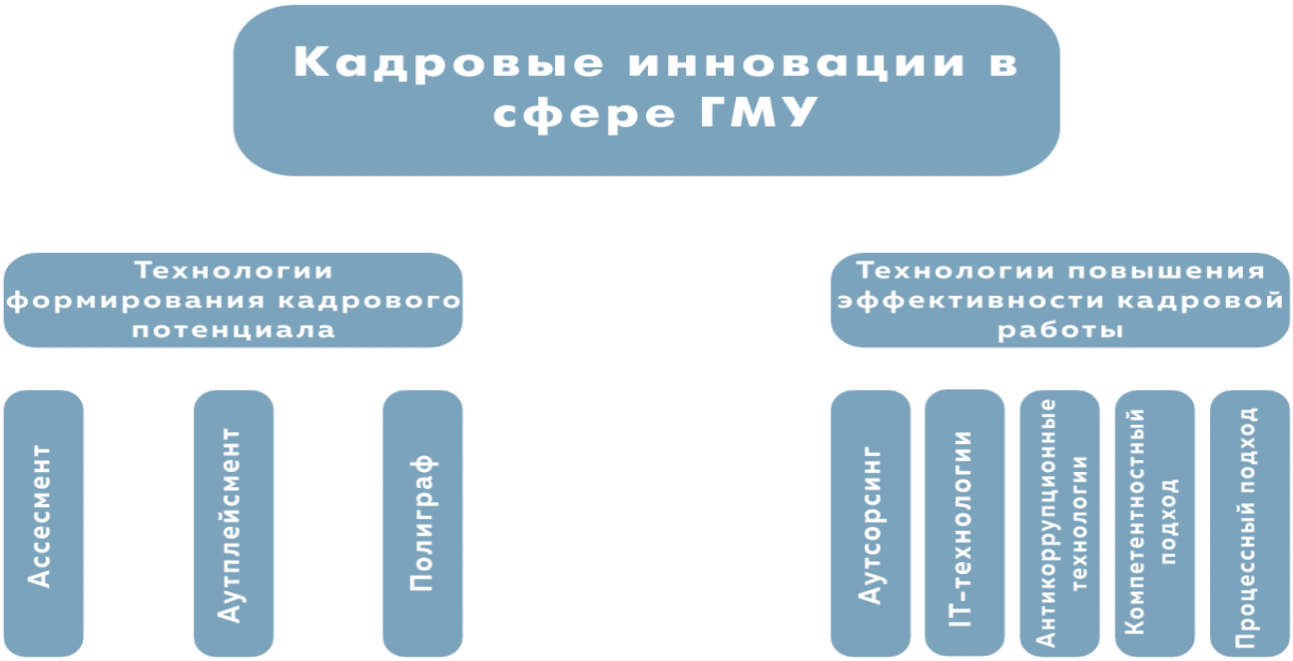

Рис.1. Классификация кадровых инновационных технологий по сферам их применения (составлено автором)

В ходе анализа было выделено две основные сферы влияния кадровых инноваций: кадровый потенциал и эффективность кадров. Важность такой классификации определяется необходимостью правильно применять технологии кадровой сферы с возможностью прогнозирования результата.

«Кадровый потенциал» представляет собой уровень готовности (как профессиональной, так и психологической) к реализации каких-либо новых функций, отличных от тех, что исполнялись ранее [3, с. 44]. Анализируя понятие «кадровый потенциал», необходимо выделить некоторые признаки, которые следует учитывать в момент его формирования:

1. Физиологические и психологические признаки: физическое и психологическое здоровье кадров;

2. Отдельной группой будут являться гендерные, возрастные и статусные характеристики;

3. Важным признаком будет являться уровень квалификации, состоящий из образования, опыта профессиональной деятельности, дополнительных навыков, не входящих в перечень обязательных;

4. Личностные черты, такие как релевантные ценностные ориентиры и моральные установки, мотивированность и интерес к работе.

Такой перечень признаков относительно формирования кадрового потенциала поможет оценить возможность интеграции тех или иных кадровых инноваций на государственную службу.

Первой анализируемой кадровой инновацией является **«Ассесмент»**. Он представляет собой метод оценки персонала, проводимый в рабочих условиях под контролем наблюдателей – опытных работников, на основе тех задач, которые постоянно реализуются в данной сфере. Положительными чертами данного метода оценки являются: заложенный внутрь процесс первичной адаптации кадров, что ускоряет включение в работу сотрудников; объективность данных – ассесмент представляет собой приближенную к идеалу оценку кадрового потенциала, и данные, полученные на основе этого метода, легко поддаются анализу. Отрицательной чертой является ресурсозатратность метода (расходуется большой финансовый, человеческий, временной и организационный ресурсы). Для реализации данного инструмента необходимо 1,5 рабочего дня и несколько сотрудников, выступающих в качестве наблюдателей, что для государственной службы, в большинстве своем, трудноисполнимо из-за высокой загруженности органов власти.

Анализ метода кадрового потенциала «Ассесмент» показал высокую эффективность данного инструмента, а его результаты необходимы для создания эффективной кадровой системы на госслужбе. Однако высокие затраты времени и денег затрудняют его повсеместное применение на государственной и муниципальной службе. Стоит отметить, что данный метод можно рассматривать как возможный в контексте развития кадровой политики в подведомственных учреждениях исполнительных органов власти, так как подобные учреждения более гибкие с точки зрения применения крупномасштабных методик оценки.

Следующей рассматриваемой инновацией является **«Аутплейсмент»**. Он представляет собой механизм увольнения с последующим трудоустройством сотрудника на другое место работы. Аутплейсмент – это, безусловно, человекоориентированный метод, так как организация тратит свои личные ресурсы для гуманного прекращения трудовых отношений. Данный метод имеет несколько классификаций, рассмотрим разделение на открытый и закрытый механизмы. Открытый тип предполагает констатацию факта сотруднику о его увольнении и предложение о помощи при поиске нового места работы. Закрытый тип подразумевает, что по окончании трудового договора сотруднику высокой должности (как правило, данный тип применяется к высокопоставленным лицам) предлагают на выбор несколько должностей-альтернатив в других компаниях.

Безусловным плюсом аутплейсмента является то, что сотрудник не остается без работы, а ему оказывается поддержка, что формирует лояльное отношение всех сотрудников к организации и повышение эффективности их деятельности. Также положительным эффектом будет являться ориентированность других организаций, применяющих аутплейсмент, на вашу организацию при применении такого механизма к своим сотрудникам. Минусом аутплейсмента является расходование средств на поиск места работы сотрудникам через агентства, отсутствие в перечне предложенных мест работы компаний-конкурентов.

Применение аутплейсмента в сфере государственной и муниципальной службы возможно, причем достаточно эффективно. При увольнении служащих из одного органа власти возможно найти им место работы в другом органе, причем на аналогичную должность, моральные потери увольняемых при этом минимальны. Внедрение аутплейсмента позволит повысить уровень привлекательности государственной гражданской службы, обеспечив стабильность предоставления места работы.

Достаточно концептуальный метод кадровой проверки персонала представляет собой **«Полиграф»** – технология оценки психофизиологических колебаний внутри организма человека при ответе на вопросы (общепринятое название – «Детектор лжи»). Существует большое количество

мнений по вопросу применения полиграфа, так как, по сути, это очень чувствительный инструмент, который может определить ложь, но и неточно определить правду.

Преимуществом полиграфического метода является учет психофизического состояния при ответе на релевантные профессии вопросы. Этот показатель необходимо считывать для определения внутренней раздражительности человека относительно темы опроса. В случае, если внутренняя напряженность объекта исследования растет, можно говорить о дискомфорте человека при принятии управленческих решений в данной области, либо о низком уровне эмоционального интеллекта, что в современных условиях является важным показателем при функционировании кадровой политики. Минусом метода является его необъективность. Технологии, использующиеся в данном инструменте, не позволяют учитывать большое количество важных факторов, влияющих на состояние человека, поэтому данные с полиграфа необходимо оценивать только в присутствии опытных психологов, способных оценить психическое состояние объекта при анализе полиграфа, с поправками при анализе отчета [4].

Изучая возможность интеграции данного метода в систему кадровой политики органов государственной и муниципальной власти, стоит отметить, что повсеместно данный механизм вряд ли будет применяться из-за его острой субъективности и сложности применения. Однако есть область применения, где его данные смогли бы помочь отделам кадров и лицам, принимающим решения, определить психологическую готовность потенциального служащего занимать соответствующий пост. Такой областью являются руководящие должности органов исполнительной и иной власти РФ, а также администрации муниципальных образований. Заместители руководителей структур, начальники отделов и департаментов – это те должности, в которых полиграф играл бы важную роль.

Проанализировав инновации в сфере развития кадрового потенциала персонала, необходимо отметить высокую значимость развития данного направления кадровой политики в связи с применением системного подхода к эффективному формированию профессионально психологически готовых служащих в системе государственного и муниципального управления. Поэтому, на сегодняшний день, инновацией, которая в полной мере может войти в кадровое управление органов власти, является аутплейсмент. Это кадровый механизм, обладающий минимальными рисками и отрицательными эффектами, что было определено ранее.

Повышение эффективности кадровой работы на государственной гражданской службе представляет собой сложный механизм развития имеющихся кадров и адаптации под условия современного развития общества и возникновения новых форматов работы.

В связи с этим внедрение кадровых инноваций для решения задач данного направления развития кадровой политики станет важным фактором, определяющим уровень эффективности работы органов власти всех уровней. В рамках данной сферы считаем необходимым разобрать два наиболее объемных механизма: аутсорсинг и компетентностный подход, являющиеся важными инновациями в системе управления персонала.

Аутсорсинг представляет собой передачу части задач, функций на выполнение их сторонними организациями-провайдерами. Аутсорсинг повсеместно используется в бизнесе. Если мы говорим о бухгалтерском аутсорсинге, то это открытый кейс малого бизнеса, когда подобный функционал отдается под внешнее ведение иных фирм. В среднем бизнесе на аутсорсинг отдается чаще всего маркетинговая часть и часть, связанная с промышленным дизайном, так как такой функционал носит эпизодический характер и не является обязательным для успешного ведения дела. Крупный бизнес достаточно самостоятелен во всех сферах, однако, исходя из соображений объективности данных, крупный бизнес чаще всего отдает на аутсорсинг контроль за деятельностью организации [5].

Преимуществом аутсорсинга является оперативный поиск высококвалифицированных кадров, готовых к решению задач любого уровня сложности с минимальным временем на подготовку. Также безусловным плюсом аутсорсинга являются уникальные знания, которыми обладают специалисты внешней среды, так как они постоянно работают в данной сфере с различ-

ными организациями. Минусом такого подхода является нерешение проблемы с дефицитом кадров по той специальности, которую отдают на аутсорсинг, следовательно, кадровая система органа власти находится в постоянном дефиците и внешней зависимости. Также крупным минусом является то, что специалистам требуется какое-то время, чтобы изучить специфику организации, что также влияет на качество работы.

Анализ применения аутсорсинга в бизнесе осуществлен для определения сценария его адаптации в органах власти. Можно определить, что аутсорсинг – достаточно эффективный механизм в краткосрочном периоде, когда необходимо запустить новые функциональные сферы. Стоит выделить специфику государственной гражданской службы, заключающуюся в большом объеме работ с секретными данными, безопасность которых не может быть обеспечена компаниями, работающим на аутсорсинге. Такой механизм, как аутсорсинг, можно рассматривать как вариант применения в органах государственной и муниципальной власти только в случаях образования новых структурных органов (как, например, открытие нового регионального департамента либо министерства). В краткосрочном периоде это поможет быстро запустить эффективную работу, однако в это же время должна осуществляться кадровая кампания по отбору служащих и адаптации в органе.

Компетентностный подход, по оценкам многих авторов, является наиболее эффективным методом модернизации предприятий и органов власти в вопросах кадровой политики. Компетентность принято сравнивать с квалификацией. И при таком сравнении компетентность представляет собой более широкое понятие, обозначающее совокупность практикоприменимых навыков, которые сформировались у служащего, в то время как квалификация подразумевает исключительно теоретическую подготовку по определенному комплексу знаний и умений [6].

Сегодняшний квалификационный подход трансформируется в систему оценки эффективности деятельности сотрудника, а компетенции становятся основополагающим критерием не только отбора персонала, но и дальнейшего его развития. Стоит отметить, что компетенции, в отличие от квалификации, могут быть оценены и приобретены только в процессе профессиональной практической деятельности. Теоретическое образование не влияет на их развитие.

Однако, на сегодняшний день понятие «компетентность» до сих пор не определено в нормативно-правовых актах РФ, а модели оценки и выявления тех или иных компетенций не разработаны. При создании отдельной нормативно-правовой базы России по вопросам компетентностного подхода следует обратить внимание на зарубежный опыт, так как в Европе данные кадровые инновации стали неотъемлемой частью кадровой политики. Например, в Великобритании компетентностный подход развит на высоком уровне: были разработаны не только определения понятия «компетентность», но и разработаны системы оценки компетенций у сотрудников и механизмы интеграции таких подходов в коммерческие и публичные организации [7].

Преимуществами компетентностного подхода, безусловно, является ориентация на практическое применение навыков и умений в профессиональной сфере, а также ориентация на результат, а не на правильность исполнения инструкций. Минусом такого подхода является снижение уровня методологических знаний у персонала, что в операционной деятельности не является риском, но при возникновении неопределенных ситуаций низкий уровень подобных знаний существенно замедляет принятие решений и решение выявленных задач.

К сожалению, существующая проблема статичности органов власти не дает возможности в полной мере применить компетентностный подход, так как существуют утвержденные должностные регламенты, положения и методические рекомендации, которые стандартизируют деятельность персонала и не дают мотивацию для применения новых форматов решения существующих задач [8].

В современной России наблюдается рост спроса на кадровые инновации в сфере государственного и муниципального управления. Их внедрение способствует как росту эффективности служащих, так и снижению затрат на обслуживание госаппарата за счёт возможного снижения численности персонала. Учитывая соответствующую политику страны по отношению к госсектору за по-

следнее время (сокращение численности служащих) [9], вопрос освоения данных инноваций стоит особенно остро.

На сегодняшний день сфера кадровых инноваций характеризуется бессистемностью и развивается в основном посредством локальных инициатив.

Представляется, что возможные решения данных проблем будут включать: разработку соответствующей программы по внедрению кадровых инноваций; подробный анализ кадровых инноваций и практики их внедрения, разработку типовых решений; создание системы мотивации государственных и муниципальных органов по внедрению инноваций; а также разработку программы по обмену опыта и повышению квалификации среди служащих кадровых отделов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 20.02.2019 [электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318543/ (дата обращения: 13.06.2019).

2. О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [электронный ресурс]: Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 N 1662-р (ред. от 28.09.2018). // СПС КонсультантПлюс. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/ (дата обращения: 13.06.2019).

3. Макарченко М.А. Кадровый инновационный потенциал в структуре инновационного потенциала организации // Экономика и экологический менеджмент: научный журнал НИУ ИТМО. 2014. № 1. С.44.

4. Морозов В.С. Применение полиграфа при кадровом отборе // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2002. № 1. С. 27–29.

5. Вышковская М.П. Аутсорсинг как современный инструмент повышения эффективности бизнеса // Экономика и бизнес: теория и практика. 2017. № 8. С. 28-32.

6. Слободской А.Л. Управление компетенциями. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2003.

7. Лобанов В.В. Управление высшим административным персоналом [электронный ресурс] // Проблемы теории и практики управления. 2000. № 2. URL: http://vasilievaa.narod.ru/ptpu/25_2_00.htm (дата обращения: 13.06.2019).

8. База данных «Лучшие кадровые практики в системе государственного и муниципального управления» (2015–2017 годы) [электронный ресурс]. URL: https://rosmintrud.ru/ministry/programms/gossluzhba/17/1 (дата обращения: 13.06.2019).

9. Еремина Н. Массовые сокращения чиновников: кого уволят [Электронный ресурс] // Газета.ru URL: https://www.gazeta.ru/business/2019/03/19/12252157.shtml (дата обращения: 13.06.2019).

10. Никитина А.С., Каргина Е.Д. Инновации в кадровом резерве на государственной службе: возможности внедрения и готовность к исполнению // Вопросы управления. 2016. № 3 (21). С. 180-187.

PERSONNEL INNOVATIONS IN PUBLIC AND MUNICIPAL ADMINISTRATION

A. S. Nikitina
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ekaterinburg, Russia

Yu. M. Kuznetsova
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ekaterinburg, Russia

ABSTRACT: The aim is to form a holistic view of the existing innovative human resources technologies in the field of public and municipal management. The study notes that the effectiveness of personnel policy in the public and municipal service is an important indicator that assesses the level of quality development of public and municipal authorities, as well as the ability of public authorities to respond to modern challenges and meet new social trends.

Presidential Address to the Federal Assembly of the Russian Federation is a trend-forming factor in the Russian Federation, especially in the sphere of public and municipal authorities' actions. It is

important to note that today the head of state constantly focuses on improving the efficiency of personnel policy in various sectors, due to the rapid development of technology. Accordingly, the introduction of personnel innovations will be an important issue for the further development of public service.

Methods: Analysis of statutes and regulations in the field of personnel modernization and innovative transformation of public authorities, analysis of research papers of experts in the field of personnel management on staff innovations, as well as the study of world experience in implementation of staff innovations.

In the course of the analysis, personnel innovations and their applicability in the public service modernization were considered and the possibility of integrating this innovation into the sphere of personnel management was evaluated. It is noted that in modern Russia there is an increase in demand for personnel innovations in the field of public administration. Their implementation contributes both to the increase in the employees' efficiency and reduction in expenses for the state machinery due to possible reduction in the staff number.

The scientific novelty involves identification of фвьthe degree of possibility of using human resources technologies in the field of public and municipal management.

KEYWORDS: personnel innovations, innovations in public administration, personnel policy in the public sector, personnel potential of civil servants, personnel efficiency.

AUTHORS' INFORMATION: Alena S. Nikitina, Cand. Sci. (Sociological), Associate Professor, Ural Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
66, 8 March st., Ekaterinburg, 620144, Russia, alena.nikitina@ui.ranepa.ru.

Yulia M. Kuznetsova, Senior Lecturer, Ural Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
66, 8 March st., Ekaterinburg, 620144, Russia, julia.kuznetsova@ui.ranepa.ru.

FOR CITATION: Nikitina A. S., Kuznetsova Yu. M. Personnel innovations in public and municipal administration // Management Issues. 2019. № 3 (39). P. 191—198.

REFERENCES

1. Presidential Address to the Federal Assembly of the Russian Federation dated 20.02.2009 [electronic resource] // RLS ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru/ document/ cons_doc_LAW_318543/ (date of reference 13.06.2019) [Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu ot 20.02.2019 [elektronnyy resurs] // SPS Konsul'tantPlyus. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318543/ (data obrashcheniya: 13.06.2019).] – (In Rus.).

2. On the concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2020 [electronic resource]: Decree of the RF Government dated 17.11.2008 № 1662-r (ed. from 28.09.2018). // RLS ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru/ document/ cons_doc_LAW_82134/ (date of reference 13.06.2019) [O Kontseptsii dolgosrochnogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2020 goda [elektronnyy resurs]: Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 17.11.2008 N 1662-r (red. ot 28.09.2018). // SPS Konsul'tantPlyus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/ (data obrashcheniya: 13.06.2019).] – (In Rus.).

3. Makarchenko M. A. Personnel innovative potential in the structure of organization innovative potential // Scientific journal of ITMO: Economics and Environmental Management. 2014. № 1. P. 44 [Makarchenko M.A. Kadrovyy innovatsionnyy potentsial v strukture innovatsionnogo potentsiala organizatsii // Nauchnyy zhurnal NIU ITMO: Ekonomika i ekologicheskiy menedzhment. 2014. №1. S.44.] – (In Rus.).

4. Morozov V. S. Use of polygraph in staff selection // Psychopedagogics in Law- Enforcement Authorities. 2002. № 1. P. 27–29 [Morozov V.S. Primenenie poligrafa pri kadrovom otbore // Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh. 2002. № 1. S. 27–29.] – (In Rus.).

5. Vyshkovskaya M. P. Outsourcing as a modern tool for business improvement performance // Economics and Business: Theory and Practice. 2017. № 8. P. 28–32 [Vyshkovskaya M.P. Autsorsing kak sovremennyy instrument povysheniya effektivnosti biznesa // Ekonomika i biznes: teoriya i praktika. 2017. № 8. S. 28–32.] – (In Rus.).

6. Slobodskoy A. L. Expertise Management. SPb.: SPbGUEF Publishing House. 2003 [Slobodskoy A.L. Upravlenie kompetentsiyami. SPb.: Izd-vo SPbGUEF. 2003.] – (In Rus.).

7. Lobanov V. V. Top Executives Management [electronic resource] // Problems of management theory and practice. 2000. № 2. URL: http://vasilievaa.narod.ru/ptpu/25_2_00.htm (date of reference 13.06.2019) [Lobanov V.V. Upravlenie vysshim administrativnym personalom [elektronnyy resurs] // Problemy teorii i praktiki upravleniya. 2000. № 2. URL: http://vasilievaa.narod.ru/ptpu/25_2_00.htm (data obrashcheniya: 13.06.2019).] – (In Rus.).

8. Database "Best personnel practices in the system of public and municipal management" (2015-2017) [electronic resource]. URL: https://rosmintrud.ru/ministry/programms/gossluzhba/17/1 (date of reference 13.06.2019) [Baza dannykh «Luchshie kadrovye praktiki v sisteme gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya» (2015-2017 gody) [elektronnyy resurs]. URL: https://rosmintrud.ru/ministry/programms/gossluzhba/17/1 (data obrashcheniya: 13.06.2019).] – (In Rus.).

9. Eryomina N. Executives mass layoff: who will get fired [electronic resource] // Gazeta.ru URL: https://www.gazeta.ru/business/2019/03/19/12252157.shtml (date of reference 13.06.2019) [Eremina N. Massovye sokrashcheniya chinovnikov: kogo uvolyat [Elektronnyy resurs] // Gazeta.ru URL: https://www.gazeta.ru/business/2019/03/19/12252157.shtml (data obrashcheniya: 13.06.2019).] – (In Rus.).

10. Nikitina A. S., Kargina E. D. Personnel reserve innovations in public service: implementation capacity and readiness for implementation // Management Issues. 2016. № 3 (21). P. 180–187 [Nikitina A. S., Kargina E. D. Innovatsii v kadrovom rezerve na gosudarstvennoy sluzhbe: vozmozhnosti vnedreniya i gotovnost' k ispolneniyu // Voprosy upravleniya. 2016. № 3 (21). S. 180–187.] – (In Rus.).

ОСОБЕННОСТИ ТЕРРИТОРИАЛЬНО РАЗДЕЛЕННЫХ КОМАНД

УДК 658.310.823-057.17 *ГСНТИ 82.17.25*
ББК 65.291.6-21 *Код ВАК 08.00.05*
DOI: 10.22394/2304-3369-2019-3-199-203

С. В. Петров
Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых,
Владимир, Россия

АННОТАЦИЯ: При рассмотрении основных особенностей территориально разделенных команд были выявлены главные отличия от взаимодействующих команд, а также раскрыты методы оптимизации взаимодействия территориально разделенных команд. В исследовании отмечается, что в крупных компаниях реализуется значительный объем работы, который разделен на несколько мелких задач, для выполнения которых не требуется особых знаний, поэтому такие задачи выполняются с помощью субподрядчиков, в том числе и из других стран. Это может быть как отдельный человек, так и целая команда. В основном команда рассматривается как группа людей, которые имеют высокий уровень взаимозависимости, ярко выраженное стремление к достижению цели или окончательной задачи. Обычно отмечаются также взаимодополнение по функциям и при распределении ролей между членами команды. Важным признаком групповой деятельности является территориальная общность ее выполнения. Для территориально разделенной команды благодаря развитию информационных технологий это условие перестает быть особо значимым. Данный тип команды предполагает оперативную независимость сотрудников при определенном уровне централизованного управления и контроля.

Целью данных исследований является освещение особенностей территориально разделенных команд, на которые стоит обратить внимание предпринимателю, вставшему перед выбором, какую группу людей он хочет перед собой видеть: офисных работников или удаленных. Результатом исследования стала констатация факта, что территориально разделенные команды будут обходиться дешевле в содержании, но специфичнее в контролировании и направлении выполняемых работ. Выводом исследования является точка зрения о несомненных плюсах и минусах, а также особенностях того или иного вида команд, которые должен учитывать предприниматель при работе с ними.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: территориально разделенные команды, оптимизация управленческого взаимодействия, взаимодействующие команды, отличие от взаимодействующих команд.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Сергей Валерьевич Петров, кандидат экономических наук, доцент, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых,
600000, Россия, г. Владимир, ул. Горького, 87, psv01@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Петров С. В. Особенности территориально разделенных команд // Вопросы управления. 2019. № 3 (39). С. 199—203.

Уже давно прошли те времена, когда для подсчета прибыли или убытка предприятия пользовались счетами или арифмометрами, когда продукты на продажу в продуктовом магазине выбирали на огромных базах с блокнотиком в руках, а для того, чтобы нарисовать проект дома без листа метр на метр, идеально заточенного карандаша, туши, теней и умения видеть и рисовать в перспективе было не обойтись. Всего двадцать лет назад разнообразные письма, инструкции, документация и вообще вся корреспонденция отдела, департамента или другого структурного подразделения первым делом поступала к секретарю, который вручную регистрировал все полученные

© С. В. Петров, 2019

документы в специальном журнале, снимал копии, подшивал и распределял их по соответствующим папкам и разносил руководству. Документооборот на предприятиях занимал огромное количество времени как у сотрудников, так и у руководства, которому так же необходимо было потратить пару часов на разбор и анализ полученных данных. А о том, сколько времени уходило на прием и отправку телеграмм и факсов, а также переговоры по телефону, и говорить не приходится.

С приходом электронных технологий все стало куда проще: специальные приложения позволяют получать, отслеживать, сохранять и отправлять всю необходимую информацию с помощью одного клика мышки, а современная техника сэкономила время на создание всевозможных документов, графиков и презентаций. То, что раньше занимало полдня, стало длиться минуту, а половину ранее разделенных обязанностей стал выполнять один человек. Больше не приходилось отводить огромные помещения под архив, но все еще была необходимость в присутствии сотрудника на рабочем месте.

Сейчас усовершенствование электронного мира и создание неразрывной связи с человеком дает возможность все большему количеству предприятий отказываться от офисов и переводить своих сотрудников на удаленную работу, что позволяет экономить на аренде офисов предпринимателям и сокращает денежные и временные затраты на дорогу работникам. По прогнозам J'son & Partners Consulting, уже к 2020 году число удаленных сотрудников достигнет 20 % от общего количества работающего населения России [7].

Казалось бы, плюсы такой работы очевидны, однако со временем работодатели сталкиваются с рядом проблем.

В крупных компаниях реализуется значительный объем работы, который разделен на несколько мелких задач, для выполнения которых не требуется особых знаний, поэтому такие задачи выполняются с помощью субподрядчиков, в том числе и из других стран. Это может быть как отдельный человек, так и целая команда. В основном команда рассматривается как группа людей, которые имеют высокий уровень взаимозависимости, ярко выраженное стремление к достижению цели или окончательной задачи. Обычно отмечаются также взаимодополнение по функциям и при распределении ролей между членами команды. Важным признаком групповой деятельности является территориальная общность ее выполнения. Для территориально разделенной команды благодаря развитию информационных технологий, это условие перестает быть настолько значимым. Данный тип команды предполагает оперативную независимость сотрудников при определенном уровне централизованного управления и контроля. Общий уровень руководства в ней осуществляет руководитель команды, роль и особенности которого отличаются от роли руководителя организации в его классическом понимании.

Очевидно, что каждая команда существует и ведет свою деятельность по-разному. На деятельность, протекающую внутри каждой команды, влияют такие факторы, как:

1. Индивидуальные характеристики членов группы.

2. Социально-психологические процессы в группе.

3. Факторы, характеризующие позицию руководителя в группе и его влияние на совместную деятельность.

Исходя из этого, руководитель должен являться контролирующим и связующим звеном между членами команды, анализируя поступающую информацию и направляя деятельность команд в нужном направлении, если она отходит от задуманной цели. Однако невозможно контролировать весь процесс действий и вносить изменения «на ходу». Этот факт требует от руководителя наличия высоких коммуникативных навыков и постоянного совершенствования в применении различных методов влияния на личность и группу личностей с целью лучшего ее мотивирования при помощи стимулирования для достижения поставленных перед организацией целей.

Любой руководитель задается вопросом, каких людей он хотел бы видеть в своем подчинении и как их лучше организовать. Будут ли они сидеть в офисе, либо находиться в любой точке мира. И в том и в другом случае есть свои плюсы и минусы. Например, дистанционная практика работы, как уже было отмечено, финансово более выгодна. Но отталкиваться нужно даже не от этого. Важнее решить, на что способен

сам руководитель, и какой способ работы для него физически или психологически более комфортен. Для этого необходимо проанализировать личностные качества, знания и умения, способность ладить с людьми и многое другое. Тогда станет понятно, какой вид команды руководитель способен построить.

Наиболее наглядно различия между взаимодействующими и территориально разделенными командами отразил кандидат психологических наук Жулитов Ф. А. в одной из своих работ [5]. С помощью факторного анализа методом главных компонентов с «Варимакс» вращением он выделил основные факторы, детерминирующие эффективность управленческого взаимодействия. Обобщенно они приведены в таблице 1.

Первый фактор характеризует сплоченность, целеустремленность, интегративность и включенность членов команды во взаимодействие. Второй описывает показатели, которые характеризуют руководителя – личные ценности и цели, умение влиять на людей и управлять собой, наличие творческого подхода к решению проблем и предпочитаемая роль во взаимодействии (лидер, администратор или педагог). Третий объединяет личностные особенности членов команды, такие как общительность, целеустремленность, уверенность, уступчивость, отзывчивость, сотрудничество, соперничество, компромисс и другие.

Исходя из приведенных данных видно, что для взаимодействующих команд приоритетным фактором оказался дизайн группы, в то время как территориально разделенные больше внимания отдают личностным качествам руководителя, его умению влиять на других и организовывать процессы, и меньше обращают внимание на личностные качества людей. Таким образом, именно позиция руководителя оказывает решающее влияние на результативность и эффективность взаимодействия между членами территориально разделенной группы [1].

Еще одним отличием (и вместе с тем главной особенностью) от взаимодействующих команд является отсутствие или минимальное личное общение членов группы между собой и руководителем, что создает ряд трудностей для эффективной деятельности компании. Также необходимо учитывать специфику обучения, консультирования и мотивирования работников – привычные способы контроля за деятельностью участников команды не работают в виртуальной среде, затруднено получение обратной связи от сотрудника о результатах работы.

Поэтому руководитель должен правильно выстроить информационные потоки и наладить связь между подчиненными, что помогло бы более тщательно контролировать и координировать их деятельность. Ему также необходимо оформлять задания таким образом, чтобы они вызывали интерес у членов команды, мотивировали их на достижение поставленных целей. Кроме того, руководитель должен определить социально-психологическую структуру группы и выстроить систему ролей для подчиненных. Например, выделить того, кто будет представлять команду при сдаче выполненного заказа. Отсутствие или наличие некоторых ролей – важный показатель качества управленческого взаимодействия [5].

Помимо прочего, важным условием оптимизации управленческого взаимодействия в территориально разделенной команде является формирование рефлексивной модели управления, основанной на развитии способности руководителя к рефлексии собственной позиции и формировании у него целостного представления о совместной деятельности и системе взаимодействия [3].

Таблица 1

Основные факторы, детерминирующие эффективность управленческого взаимодействия

Факторы	Взаимодействующие команды, вес фактора	Территориально разделенные, вес фактора
Дизайн группы	9,89	8,57
Позиция руководителя	5,38	10,4
Личностные качества	7,55	6,42

Таким образом, для организации эффективной работы территориально разделенных команд руководитель должен определить приоритеты и сделать акцент либо на организации, упорядочивании и разграничении деловых и межличностных, формальных и неформальных взаимосвязей, либо на качестве самой системы взаимодействия, усовершенствовав ее, сделав гибкой и управляемой, способной быстро получать и перерабатывать информацию. Этот факт помогает еще раз доказать, что эффективное функционирование территориально разделенных команд во многом зависит от руководителя, от его понимания своего места и роли в построенной системе и способности правильно организовать взаимодействие с учетом всех особенностей команды.

Кроме того, при работе с удаленными командами в первую очередь стоит продумать систему отчетности и контроля. На первых порах, когда команда только выстраивается, руководителю следует установить четкий и подробный план и следить за его соблюдением – прописать форму отчетности и ее регулярность. Так, постоянные встречи или созвоны позволят своевременно делать выводы и вносить корректировки в работу, если потребуется. Помимо прочего это хорошо дисциплинирует сотрудников и помогает избегать неприятных моментов и срывов работы. Также не менее важно установить надежный способ связи с удаленными сотрудниками, чтобы быть уверенным, что важная информация от заказчиков или об изменениях дойдет до каждого сотрудника и не исказится в процессе ее передачи.

Для того чтобы занятость команды была «как на ладони», рекомендуется ввести списание затраченного времени на каждую задачу так, чтобы в конце дня сумма трудозатрат сложилась в рабочий день. Отчет по времени должен стать обязательным для каждого в команде, вне зависимости от местоположения. Помимо достижения прозрачности ежедневной загрузки сотрудников будет возможность проанализировать реальные трудозатраты по видам и периодам работ, что в итоге упростит планирование, а также позволит оптимизировать процессы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеев В. С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М.: Изд-во МГУ, 1990.

2. Гулевич О. А. Психология межгрупповых отношений: учебник для бакалавриата и специалитета. М.: Юрайт, 2018.

3. Карпов А. В. Психология рефлексивных механизмов деятельности. М., 2004.

4. Макерова В. В. Социальная психология: современная теория и практика: учеб. пособие для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2019.

5. Жулитов Ф. А. Особенности форм управленческого взаимодействия при командной организации совместной деятельности с помощью информационных технологий // Телекоммуникации и информатизация образования. 2007. №2.

6. Чернова Г. Р. Социальная психология: учебник для бакалавриата и специалитета. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2019.

7. Аналитика ИКТ и Digital Media [электронный ресурс]. URL: http://json.tv/ (дата обращения: 29.12.2018)

PECULIARITIES OF GEOGRAPHICALLY SEPARATED TEAMS

S. V. Petrov
Vladimir State University,
Vladimir, Russia

ABSTRACT: When considering the peculiarities of geographically separated teams, the main differences from the interacting teams were revealed, as well as the methods of optimizing the interaction of geographically separated teams. The study notes that a significant amount of work is carried out in large companies, which is divided into several small tasks that do not require special knowledge, so such tasks are performed by subcontractors, including the foreign ones. It can be a single person or a whole team. Basically, a team is seen as a group of interdependent people with pronounced desire to

achieve a goal or a final task. Usually, there is also a complementarity in functions and in the distribution of roles among team members. An important feature of group activity is the territorial community of its implementation. For a geographically divided team, due to the development of information technologies, this condition is not very significant. This type of team assumes operational independence of employees at a certain level of centralized management and control. The purpose of these studies is to highlight the features of geographically separated teams, which could draw the attention of an entrepreneur facing an alternative of what group of people he wants to see: office workers or remote. The result of the study is a statement of the fact that geographically separated teams will be cheaper in content, but more specific in the control and direction of work performed. The conclusion of the study is the point of view of the undoubted pros and cons, as well as the features of a particular type of teams that an entrepreneur should take into account when working with the latter.

KEYWORDS: geographically separated teams, optimization of managerial interaction, interactive teams, difference from interactive commands.

AUTHORS' INFORMATION: Sergey V. Petrov, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor, Vladimir State University,
87, Gorky st., Vladimir, 600000, Russia, psv01@yandex.ru.

FOR CITATION: Petrov S. V. Peculiarities of geographically separated teams // Management Issues. 2019. № 3 (39). P. 199—203.

REFERENCES

1. Ageev B.C. Intergroup interaction: social and psychological problems. M.: Publishing House of Moscow State University, 1990 [Ageev B. C. Mezhgruppovoe vzaimodeystvie: sotsial'no-psikhologicheskie problemy. M.: Izd-vo MGU, 1990.] – (In Rus.).

2. Gulevich O. A. Psychology of intergroup relations: a textbook for undergraduate and specialist studies. M.: Publishing House Yurayt, 2018 [Gulevich O. A. Psikhologiya mezhgruppovykh otnosheniy: uchebnik dlya bakalavriata i spetsialiteta. M.: Izdatel'stvo Yurayt, 2018.] – (In Rus.).

3. Karpov A.V. Psychology of reflexive mechanisms of activity. M., 2004 [Karpov A. V. Psikhologiya refleksivnykh mekhanizmov deyatel'nosti. M., 2004.] – (In Rus.).

4. Makarova V. V. Social psychology: contemporary theory and practice: textbook for academic bachelor degree. M.: Publishing House Yurayt, 2019 [Makerova V. V. Sotsial'naya psikhologiya: sovremennaya teoriya i praktika: ucheb. posobie dlya akademicheskogo bakalavriata. M.: Izdatel'stvo Yurayt, 2019.] – (In Rus.).

5. Zhulitov F.A. Features of administrative interaction forms at the command organization of joint activity by means of information technologies // Telecommunications and informational support of education. 2007. № 2 [Zhulitov F. A. Osobennosti form upravlencheskogo vzaimodeystviya pri komandnoy organizatsii sovmestnoy deyatel'nosti s pomoshch'yu informatsionnykh tekhnologiy // Telekommunikatsii i informatizatsiya obrazovaniya. 2007. №2.] – (In Rus.).

6. Chernova G. R. Social psychology: textbook for undergraduate and specialty. 2nd updated edition. M.: Publishing House Yurayt, 2019 [Chernova G. R. Sotsial'naya psikhologiya: uchebnik dlya bakalavriata i spetsialiteta. 2-e izd., ispr. i doP. M.: Izdatel'stvo Yurayt, 2019.] – (In Rus.).

7. ICT and Digital Media Analytics [e-resource]. URL: http://json.tv/ (date of reference 29.12.2018) [Analitika IKT i Digital Media [elektronnyy resurs]. URL: http://json.tv/ (data obrashcheniya: 29.12.2018)] – (In Rus.).

МОЛОДАЯ СЕМЬЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

УДК 316.356.2 *ГСНТИ 04.51.67*
ББК 60.561.51 *Код ВАК 22.00.08*
DOI: 10.22394/2304-3369-2019-3-204-214

А. В. Романова
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
AuthorID: 1011110

Г. М. Цинченко
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
AuthorID: 688861

АННОТАЦИЯ: Цель. Проанализированы основные проблемы молодых семей с детьми на основе исследования социально-экономического состояния молодых семей с детьми в Российской Федерации и нормативного регулирования семейной политики государства в отношении молодых семей с детьми.

В исследовании определяются отличительные особенности современных молодых семей, дается характеристика взаимоотношений мужчин и женщин.

Методы. Исследование проведено на основе комплекса общенаучных методов, таких как обобщение и систематизация теоретических данных на основе изучения работ различных авторов, анализа, сравнения, системно-функционального и комплексного подхода. Использован анализ официальной статистики и нормативных правовых актов Российской Федерации.

Результаты. Теоретическая и практическая значимость проведенного исследования заключается в том, что в нем рассматривается система социальной защиты молодых семей с детьми и выявляются основные имеющиеся проблемы. Исследование показывает, что система мер государственной поддержки молодых семей должна охватывать значительно большее количество направлений, не ограничиваясь финансовой и материальной помощью. Проведенный анализ позволит обозначить актуальное состояние выявленных проблем и поспособствует совершенствованию семейной политики в отношении молодых семей, в которых есть ребёнок, в современных условиях.

Научная новизна. Выявлена недостаточная рациональность социальной защиты и помощи молодым семьям из-за отсутствия учета показателей дифференциации молодых семей по социальным и демографическим характеристикам, в результате чего значительная доля молодых семей с детьми остается в экономической и профессиональной изоляции, а также выделены направления совершенствования государственной семейной политики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: семья, брак, молодая семья, проблемы молодой семьи, институт семьи.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Анастасия Вячеславовна Романова, аспирант, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
199178, Россия, г. Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., 57/43, romanova.upgrade@gmail.com.

Галина Михайловна Цинченко, кандидат социологических наук, доцент, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
199178, Россия, г. Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., 57/43, galina_ts55@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Романова А. В., Цинченко Г. М. Молодая семья: современные проблемы // Вопросы управления. 2019. № 3 (39). С. 204—214.

© А. В. Романова, Г. М. Цинченко, 2019

В настоящее время одним из значимых объектов реализации направлений социальной политики является молодая семья. Кроме фокусировки на общеизвестных проблемах молодой семьи, существующих на протяжении длительного времени, научным сообществом выделяется негативная динамика особенностей, характерных для

современных молодых семей. Молодая семья определяет будущее общества, демографическую перспективу страны, которая напрямую связана с разрешением проблем социальной сферы и экономической. В рамках продолжающегося кризиса семьи в России, первое понятие которого зафиксировал и признал П. А. Сорокин, остаются интересны для изучения и не теряют свою актуальность работы таких авторов, как А. И. Антонов, Т. А. Гурко, О. В. Дорохина, Г. И. Климантова, М. С. Мацковский, В. М. Медков.

Взаимоотношения мужчин и женщин не сводятся только лишь к межполовым взаимодействиям, браку, родительству, они также состоят из соотношения работы, политической и экономической сфер. Упоминая семью, было бы неверно исключить понятия заработка денег, образования, профессии, эмоциональной составляющей. На всех стадиях совместного проживания (от добрачных отношений до проживания после развода) существуют конфликты конкретной эпохи существования семьи, но семья является в данном случае не причиной, а местом конфликта. Имея возможность выбирать и принимать решения, супруги в большей своей части осознают их антагонистические риски в последствиях, к примеру, вопрос о рождении и ответственности за ребёнка должен решаться совместно с вопросом работы, а вместе с этим и экономического положения семьи. Статистика свидетельствует о том, что без семейной ответственности и без экономической зависимости от супруга материнство (отцовство) воспринимается утопично. При переходе от традиционной модели семьи к современной происходит изменение количества нагрузки на супругов в той или иной сфере. С развитием индустриального общества семья «единственная и на всю жизнь» становится всё чаще исключением, брак выстраивается на статусном положении супругов, которое в процессе модернизации становится неустойчивым. Парадокс заключается в том, что большее стремление к равенству мужчин и женщин позволяет увидеть напряжённую ситуацию существующего неравенства [1, с. 84]. *Риск* столкновения традиционной системы отношений и современного понимания семьи способен привести к росту непонимания и отсутствию точек соприкосновения в молодой семье: женщины, имеющие в XXI веке удачную карьеру, имеют соответственные ожидания в работе и уровне заработной платы от мужчин, которые, в свою очередь, настроены иметь домашний очаг, обеспеченный женщиной, и совершенно не настроены вступать в борьбу за равноправие. При этом положение обоих полов в отношении друг друга обостряется и становится всё более неравным, что и определяет, как отмечал У. Бек, его дальнейшее развитие – возвращение к малой семье, противопоставляемой нуклеарной; наступление равноправия мужчин и женщин, приводящее к одиночеству мужчины или женщины, как результату развитого модерна; появление новых форм совместной жизни, выходящих за рамки роли мужчины или роли женщины.

При анализе семьи как социального института изучаются не какие-либо конкретные семьи, а типы семейного поведения, которые характерны для определенной культуры или социальной группы, имеющих специфическое поведение в семейных отношениях. Из существующего множества подходов к понятию молодой семьи в зависимости от того, в рамках какой науки оно рассматривается, можно остановиться на следующем. Исследованием проблем молодой семьи занимались такие учёные, как А. И. Антонов, С. И. Голод, Т. А. Гурко, М. С. Мацковский и другие, однако конкретного и единого термина «молодая семья» до настоящего времени не сформулировано. В нормативно-правовых актах часто упоминаемым определением «молодой семьи» является интерпретация её как члена подпрограммы «Обеспечение жильем молодых семей», которая в свою очередь является частью федеральной целевой программы «Жилище». Исходя из этого, к молодой семье следует относить полные, состоящие из двух родителей, а также неполные молодые семьи, состоящие из одного молодого родителя и одного (или более) детей. При этом возраст каждого из супругов либо одного родителя в неполной семье не должен превышать 35 лет. В социологических исследованиях понятие молодой семьи трактовалось с точки зрения некой структурной единицы жизненного цикла семьи [2, с. 192–220]. В рамках социологии понятие может рассматриваться с точки зрения продолжительности существования семьи как таковой, например, это может быть

первый брак у обоих супругов продолжительностью не более трёх лет, при этом супруги должны находиться в возрасте до 30 лет. То есть это может быть семья, в которой оба супруга не имеют достаточно опыта совместной жизни и ведения быта и находящиеся на этапе освоения новых социальных ролей [2, с. 185]. Е. М. Зуйкова, Т. А. Гурко и Н. В. Кузнецова отмечают, что к молодым семьям относятся семьи, имеющие стаж совместной жизни до 3 лет, где оба супруга состоят в первом браке, но при этом находятся в возрастной категории до 30 лет. Стаж в три года объясняется тем, что на указанный промежуток времени приходится большое количество разводов в семьях и этот период выделяется социологами как кризисный, а на становление супружеских отношений влияют личные характеристики супругов, которые они имели до брака. Возрастная граница в 30 лет устанавливается, исходя из определения «молодёжь», которое фигурирует в научной литературе, а очередность брака определяется тем, что последующий брак одного из супругов уже будет иметь определенные специфические особенности. Однако М. С. Мацковский совместно с Т. А. Гурко рассматривают молодую семью как супружескую пару, продолжительность жизни которой составляет до 5 лет (включительно) при возрасте супругов не старше 30 лет, поскольку для завершения формирования этапа создания полноценной семьи необходимо наличие ребёнка, которого супруги к пяти годам семейной жизни уже имеют. Основные различия подходов к определению определяются разными границами совместной жизни.

Нестабильное положение в обществе как результат финансовых, жилищных, бытовых, социально-психологических проблем дополняется достаточно поздним вступлением в брак, повышением количества разводов, появлением большего числа монородительских семей и расширенных семей, а также снижением рождаемости. По данным Федеральной службы государственной статистики, суммарный коэффициент рождаемости (число родившихся детей на одну женщину) в Российской Федерации на 2013 год составлял 1,707, тогда как в 2017 году его показатель был равен 1,621 [3]. Для сравнения стоит отметить, что для обеспечения воспроизводства населения и замещения поколений суммарный показатель рождаемости должен составлять 2,15–2,20. В наглядном виде данные представлены в таблице 1.

Среди причин демографического спада следует выделить следующие – низкая рождаемость и увеличение малодетности, медленный рост продолжительности жизни населения, увеличение количества разводов, массовое одиночество среди женщин старших возрастов, значительное распространение социального сиротства. Стоит отметить, что во все времена особо значимыми для страны были здоровые и полноценные семьи, в которых продолжается социализация личности благодаря освоению новых ролей: супруга, родителя. В современной России происходит достаточно явное ослабление понимания необходимости брака среди молодого населения. Последние несколько десятков лет развития института семьи ознаменованы новыми тенденциями, что обусловливает появление новых подходов к работе с семьёй. Актуальность детоцентристского типа семьи характеризуется равными отношениями мужа и жены в браке, совместным планированием конкретного возраста для рождения детей, а также чёткого понимания желаемого количества детей (чаще не больше двух). Детоцентристский тип семьи по своей природе является малодетным. Как показывают исследования, в детоцентристской семье даже при небольшой материальной обеспеченности родители всеми силами стараются найти средства и возможности для удовлетворения потребности детей в одежде, проведении качественного досуга, получении образования и пр. [4, с. 143]. Рождение двух и более детей для молодых родителей может вызвать напряженность, связанную с избыточной иждивенческой нагрузкой.

Таблица 1

Суммарный коэффициент рождаемости в России в 2012-2017 гг.

Года	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Суммарный коэффициент рождаемости (число родившихся детей на 1 женщину)	1,691	1,707	1,750	1,777	1,762	1,621

Вследствие возможного обострения проблем молодой семьи, многодетными семьями являются зачастую супруги среднего возраста. Сложность развития и закрепления молодой семьи на устойчивой позиции в настоящее время усугубляется финансовой нестабильностью, снижением брачной активности за счет увеличения возраста при заключении брака, а также нерегистрируемых брачных союзов. Важным демографическим показателем является средний возраст вступления в брак, который рассчитывается как время, которое прошло со дня рождения человека до даты заключения брака. Сегодня в России показатель среднего возраста вступления в брак – 25 лет [5, с. 33–44]. В этих условиях социальная защита и поддержка молодых семей со стороны государства особо значима.

Молодая семья находится в процессе своего становления, интенсивного развития и нестабильности отношений между её членами. У молодых людей существует недостаточно сформированное представление о половых отношениях, браке и семье. В начале семейной жизни уровень финансовой обеспеченности представляет собой большое препятствие для её стабилизации. Повышенная материальная и финансовая потребность возникает в связи с необходимостью обустройства семейной жизни: улучшение жилищных условий, организация быта, а также времени, когда супруги вынуждены проходить определенные ступени социализации: получать образование, профессию, рабочее место, обзаводиться детьми. На досуг у молодой семьи вовсе не остается средств. Стабильность семьи зависит от начального периода отношений, где супруги начинают распределять между собой труд и обязанности, входить в мир друг друга, находить решение проблем, например, жилищных или финансовых. Кроме того, она зависит и от новых социальных ролей, принятых на себя молодыми людьми, преобразования личности, процесса приобретения жизненного опыта, взросления.

Стоит выделить множество причин, побуждающих молодежь к вступлению в брак, среди которых такие как: кратковременная влюбленность, корыстный материальный расчет, стремление к независимости от родителей, незапланированная беременность, страх одиночества. Молодые люди, вступившие в брак, зачастую недостаточно социально и педагогически зрелы. В первые годы после вступления в брачные отношения происходят процессы формирования социальной организации семьи, взаимной адаптации, формируются и складываются приёмы преодоления конфликтов. Следовательно, молодая семья не представляет, с каким множеством проблем она теоретически может столкнуться, в свою очередь не разрешенные вовремя трудности могут иметь тяжелые последствия. Одним из таких последствий может быть распад семьи, причинами которого могут являться: проблема сожительства, необдуманные и поспешные решения вступления в брак, несовместимость характеров и взглядов, взаимно предъявляемые претензии в быту, психологическая и практическая неподготовленность к семейной жизни, разочарование в любимом человеке.

Обратимся к таблице 2 – по представленным данным Федеральной службы государственной статистики процент от общего числа разводов в семьях с продолжительностью брака от года до двух лет заметно увеличился в сравнении с 1990 годом – периодом брачного возраста предыдущего поколения.

Таблица 2

Продолжительность расторгнутых браков (процент от общего числа разводов)

Продолжительность брака	1960	1990	2016
до 1 года	4,0	4,0	4,7
1-2 года	18,7	16,5	19,4
3-4 года	18,4	15,5	17,4
5-9 лет	**31,3**	**25,9**	**25,8**
10-19 лет	21,5	25,9	19,5
20 лет и старше	**5,7**	**12,0**	**13,2**
неизвестно	0,4	0,1	0,1

Молодая семья в большей степени, чем зрелые и опытные семьи, нуждается в помощи общества и государства, поскольку имеет особый, социально значимый характер для построения общества в целом. Он обусловлен потребностью в социальной безопасности молодой семьи, ее сохранности и поддержания активной жизненной позиции. Одной из важнейших характеристик молодой семьи является её функциональная структура. С одной стороны, функции семьи напрямую связаны с запросами современного общества, где проживает и развивается семья, с другой стороны – с интересами и ожиданиями тех, кто в эту семью входит. Члены семьи, занятые добычей средств к существованию, осуществляют экономическую функцию, которая определяет уровень благосостояния молодой семьи. Стоит отметить, что в силу возраста и неопытности в осуществлении трудовой деятельности, реализация данной функции у молодой семьи достаточно нестабильна, о чём будет написано далее. Хозяйственно-бытовая функция семьи проявляется совместным ведением хозяйства и удовлетворенностью супругов протеканием совместного быта и устройством совместной жизни. Одна из важнейших функций молодой семьи как малой социальной группы – репродуктивная, которая состоит не только в воспроизводстве населения в биологическом аспекте, но и включает в себя удовлетворение духовно-нравственных потребностей человека. Функция осуществления социального контроля выражается в определении моральной составляющей поведения членов семьи в различных сферах жизнедеятельности, как между собой, поколениями, так и с другими членами общества. Воспитательная функция в молодой семье реализуется через социализацию детей и младших членов семьи в следующих направлениях: духовно-нравственное, патриотическое, физическое, гражданское воспитание детей. Данная функция связана с духовной, которая отвечает за поддержание моральной ответственности членов семьи. Немаловажной является досуговая (рекреативная) функция семьи, определяющая организацию и проведение свободного времени только супругами или совместно с детьми. Для молодой семьи существенную роль играет эмоциональная функция, так как стабилизация отношений, оказание взаимной поддержки в первые годы брака являются фундаментальными для укрепления союза. Функции семьи существуют в совокупности друг с другом, находясь в определенной системе, которая имеет развитие в каждом жизненном цикле семьи.

Важнейшим процессом в жизни человека является формирование не только его как личности, но и осознание себя в обществе в целом. Важно, чтобы индивид мог освоиться в общественной жизни, а также пришел к пониманию социальных норм и формированию необходимого для нормального взаимодействия с обществом набора качеств и ценностей. Всему этому способствует семья, которая в совокупности целенаправленно и организованно оказывает влияние на личность.

Рассмотрим основные проблемы, с которыми сталкиваются молодые семьи:

1. Нестабильность отношений на начальной стадии развития семьи – прежде всего, в начале семейной жизни у молодых супругов могут складываться взаимно неустойчивые отношения. Связано это с появлением разногласий о представлении супружеских отношений, так как каждый из супругов основывается на воспитании, принятом за основу в его семье, и на том, какие ценности передали родители. В этой стадии отношений происходит адаптация у супругов, где они совместно должны вырабатывать общие новые взгляды на семейную жизнь. Зачастую в таких ситуациях рождается конфликт, например, из-за распределения семейных обязанностей (воспитания детей, проведения досуга).

На стабильность в семье оказывает существенное влияние участие как мужа, так и жены в разрешении вопросов. Количество семей с равным участием супругов в семейных вопросах велика в молодых семьях, а в семьях средней возрастной группы, особенно многодетных, чаще можно отметить главенство женщины. Число семей, поддерживающих демократические отношения, увеличивается пропорционально повышению уровня культуры, образования и профессионального развития. Суть проблемы заключается в том, что люди в молодой семье еще недостаточно знают друг друга, недостаточно толерантны друг к другу.

2. Следующая проблема – экономическая нестабильность. Учитывая дефицит денежных средств, невозможность обеспе-

чения достойной жизни семьи может привести к прекращению её существования. Зачастую молодые люди, став семьёй, из-за выраженной экономической нестабильности не готовы к планированию и рождению ребёнка. Усугубляет положение получение (продолжение) образования одним или двумя супругами, вследствие чего отсутствие достойного рабочего места и соответствующей заработной платы, а также наличие различных дополнительных затрат, усложняют решение вопроса приобретения жилья и организации полноценного семейного быта. Заработная плата, пособие на ребенка, различные выплаты и компенсации родителям, материальная помощь родственников – это всё, из чего складывается семейный бюджет молодой семьи, и этих средств недостаточно для нормальной жизнедеятельности.

3. Проблема жилищных условий – это отдельный самостоятельный вопрос, причем первостепенный, если учитывать то, что каждому из супругов необходимо личное пространство. Зачастую молодой семье приходится жить совместно с родителями одного из супругов. Положительными сторонами здесь являются совместный досуг, помощь в выполнении бытовых функций, а также высвобождение времени молодых родителей для учебы или подработки. Но есть и негативные последствия помощи, которые приводят к ухудшению взаимоотношений между молодыми супругами и их родителями, росту конфликтности. Для некоторых же категорий семей существует другой вариант – покупка собственной квартиры, но для большинства молодых семей эта возможность ограничена финансами.

4. Проблема образования и трудоустройства. Понятие «молодая семья» предполагает молодежь в возрасте 18–30 лет – чаще всего это студенты и молодые люди, завершающие или недавно завершившие профессиональную подготовку. Позднее формирование социальной ответственности за себя и членов семьи связано с необходимостью больших затрат времени для завершения образования. Молодая семья является уязвимой группой на рынке труда, так как не имеет достаточного профессионального и социального опыта, и в силу этого она менее конкурентоспособна. Проблема трудоустройства молодых людей существенно отражается на молодой семье, а иногда вообще ставит под угрозу ее существование. Ведь из-за отсутствия работы многие молодые люди стеснены в финансовом плане, из-за чего не могут содержать семью самостоятельно.

5. Психологические проблемы. Психологический, эмоциональный комфорт – очень важный критерий в отношениях современной молодой семьи. В большинстве семей ценится, прежде всего, любовь, взаимное уважение, общие взгляды, интересы и духовная близость. Отсутствие тепла в отношениях супругов, дефицит доверительности, внимания, проблемы общения – всё это может привести к разрушению семьи не менее, чем жилищная или любая другая проблема. Супругам приходится в той или иной степени принимать систему ценностей друг друга, чтобы в будущем она удовлетворяла их обоих. Также им приходится привыкать к новому, изменившемуся для них образу жизни, к характеру, увлечениям супруга.

6. Хозяйственно-бытовая проблема. В последние два-три десятилетия вследствие роста экономической самостоятельности женщин, занятых работой, в индустриально развитых странах сложилась эгалитарная система семейных взаимоотношений, в которой хозяйственные обязанности супругов распределяются равно пропорционально. Переломным моментом в семейных отношениях российской семьи может быть процесс принятия решения супругами о том, кто из них будет заниматься приготовлением еды, уборкой по дому, покупкой продуктов, оплатой счетов, уходом за детьми. Некоторые девушки приучены матерью к постоянным делам по хозяйству, другие же не переняли данный навык, а сосредоточили внимание на профессиональном развитии. Конфликт может наступить при столкновении разных моделей воспитания, в традиционной семье зачастую мужчина берет пример со своего отца, который всю жизнь только работал и никогда не занимался домашним трудом, а мать постоянно занималась приготовлением еды и уборкой. В современной же молодой семье существует гибкое распределение обязанностей между мужем и женой в первую очередь на основе договорённости между собой, а также с учётом их умений, навыков и занятости в профессиональной сфере.

7. Медицинские проблемы – неподготовленность молодых семей к браку, недостаточное половое воспитание проявляется несформированностью культуры интимных отношений, неосознанным отношением молодых людей к репродуктивному поведению. Охрана здоровья молодой семьи должна быть на соответствующем уровне, ведь от него зависит эффективность функции деторождения. Сложная демографическая ситуация во многом обусловлена низким репродуктивным потенциалом молодёжи, вступающей в семейную жизнь. Распространённость бесплодного брака в некоторых регионах России превышает критический уровень и составляет от 8 до 19,6 %. На основании этого в сфере социально-демографической политики одной из приоритетных задач является охрана репродуктивного здоровья населения с помощью репродуктивной медицины, важным направлением деятельности которой стало выявление и лечение мужского и женского бесплодия [6, с. 10–12]. Репродуктивное здоровье как мужчин, так и женщин заметно ухудшилось – выделяют около 20 % бесплодных пар из числа состоящих в браке. Бесплодие могло наступить вследствие перенесенных абортов (в России их делается около 1,5 миллионов в год) или протекавших различных заболеваний, передающихся половым путём [7, с. 78]. Аборт является серьёзным психологическим стрессом для женского организма, возможным исходом для последующих родов может быть инвалидность ребёнка или наличие у него психофизиологических отклонений.

8. Проблема проведения досуга. Важно, чтобы супруги умели рационально распределять свое свободное время и не забывали проводить его вместе. В семье могут возникать ссоры из-за выбора способа проведения досуга, ведь не всегда могут совпадать их интересы. Также в силу нехватки времени и высоких цен на продукты питания, транспорт и другие расходы у молодежи снижается доступность посещения различных культурно-просветительских мероприятий, например, театров, выставок, музеев, потому зачастую молодежь проводит свободное время за просмотром телевизора, посещением друзей, прогулками. Стоит отметить, что супругам следует иногда проводить досуг раздельно, чтобы отдыхать друг от друга, давать личное пространство каждому [8, с. 197–202].

Длительное время качество брака и стабильное состояние семьи соотносились со стабильным уровнем её материального положения, улучшением качества жилищных условий. Субъективная удовлетворённость браком и стабильность семейного положения зависит от нескольких позиций – как от желания и возможности совместить ценности, ориентации свои и партнёра, так и от потребностей и желаний каждого из супругов. К примеру, мужчины высоко ценят в женщине такие черты, как преданность делу и принципиальность (45 %), затем хозяйственность (27 %), привлекательность и весёлый характер на третьем месте (6.6 %). Женщины определяют, что в первую очередь в мужчине важны хозяйственность и домовитость (40.5 %), следом преданность делу и принципиальность (35.1 %) и лишь на третьем месте привлекательность и веселый характер (5.6 %) [9, с. 230]. Однако все вышеперечисленные проблемы молодых семей имеют актуальный характер и проявляются как по отдельности, так и в совокупности друг с другом. Молодая семья находится процессе достаточно интенсивного многостороннего развития. Перемены внутри института семьи в целом и в природе семейных отношений в частности акцентируются специалистами на процессе от «эволюции» до «кризиса» семьи. В настоящее время супруги в молодых семьях находятся на стадии выработки жизненной стратегии и часто им самим необходимо воспитание, ведь у многих молодых пар сейчас нет ни социально-нравственной готовности (возраст, образование, профессия, уровень нравственного сознания), ни психологической (устойчивость характера и чувств, навыки общения с людьми), ни педагогической готовности (грамотность, экономические, хозяйственные умения и навыки), ни сексуальной воспитанности (физиологические особенности супругов).

Одним из важнейших факторов успешных семейных взаимоотношений является регулирование брачно-семейных отношений через различные традиции, обычаи, пропаганду, просвещение и законодательство, реализацию социальной и семейной политики государства. Комплексное воз-

действие социума на семью осуществляется через решение следующих задач:

– укрепление статуса молодой семьи, уменьшение числа разводов;

– популяризация и поддержка направленности на рождение двух и более детей;

– придание авторитета не только материнству, но и отцовству.

Дифференцированный подход к решению рассмотренных выше проблем может выражаться в адресности оказываемой помощи многодетным семьям в зависимости от их структуры. Система мер должна быть направлена на создание условий для удовлетворения интересов семей, повышения их экономической независимости, а также роли в самореализации личности, воспитании новых поколений, укреплении престижа брака и семейного образа жизни. К примеру, облегчить жилищную проблему многодетных семей возможно через разработку и применение кредитных программ, направленных на улучшение жилищных условий при рождении четвёртого и последующих детей, а также погашения части кредита за счёт государства в зависимости от количества детей и их возраста; компенсацию процентной части затрат многодетных семей на строительство (приобретение строительных материалов) или покупку жилья в случае рождения (усыновления / удочерения) ребёнка. Проблемы экономической нестабильности возможно разрешить путём разработки и применения на практике систем стимулирования работодателей к принятию работников, являющихся многодетными родителями, путём снижения налоговых и страховых взносов за таких сотрудников; установлением приоритетного права родителей многодетных семей при приёме на работу при прочих равных условиях (соответствие квалификации, прохождение конкурса на рабочее место); разработкой и внедрением доплат к пособиям по уходу за ребёнком. Проведение ежегодной диспансеризации для всех членов многодетной семьи в поликлиниках по месту жительства с выпиской терапевтом рекомендаций с целью предупреждения заболеваний, внедрение и распространение практики оказания медицинской помощи детям с выездом на дом (осмотр, консультация, взятие анализов) для замещения амбулаторного приёма способны предотвратить или снизить риск медицинских проблем семьи. Распространение дистанционного электронного обучения с помощью сети интернет, к примеру, расширенное внедрение системы управления обучающими курсами Moodle, для многодетных родителей, находящихся в отпуске по уходу за ребёнком; применение данной системы для получения дополнительного образования родителей, повышения их трудовой квалификации необходимо для аккумуляции и актуализации должностных требований, являющихся важными для комфортного возвращения родителя, находившегося в отпуске по уходу за ребёнком, на прежнее рабочее место, что может решить проблемы, связанные с образованием и трудоустройством родителей.

Проблемы организации досуга можно решить увеличением финансирования государственных и муниципальных спортивных учреждений, на базе которых расположены секции, кружки дополнительного образования детей. Семьям необходима не только возможность бесплатного посещения таких учреждений, для них важно наличие и предоставление инвентаря на период занятия для ребёнка. Популяризация семейных форм проведения досуга с непосредственным участием каждого члена семьи (тематические мероприятия по типу «семейный выходной», спортивные семейные праздники, соревнования, квесты в реальности, совместные путешествия) способствует укреплению семьи, развитию взаимной поддержки и препятствует формированию антисемейных установок в российском обществе.

В сфере социального обслуживания необходим мониторинг и выявление социально-педагогического неблагополучия детей из многодетных семей в образовательных учреждениях всех уровней, а также усиление информационной активности на различных площадках – официальные сайты учреждений социальной защиты, социальные сети, городской общественный транспорт, наружная реклама на городских билбордах и в смежных социальных учреждениях.

Отметим, однако, что сосредоточение государства только лишь на финансовых и экономических формах поддержки семьи не приведёт к решению вопроса о повышении рождаемости и укреплению роли семьи в обществе. Основными направлениями се-

мейной политики, согласно Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации до 2025 года, можно отметить следующие.

Акцент на сохранение духовно-нравственных ценностей в отношениях супругов и детей, создание условия для укрепления традиционных ценностей и семейного образа жизни. К таким традиционным ценностям стоит отнести стремление к созданию официально зарегистрированного в органах ЗАГС добровольного союза между мужчиной и женщиной, имеющего под собой в основании заботу и уважение друг к другу (к детям). Ответственное родительство и повышение авторитета родителей в семье являются обязательными составляющими социальной устойчивости российских семей [10, с. 180–186].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
2. Россия и Китай: молодежь XXI века: монография. М.: Новый хронограф, 2014.
3. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/ (дата обращения 20.04.2019).
4. Исаев Б. А. Социология. Краткий курс. СПб.: Питер, 2010.
5. Воронцов А. В. Демографическое состояние русского народа // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения: труды XIII Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием. СПб., 2018.
6. Котельникова Ю. С. Анализ основных психологических концепций осмысления кризисов супружеских отношений в молодой семье // Вестник СМУС74. 2017. №1 (16). С. 10-12.
7. Рыбак Е. В. Молодая семья в современном обществе: методическое пособие для специалистов по работе с семьей и молодежью. М.: ООО «ТР-Принт», 2016.
8. Цинченко Г. М. Молодая семья как основной ресурс народосбережения. Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения: Труды XIII Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием. Санкт-Петербург, 2018.
9. Демидов Н. М., Солодилов А. В. Основы социологии и политологии: уч. пос. / 2-е изд., стер. М.: КНОРУС, 2017.
10. Цинченко Г. М. Социальная политика в отношении молодой семьи // Управленческое консультирование. 2010. №3. С. 180-187.
11. Об утверждении Концепции государственной семейной политики в РФ на период до 2025 года [электронный ресурс]: Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 20.04.2019)
12. Ростовская Т. К. Социальное конструирование правового статуса молодежи и молодой семьи // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2014. №3 (35). С. 91-95.

YOUNG FAMILY: CONTEMPORARY ISSUES

A. V. Romanova
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint-Petersburg, Russia

G. M. Tsinchenko
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint-Petersburg, Russia

ABSTRACT: The purpose is to analyze the main problems of young families with children through the study of socio-economic status of young families with children in the Russian Federation and statutory regulation of family policy in relation to young families with children.
The study identifies the distinctive features of modern young families, characterizes the relationship between men and women.
The study is based on a set of general scientific methods, such as generalization and systematization of theoretical data based on the study of the writings of various researchers, analysis, comparison, sys-

tem-functional and integrated approach. The analysis of official statistics and statutory regulation of the Russian Federation is used.

Theoretical and practical significance of the study is that it examines the system of social protection of young families with children and identifies the main existing problems. The study shows that the system of state support for young families should cover a much larger number of areas, not only financial and material assistance. The analysis will identify the current state of the identified problems and contribute to the improvement of family policy in relation to young families with a child in modern conditions.

Insufficient rationality of social protection and assistance to young families is revealed due to the lack of taking into account the indicators of differentiation of young families by social and demographic characteristics. As a result of it a significant proportion of young families with children remains in economic and professional isolation. The directions of improvement of the state family policy are highlighted as well.

KEYWORDS: family, marriage, young family, problems of a young family, institution of family.

AUTHORS' INFORMATION: Anastasia V. Romanova, Graduate Student, Lecturer, North-Western Institute of management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 57/43, Sredniy ave. of V.I., Saint-Petersburg, 199178, Russia, romanova.upgrade@gmail.com.

Galina M. Tsinchenko, Cand. Sci. (Sociological), Associate Professor, North-Western Institute of management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 57/43, Sredniy ave. of V.I., Saint-Petersburg, 199178, Russia, galina_ts55@mail.ru.

FOR CITATION: Romanova A. V., Tsinchenko G. M. Young family: Contemporary issues // Management Issues. 2019. №3 (39). P. 204—214.

REFERENCES

1. Bek U. Risk society. On the way to another modernist style. M.: Progress-Tradition, 2000 [Bek U. Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu. M.: Progress-Traditsiya, 2000.] – (In Rus.).

2. Russia and China: youth of the XXI century: Monograph M.: New chronograph, 2014 [Rossiya i Kitay: molodezh' XXI veka: monografiya M.: Novyy khronograf, 2014.] – (In Rus.).

3. Official website of the Federal State Statistics Service [electronic resource]. URL: http://www.gks.ru/ (date of reference 20.04.2019) [Ofitsial'nyy sayt Federal'noy sluzhby gosudarstvennoy statistiki [elektronnyy resurs]. URL: http://www.gks.ru/ (data obrashcheniya 20.04.2019).] – (In Rus.).

4. Isayev B. A. Sociology. Short course. SPb.: Peter, 2010 [Isaev B. A. Sotsiologiya. Kratkiy kurs. SPb.: Piter, 2010.] – (In Rus.).

5. Vorontsov A.V. Demographic status of the Russian people // Health – the basis of human potential: problems and solutions: Proceedings of XIII all-Russia. Research to practice conference with international participation. St. Petersburg, 2018 [Vorontsov A. V. Demograficheskoe sostoyanie russkogo naroda // Zdorov'e – osnova chelovecheskogo potentsiala: problemy i puti ikh resheniya: trudy XIII Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunarodnym uchastiem. Sankt-Peterburg, 2018.] – (In Rus.).

6. Kotelnikova, Y. S. Analysis of the basic psychological concepts of understanding the crises of the marital relationship in a young family // Bulletine of SMUS74. 2017. № 1 (16). P. 10-12 [Kotel'nikova Yu. S. Analiz osnovnykh psikhologicheskikh kontseptsiy osmysleniya krizisov supruzheskikh otnosheniy v molodoy sem'e // Vestnik SMUS74. 2017. №1 (16). S. 10-12.] – (In Rus.).

7. Rybak E. V. Young family in modern society: a methodological guide for experts working with family and youth. M.: OOO "TR-Print", 2016 [Rybak E. V. Molodaya sem'ya v sovremennom obshchestve: metodicheskoe posobie dlya spetsialistov po rabote s sem'ey i molodezh'yu. M.: OOO «TR-Print», 2016.] – (In Rus.).

8. Tsinchenko G. M. Young family as the main source for people saving. Health is the basis of human potential: problems and solutions: Proceedings of XIII all-Russia Research to practice conference with international participation. St. Petersburg, 2018 [Tsinchenko G. M.

Molodaya sem'ya kak osnovnoy resurs narodosberezheniya. Zdorov'e – osnova chelovecheskogo potentsiala: problemy i puti ikh resheniya: Trudy XIII Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunarodnym uchastiem. Sankt-Peterburg, 2018.] – (In Rus.).

9. Demidov N. M., Solodilov A.V. Fundamentals of sociology and political science: Textbook / 2nd ed. M.: KNORUS, 2017 [Demidov N. M., Solodilov A. V. Osnovy sotsiologii i politologii: uch. pos. / 2-e izd., ster. M.: KNORUS, 2017.] – (In Rus.).

10. Tsinchenko G. M. Social policy in relation to the young family // Management consulting. 2010. № 3. P. 180-187 [Tsinchenko G. M. Sotsial'naya politika v otnoshenii molodoy sem'i // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. 2010. №3. S. 180-187] – (In Rus.).

11. Approving the concept of state family policy in the Russian Federation for the period up 2025 [electronic resource]: Decree of the RF Government dated 25.08.2014 № 1618-r // RLS ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru (date of reference 20.04.2019) [Ob utverzhdenii Kontseptsii gosudarstvennoy semeynoy politiki v RF na period do 2025 goda [elektronnyy resurs]: Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 25.08.2014 № 1618-r // SPS Konsul'tantPlyus. URL: http://www.consultant.ru (data obrashcheniya: 20.04.2019)] – (In Rus.).

12. Rostov T. K. Social design of the legal status of youth and young family / / Bulletin of Lobachevskiy Nizhny Novgorod University. Series: Social Sciences. 2014. № 3 (35). P. 91-95 [Rostovskaya T. K. Sotsial'noe konstruirovanie pravovogo statusa molodezhi i molodoy sem'i // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki. 2014. №3 (35). S. 91-95] – (In Rus.).

РУССКАЯ СЕМЬЯ КАК ОСНОВНОЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ, ВЫСТУПАЮЩИЙ ХРАНИТЕЛЕМ, НОСИТЕЛЕМ И ВЫРАЗИТЕЛЕМ ОБРАЗЦОВ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

УДК 1:316.356.2 *ГСНТИ 04.51.67*
ББК 60.027 *Код ВАК 22.00.08*
DOI: 10.22394/2304-3369-2019-3-215-225

Т. К. Ростовская
Российская академия наук, Российский государственный социальный университет, Москва, Россия
AuthorID: 767943

А. М. Егорычев
Российский государственный социальный университет, Москва, Россия
AuthorID: 317556

С. Б. Гуляев
Российская академия наук, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ: Материалы настоящей статьи являются частью большого исследовательского проекта, начатого в 1995 году и посвященного проблемам русского мира, истории его рождения и развития. В статье рассматриваются вопросы, касающиеся развития русской семьи как основного социального института российского общества, выступающего хранителем, носителем и выразителем традиционных образцов отечественной культуры. Исследуется историческое значение семьи и процесс трансформации данного социального института.

Цель настоящего исследования в рамках обозначенного проекта – выявить и обосновать значимость и роль традиционной русской семейной культуры для современного российского общества, формирования его духовно-нравственных смыслов, ценностей, идеалов. Исследован процесс изменений русской семьи под влиянием переоценки ценностей.

Данная цель позволила решить следующие задачи: показать взаимозависимость исторического развития русской семьи и русской культуры; обосновать роль семейного культуры в формировании образа русского человека; показать значимость национальных семейных приоритетов (смыслы, ценности, традиции, искусство и прочие) в воспитании и социализации детей.

Использовались следующие методы исследования: философские (философско-исторический анализ особенностей развития русской культуры и цивилизации); общенаучные (анализ и синтез, сравнение и сопоставление, классификация и обобщение); частнонаучные (анализ эмпирических и социологических данных по проблеме настоящего исследования).

Результаты философско-исторического и социально-педагогического анализа исторического наследия русской культуры позволили авторам понять и отразить в научных положениях некоторые исторические социокультурные аспекты, определяющие процесс формирования уникальной русской культуры, ментальность её народа, традиционные смыслы и ценности русской семьи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русская семья, образцы русской культуры, отечественная культура, национальные приоритеты, национальные смыслы и ценности.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Тамара Керимовна Ростовская, доктор социологических наук, профессор, Российская академия наук, Российский государственный социальный университет,
129226, Россия, г. Москва, ул. В. Пика, 4, rostovskaya.tamara@mail.ru.

Александр Михайлович Егорычев, доктор философских наук, профессор, Российский государственный социальный университет,
129226, Россия, г. Москва, ул. В. Пика, 4, chelovekcap@mail.ru.

Святослав Борисович Гуляев, кандидат социологических наук, научный сотрудник, Институт социально-политических исследований, Российская Академия наук,
119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6/1, sviatoslav2004@mail.ru.

© Т. К. Ростовская, А. М. Егорычев, С. Б. Гуляев, 2019

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ростовская Т. К., Егорычев А. М., Гуляев С. Б. Русская семья как основной социальный институт, выступающий хранителем, носителем и выразителем образцов отечественной культуры // Вопросы управления. 2019. № 3 (39). С. 215—225.

Введение. Любое государство заинтересовано в том, чтобы общество сохраняло, поддерживало и транслировало от поколения к поколению систему исторических (проверенных временем) национальных приоритетов (смыслы, ценности, традиции, искусство, пр.). Устоявшаяся система национальных приоритетов выступает важнейшим фактором и условием, которые стабилизируют сложнейшую систему социальных отношений, придают устойчивость функционированию и развитию государства и общества, всех его институтов и структур [3; 9; 13; 19].

Как справедливо отмечают исследователи, важнейшим социальным институтом является семья. Многолетний историко-философский анализ истории развития человечества позволяет утверждать, что семья выступает основой рождения, становления и развития многих форм и направлений в организации бытийного мира любого народа, в целом – всего человеческого сообщества, формирования его социальных институтов и структур, сложнейшей системы социальных отношений [6; 8; 15; 25; 26; 28].

Отечественные исследователи Л. С. Подлесная и С. К. Дуб, рассуждая о *национальных и общечеловеческих ценностях в условиях глобализации, отмечают, что* «…общечеловеческие ценности остались сферой деклараций, главная же ценность человек так и не нашел себе места в этом понятии. В практической плоскости это словосочетание можно рассматривать как форму распространения западных ценностей, способ утверждения ценностей либеральной демократии, как средство формирования глобалистского сознания. Представляется, что именно этот факт является одной из причин того, что на современном этапе развития человечества наблюдается один из глубочайших в истории человечества кризис общечеловеческих ценностей, их радикальный пересмотр и определенная переоценка [19, с. 132]. Как отмечают авторы, кризис общечеловеческих ценностей затронул, в большей мере, институт российской семьи.

Многие исследователи отмечают особую роль семьи в стабилизации быстро меняющегося и глобализирующегося мирового сообщества. Так, А. А. Чуприна пишет о значении семьи в контексте глобализационных процессов современности, показывает значимость духовной составляющей семьи как консолидирующего фактора, обеспечивающего сущностное развитие личности и социальную стабильность общества в плане объединения людей и упрочения государства в условиях глобализационных процессов [28].

Можно уверенно говорить о том, что семья как социальная структура, порожденная многотысячелетней историей рождения и развития человечества, способствовала, прежде всего:

– рождению, развитию и становлению человека разумного и духовного, формированию у него качеств и свойств, необходимых для жизни в обществе (общинность, соборность, коллективизм);

– рождению, развитию и сохранению народной национальной культуры (сказки, сказания, танцы, песни, фольклор, семейное ремесло, др.), постоянной её трансляции подрастающему поколению;

– рождению народной педагогики, становлению и развитию института воспитания подрастающего поколения, его социализации и интеграции в общество.

Можно также утверждать, что история семьи – это, фактически, история человечества. Семья – это малая клеточка большого социального организма, где на социогенетическом уровне хранится огромный многотысячелетний опыт предшествующих поколений, отражающий историю развития человека и общества, становление в человеке человеческого и духовного.

Семья является одним из самых древних социальных институтов. Все существующие на планете Земля этносы и народы, на социогенетическом уровне сохраняют историческую память рождения, становления и развития своего народа. Историческая память каждого народа имеет внешнее выражение в организации бытийного мира традиционной семьи, её национальных традициях (в организации и ведении домашнего хозяйства; формах национальной одежды; способах приготовления пищи и

вкусовых предпочтениях; системе гендерного поведения и отношений с членами семьи; традициях воспитания детей и их подготовки к жизни и труду, мн. др.).

Сохранение основ традиционной семьи выступает важнейшей задачей сохранения культурного разнообразия человечества как обязательного условия его развития и выживания.

Теоретико-методологические основы исследования. Настоящее исследование строилось на осмыслении сущности социокультурных явлений и процессов в их историческом измерении, их социально-философском анализе. Общую методологию исследования составили научные работы (концепции, научные положения и теории) отечественных ученых, касающиеся проблемы *рождения и развития русской культуры, ментальности её народа* [7; 21; 27]; *русской семьи* [12; 16; 22; 23; 25].

Использовались следующие методы исследования:

философские (философско-исторический анализ особенностей развития русской культуры и цивилизации);

общенаучные (анализ и синтез, сравнение и сопоставление, классификация и обобщение материалов, касающихся развития русской культуры и традиционной русской семьи);

частнонаучные (анализ эмпирических и социологических данных по проблеме настоящего исследования).

Постановка проблемы, обзор научной литературы. Тщательный анализ научной литературы, касающейся проблемы настоящего исследования, позволил выработать ведущую *идею исследования*: традиционная русская семья, получившая своё рождение и развитие в пространстве русского мира, является его важнейшим социальным институтом, выполняющим не только репродуктивную функцию, обеспечивающую популяционное развитие русского этноса (нации), но и функцию социокультурного и духовно-нравственного воспроизводства смыслов и ценностей русского народа. В организации своего жизненного пространства русская семья, находясь в жестких условиях выживания, раскрывала огромный жизненный потенциал, творила и преображала не только свой семейный бытийный мир, но и оказывала воздействие на развитие всего русского мира, его уникальной культуры. Сохранение и дальнейшая трансляция традиционных смыслов и ценностей русской (российской) семьи, позволит современному российскому государству и обществу сохранять устойчивое развитие, освобождать огромные жизненные силы русского (российского) народа на решение глобальных задач XXI века.

Были подвергнуты анализу труды отечественных ученых, которые касались проблемы настоящего исследования: *роль русской философии и культуры в организации российского государства и общества, её развитие и особенности* [1; 3; 7; 9; 11; 17; 18; 20; 24; 29]; *развитие современной российской семьи* [10; 15; 8].

О. А. Жукова в своем философском исследовании «Философия русской культуры. Метафизическая перспектива человека и истории», рассуждая о трудном пути развития России в рамках мировой цивилизации, возлагает большие надежды на русскую философию, отмечает, что русская философия, ориентированная на метафизические ценности и культурный универсализм, не завершила своего исторического пути и может предложить новое видение взаимодействия человека и мира в духовном измерении бытия, помочь в культурном и политическом становлении нации через капитализацию интеллектуального наследия русской культуры [11].

Вместе с тем, анализ позволил выявить лишь небольшое число исследований, касающихся роли традиционной русской семьи (её смыслов и ценностей), её социокультурного потенциала в сохранении и развитии современного российского общества и государства, воспитании подрастающего поколения на смыслах и ценностях русской (российской) культуры.

Результаты исследования, обсуждение. Важнейшим фактором, определяющим функционирование и устойчивое развитие русского сообщества (как любого другого), средством и механизмом, способствующим единению его народа, являлась и продолжает являться русская культура [1; 3; 4; 6; 8; 9; 10; 11; 14]. Исследователи также указывают на то, что русская народная культура своим рождением и развитием во многом обязана институту семьи, а сама семья выступает воспитательным социокультурным пространством. Так Г. С. Гуськова, отмечая сложнейшую социокультурную ситуацию, в

которой находится современная российская семья, тем не менее, оптимистично заявляет, что, «…несмотря на все негативности происходящего, семья в российском обществе остается одной из приоритетных ценностей, выступая тем самым, социокультурной средой социализации индивидов» [6, с. 108].

Изначально семья несла важнейшую функцию по физическому воспроизводству своего рода-племени, что было условием его выживания и развития. Рожденные дети требовали огромной родительской любви и постоянной заботы, что выступало опять же непременным условием их выживания. Именно любовь к своим детям и забота о них меняла нравственную и духовную природу родителей, формировала духовность семейных отношений, в целом всего родоплеменного сообщества.

Великий русский педагог К. Д. Ушинский, постоянно отмечал, что русские культурные ценности отличны от западноевропейских, что ни у кого «…нет той безыскусственности, той глубины и сердечности отношений, которые существуют между мужем и женою, родителями и детьми, братьями и сестрами и даже ближайшими родственниками во всякой сколько-нибудь порядочной славянской семье» [25, с. 318].

Семья как социальная система, как ни одна другая, скрепляла всех её членов посредством любви и заботы обо всех её членов (хозяйственно-бытовая деятельность, воспитание детей в любви к своим близким, всяческая поддержка пожилых родителей, почитание заветов предков, пр.) в крепкий родственный вневременной союз. Начало такому союзу было положено в родоплеменном сообществе (30–40 тыс. лет назад).

Любовь и забота, рожденная семейным союзом, позволяла всем его членам в организации хозяйственно-бытовой деятельности решать не только задачи чисто практического характера, обеспечивающие выживание семьи, но и вносить в эти решения частицу своей любви, что рождало красоту получаемых результатов семейной деятельности. Изготовление кухонной утвари, домашней мебели, детских игрушек; украшение жилища, шитьё рабочей и праздничной одежды; приготовление пищи и организация семейных праздников, пр. – все это требовало любви и заботы о своих ближних. Рождалось уникальное русское народное (крестьянское) искусство, которое дошло до наших дней. «Воспитательный опыт родоплеменного сообщества Русского мира находил выражение и закрепление в устном народном творчестве: преданиях, легендах, былинах, сказках, фольклоре, сложных магических ритуалах, воспитательных приемах и традициях» [2; 10, с. 37].

Как пример можно привести многообразие существующих многочисленных жанров и видов русского фольклора (см. таблицу 1).

Таблица 1

Жанры и виды русского фольклора

Жанровые группы	Краткая характеристика
Трудовые песни	Сформировались в процессе крестьянской сезонной работы (вспашка, посев, сенокос, пр.); выступали как способ организации общинной (коллективной) работы; сплачивали крестьянскую общину (артель, дружину); были духовными помощниками в тяжелом труде русского народа. Представляют собой разнообразные кричалки, напутствия, напевы, песенки, песни, пр.
Календарный фольклор	Совершались различные действия (заговоры, обряды, песнопения, др.) на привлечение удачи, большого приплода скота, хорошего урожая, рождения здоровых детей, пр. Особо почитаемые праздники народного календаря (Рождество, Крещение, Масленица, Пасха, Троица). Празднование сопровождалось песнями, заговорами, закличками, обрядовыми действиями, др.
Свадебный фольклор	Свадебный фольклор (причитания, приговоры, песни, пр.), которые сопровождали три основных обряда: сватовство, прощание родителей с невестой и свадебное торжество
Похоронный фольклор	Важный аспект бытийного мира русского народа. Представляет: причитания, обряды, рекрутские причеты, пр.
Необрядовый фольклор	Представляет малые фольклорные жанры: пословицы, поговорки, побасенки, приметы, др.

Жанровые группы	Краткая характеристика
Устная народная проза	Представляет: *предания* (народный пересказ о важных исторических событиях); *легенды и мифы* (эпические повествования о русских богатырях, их подвигах, жанр наделен пафосом); *былички* (маленькие рассказы о героях, реальные случаи из жизни рассказчика, пр.); *бывальщины* (краткое изложение реально случившегося события в жизни крестьянского народа), а также различные сказания.
Детский фольклор	Представлен стихотворными и песенными формами: *пестушки* (короткие стишки, песенки, сопровождающие самые первые дни новорожденного), а также колыбельные песни, потешки, потягушки, порастушки; *заклички* (стихотворные песенные обращения к природе, животным); *прибаутка* (небольшое стихотворение-сказка, напеваемое ребенку, короткое повествование об окружающем мире), а также загадки, небылицы, считалки, дразнилки.
Героический песенный эпос	Рассказывает о когда-то произошедших событиях в песенной форме: *былина* (старинная песня, прославляет народных богатырей и героев, повествует о героических подвигах во благо Отечества), также песни, стихи, (военные, исторические, духовные, пр.).
Художественное народное творчество	Представлено эпическими и песенными жанрами в духе народного, художественного творчества: *сказка* (эпическое повествование о вымышленных событиях, героях); баллады (жанр песенно-музыкального творчества), а также анекдоты, небылицы, частушки.
Фольклорный народный театр	Представлен различными жанрами драматического характера: *вертеп* (разновидность драматического произведения, предназначенная для уличного кукольного театра); *раёк* (картинный театр со сменяющимися рисунками), а также ряжение, представления с куклами, др.

Современная российская семья, как и многие тысячи лет назад, призвана:

– с одной стороны, обеспечить физическое и духовное воспроизводство населения нашей страны, выполнить важнейшую социальную функцию, от которой зависит её национальная безопасность;

– с другой стороны, она является важнейшим механизмом формирования системы национальных смыслов и ценностей у подрастающего поколения (детей, подростков, молодежи), утверждения мировоззренческих установок в процессе их семейного воспитания.

Семья является основой раскрытия физической и духовной красоты человека, всего окружающего мира, приобщения подрастающего ребенка к миру прекрасного. Родители, обладающие соответствующими качествами и должной педагогической культурой, способны организовать соответствующую воспитательную социокультурную среду для своего ребенка и систему воспитания, направленную на формирование гармоничной и всесторонне развитой личности. Личности, обладающей высоким уровнем духовности, способной и готовой честно и много трудиться на благо своей Отчизны, своего народа, быть патриотичной и при необходимости встать на защиту России.

Классическая педагогика давно выявила и научно обосновала базовые факторы, которые определяют развитие человека как личности духовно-нравственного порядка (рис. 1).

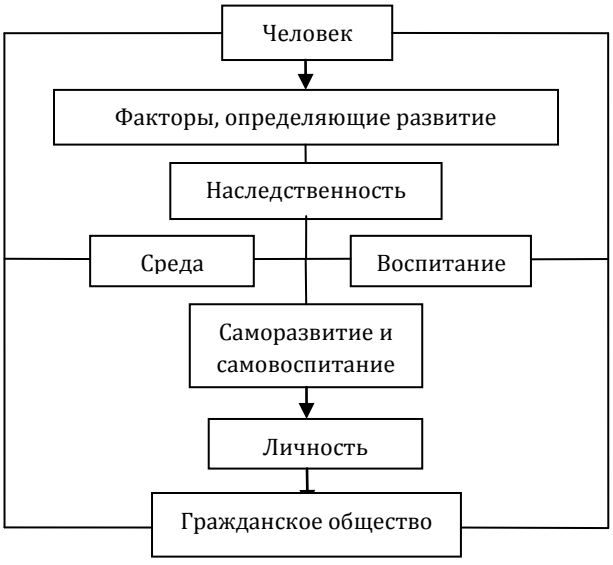

Рис. 1. Факторы, определяющие развитие человека

Обозначенные на рисунке 1 факторы, определяющие развитие человека (наследственность, среда, воспитание), работают наиболее эффективно, когда они взаимосвязаны, взаимообусловлены и уравновешены. Недооценка хотя бы одного из них не

позволит достигнуть поставленных цели и задач по формированию гармоничной и всесторонне развитой личности, соответствующей национальным смыслам и ценностям, историческим идеалам русского (российского) народа.

Наследственность как фактор, рассматриваемый в контексте исторического наследия и потенциала русского народа, имеет хорошие социогенетические основания (архетип), которые сотворены многотысячелетней историей его развития и способны раскрываться лишь при должной организации соответствующей среды и системы воспитания.

Среда как фактор, способствующий развитию человека, есть окружающее пространство человека, которое наполнено определенными смыслами и ценностями, оказывающими на него самое различное влияние (позитивное, нейтральное, негативное). Самой первой средой для человека является его семья, в ней раскрываются все его социогенетические программы.

Воспитание. Важный фактор в развитии и становлении личности человека. Воспитание, естественно соединенное со средой, образует мощный механизм, позволяющий системно и целенаправленно управлять процессом формирования личности растущего ребенка.

Традиционная русская семья как раз и представляла собой образец социального образования, где были органично соединены все три фактора (наследственность, среда, воспитание), что позволяло эффективно решать проблему воспитания подрастающего поколения с необходимым набором личностных качеств и свойств, соответствующих образцу (идеалу) русского мира.

Сегодня можно уверенно говорить о том, что русская (российская) семья, наполненная традиционными национальными социокультурными смыслами и ценностями, организующая свою жизнь по проверенным временем законам русского мира, воспитывающая детей в согласии с законами, данными свыше и окормленными православием – есть высшее выражение всей истории русского мира, им сотворенное и его поддерживающее. За многие тысячелетия русский мир выработал свой индивидуальный социокультурный код выживания, наполнил его смыслами и ценностями высокого духовного порядка, создав неповторимое народное искусство, имеющее выражение в ремеслах, фольклоре, танцах, пении, др.

Особое место в народном искусстве занимает семейная традиционная культура, которая привлекает внимание многих отечественных исследователей. Семейная традиционная культура – это традиции и обычаи семьи, идеалы и установки, система воспитания с учетом возрастных особенностей ребенка, организация семейного хозяйства, быта и досуга, семейные ремесла, др. Исследователи убеждены, что русская семейная народная культура, её традиции, являются выразителем и показателем духовной культуры народа и общества, составляют золотой фонд многонациональной России.

И. П. Гладилина и Г. М. Королёва по этому поводу отмечают: «Многообразные этнокультурные традиции народов России являются сокровищницей актуальных для современного общества духовно-нравственных ценностей и идеалов» [5].

Социально-исторический анализ показывает, что русская традиционная семейная культура имеет прямую связь (зависимость) с устоявшимся образом жизни семейных поселений, преобладающим видом их деятельности, системой сложившихся социальных отношений, пр. Семейная жизнь русского (российского) народа, проживающего на огромных пространствах Российской Империи, подчинялась многим внешним факторам и условиям (климат, рельеф местности, возможности ведения хозяйства, наличие других поселений, пр.), что естественно порождало новые образцы семейной культуры, модернизировало систему семейных и социальных отношений.

Семейная художественная культура не только создавала особую воспитательную социокультурную среду, но и поддерживала сложившийся многовековой (символический) порядок в русском национальном сообществе. «С самого рождения ребенка проводились особые ритуалы, обряды, магические действия, подчеркивающие и закрепляющие в сознании всех окружающих важность рождения нового человека, которые были также связаны с его полом (перерезание пуповины, заворачивание младенца в родительскую одежду, первая стрижка волос, выбор имени, ношение соответствующей одежды, впоследствии празднование

именин и крестин, пр.)» [10]. Семья сохраняла и транслировала от поколения к поколению устойчивую систему национальных художественных смыслов и ценностей, которые отражали весь огромный исторический опыт выживания русского (российского) народа: особенности восприятия окружающего мира; важные события в его жизни; способы и возможности трудовой деятельности; вкусы и предпочтения, мн. др.

В процессе развития и социализации ребенка семейные художественные смыслы и ценности инкорпорируются в его мировоззрение, формируют картину мира и жизни его семьи и народа, в результате чего происходит естественный процесс развития его национальной идентификации и гражданского самосознания.

Современные педагоги-исследователи утверждают, что огромная роль в формировании системы национальных ценностей в русском мире всегда принадлежала семье. С самого раннего возраста дети, находясь в естественной для них среде, через игру, участие в домашних делах, народных праздниках и ритуалах, слушая сказки и сказания своих бабушек и дедушек, воспринимают все смыслы и ценности родной культуры, становятся носителями и выразителями национальных народных художественных образцов, смыслов и ценностей своего народа.

Заключение. Таким образом, русская (российская) семья исторически развивалась в рамках русской культуры, одновременно обогащая её духовно-нравственными смыслами и ценностями, создавая ценностно-смысловое пространство для воспитания и социализации подрастающего поколения. Будучи основным хранителем и носителем культурных и духовно-нравственных образцов русского народа, наследуемых и передаваемых из поколения в поколение, она и сегодня является главным *социальным институтом* российского государства и общества. Роль современного института семьи заключается в том, что он выступает:

– хранителем, выразителем и транслятором национальных смыслов и ценностей отечественной культуры, как базовый компонент и фактор, определяющий процесс воспитания и первичной социализации подрастающего поколения;

– основанием, позволяющим организовывать свою жизнь на смыслах и ценностях отечественной культуры;

– социальным звеном (социокультурной клеточкой), которая накрепко связывает весь русский (российский) народ исторически проверенными семейными смыслами, ценностями и традициями в единое сообщество.

Именно в семье ребенок впервые приобщается к своей национальной культуре, обучается социальным ролям, получает основы образования и трудовые умения, навыки поведения, получает ту социокультурную основу, которая, как правило, определяет всю его дальнейшую жизнь, составляет основу его мировоззрения. Семья как историческая социальная общность является первичным механизмом, который опосредует связь каждого её члена с обществом, формирует у ребенка представление о социальных связях и отношениях, естественно включает в них его с рождения. Семья закладывает основы первичной социализации ребенка, приобщает его к смыслам и ценностям отечественной культуры, формирует основы его мировоззрения, тем самым, выступает социальным институтом, выполняющим важнейшую государственную функцию по укреплению и развитию российского государства и общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аминов С. Р. Русская идея в отечественной культуре XIX века : дис. … кандидата культурологии. Нижневартовск, 2005.

2. Аникин В. П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки, детский фольклор. М.: Учпедгиз, 1957.

3. Викторов А. Ш. Современная русская культура: Социологический анализ тенденций развития : дис. … доктора социологических наук. М., 1999.

4. Воловикова М. И., Мустафина Л. Ш. Использование русских народных пословиц и поговорок в исследовании социальных представлений о совести // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 3. С. 34–36.

5. Гладилина И. П., Королёва Г. М. Роль традиционной народной культуры в консолидации современного общества [электронный ресурс]. URL: http://www.ceom.ru/rol-tradicionnoj-narodnoj-kultury-v-konsolidacii-sovremennogo-obshhestva.html (дата обращения: 01.02.2019).

6. Гуськова Г. С. Менталитет русской культуры и современные социокультурные проблемы // Философия в системе духовной культуры на рубеже XXI века. Курск, 1997. С. 106-108.

7. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: «Книга», 1991.

8. Ростовская Т. К., Егорычев А. М., Мардахаев Л. В. Духовность и социальное служение. Ценностный мир российской молодежи. М.: Перспектива, 2018.

9. Егорычев А. М., Ростовская Т. К., Кретинин А. С. Духовность русской культуры как базовый фактор новой государственной молодежной политики России // ЦИТИСЭ. 2018. №1(14). С. 27.

10. Егорычев А. М., Ахтян А. Г. Воспитание ребенка в традициях русской культуры: монография. М.: РГСУ, 2018.

11. Жукова О.А. Философия русской культуры. Метафизическая перспектива человека и истории : монография. М.: Лит-Рес. 2017.

12. Ильин И. Д. Путь к очевидности: сочинения. М., 1998.

13. Казначеев В. П. Здоровье нации, культура, футурология XXI века: сб. статей и докладов (2007–2012) / под ред. А. В. Трофимова. Новосибирск: ЗСО МСА, 2012.

14. Коялович М. О. История русского самосознания. Минск: Издательство «Лучи Софии», 1997.

15. Кулаченко М. В. Вопросы семейного воспитания в истории русской и зарубежной педагогики // Актуальные вопросы современной педагогики: материалы V Междунар. науч. конференции. Уфа, 2014.

16. Макаренко А. С. О воспитании в семье: Избр. пед. произведения / Вступ. ст. Е. Медынского и И. Петрухина. М., 1955.

17. Марцинковская Т. Д. Русская ментальность и ее отражение в науках о человеке. М.: Блиц, 1994.

18. Овчинников В. Ф. Русская нация: историческое прошлое и проблемы возрождения. М., 1998.

19. Подлесная Л. С., Дуб С. К. Национальные и общечеловеческие ценности в условиях глобализации // Гуманитарный журнал. 2012. № 2. С. 2–3.

20. Полевой Н. А. История русского народа. М, 1994.

21. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 1. М., 1959.

22. Сухомлинский В. А. О воспитании. М.: Госполитиздат, 1975.

23. Толстой Л. Н. Педагогические сочинения / Сост. Н.В. Вейкшан. М.: Педагогика. 1989.

24. Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. М.: «Канон+РООИ» Реабилитация»», 2011.

25. Ушинский К. Д. Избранные педагогические произведения. М.: Просвещение, 1968.

26. Харчев А. Г. Мацковский М. С. Современная семья и ее проблемы. М.: Статистика, 1978.

27. Хомяков А. С. Полн. собр. соч.: В 8 т. М.: Унив. тип., 1900.

28. Чуприна А. А. Консолидирующая роль семьи в условиях глобализирующегося общества // В мире научных открытий. 2012. №11. С. 136–156.

29. Булгаков С. Н. Два града. СПб., 1998.

RUSSIAN FAMILY AS THE MAIN SOCIAL INSTITUTION, TAKING ON THE ROLE OF A CUSTODIAN, CULTURE-BEARER AND POINT MAN OF NATIONAL CULTURE PATTERNS

T. K. Rostovskaya
Russian Academy of Science,
Russian State
Social University,
Moscow, Russia

A. M. Egorychev
Russian State
Social University,
Moscow, Russia

S. B. Gulyaev
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

ABSTRACT: Materials of this article are part of a large research project, started in 1995, which is devoted to the problems of the Russian world, its birth and life history. The article deals with the issues concerning the development of the Russian family as the main social institution of the Russian society, taking on the role of a custodian, culture-bearer and point man of national culture patterns. The historical significance of the family and the process of transformation of this social

institution are investigated.

The purpose of this study within the framework of the project: to identify and justify the importance and role of traditional Russian family culture for modern Russian society, the formation of its spiritual and moral meanings, values, ideals. The process of changes in the Russian family under the influence of values reassessment is investigated. This goal helped to achieve the following objectives: to show the interdependence of historical development of Russian families and Russian culture; justify the role of family culture in shaping the image of the Russian people; to show the significance of national family priorities (meanings, values, traditions, art and others) in education and socialization of children.

The following research methods were used: philosophical (philosophical and historical analysis of the peculiarities of the Russian culture and civilization development); general scientific (analysis and synthesis, comparison and contrast, classification and generalization); private scientific (analysis of empirical and sociological data on the problem of this research).

The results of the philosophical-historical and socio-pedagogical analysis of the historical heritage of the Russian culture allowed the authors to understand and reflect in their scientific positions some historical sociocultural aspects that define the formation process of the unique Russian culture, mentality of its people, the traditional meanings and values of Russian family.

KEYWORDS: Russian family, samples of Russian culture, national culture, national priorities, national meanings and values.

AUTHORS' INFORMATION: Tamara M. Rostovskaya, Dr. Sci. (Sociological), Professor, Russian Academy of Sciences, Russian State Social University,
4, V. Pika st., Moscow, 129226, Russia, rostovskaya.tamara@mail.ru.

Alexander M. Egorychev, Dr. Sci. (Phylosophical), Professor, Russian State Social University,
4, V. Pika st., Moscow, 129226, Russia, chelovekcap@mail.ru.

Svyatoslav B. Gulyaev, Cand. Sci. (Sociological), Researcher, Institute of Social and Political Studies, Russian Academy of Sciences,
4, V. Pika st., Moscow, 129226, Russia, chelovekcap@mail.ru.

FOR CITATION: Rostovskaya T. M., Egorychev A. M., Gulyaev S. B. Russian family as the main social institution, taking on the role of a custodian, culture-bearer and point man of national culture patterns // Management Issues. 2019. № 3 (39). P. 215—225.

REFERENCES

1. Aminov S. R. Russian idea in the Russian culture of the XIX century. Thesis for a Candidate Degree in Cultural Studies. Nizhnevartovsk, 2005 [Aminov S.R. Russkaya ideya v otechestvennoy kul'ture XIX veka. Dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni kandidata kul'turologii. Nizhnevartovsk, 2005] – (In Rus.).

2. Anikin V. P. Russian folk proverbs, sayings, riddles, children's folklore. Moscow, Uchpedgiz, 1957 [Anikin V.P. Russkie narodnye poslovitsy, pogovorki, zagadki, detskiy fol'klor. M.: Uchpedgiz, 1957] – (In Rus.).

3. Viktorov A. Sh. Modern Russian culture: sociological analysis of the development trends. Thesis for a Doctor Degree in Sociology. M., 1999 [Viktorov A.Sh. Sovremennaya russkaya kul'tura: Sotsiologicheskiy analiz tendentsiy razvitiya. Dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni doktora sotsiologicheskikh nauk. M., 1999] – (In Rus.).

4. Volovikova M. I., Mustafina L. S. Use of the Russian folk proverbs and sayings in the study of social ideas about conscience // Knowledge. Understanding. Skill. 2012. № 3. P. 34-36 [Volovikova M. I., Mustafina L. Sh. Ispol'zovanie russkikh narodnykh poslovits i pogovorok v issledovanii sotsial'nykh predstavleniy o sovesti // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2012. № 3. S. 34-36] – (In Rus.).

5. Gladilina I. P., Korolyova G. M. Role of traditional folk culture in consolidation of the modern society [electronic resource]. URL: http://www.ceom.ru/rol-tradicionnoj-narodnoj-kultury-v-konsolidacii-sovremennogo-obshhestva.html (date of reference 01.02.2019) [Gladilina I.P., Koroleva G.M.

Rol' traditsionnoy narodnoy kul'tury v konsolidatsii sovremennogo obshchestva [elektronnyy resurs]. URL: http://www.ceom.ru/rol-tradicionnoj-narodnoj-kultury-v-konsolidacii-sovremennogo-obshhestva.html (data obrashcheniya: 01.02.2019)] – (In Rus.).

6. Guskova G. S. Mentality of Russian culture and modern socio-cultural problems // Philosophy in the system of spiritual culture at the turn of XXI century. Kursk, 1997. P. 106-108 [Gus'kova G.S. Mentalitet russkoy kul'tury i sovremennye sotsiokul'turnye problemy // Filosofiya v sisteme dukhovnoy kul'tury na rubezhe XXI veka. Kursk, 1997. S. 106-108] – (In Rus.).

7. Danilevsky N. Ya. Russia and Europe. M.: "Book", 1991 [Danilevskiy N.Ya. Rossiya i Evropa. M.: «Kniga», 1991] – (In Rus.).

8. Rostovskaya T. K., Egorychev A. M., Mardakhayev L. V. Spirituality and social service. Values of the Russian youth. Moscow: Prospect, 2018 [Rostovskaya T.K., Egorychev A.M., Mardakhaev L.V. Dukhovnost' i sotsial'noe sluzhenie. Tsennostnyy mir rossiyskoy molodezhi. M.: Perspektiva, 2018] – (In Rus.).

9. Egorychev A. M., Rostovskaya T. K., Kretinin A. S. Spirituality of the Russian culture as a basic factor in the new public youth policy of Russia // TsITISE. 2018. № 1(14). P. 27 [Egorychev A.M., Rostovskaya T.K., Kretinin A.S. Dukhovnost' russkoy kul'tury kak bazovyy faktor novoy gosudarstvennoy molodezhnoy politiki Rossii // TsITISE. 2018. №1(14). S. 27] – (In Rus.).

10. Egorychev, A. M., A. G. Achten the child's Upbringing in the traditions of Russian culture: monograph. Moscow: RGSU, 2018 [Egorychev A.M., Akhtyan A.G. Vospitanie rebenka v traditsiyakh russkoy kul'tury: monografiya. M.: RGSU, 2018] – (In Rus.).

11. Zhukova O. A. Philosophy of the Russian culture. Metaphysical perspective of man and history: Monograph. M.: Litres. 2017 [Zhukova O.A. Filosofiya russkoy kul'tury. Metafizicheskaya perspektiva cheloveka i istorii: monografiya. M.: LitRes. 2017] – (In Rus.).

12. Ilyin I. D. Way to evidence: writings. M., 1998 [Il'in I.D. Put' k ochevidnosti: sochineniya. M., 1998] – (In Rus.).

13. Kaznacheyev V. P. Health of the nation, culture, futurology of XXI century: collection of articles and reports (2007–2012) // edited by A.V. Trofimov. Novosibirsk: ZSO MSA, 2012 [Kaznacheev V.P. Zdorov'e natsii, kul'tura, futurologiya XXI veka: sb. statey i dokladov (2007–2012) / pod red. A.V. Trofimova. Novosibirsk: ZSO MSA, 2012] – (In Rus.).

14. Koyalovich M. O. History of the Russian national consciousness. Minsk: Publishing House "Rays of Sofia", 1997 [Koyalovich M.O. Istoriya russkogo samosoznaniya. Minsk: Izdatel'stvo «Luchi Sofii», 1997] – (In Rus.).

15. Kulachenko M. V. Family education in the history of Russian and foreign pedagogy // Topical issues of modern pedagogy: proceedings of V International scientific conference. Ufa, 2014 [Kulachenko M.V. Voprosy semeynogo vospitaniya v istorii russkoy i zarubezhnoy pedagogiki // Aktual'nye voprosy sovremennoy pedagogiki: materialy V Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Ufa, 2014]- (In Rus.).

16. Makarenko A. S. On family education: selected pedagogical writings // Introductory article by E. Medynskiy and I. Petrukhina. M., 1955 [Makarenko A.S. O vospitanii v sem'e: Izb. ped. proizvedeniya / Vstupit. stat'ya E. Medynskogo i I. Petrukhina. M., 1955] – (In Rus.).

17. Martsinkovskaya T. D. Russian mentality and its reflection in the science of man. Moscow: Blits, 1994 [Martsinkovskaya T.D. Russkaya mental'nost' i ee otrazhenie v naukakh o cheloveke. M.: Blits, 1994] – (In Rus.).

18. Ovchinnikov V. F. Russian nation: history and problems of the Renaissance. M., 1998 [Ovchinnikov V.F. Russkaya natsiya: istoricheskoe proshloe i problemy vozrozhdeniya. M., 1998] – (In Rus.).

19. Podlesnaya L. S., Dub S. K. National and universal values in the context of globalization // Humanitarian journal. 2012. № 2. P. 2-3 [Podlesnaya L.S., Dub S.K. Natsional'nye i obshchechelovecheskie tsennosti v usloviyakh globalizatsii // Gumanitarnyy zhurnal. 2012. №2. S. 2-3] – (In Rus.).

20. Polevoy N. A. History of the Russian people. M, 1994 [Polevoy N.A. Istoriya russkogo naroda. M, 1994.]

21. Soloviyov S. M. History of Russia since ancient times. Book 1. M, 1959 [Solov'ev S.M. Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen. Kniga 1. M., 1959] – (In Rus.)

22. Sukhomlinsky V. A. On education. Moscow: Publishing house of political literature, 1975 [Sukhomlinskiy V.A. O vospitanii. M.:

Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1975] – (In Rus.).

23. Tolstoy L. N. Pedagogical works // Compiled by N. V. Weikshan. Moscow: Pedagogy, 1989 [Tolstoy L.N. Pedagogicheskie sochineniya / Sost. N.V. Veykshan. M.: Pedagogika. 1989] – (In Rus.).

24. Trubetskoy E. N. Purpose of life. M.: Publishing house "Canon+ROOI "Rehabilitation"", 2011 [Trubetskoy E.N. Smysl zhizni. M.: Izdatel'stvo «Kanon+ROOI» Reabilitatsiya»», 2011] – (In Rus.).

25. Ushinsky K. D. Selected pedagogical works. M.: Education, 1968 [Ushinskiy K.D. Izbrannye pedagogicheskie proizvedeniya. M.: Prosveshchenie, 1968] – (In Rus.).

26. Kharchev A. G., Matskovsky M. S. Modern family and its problems. M.: Statistics, 1978 [Kharchev A.G. Matskovskiy M.S. Sovremennaya sem'ya i ee problemy. M.: Statistika, 1978] – (In Rus.).

27. Khomyakov A. S. Complete Works: In 8 volumes. M.: Univ. publ., 1900 [Khomyakov A.S. Poln. sobr. soch.: V 8 t. M.: Univ. tip., 1900] – (In Rus.).

28. Chuprina A. A. 2012. Consolidating role of the family in a globalizing society // In the world of scientific discoveries. 2012. № 11. P. 136–156 [Chuprina A.A. 2012. Konsolidiruyushchaya rol' sem'i v usloviyakh globaliziruyushchegosya obshchestva // V mire nauchnykh otkrytiy. 2012. №11. S. 136–156] – (In Rus.).

29. Bulgakov S. N. Two cities. SPb., 1998 [Bulgakov S. N. Dva grada. SPb., 1998] – (In Rus.).

СОЦИАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ НАЕМНЫХ РАБОТНИКОВ В РЕАЛИЗАЦИИ ТРУДОВЫХ ИНТЕРЕСОВ В ГОСУДАРСТВЕННОМ И НЕГОСУДАРСТВЕННОМ СЕКТОРАХ ЗАНЯТОСТИ

УДК 316.334.22 *ГСНТИ 82.17.25*
ББК 60.561.23 *Код ВАК 22.00.08*
DOI: 10.22394/2304-3369-2019-3-226-235

Н. С. Сорокин
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

АННОТАЦИЯ: Предмет, цель. Предметом статьи является сравнительное эмпирическое исследование влияния социальных ресурсов на готовность работников государственного и негосударственного секторов занятости к реализации своих трудовых интересов. Цель статьи заключается в определении влияния разных видов социальных ресурсов, подлежащих эмпирическому измерению, на готовность работников к реализации своих трудовых интересов в государственном и негосударственном секторах занятости.

Методы. Для проведения исследования выбраны две организации, одна из которых принадлежит к государственному сектору занятости, полностью финансируется органами государственной власти, а другая организация является частным предприятием, опирающимся исключительно на собственные ресурсы, извлекаемые из рыночных возможностей. В качестве методов исследования использованы метод опроса (анкетирование) и корреляционный анализ результатов опроса относительно влияния уровня социальных ресурсов работников на степень готовности ими к реализации своих трудовых интересов.

Результаты. Установлено, что социальные ресурсы, в целом, имеют более высокую значимость в готовности работников к реализации своих трудовых интересов в негосударственном секторе занятости, нежели в государственном секторе. В то же время такой ресурс как обучаемость, сильно влияет на готовность работников к реализации своих трудовых интересов как в негосударственном, так и в государственном секторах занятости.

Научная новизна. Предложены и апробированы конкретные виды социальных ресурсов работников, подлежащие эмпирическому анализу. На основании проведенного анализа установлена роль социальных ресурсов в готовности работников к реализации своих трудовых интересов в зависимости от сектора занятости.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ресурс, социальный ресурс, социально-культурные ресурсы, ресурсы социальных связей, индивидуально-личностные ресурсы, корреляционный анализ.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Никита Сергеевич Сорокин, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет,
191124, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3, nikita_sergeevic@bk.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Сорокин Н. С. Социальные ресурсы наемных работников в реализации трудовых интересов в государственном и негосударственном секторах занятости // Вопросы управления. 2019. № 3 (39). С. 226—235.

© Н. С. Сорокин, 2019

Введение. В научной литературе ресурсом условно обозначается любое материальное и нематериальное средство индивида. При этом ресурс отделяется от актива и капитала. В качестве актива выступает ресурс, действительно востребованный обществом и влияющий на место индивида в определенной сфере общества. Ресурс, приносящий определенную прибыль в денежном измерении, обозначается понятием «капитал» [1–2].

В большинстве организаций современной России наблюдаются практики трудовых отношений, характеризующиеся абсолютным доминированием работодателя. Работодатель нередко обходит формальные нормы, навязывая работнику свои правила трудовых отношений, создает условия, отсеивающие недостаточно лояльных работ-

ников [3–4]. Более 80% трудовых конфликтов в современной России связаны с нарушением работодателем трудового законодательства и условий коллективного договора [5]. Однако вероятно, что определенные ресурсы работников (например, уникальные навыки и качества, наличие связей с влиятельными людьми и др.) дают им возможность обеспечивать реализацию своих интересов перед работодателем. Ведь индивид как носитель определенных знаний выступает в качестве человеческого капитала организации [6]. В нашей статье представлены конкретные виды социальных ресурсов наемных работников, подлежащие эмпирическому измерению, и проведен анализ влияния данных ресурсов на готовность работников к реализации своих трудовых интересов.

Методология исследования. В рамках социологии исследовательский интерес сфокусирован, прежде всего, на социальном ресурсе. Выделяются разные виды ресурсов (экономический, политический, символический и др.), среди которых социальный ресурс ограничен, в основном, совокупностью социальных связей индивида [1; 7–9].

По нашему мнению, наиболее оптимальным подходом, позволяющим раскрыть роль социальных ресурсов в трудовых отношениях, является деятельностно-активистский подход В. А. Ядова постольку, поскольку в нем представлено обобщенное и расширенное понимание социального ресурса. Социальным ресурсом выступает совокупность материальных и нематериальных ресурсов, используемых индивидом для трансформации своего социального положения. В качестве таких ресурсов, составляющих структуру социального ресурса, В. А. Ядовым предложены: ресурс социального происхождения и первичной социализации (уровень образования, культуры и профессиональный статус родителей); молодой возраст; хорошее состояние здоровья; уровень образования, измеряемый конкретными документами об образовании, и профессиональные навыки; владение иностранным языком; уровень материального благосостояния; проживание в крупном городе; сеть личных знакомств; гендерная принадлежность; национальная, культурная, в том числе религиозная принадлежность; индивидуально-личностные ресурсы, включающие в себя такие качества человека, которые обеспечивают ему конкурентоспособность в обществе (например, уверенность в себе, готовность к риску и др.) [10]. Сгруппируем данные ресурсы в три основных блока [2]:

1. Социально-культурные ресурсы: уровень образования и профессиональные навыки; владение иностранным языком.

2. Ресурсы социальных связей: принадлежность к определенной группе, в том числе семейная, национальная принадлежность, сети личных знакомств. Уровень материального благосостояния следует, по нашему мнению, рассматривать в контексте включенности в сети, обеспечивающие данный уровень.

3. Индивидуально-личностные ресурсы: личностные качества человека, обуславливающие превращение других ресурсов в активы и капиталы. Например, работник, не обладающий такими личностными качествами, как уверенность в себе и умение общаться с людьми, не сможет обеспечить достойную окупаемость имеющихся дипломов и профессиональных навыков [2].

В рамках настоящего исследования мы предлагаем конкретные виды социальных ресурсов, которые могут быть измерены эмпирически методом опроса. К социально-культурным ресурсам работника мы относим уровень образования, знание своих трудовых прав, обязанностей и порядка их защиты, владение компьютером, владение программами обработки и анализа большого массива количественных данных, владение иностранным языком, организаторские способности. К ресурсам социальных связей будем относить включенность в сети, обеспечивающие получение большего, по сравнению с основной работой, источника дохода. Индивидуально-личностные ресурсы включают в себя навыки общения с разными людьми, в том числе с трудными; умение приспосабливаться к любой ситуации; стрессоустойчивость; способность работать в режиме большого объема задач или трудовых функций; способность быстро принимать решения; внимательность; обучаемость; пунктуальность.

Роль ресурсов в трудовых отношениях и в управляемости работниками со стороны работодателя анализируется в ряде эмпирических исследований. В каждом из них присутствует вывод о том, что неотъемлемым условием субъектности работника в

трудовых отношениях является умение эффективно использовать имеющиеся ресурсы и готовность наращивать недостающие ресурсы, что, по нашему мнению, обуславливает целесообразность выделения индивидуально-личностных ресурсов в отдельный блок наряду с другими двумя блоками структуры социального ресурса. Так, А. В. Каравай исследует роль разных ресурсов в управляемости рабочими со стороны руководства и возможности изменения рабочими своего социального статуса. По ее мнению, одним из факторов, обуславливающих низкий статус рабочих во взаимодействии с руководством, является отсутствие установок на рост ресурсов, объем которых является весьма низким [11]. С. В. Одяков использует ресурсный подход в качестве методологической основы к анализу социально-трудовой сферы. Возможность трансформации трудовых отношений связывается им не столько с наличием ресурсов, сколько с эффективностью их использования. Трансформация социально-трудовых отношений работниками во многом обусловлена эффективностью использования всех имеющихся ресурсов [12].

Ю. Ю. Чилипенок исследует ресурсы работников малого и среднего бизнеса. Е. В. Митягина изучает ресурсы рабочих на предприятиях электроэнергетической промышленности. Несмотря на различия исследуемых организаций, данными авторами выделены два взаимосвязанных условия, обуславливающие возможность работников отстаивать свои трудовые интересы перед работодателем: высокий объем разных видов ресурсов и умение использовать их эффективно [13; 14].

Встречается предположение, что работники частных предприятий в большей степени готовы к партнерскому взаимодействию с работодателем по сравнению с работниками государственных организаций [15]. Данное предположение объясняется преобладанием на данных предприятиях работников с высоким объемом социальных ресурсов, таких как молодой возраст, уверенность в себе на рынке труда ввиду соответствия их профессиональных и личностных качеств всем его требованиям. Работники частных предприятий ориентированы на результат, на работу с максимальной отдачей для его достижения и готовы рисковать, вплоть до потери работы в случае неуспеха. Данные предприятия характеризуются более высокой зарплатой, при этом сильно зависящей от личного трудового вклада, большей продолжительностью рабочего времени, напряженностью труда, меньшим уровнем стабильности и социальных гарантий, по сравнению с государственными предприятиями. В то же время, такие условия способствуют мобилизации трудового потенциала работника, его уверенности на рынке труда [15].

Результаты исследований Фонда «Общественное мнение» демонстрируют, что работники частных предприятий, по сравнению, с работниками бюджетных учреждений, меньше опасаются увольнения, ибо уверены, что найдут работу с условиями труда не хуже нынешних. Работники бюджетных учреждений больше уверены в стабильности своей нынешней работы, но меньше уверены в возможности найти работу с зарплатой и условиями труда не хуже нынешних [16].

По нашему мнению, необходимо также учитывать различие источников ресурсов организаций разных секторов занятости. Так, государственный сектор занятости получает ресурсы, прежде всего, экономические, от органов государственной власти, поэтому работодатель заинтересован в увеличении данных ресурсов. Важным условием увеличения ресурсов является выполнение всех требований и разделение государственной идеологии и иных неформальных норм. Соответственно, работодатель заинтересован в работниках, которые обладают системой ценностей, сочетающейся с государственной идеологией и государственными интересами. Негосударственный сектор занятости получает ресурсы, используя рыночные возможности и внутренние активы. Поэтому работодатель заинтересован, прежде всего, в работниках, обладающих необходимыми профессиональными навыками и качествами.

С нашей точки зрения, наряду с таким условием готовности работника к защите своих трудовых интересов, как умение эффективно использовать имеющиеся ресурсы, необходимо также выделить установку на наращивание ресурсов. Данная установка обусловлена таким индивидуально-личностным ресурсом, как обучаемость. Обучаемость включает в себя не только готовность повышать свой уровень профес-

сиональных знаний и навыков, но и осваивать принципиально новые направления деятельности.

Представленный выше аналитический обзор научной литературы позволяет сформулировать основную и дополнительную гипотезы исследования.

Основная гипотеза: Влияние социальных ресурсов на готовность работников к реализации своих трудовых интересов значительнее проявляется в негосударственном секторе занятости, нежели в государственном секторе.

Дополнительная гипотеза: Обучаемость как личностная характеристика является высоко значимым ресурсом в готовности работника к защите своих трудовых интересов, как в государственном, так и в негосударственном секторе занятости.

Методика исследования. Проверка гипотез осуществлялась методами опроса (анкетирование работников) и корреляционного анализа полученных данных. Опрос работников проводился в двух полярных организациях сферы услуг: в бюджетном учреждении, полностью финансируемом органами государственной власти, и на частном предприятии, опирающемся исключительно на собственные ресурсы, извлекаемые из рыночных возможностей. В бюджетном учреждении опрошено 154 работника. Использована стратифицированная выборка с целью обеспечения представленности работников разных должностных категорий. В состав респондентов вошли 32 заведующих, 54 специалиста, 46 социальных работников и 22 работника других подчиненных должностей (психологи, культорганизаторы, инструктора по адаптивной физкультуре). На частном предприятии опрошен 131 человек: 33 менеджера, 77 специалистов конкретной области и 21 работник других исполнительных должностей.

Был проведен корреляционный анализ между ответами респондентов относительно степени согласия с утверждением «Я готов (а) поговорить с директором по любым вопросам, затрагивающим мои трудовые права и интересы» («определенно да», «скорее да», «скорее нет», «определенно, нет») и оценкой своих профессиональных навыков, личностных качеств, выступающих в качестве выделенных нами социальных ресурсов, по десятибалльной шкале.

Корреляционный анализ был проведен с помощью пакета «Анализ данных» MS Excel, проанализировано значение коэффициента корреляции, которое может находиться в границах от 0 до 1. Чем ближе оно к единице, тем сильнее связь между признаками. Варианты обозначения характера связи в зависимости от данного значения условно подразделяются на группы, представленные в таблице 1 [17, с. 188].

Корреляционный анализ ответов респондентов представим в таблице 2.

На основании выдвинутой основной гипотезы необходимо проверить, действительно ли в негосударственном секторе занятости социальные ресурсы являются более значимыми в готовности работников к реализации своих трудовых интересов. Результаты анализа данного положения представим в таблице 3.

Данные таблицы 3 показывают, что влияние многих социальных ресурсов на готовность работника к защите своих трудовых интересов, действительно, значительнее выражена в негосударственном секторе занятости, по сравнению с государственным сектором. В то же время, некоторые социальные ресурсы, напротив, более значимы в государственном секторе занятости, нежели в негосударственном. Для получения обоснованного вывода социальные ресурсы следует условно сгруппировать, опираясь на данные таблиц 2 и 3.

Таблица 1

Количественные критерии оценки тесноты связи

Величина коэффициента корреляции	Характер связи
До 0,3	Практически отсутствует
От 0,3 до 0,5	Слабая
От 0,5 до 0,7	Умеренная
От 0,7 до 1	Сильная

Таблица 2

Факторы готовности работника к реализации своих трудовых интересов: социальные ресурсы

Фактор (социальный ресурс)	**Государственный сектор занятости**		**Негосударственный сектор занятости**		**Вид социальных ресурсов**
	Коэффициент корреляции	Значимость фактора	Коэффициент корреляции	Значимость фактора	
Уровень образования	-0,51	Умеренная	-0,27	Слабая	Социально-культурные
Знание своих трудовых прав, обязанностей и порядка их защиты	Нет данных		Нет данных		
Владение компьютером	-0,32	Слабая	0,57	Умеренная	
Владение программами обработки и анализа большого массива количественных данных	-0,79	Сильная	-0,77	Сильная	
Владение иностранным языком	-0,37	Слабая	-0,31	Слабая	
Организаторские способности	-0,32	Слабая	-0,83	Сильная	
Включенность в сети, обеспечивающие получение большего, по сравнению с основной работой, источника дохода	0,17	Практически отсутствует	*		Ресурсы социальных связей
Навыки общения с разными людьми, в том числе с трудными	0,002	Отсутствует	-0,74	Сильная	Индивидуально-личностные
Умение приспосабливаться к любой ситуации	-0,44	Слабая	-0,01	Отсутствует	
Стрессоустойчивость	-0,07	Практически отсутствует	-0,80	Сильная	
Способность работать в режиме большого объема задач или трудовых функций	-0,42	Слабая	-0,83	Сильная	
Способность быстро принимать решения	-0,33	Слабая	-0,27	Весьма слабая	
Внимательность	-0,33	Слабая	-0,08	Практически отсутствует	
Обучаемость	-0,88	Сильная	-0,84	Сильная	
Пунктуальность	-0,15	Практически отсутствует	-0,79	Сильная	

*Нет данных (проведение анализа нецелесообразно, ибо для 95% респондентов основным источником дохода является зарплата по основному месту работы)

Таблица 3

Роль социальных ресурсов в готовности работника к реализации трудовых интересов в негосударственном секторе занятости, по сравнению с государственным сектором

Фактор (социальный ресурс)	**Роль в негосударственном секторе**
Уровень образования	Ниже
Знание своих трудовых прав, обязанностей и порядка их защиты	Нет данных
Владение компьютером	Выше
Владение программами обработки и анализа большого массива количественных данных	Одинаково высокая
Владение иностранным языком	Одинаково низкая
Организаторские способности	Выше
Включенность в сети, обеспечивающие получение большего, по сравнению с основной работой, источника дохода	Нет данных
Навыки общения с разными людьми, в том числе с трудными	Выше

Продолжение таблицы 3

Фактор (социальный ресурс)	**Роль в негосударственном секторе**
Умение приспосабливаться к любой ситуации	Ниже
Стрессоустойчивость	Выше
Способность работать в режиме большого объема задач или трудовых функций	Выше
Способность быстро принимать решения	Одинаково низкая
Внимательность	Ниже
Обучаемость	Одинаково высокая
Пунктуальность	Выше

К первой группе отнесем социальные ресурсы, являющиеся высоко значимыми в обоих секторах занятости: владение программами обработки и анализа большого массива количественных данных; обучаемость, коэффициент корреляции которых, согласно таблице 2, выше 0,7. Востребованность такого социально-культурного ресурса, как владение программами обработки и анализа большого массива количественных данных, в негосударственном секторе занятости объясняется большим количеством экономических расчетов, а в государственном секторе занятости – большим количеством статистических отчетов. При этом данный ресурс также повышает статус работника на рынке труда. Высокая значимость такого индивидуально-личностного ресурса, как обучаемость, объясняется тем, что работник, легко обучающийся новому, готов искать и осваивать новую работу другой специальности, поэтому не боится защищать свои трудовые интересы.

Ко второй группе отнесем социальные ресурсы, значительно влияющие на готовность работников к реализации своих трудовых интересов в негосударственном секторе занятости и при этом несущественно влияющие или практически не влияющие на данную готовность в государственном секторе занятости: навыки общения с разными людьми, в том числе с трудными, стрессоустойчивость, способность работать в режиме большого объема задач или трудовых функций, пунктуальность. Востребованность навыков общения с разными людьми обусловлена необходимостью взаимодействия с клиентами,. Которое требует еще и стрессоустойчивости. Способность работать в режиме большого объема задач или трудовых функций значима ввиду высокого объема работы и возможности найти высокооплачиваемую работу на рынке труда. Пунктуальность востребована постольку, поскольку в негосударственном секторе сильно ценится время. Опоздание на деловые встречи считается плохим тоном и расценивается как неумение организовывать свое время.

К третьей группе отнесем социальный ресурс, значимость которого в негосударственном секторе занятости не является существенной, но в то же время более высокой, чем в государственном секторе занятости: владение компьютером. Невысокая значимость данного социального ресурса объясняется тем, что владение компьютером является минимальным требованием к трудоустройству на любое предприятие негосударственного сектора занятости.

Наконец, к четвертой группе относятся социальные ресурсы, влияние которых выше в государственном секторе занятости, чем в негосударственном: уровень образования, умение приспосабливаться к любой ситуации и внимательность. В государственном секторе занятости работодатель обязан соблюдать профессиональные стандарты. Поэтому наличие дипломов, сертификатов является базовым требованием к трудоустройству в данный сектор. Более того, доплата за ученую степень предусмотрена в государственном секторе занятости. В негосударственном секторе занятости главным требованием к работнику выступают профессиональные навыки и опыт работы. Умения приспосабливаться к любой ситуации больше ожидают от работников государственного сектора занятости ввиду продвигаемых норм, ценностей и часто меняющихся законов и распоряжений органов государственной власти. В негосударственном секторе занятости работодатели, напротив, ожидают от работников умения приспосабливать ситуацию под себя. Такая установка обуславливает, например, обхождение многих формальных норм трудовых отношений. Вероятно, что частая

смена законов и распоряжений в государственном секторе занятости требует и большей внимательности работников, ибо объем документальной и отчетной работы является крайне высоким.

Тем не менее, даже в государственном секторе занятости влияние данных ресурсов на готовность работников к защите своих трудовых интересов и прав выражено слабо, что, действительно, подтверждает нашу гипотезу о более высокой роли социальных ресурсов в негосударственном секторе занятости, по сравнению с государственным сектором.

Заключение. Под социальным ресурсом мы вслед за В. А. Ядовым понимаем совокупность материальных и нематериальных ресурсов, используемых индивидом для трансформации своего социального положения. С целью эмпирического анализа роли социальных ресурсов работника в готовности к реализации им своих трудовых интересов, в структуре социального ресурса следует выделить три взаимосвязанных уровня: социально-культурные ресурсы (уровень образования, знание своих трудовых прав, обязанностей и порядка их защиты, владение компьютером, владение программами обработки и анализа большого массива количественных данных, владение иностранным языком, организаторские способности); ресурсы социальных связей (включенность в сети, обеспечивающие получение большего, по сравнению с основной работой, источника дохода) и индивидуально-личностные ресурсы (навыки общения с разными людьми, в том числе с трудными; умение приспосабливаться к любой ситуации; стрессоустойчивость; способность работать в режиме большого объема задач или трудовых функций; способность быстро принимать решения; внимательность; обучаемость; пунктуальность). Результаты проведенного исследования подтвердили как основную, так и дополнительную гипотезы. В негосударственном секторе занятости влияние многих ресурсов на готовность работника к защите своих трудовых интересов выражено явно сильнее, чем в государственном секторе. Даже те социальные ресурсы, роль которых в готовности работников к реализации своих трудовых интересов выражена сильнее в государственном секторе занятости, нежели в негосударственном секторе, тем не менее, не имеют значительного влияния. В то же время, такой индивидуально-личностный ресурс, как обучаемость, является высоко значимым в обоих секторах занятости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. 2002. № 4. С. 20–32.

2. Сорокин Н. С. Ресурсный подход в изучении роли наемных работников в социальном партнерстве: к методологии исследования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2018. №1. С. 105–115.

3. Безрукова О. Н., Самойлова В. А. Отцовский отпуск в России: мечты или реальность? // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 116–125.

4. Максимов Б. И. Трудовое законодательство и реальные практики трудовых отношений // Петербургская социология сегодня. 2016. № 7. С. 350–363.

5. Соболев Э. Н. Социальная политика в сфере труда: критерии эффективности и направления модернизации // Вестник института экономики Российской академии наук. 2017. № 2. С. 32–46.

6. Петкова Т. А., Скоробогацкий В. В. Синергетическая природа человеческого капитала как фактора эффективного управления // Вопросы управления. 2018. № 5. С. 151–157.

7. Bourdieu P. The forms of capital // Handbook of theory and research for the sociology of education / Ed. by J. G. Richardson. N.Y: Greenwood, 1985. P. 241–258.

8. Coleman J. S. Social Capital in the Creation of Human Capital // American Journal of Sociology. 1988. Vol. 94. P. 95–120.

9. Безрукова О. Н. Ценности родительства: структура, типы, ресурсы // Социологические исследования. 2016. № 3. С. 118–127.

10. Ядов В. А. Социальный ресурс индивидов и групп как их капитал: возможность применения универсальной методологии исследования реального расслоения в российском обществе // Кто и куда стремится вести Россию? Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса. М., 2001. С. 310–319.

11. Каравай А. В. Российские рабочие: ресурсы и поведенческие стратегии: автореферат дис. … канд. социол. наук. М., 2016.

12. Одяков С. В. Трансформация социально-трудовых отношений на промышленных предприятиях постсоветской России: автореферат дис. … канд. социол. наук. Екатеринбург, 2012.

13. Чилипенок Ю. Ю. Современный работник малого и среднего бизнеса как субъект социально-трудовых отношений: ресурсы [электронный ресурс] // Современные исследования социальных проблем: электронный научный журнал. 2015. № 7. URL: http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/6658 (дата обращения 01.02.2019).

14. Митягина Е. В. Ресурсность рабочих на предприятии электроэнергетической промышленности [электронный ресурс] // Современные исследования социальных проблем. 2013. № 9. С. 78. URL: http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/549 (дата обращения 01.02.2019).

15. Темницкий А. Л. Становление наемного работника рыночного типа в условиях трансформации отношений собственности // Социологические исследования. 2014. № 5. С. 47–55.

16. Работа: мониторинг [электронный ресурс] // Фонд «Общественное мнение». 22.12.2016. URL: http://fom.ru/Rabota-i-dom/13150 (дата обращения 08.02.2019).

17. Практикум по теории статистики: учеб. пособие / под ред. Р. А. Шмойловой. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Финансы и статистика, 2006.

SOCIAL RESOURCES OF EMPLOYEES IN THE IMPLEMENTATION OF LABOR INTERESTS IN THE STATE AND NON-STATE EMPLOYMENT SECTORS

N. S. Sorokin
Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia

ABSTRACT: The subject of the article is a comparative empirical study of the impact of social resources on the readiness of employees of the state and non-state employment sectors to realize their labor interests. The purpose of the article is to determine the impact of different types of social resources liable for empirical measurement on the willingness of workers to realize their labor interests in the public and non-state employment sectors.

Two organizations were selected for the study, one of which belongs to the public employment sector, is fully funded by the public authorities, and the other is a private enterprise relying solely on its own resources derived from market opportunities. As research methods, survey (questioning) and correlation analysis of survey results concerning influence level of workers' social resources on their degree of readiness to realization of the labor interests are used.

It is understood that social resources, in general, have a higher importance in the willingness of workers to realize their labor interests in the non-state employment sector than in the state one. At the same time, such a resource as learning ability strongly affects the willingness of employees to realize their labor interests in both non-state and state employment sectors.

Specific types of social resources of employees subject to empirical analysis are proposed and tested. Based on the analysis, the role of social resources in the readiness of employees to realize their labor interests depending on the employment sector is established.

KEYWORDS: resource, social resource, socio-cultural resources, resources of social links, individual-personal resources, correlation analysis.

AUTHORS' INFORMATION: Nikita S. Sorokin, Graduate Student, Saint Petersburg State University, 1/3, Smolnogo st., Saint Petersburg, 191124, Russia, nikita_sergeevic@bk.ru.

FOR CITATION: Sorokin N. S. Social resources of employees in the implementation of labor interests in the state and non-state employment sectors // Management Issues. 2019. №3 (39). P. 226—235.

REFERENCES

1. Radaev V.V. Concept of capital, forms of capital and their conversion // Economic sociology. 2002. № 4. P. 20-32 [Radaev V. V. Ponyatie kapitala, formy kapitalov i ikh konvertatsiya // Ekonomicheskaya sotsiologiya. 2002. № 4. S. 20–32] – (In Rus.).

2. Sorokin N. S. Resource approach in studying the role of employees in social partnership: to research methodology // Bulletin of St. Petersburg University. Sociology. 2018. № 1. P. 105-115 [Sorokin N. S. Resursnyy podkhod v izuchenii roli naemnykh rabotnikov v sotsial'nom partnerstve: k metodologii issledovaniya // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya. 2018. №1. S. 105–115] – (In Rus.).

3. Bezrukova O. N., Samoilova V. A. Paternity leave in Russia: dreams or reality? // Sociological research. 2017. № 7. P. 116–125 [Bezrukova O. N., Samoylova V. A. Ottsovskiy otpusk v Rossii: mechty ili real'nost'? //Sotsiologicheskie issledovaniya. 2017. № 7. S. 116–125] – (In Rus.).

4. Maksimov B. I. Labour legislation and the actual practice of labor relations // Petersburg sociology today. 2016. № 7. P. 350-363 [Maksimov B. I. Trudovoe zakonodatel'stvo i real'nye praktiki trudovykh otnosheniy // Peterburgskaya sotsiologiya segodnya. 2016. № 7. S. 350–363] – (In Rus.).

5. Sobolev E. N. Social policy in the sphere of labor: criteria of efficiency and directions of modernization // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2017. № 2. P. 32-46 [Sobolev E. N. Sotsial'naya politika v sfere truda: kriterii effektivnosti i napravleniya modernizatsii // Vestnik instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk. 2017. № 2. S. 32–46] – (In Rus.).

6. Petkova T. A., Skorobogatskiy V. V. Synergetic nature of human capital as a factor of efficient management // Issues of Management. 2018. № 5. P. 151-157 [Petkova T. A., Skorobogatskiy V. V. Sinergeticheskaya priroda chelovecheskogo kapitala kak faktora effektivnogo upravleniya // Voprosy upravleniya. 2018. № 5. S. 151–157] – (In Rus.).

7. Bourdieu P. The forms of capital // Handbook of theory and research for the sociology of education / Ed. by J. G. Rich-ardson. N.Y: Greenwood, 1985. PP. 241–258.

8. Coleman J. S. Social Capital in the Creation of Human Capital // American Journal of Sociology. 1988. №94. PP. 95-120.

9. Bezrukova O. N. Values of parenthood: structure, types, resources // Sociological research. 2016. № 3. P. 118-127 [Bezrukova O. N. Tsennosti roditel'stva: struktura, tipy, resursy // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2016. № 3. S. 118–127] – (In Rus.).

10. Yadov V. A. Social resource of individuals and groups as their capital: possibility of applying a universal methodology for the study of real stratification in Russian society // Who and where seeks to lead Russia? Actors of macro-, meso- and micro-levels of the modern transformation process. M., 2001. P. 310–319 [Yadov V. A. Sotsial'nyy resurs individov i grupp kak ikh kapital: vozmozhnost' primeneniya universal'noy metodologii issledovaniya real'nogo rassloeniya v rossiyskom obshchestve // Kto i kuda stremitsya vesti Rossiyu? Aktory makro-, mezo- i mikrourovney sovremennogo transformatsionnogo protsessa. M., 2001. S. 310–319] – (In Rus.).

11. Karavay A.V. Russian workers: resources and behavioral strategies: Extended Abstract of Cand. Sci. (Sociology). M., 2016 [Karavay A. V. Rossiyskie rabochie: resursy i povedencheskie strategii: avtoreferat dis. … kand. sotsiol. nauk. M., 2016] – (In Rus.).

12. Odyakov S. V. Transformation of social and labor relations at industrial enterprises of post-Soviet Russia: Extended Abstract of Cand. Sci. (Sociology). Ekaterinburg, 2012 [Odyakov S. V. Transformatsiya sotsial'no-trudovykh otnosheniy na promyshlennykh predpriyatiyakh postsovetskoy Rossii: avtoreferat dis. … kand. Sotsiol. nauk. Ekaterinburg, 2012] – (In Rus.).

13. Chilipenok Yu. Yu. Modern employee of small and medium business as a subject of social and labor relations: resources [e-resource] // Modern research of social problems: scientific e-journal. 2015. № 7. URL: http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/6658 (date of reference 01.02.2019) [Chilipenok Yu. Yu. Sovremennyy rabotnik malogo i srednego biznesa kak sub"ekt sotsial'no-trudovykh otnosheniy: resursy [elektronnyy resurs] // Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem: elektronnyy nauchnyy zhurnal. 2015. № 7. URL: http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/6658 (data obrashcheniya 01.02.2019)] – (In Rus.).

14. Mityagina E. V., Potential of workers in the electric industry [electronic resource] // Modern research of social problems. 2013.

№ 9. P. 78. URL: http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/549 (date of reference 01.02.2019) [Mityagina E. V. Resursnost' rabochikh na predpriyatii elektroenergeticheskoy promyshlennosti [elektronnyy resurs] // Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem. 2013. № 9. S. 78. URL: http://journal-s.org/index.php/ sisp/article/view/549 (data obrashcheniya 01.02.2019)] – (In Rus.).

15. Temnitsky A. L. Marketing employee development in the context of transformation of property relations // Sociological researches. 2014. № 5. P. 47-55 [Temnitskiy A. L. Stanovlenie naemnogo rabotnika rynochnogo tipa v usloviyakh transformatsii otnosheniy sobstvennosti // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2014. № 5. S. 47–55] – (In Rus.).

16. Work: monitoring [e-resource] // Foundation "Public opinion". 22.12.2016. URL: http://fom.ru/Rabota-i-dom/13150 (date of reference 08.02.2019) [Rabota: monitoring [elektronnyy resurs] // Fond «Obshchestvennoe mnenie». 22.12.2016. URL: http://fom.ru/Rabota-i-dom/13150 (data obrashcheniya 08.02.2019)] – (In Rus.).

17. Workshop on the theory of statistics: textbook // edited by R. A. Shmoilova. 2nd edition, revised and enlarged, M: Finance and statistics, 2006 [Praktikum po teorii statistiki: ucheb. posobie / pod red. R. A. Shmoylovoy. 2-e izd., pererab. i doP. M.: Finansy i statistika, 2006] - (In Rus.).

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СЕРВИСА НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ГОСТИНИЧНО-РЕСТОРАННОГО КОМПЛЕКСА

УДК 338.46 *ГСНТИ 06.71.51*
ББК 65.43-82 *Код ВАК 08.00.05*
DOI: 10.22394/2304-3369-2019-3-236-244

Ю. С. Клюева
Нижегородский государственный инженерно-экономический университет,
Нижний Новгород, Россия
AuthorID: 318791

АННОТАЦИЯ: Цель. Выявление проблем в создании доступной среды на предприятиях гостинично-ресторанного комплекса. В исследовании отмечается, что, несмотря на актуальность данного вопроса, существуют проблемы с внедрением инклюзивных технологий на предприятиях гостинично-ресторанного комплекса. Большинство заведений ГРК не имеет адаптированной инфраструктуры к потребностям маломобильных групп населения. Также при проектировании элементов доступной среды остаются неучтенными некоторые аспекты, которые в дальнейшем могут повлиять на функционирование заведения в целом. Одной из самых важных проблем является некомпетентность персонала в специфике обслуживания инвалидов.

Методы. Проводится анализ доступности предприятий гостинично-ресторанного комплекса для инвалидов и маломобильных групп населения, а также опрос среди сотрудников предприятий гостинично-ресторанного комплекса.

Результаты. Объекты социальной инфраструктуры имеют частичные элементы доступности. Прилегающие территории и входы в здания, пути движения внутри здания, зоны целевого назначения и санитарно-бытовые комнаты не соответствуют требованиям доступности. Опрос сотрудников ГРК выявил их недостаточную подготовку к оказанию услуг лицам с ОВЗ. Главным барьером являются не только технические проблемы, но и психологические барьеры. До сих пор в обществе в целом и на предприятиях сервиса в частности персонал не готов к контактам с лицами с ОВЗ.

Научная новизна. Научная новизна заключается с исследовании механизмов создания доступной среды на предприятиях сервиса. Создание доступной среды, в свою очередь, способно повлиять на качество предоставляемых услуг для всех категорий потребителей сферы сервиса. В результате повысится лояльность клиентов и увеличатся доходы предприятия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: совершенствование сервиса, доступная среда, лица с ограниченными возможностями здоровья, предприятия гостинично-ресторанного комплекса, лояльность клиентов.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Юлия Семеновна Клюева, кандидат экономических наук, доцент, Институт пищевых технологий и дизайна, Нижегородский государственный инженерно-экономический университет,
603062, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Горная, 13, juliya_klyueva@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Клюева Ю. С. Проблемы совершенствования сервиса на предприятиях гостинично-ресторанного комлпекса // Вопросы управления. 2019. № 3 (39). С. 236—244.

В настоящее время главным конкурентным преимуществом в гостинично-ресторанном бизнесе является качественный сервис. Потребителей привлекает, в первую очередь, сервисное обслуживание, и они готовы платить за него, так как удовольствие, получаемое в процессе потребления услуги, важнее, чем цена [1, с. 35]. В условиях конкурентной среды высококлассный сервис становится более эффективным инструментом повышения объемов продаж, чем маркетинг [2, с. 45]. Качественное обслуживание клиентов становится фактором выживания компании в долгосрочной перспективе [3, с. 26; 4, с. 138; 5, с. 86].

В настоящее время существует большое количество научных работ и публикаций по

© Ю. С. Клюева, 2019

совершенствованию уровня сервиса на предприятиях гостинично-ресторанного бизнеса [6; 7; 8].

Но в то же время одним из актуальных направлений является внедрение инклюзивных технологий в сферу услуг. Понятие «инклюзивный» означает вовлеченность кого-либо в какое-то явление.

В России почти треть населения страны (около 30 %) относится к категории лиц с ограниченными возможностями здоровья (далее – лица с ОВЗ). Инвалид – это «лицо, которое имеет нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящее к ограничению жизнедеятельности и вызывающее необходимость его социальной защиты» [9, с. 83].

Данная группа является потребителями сервисных услуг и способна увеличить доходы предприятий гостеприимства. Совершенствование системы сервисного обслуживания, удовлетворяющей запросы потребителей, в том числе с ОВЗ, является актуальным направлением развития предприятий гостинично-ресторанного комплекса.

Система сервисного обслуживания предполагает оказание широкого спектра дополнительных услуг, привлекательных для потребителя и сопровождающих основную услугу [10, с. 43]. Роль дополнительных услуг заключается в предвосхищении потребностей клиентов и обеспечении такого уровня обслуживания, за которое они готовы платить.

В целом, понятие «сервис» можно определить как вид профессиональной деятельности, обеспечивающий удовлетворение потребности в обслуживании [11, с. 201]. Глубокое понимание потребностей клиентов имеет для них необыкновенную ценность [12, с. 21]. Сама же нацеленность на такое понимание является в настоящее время элементом рыночной ориентации компании [13, с. 3].

Исходя из понимания сервиса как вида деятельности, направленного на повышение степени удовлетворенности потребителей, можно сформулировать понятие инклюзивного сервиса как комплекса дополнительных услуг, придающих основной услуге особую привлекательность для потребителя, в том числе для лиц с ОВЗ. Для этого требуется специальное оборудование [14, с. 70]. Перечень нормативных документов, которые содержат требования по формированию доступной среды, достаточной широкий и включает федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24 ноября 1995 года №181-ФЗ (с изменениями и дополнениями), «Градостроительный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2014 №190-ФЗ (с изменениями и дополнениями) и другие документы.

Адаптация предприятий гостинично-ресторанном бизнеса для маломобильных групп населения позволит повысить качество сервиса, репутацию заведения и выведет его на новый социальный уровень.

Создание системы инклюзивного сервиса в гостиничных комплексах включает следующие этапы (рис.1):

Рис. 1. Основные этапы создания системы инклюзивного сервиса в гостиничных комплексах

На первом этапе, при обеспечении доступности отеля и близлежащей территории, должны быть предусмотрены специальные дорожки для инвалидов-колясочников, ширина которых составляет от 1,5 м и более, а уклон – 4–6 см на погонный метр [15, с. 3]. Вход в отель должен быть оборудован пандусом шириной 1–1,1 м с углом наклона не более 30–35 градусов [15, с. 4]. Площадь

гостиничного номера для лиц с ОВЗ должна составлять не менее 28 кв.м. В таком номере полностью отсутствуют пороги. Ширина дверных проемов составляет не менее 0,9 м. В номере устанавливается специальное оборудование для перехода с инвалидной коляски на кровать. Санузел также должен быть оборудован специальными поручнями и кнопкой вызова горничной [16, с. 139–140]. На втором этапе создаются парковочные места для автомобилей инвалидов. На третьем этапе обеспечивается доступность визуальной, звуковой, тактильной информации.

Вышеперечисленные рекомендации по созданию системы инклюзивного сервиса в гостиницах, за исключением рекомендаций по оборудованию номера, могут быть использованы и для ресторанов.

Несмотря на актуальность данного вопроса, существуют проблемы с внедрением инклюзивных технологий на предприятиях гостинично-ресторанного комплекса. Большинство заведений не имеют адаптированной к потребностям маломобильных групп населения инфраструктуры. Также при проектировании элементов доступной среды остаются неучтенными некоторые аспекты, которые в дальнейшем могут повлиять на функционирование заведения в общем [16, с. 53]. Одной из самых важных проблем является некомпетентность персонала в специфике обслуживания инвалидов.

В целях оценки доступности для инвалидов и маломобильных групп населения (далее – МГН) объектов гостинично-ресторанного комплекса г. Нижнего Новгорода была проведена оценка доступности гостиницы, бара и пиццерии с использованием методических рекомендаций по вопросам обеспечения доступности для инвалидов услуг и объектов [17].

В целом, можно сделать вывод, что исследуемые объекты имеют ограниченную доступность для инвалидов и МГН.

Результаты проведенного исследования показывают, что прилегающие территории и входы в здания, пути движения внутри здания, зоны целевого назначения и санитарно-бытовые комнаты не соответствуют требованиям доступности. Также можем отметить, что во всех обследуемых заведениях одни и те же нарушения. Требуется значительная доработка объектов для повышения уровня инклюзивного сервиса.

В рамках данного исследования был проведен опрос персонала гостиниц и ресторанов г. Нижнего Новгорода. В исследовании приняли участие 100 респондентов, работающих в индустрии гостеприимства. При опросе сотрудников выявлено, что с ними не проводили инструктаж по специфике обслуживания инвалидов и МГН, и это является основной проблемой при создании доступной среды. Не обладают навыками общения с людьми, не имеющими слуха, 66 % опрошенных (рис. 2).

Таблица 1

Результаты обследования доступности объектов

Объекты исследования	Выявленные нарушения
Территории, прилегающие к зданиям	- подъезд к зданиям затруднен; - отсутствуют стоянки для автомобилей инвалидов-колясочников; - отсутствуют знаки доступности
Входы в здания	- отсутствуют турникеты, приспособленные для инвалидов-колясочников; -не соблюдены требования к наружным дверям;
Внутренняя инфраструктура зданий	- отсутствуют тактильные предупреждающие указатели перед поворотами; - отсутствуют ограждения под нависающими элементами; – высота порогов или перепад высот превышает допустимое значение; - не соблюдены требования к конструктивным элементам и устройствам внутри здания
Зоны целевого назначения	- отсутствует необходимое количество мест для обслуживания инвалидов; - не соблюдены требования по минимальному расстоянию мест для инвалидов от эвакуационных входов; – отсутствуют информирующие обозначения
Санитарные комнаты	- отсутствует специальное оборудование и системы тревожной сигнализации; - не соблюдены требования к размещению раковин, зеркал, поручней и откидных сидений

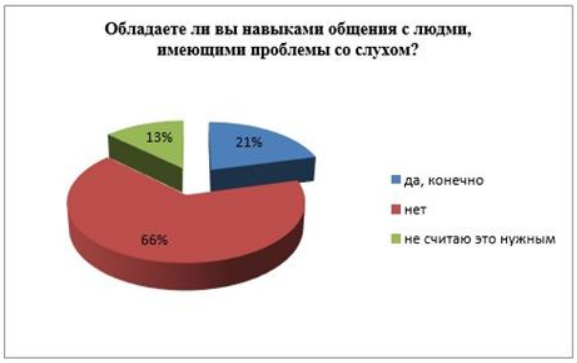

Рис 2. Владение навыками общения с людьми, имеющими проблемы со слухом

На вопрос, часто ли посещают вашу гостиницу люди с ограниченными возможностями, 26 % опрошенных ответили, что не посещают совсем, а 63 % респондентов ответили «редко посещают», то есть всего лишь несколько раз в год. В то же время данная группа является потребителями сервисных услуг и способна увеличить доходы от основной деятельности предприятий гостеприимства [18, с. 331; 19. с. 42].

Кроме отсутствия доступной среды, на предприятиях ГРК отсутствуют развлекательные мероприятия для людей с ограниченными способностями (рис. 3).

Рис. 3. Проведение мероприятий для лиц с ограниченными возможностями здоровья

.

На рисунке 4 представлено распределение ответов на вопрос об использовании лицами с ОВЗ кнопки вызова.

Всего лишь 12 % респондентов ответили, что гости пользовались данной кнопкой, а 88 % не сталкивались на практике с такой ситуацией или сталкивались редко. Это свидетельствует о том, что на данных предприятиях отсутствует поток клиентов с ОВЗ.

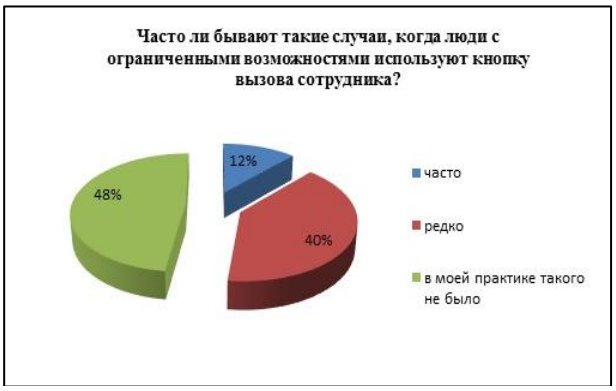

Рис. 4. Частота использования кнопки вызова сотрудников

В целом, проблемы в создании доступной среды на предприятиях ГРК носят технический и социально-психологический характер:

1) Исследуемые объекты ГРК имеют частичные элементы доступности. Прилегающие территории и входы в здания, пути движения внутри здания, зоны целевого назначения и санитарно-бытовые комнаты не соответствуют требованиям доступности.

2) Результаты исследования свидетельствуют о недостаточной подготовке сотрудников к оказанию услуг лицам с ОВЗ. До сих пор в обществе в целом и на предприятиях сервиса в частности персонал не готов к контактам с лицами с ОВЗ. И решение этой проблемы является основной задачей [20, с. 300; 21, с. 326].

Исходя из полученных результатов, необходимо совершенствовать механизмы создания доступной среды на предприятиях сервиса. Создание доступной среды, в свою очередь, способно повлиять на качество предоставляемых услуг для всех категорий потребителей сферы сервиса. Заведения с доступной средой способны обслужить большее количество клиентов, тем самым получить большую прибыль.

Пути решения проблем совершенствования сервиса в гостинично-ресторанных комплексах:

1. Доработка объектов гостинично-ресторанного комплекса для обеспечения их доступности для инвалидов и МГН. Доработка требуется как прилегающим к зданиям территориям, так и внутренним помещениям.

2. Повышение квалификации работников предприятий гостинично-ресторанных комплексов – проведение тренингов и мас-

тер-классов по работе с лицами с ограниченными возможностями здоровья.

3. Разработка и внедрение инструктажа для сотрудников гостинично-ресторанных комплексов, который повысит их профессиональную компетентность в необходимой коммуникации с лицами с ОВЗ.

4. Включение в образовательные программы высшего и среднего профессионального образования по направлениям «Гостиничное дело», «Сервис» и «Туризм» дисциплины «Особенности сервисной работы с лицами с ОВЗ».

5. Распространение информации о предприятиях гостинично-ресторанных комплексов с доступной средой в средствах массовой информации и с использованием интернет-технологий.

6. Проведение специальных развлекательных мероприятий для лиц с ограниченными возможностями здоровья в гостинично-ресторанных комплексах – тематических праздников, экскурсионных программ, творческих мастер-классов.

В результате реализации данных мероприятий повысится уровень сервиса в гостинично-ресторанном бизнесе, что в свою очередь, отразится на лояльности клиентов. Лояльность выражается в готовности постоянно пользоваться товарами или услугами определенной компании. Таким образом, лояльность клиентов гостинично-ресторанных комплексов проявляется в том, что они предъявляют стабильный спрос к услугам гостиницы или ресторана [22, с. 49].

Для оценки уровня сервиса в гостинично-ресторанных комплексах может быть использован индекс лояльности клиентов (NPS – англ. Net Promoter Score) [23, с. 147]. Данный показатель отражает готовность потребителей повторно пользоваться услугами компании. Для измерения индекса лояльности необходимо провести опрос клиентов, попросив их оценить готовность рекомендовать услуги компании своим знакомым и друзьям по десятибалльной шкале, где 10 баллов соответствует высокой готовности рекомендовать услугу, а 0 баллов – отсутствию такой готовности. После опроса и обработки результатов необходимо рассчитать количество сторонников компании, готовых дать рекомендации на 9–10 баллов. Те клиенты, которые относятся нейтрально к услугам компании, готовы рекомендовать услуга по шкале на 7–8 баллов. Критические настроенные потребители – это клиенты, оценивающие свою готовность дать рекомендации на шесть баллов и ниже. Тогда индекс лояльности клиентов можно рассчитать следующим образом:

(1),

где:

NPS – индекс лояльности клиентов,

Ds – доля сторонников компании, %,

Dc – доля критически настроенных потребителей, %.

Чем выше показатель *NPS*, тем выше лояльность клиентов по отношению к данной компании. Высокая лояльность клиентов характеризуется показателем, равным 70–85 %.

Таким образом, результаты проведенного исследования показали, что объекты гостинично-ресторанного комплекса имеют частичные элементы доступности. Опрос сотрудников ГРК выявил их недостаточную подготовку к оказанию услуг лицам с ОВЗ. Исходя из этого, необходимо совершенствовать механизмы создания доступной среды на предприятиях сервиса. В статье разработаны пути решения проблем совершенствования сервиса в гостинично-ресторанных комплексах.

Совершенствование сервиса на предприятиях гостинично-ресторанного комплекса за счет создания доступной среды и повышения уровня подготовки персонала будет способствовать увеличению потока клиентов, в том числе с ограниченными возможностями здоровья, повысит лояльность клиентов и увеличит доходы предприятий гостеприимства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шоул Дж. Первоклассный сервис как конкурентное преимущество. М.: Альпина Паблишер, 2013.

2. Беленко О. К. Сервис как основное конкурентное преимущество // Молодежь и системная модернизация страны: сборник научных статей 2-й Международной научной конференции студентов и молодых ученых. Курск, 2017.

3. Соломон М. Высокие технологии работы с клиентами. Как превратить случайного потребителя в искреннего приверженца. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.

4. Ланcков Д. П. Анализ качества услуг как необходимое условие повышения конкурентоспособности организаций сервиса // Экономические науки. 2011. № 74. С. 138–140.

5. Мирошникова В. К. Сервис как конкурентное преимущество организации // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2012. № 2. С. 86–89.

6. Горбашко Е. А., Филатова Т. А. Совершенствование системы управления качеством услуг сервисной организации // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2013. № 3. С. 42–46.

7. Краснопевцева И. В., Муравьева Д. Н. Основные направления повышения качества услуг, предоставляемых предприятиями сферы сервиса // Новая наука: Современное состояние и пути развития. 2016. № 12–1. С. 227.

8. Тимохина Т. Л. Организация гостиничного дела: учебник для прикладного бакалавриата. М.: Издательство Юрайт. 2014.

9. Кулебякин Е. В. Психология социальной работы. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2014.

10. Лойко О. Т. Сервисная деятельность: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Изд. центр «Академия», 2010.

11. Виноградова С. А. Организация и планирование деятельности предприятий сервиса: учебное пособие для бакалавров. М.: «Дашков и К», 2014.

14. Межова Л. А., Губин И. В. Инклюзивный туризм: проблемы и перспективы его развития в России // Культура физическая и здоровье. 2011. № 6. С. 70–71.

15.Радыгина Е. Г. Создание безбарьерной среды в средствах размещения для гостей с ограниченными возможностями // Концепт : научно-методический электронный журнал. 2014. № 5. С. 56–60.

16. Ульянченко Л. А. Проектирование гостиничной деятельности: учебное пособие. М.: КНОРУС. 2016.

17. Методическое пособие для обучения (инструктирования) сотрудников учреждений МСЭ и других организаций по вопросам обеспечения доступности для инвалидов услуг и объектов, на которых они предоставляются, оказания при этом необходимой помощи / Р. Н. Жаворонков, Н. В. Путило, О.Н. Владимирова и др.; Министерство труда и социальной защиты населения Российской Федерации. В 2 ч. М., 2015.

18. Ковалева Н. В., Лысенко С. В. Обеспечение качества обслуживания в сервисных организациях // Современная экономика: актуальные вопросы, достижения и инновации : сб. ст. победителей VII Междунар. науч.-практ. конференции. Пенза, 2017.

19. Бондарева А. С., Бершадская С. В. Совершенствование управления качеством обслуживания в организациях сервиса // Современные тенденции развития науки и производства : сб. материалов III Междунар. науч.-практ. конференции. Кемерово, 2016.

20. Дудко С. М. Резервы повышения качества подготовки специалистов предприятий сервиса // Вестник ИНЖЭКОНа. Серия: Экономика. 2011. № 6. С. 299–302.

21. Цветков М. А., Цветкова И. Ю. Дистанционные образовательные технологии: опыт и перспективы применения в вузе // Электронная Казань – 2011: сб. материалов Третьей междунар. науч.-практ. конференции. Казань, 2011.

22. Конова В. В., Клюева Ю. С. Модель математического расчета клиентоориентированности предприятий розничной торговли на примере торгово-развлекательного центра // Вестник НГИЭИ. 2018. № 11. С.46–57.

12. Narver J.C., and S.F. Slater. The Effect of a Market Orientation on Business Profitability // Journal of Marketing. 1990. № 54(4). PP. 20–35.

13. Jaworski, B.J. and A. Kohli. Market-Orientation: The Construct, Research Propositions, and Managerial Implications // Journal of Marketing. 1990. № 2(54). PP. 1–18.

23. Nikolenko P.G., Bocharov V.A., Klyueva Yu.S., Bukvić R.M. Theoretical aspects of buyer loyalty // 15th International Multidisciplinary Scientific Conference Eurobrand. Zrenjanin, 2017.

PROBLEMS OF SERVICE IMPROVEMENT AT THE ENTERPRISES OF HOTEL AND DINING COMPLEX

Yu. S. Klyueva
Nizhny Novgorod State University of Engineering and Economics,
Nizhny Novgorod, Russia

ABSTRACT: Identification of problems in creating an accessible environment at the enterprises of the hotel and dining complex (HDC). The study notes that despite the relevance of this issue, there are problems with implementation of inclusive technologies at the enterprises of the hotel and dining complex. Most of the public faces of the HDC do not have an adapted infrastructure to the needs of people with limited mobility. In addition, when designing elements of the accessible environment, some aspects remain unaccounted for, which in the future may affect the functioning of the public place in general. One of the most important problems is incompetence of the staff in the specific character of the service for the disabled.

The analysis of availability of the enterprises of hotel and restaurant complex for disabled people and people with limited mobility, and poll of the employees of those places of hotel and restaurant complex is carried out.

Social infrastructure facilities have partial accessibility elements. Adjacent areas and entrances to the premises, paths within the building, designated areas and sanitary rooms do not meet accessibility requirements. A survey of HDC employees revealed their lack of training in providing services to disabled people. Not only technical problems, but also psychological barriers are the main barriers for it. Until now, in the society as a whole, and in service business, in particular, staff is not ready for contacts with limited mobility people.

The scientific novelty includes the study of mechanisms for creating an accessible environment at the service enterprises. Creating an accessible environment, in turn, can affect the quality of services for all categories of consumers of the service sector. As a result, customers' loyalty will improve and the company's revenues will increase.

KEYWORDS: service improvement, accessible environment, persons with limited abilities, enterprises of hotel and dining complex, customers' loyalty.

AUTHORS' INFORMATION: Yulia S. Klyueva, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor, Institute of Food Technology and Design – a branch of Nizhny Novgorod State University of Engineering and Economics,
13, Gornaya str., Nizhny Novgorod, 603062, Russia juliya_klyueva@mail.ru

FOR CITATION: Klyueva Yu. S. Problems of service improvement at the enterprises of the hotel and dining complex // Management Issues. 2019. №3 (39). P. 236—244.

REFERENCES

1. Showle J. Achieving Excellence Through Customer Service" // M.: Alpina Publisher. 2013 [Shoul Dzh. Pervoklassnyy servis kak konkurentnoe preimushchestvo. M.: Al'pina Pablisher. 2013] – (In Rus.).

2. Belenko O. K. Service as the main competitive advantage // Youth and system modernization of the country: collection of scientific articles of the Second International Scientific Conference of Students and Young Researchers. Kursk, 2017 [Belenko O.K. Servis kak osnovnoe konkurentnoe preimushchestvo // Molodezh' i sistemnaya modernizatsiya strany: sbornik nauchnykh statey 2-y Mezhdunarodnoy nauchnoy Konferentsii studentov i molodykh uchenykh. Kursk, 2017] – (In Rus.).

3. Solomon M. High technology customer service. How to turn a casual consumer into a sincere follower. M.: Mann, Ivanov and Ferber. 2013 [Solomon M. Vysokie tekhnologii raboty s klientami. Kak prevratit' sluchaynogo

potrebitelya v iskrennego priverzhentsa. M.: Mann, Ivanov i Ferber. 2013] – (In Rus.).

4. Lanskov D. P. Analysis of service quality as a necessary condition for improving the competitiveness of service organizations // Economic Sciences. 2011. № 74. P. 138-140 [Lanskov D.P. Analiz kachestva uslug kak neobkhodimoe uslovie povysheniya konkurentosposobnosti organizatsiy servisa // Ekonomicheskie nauki. 2011. № 74. S. 138-140] – (In Rus.).

5. Miroshnikova V. K. Service as a competitive advantage of the organization // News of St. Petersburg State University of Economics. 2012. № 2. P. 86–89 [Miroshnikova V.K. Servis kak konkurentnoe preimushchestvo organizatsii // Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta. 2012. № 2. S. 86–89] – (In Rus.).

6. Gorbashko E. A., Filatova T. A. Improvement of the quality management system of service organizations // News of St. Petersburg State University of Economics. 2013. № 3. P. 42–46 [Gorbashko E.A., Filatova T.A. Sovershenstvovanie sistemy upravleniya kachestvom uslug servisnoy organizatsii // Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta. 2013. № 3. S. 42–46] – (In Rus.)

7. Krasnopevtseva I. V., Muravyeva D. N. Main directions of improving the quality of services provided by enterprises of the service sector // New Science: status and ways of development. 2016. № 12–1. P. 227 [Krasnopevtseva I.V., Murav'eva D.N. Osnovnye napravleniya povysheniya kachestva uslug, predostavlyaemykh predpriyatiyami sfery servisa // Novaya nauka: Sovremennoe sostoyanie i puti razvitiya. 2016. № 12–1. S. 227] – (In Rus.).

8. Timokhina T. L. Organization of hotel business: textbook for applied undergraduate studies. M.: Yurayt Publishing House. 2014 [Timokhina T.L. Organizatsiya gostinichnogo dela: uchebnik dlya prikladnogo bakalavriata. M.: Izdatel'stvo Yurayt. 2014] – (In Rus.).

9. Kulebyakin E. V. Psychology of social work. Vladivostok: Far East University Press. 2014 [Kulebyakin E.V. Psikhologiya sotsial'noy raboty. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevostochnogo universiteta. 2014] – (In Rus.).

10. Loyko O. T. Service activity: textbook for university students. M.: Publishing center "Academy". 2010 [Loyko O.T. Servisnaya deyatel'nost': ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedeniy. M.: Izdatel'skiy tsentr «Akademiya». 2010] – (In Rus.).

11. Vinogradova S. A. Organization and planning of service enterprises: textbook for Bachelors. M.: Publishing and Trading Corporation "Dashkov and K". 2014 [Vinogradova S.A. Organizatsiya i planirovanie deyatel'nosti predpriyatiy servisa: uchebnoe posobie dlya bakalavrov. M.: Izdatel'sko-torgovaya korporatsiya «Dashkov i K». 2014.] – (In Rus.).

12. Narver J.C., and S.F. Slater. The Effect of a Market Orientation on Business Profitability // Journal of Marketing. 1990. № 54(4). PP. 20–35.

13. Jaworski, B.J. and A. Kohli. Market-Orientation: The Construct, Research Propositions, and Managerial Implications // Journal of Marketing. 1990. № 2 (54). PP. 1–18.

14. Mezhova L. A., Gubin I. V. Inclusive tourism: problems and prospects of its development in Russia // Physical training and health. 2011. № 6. P.70-71 [Mezhova L. A., Gubin I. V. Inklyuzivnyy turizm: problemy i perspektivy ego razvitiya v Rossii // Kul'tura fizicheskaya i zdorov'e. 2011. № 6. S. 70–71] – (In Rus.).

15. Radygina E. G. Creation environment without barriers in the accommodation facilities for guests with disabilities // Concept (scientific-methodical electronic journal). 2014. № 5. P. 56-60 [Radygina E. G. Sozdanie bez bar'ernoy sredy v sredstvakh razmeshcheniya dlya gostey s ogranichennymi vozmozhnostyami // Kontsept: nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal. 2014. № 5. S. 56–60] – (In Rus.).

16. Ulyanchenko L. A. Hotel activity design: textbook. M.: KNORUS. 2016 [Ul'yanchenko L.A. Proektirovanie gostinichnoy deyatel'nosti: uchebnoe posobie. M.: KNORUS. 2016] – (In Rus.).

17. Method book for teaching (instructing) staff of medical and social assessment and other organizations on issues of accessibility of services and facilities which they are providing for persons with disabilities and lending all the necessary support // R.N. Zhavoronkov, N. V. Putilo, O. N. Vladimirova, etc.; The Ministry of Labor and Social Protection for the Population of the Russian Federation. In 2 parts. M. 2015 [Metodicheskoe posobie dlya obucheniya (instruktirovaniya) sotrudnikov uchrezhdeniy MSE i drugikh organizatsiy po voprosam obespecheniya dostupnosti dlya invalidov uslug i ob"ektov, na kotorykh oni

predostavlyayutsya, okazaniya pri etom neobkhodimoy pomoshchi / R.N. Zhavoronkov, N.V. Putilo, O.N. Vladimirova i dr.; Ministerstvo truda i sotsial'noy zashchity naseleniya Rossiyskoy Federatsii. V 2-kh ch. M. 2015] – (In Rus.).

18. Kovaleva N. V., Lysenko S. V. Service quality assurance in service organizations // Modern economy: current issues, achievements and innovations: Collection of articles by the winners of the VII International Research-to-Practice Conference. Penza, 2017 [Kovaleva N.V., Lysenko S.V. Obespechenie kachestva obsluzhivaniya v servisnykh organizatsiyakh // Sovremennaya ekonomika: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovatsii: sbornik statey pobediteley VII Mezhdunar. nauch.-prakt. konferentsii. Penza, 2017] – (In Rus.).

19. Bondareva A. S., Bershadskaya S. V. Improvement of service quality management in service organizations // Modern trends in science and production: Collection of the articles of the III International Research-to-Practice Conference. Kemerovo, 2016 [Bondareva A.S., Bershadskaya S.V. Sovershenstvovanie upravleniya kachestvom obsluzhivaniya v organizatsiyakh servisa // Sovremennye tendentsii razvitiya nauki i proizvodstva: sbornik materialov III Mezhdunar. nauch.-prakt. konferentsii. Kemerovo, 2016] – (In Rus.).

20. Dudko S. M. Reserves for qualitative improvement of training the staff of service enterprises // Bulletine of INGECON. Series: Economics. 2011. № 6. P. 299-302 [Dudko S.M. Rezervy povysheniya kachestva podgotovki spetsialistov predpriyatiy servisa // Vestnik INZhEKONa. Seriya: Ekonomika. 2011. № 6. S. 299-302] – (In Rus.).

21. Tsvetkov M. A., Tsvetkova I. Yu. Remote educational technologies: experience and prospects of application in Universities // Electronic Kazan – 2011: Collection of articles of the III International Research-to-Practice Conference. Kazan, 2011 [Tsvetkov M.A., Tsvetkova I.Yu. Distantsionnye obrazovatel'nye tekhnologii: opyt i perspektivy primeneniya v VUZe // Elektronnaya Kazan' – 2011: sbornik materialov Tret'ey Mezhdunar. nauch.-prakt. konferentsii. Kazan', 2011] – (In Rus.).

22. Konova V. V., Klyuyeva, Yu. S. Mathematical model calculation of customer orientation at retail trade enterprises by the example of the shopping mall // Journal “Herald NGIEI”. 2018. № 11. P. 46-57 [Konova V.V., Klyueva Yu.S. Model' matematicheskogo rascheta klientoorientirovannosti predpriyatiy roznichnoy torgovli na primere torgovo-razvlekatel'nogo tsentra // Vestnik NGIEI. 2018. №11. S.46-57] – (In Rus.).

23. Nikolenko P.G., Bocharov V.A., Klyueva Yu.S., Bukvić R.M. Theoretical as-pects of buyer loyalty // 15th International Multidisciplinary Scientific Conference Eurobrand. Zrenjanin, 2017.

УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЕМ | EDUCATION MANAGEMENT

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И БРЕНД ВУЗА: ОТНОШЕНИЕ СТУДЕНТОВ К ПРОЦЕССАМ

УДК 316.74:[378:004] *ГСНТИ 14.35.07*
ББК 60.561.9 *Код ВАК 22.00.08*
DOI: 10.22394/2304-3369-2019-3-245-250

О. И. Попова
Уральский государственный экономический университет,
Екатеринбург, Россия
AuthorID: 737653

АННОТАЦИЯ: Цель. Статья обращается к одной из актуальных управленческих проблем – управлению брендом вуза в условиях цифровизации высшего образования. В исследовании отмечается, что основные атрибуты бренда определяются функциональными характеристиками – преимуществами–выгодами, а также ценностями–эмоциями, которые получает потребитель от контакта с брендом. Учитывая специфику молодого поколения, университеты все более активно используют в коммуникациях бренда цифровые каналы. Это позволяет создавать единый, законченный образ, близкий и понятный современным студентам. Образовательный процесс, нацеленный на трансляцию и запоминание знаний, им не интересен, поскольку они живут в условиях свободного доступа к огромному объему информации. Главная функция современного образования – «научить учиться», подготовить к переменам, к работе с более сложными проектами, расширить кругозор.

Метод. Онлайн-опрос студентов ведущих вузов России.

Результаты. В результате опроса выявлено отношение студентов к цифровизации образования. Цифровые технологии однозначно влияют на бренд вуза. В исследовании отмечается, что студенты напрямую не связывают цифровые технологии с брендом университета, но ждут от них реализации обязательных функциональных элементов бренда вуза: удобство обучения, актуальные знания, удовлетворенность процессом обучения за счет экономии времени и возможности обучения 24/7 в любой точке мира, учиться легче, с интересом и непрерывно, обучаться у ведущих мировых практиков и специалистов. Значимость дистанционного и онлайн-обучения для студентов низкая: около половины респондентов отметили необходимость наличия в университете дистанционного обучения и онлайн курсов. Только треть опрошенных открыты для смешанного обучения. Это значит, что студенты не готовы полностью отказываться от общения с преподавателем в аудитории.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: трансформация высшего образования, цифровизация образования, бренд-менеджмент вуза, цифровые технологии в вузе.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Ольга Ивановна Попова, кандидат социологических наук, доцент,
Уральский государственный экономический университет,
620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, 62, o.popova63@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Попова О. И. Цифровизация образования и бренд вуза: отношение студентов к процессам // Вопросы управления. 2019. № 3 (39). С. 245—250.

Цифровизация – один из важнейших современных трендов в образовании. Многие исследователи изучают отдельные её направления: изменения в системе преподавания, роль преподавателя, модели компетенций преподавателя и выпускника, ожидания на рынке труда и многие другие. В то же время вопросы, касающиеся управления

© О. И. Попова, 2019

брендом вуза посредством внедрения цифровых технологий в образовательный процесс, раскрыты в научных трудах в недостаточной мере.

Бренд университета – это сложный многокомпонентный конструкт, поэтому для отражения его элементов и связи между ними в теории бренд-менеджмента представлены различные модели. Для разработки бренда университета наиболее целесообразным является подход адаптации классических моделей брендинга к особенностям деятельности университетов [1]. Основные атрибуты бренда определяются функциональными характеристиками – преимуществами–выгодами, а также ценностями–эмоциями, которые получает потребитель от контакта с брендом. Учитывая специфику молодого поколения, университеты все более активно используют в коммуникациях бренда цифровые каналы. Это позволяет создавать единый, законченный образ, близкий и понятный современным студентам. Образовательный процесс, нацеленный на трансляцию и запоминание знаний, им не интересен, поскольку они живут в условиях свободного доступа к огромному объему информации. Главная функция современного образования – «научить учиться», подготовить к переменам, к работе с более сложными проектами, расширить кругозор [2].

Студенты позитивно воспринимают технологические новшества в университете: от электронного расписания до внедрения онлайн-курсов. Соответственно, в условиях трансформации высшего образования в сторону цифровизации, а также необходимости взаимодействия с «digital» поколением, существует необходимость расширения перечня функциональных параметров бренда университета с учетом цифровых элементов. Для этого необходимо определить, какие преимущества для вуза и студентов создает наличие в образовательном процессе цифровых технологий [3].

В январе 2019 г. был проведен онлайн-опрос студентов из 10 ведущих вузов России с помощью сервиса Simpoll. Выборка случайная, квотированная.

Цель исследования: определение влияния цифровых технологий на восприятие бренда вуза современными потребителями образовательных услуг.

География: Сибирский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Новосибирск). Уральский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Екатеринбург). Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург). Институт международных связей (Екатеринбург). Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева (Саранск), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Юго-Западный государственный университет» (Курск), Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Омский государственный педагогический университет, Новгородский государственный лингвистический университет им. Добролюбова, Челябинский государственный университет, Московский лингвистический университет.

Объем выборки: 400 студентов. Из них: бакалавры – 260 чел., магистры – 140 чел. Студенты очного отделения – 200 чел., заочного – 100 чел, очно-заочного – 100 чел.

Прежде всего, определялась важность и необходимость для студентов использования цифровых технологий в процессе обучения (рис. 1).

Самыми необходимыми цифровыми элементами в вузе, по мнению студентов, являются: личный кабинет студента (90 %), **э**лектронные учебники и пособия (89 %), электронное расписание на сайте вуза (88 %). Наличие цифровой библиотеки (60 %) менее значимо, если есть учебные пособия по предметам. Использование дистанционного обучения (55 %) и онлайн-курсов (45 %) более значимо для студентов заочной и очно-заочной форм обучения. Всего 38 % респондентов отмечают необходимость смешанных форм обучения (blended learning онлайн+офлайн) и наличия электронного портфолио студента (34 %). Цифровые кампусы нужны только 15 % опрошенных.

Для того чтобы определить, что уже используют студенты в процессе обучения, был задан вопрос: Какие цифровые технологии уже используются в Вашем вузе. Результаты ответов можно увидеть на рис. 2.

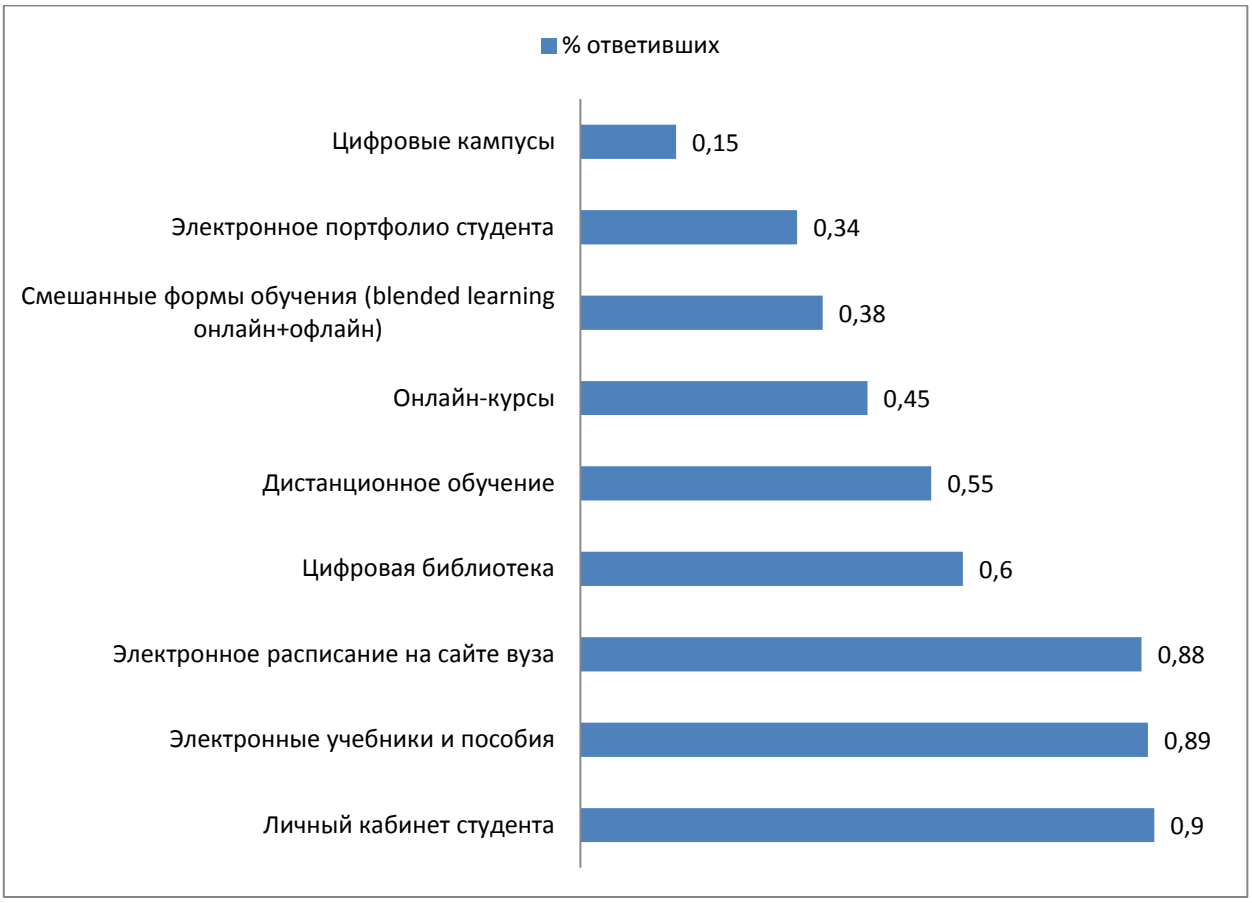

Рис. 1. Результаты ответов на вопрос «Какие цифровые технологии, на Ваш взгляд, являются необходимыми атрибутами современного университета?»

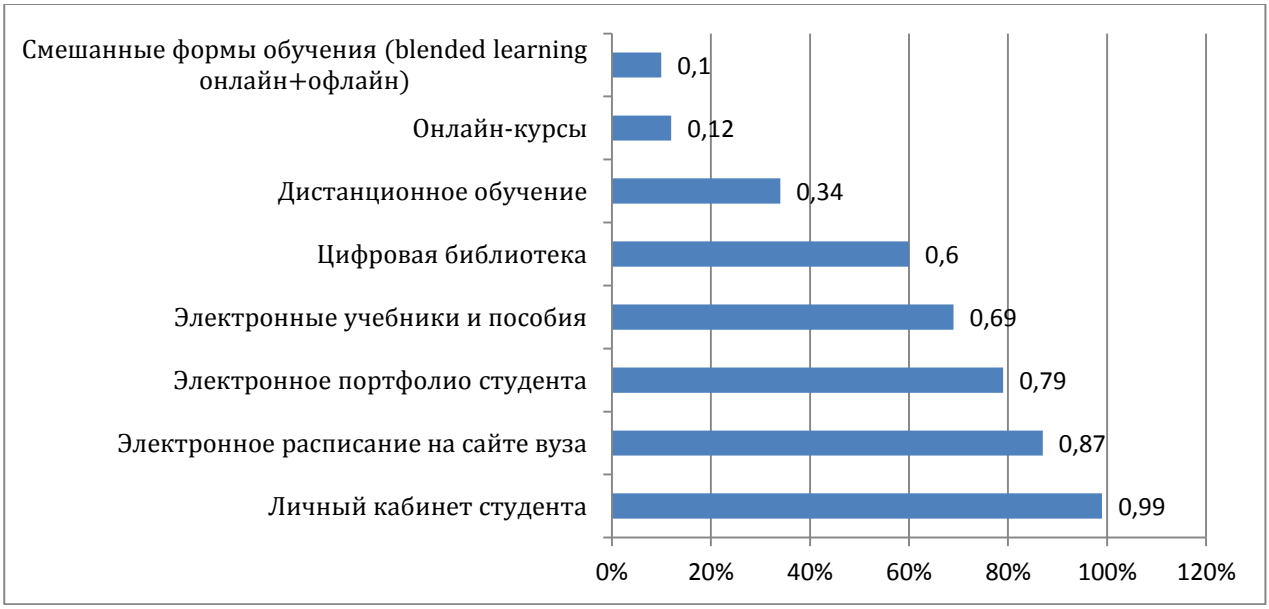

Рис. 2. Результаты ответов на вопрос «Какие цифровые технологии уже используются в Вашем вузе?»

По результатам опроса 99 % студентов имеют личный кабинет, 87 % – смотрят расписание на сайте вуза, 79 % – заполняют электронное портфолио студента. Для подготовки к занятиям и промежуточной аттестации пользуются электронными учебниками и пособиями 69 % студентов и цифровой библиотекой 60 %. Только у 34 % студентов в вузе есть дистанционное обучение и у 12 % онлайн-курсы. Смешанные формы обучения (blended learning онлайн+офлайн) используют в вузах 10% оп-

рошенных. Цифровые кампусы практически отсутствуют.

Для определения влияния цифровых технологий на бренд вуза необходимо выяснить, что студенты понимают под этим понятием вообще. Ответы на этот вопрос на рис. 3.

Основным атрибутом бренда для студентов является его известность (92 %). Далее перечисляются функциональные характеристики бренда: востребованность выпускников (79 %), качество подготовки (79 %), качество профессорско-преподавательского состава (79 %). Для половины студентов элементами бренда вуза считаются положительные ассоциации (51 %) и удовлетворенность студентов (49 %). 37 % респондентов считают, что материально-техническая база также является элементом бренда вуза, а также использование цифровых технологий в процессе обучения (35 %).

Было интересно выяснить мнение студентов, на что влияет развитие цифровых технологий в университете. Ответы распределились следующим образом (рис. 4).

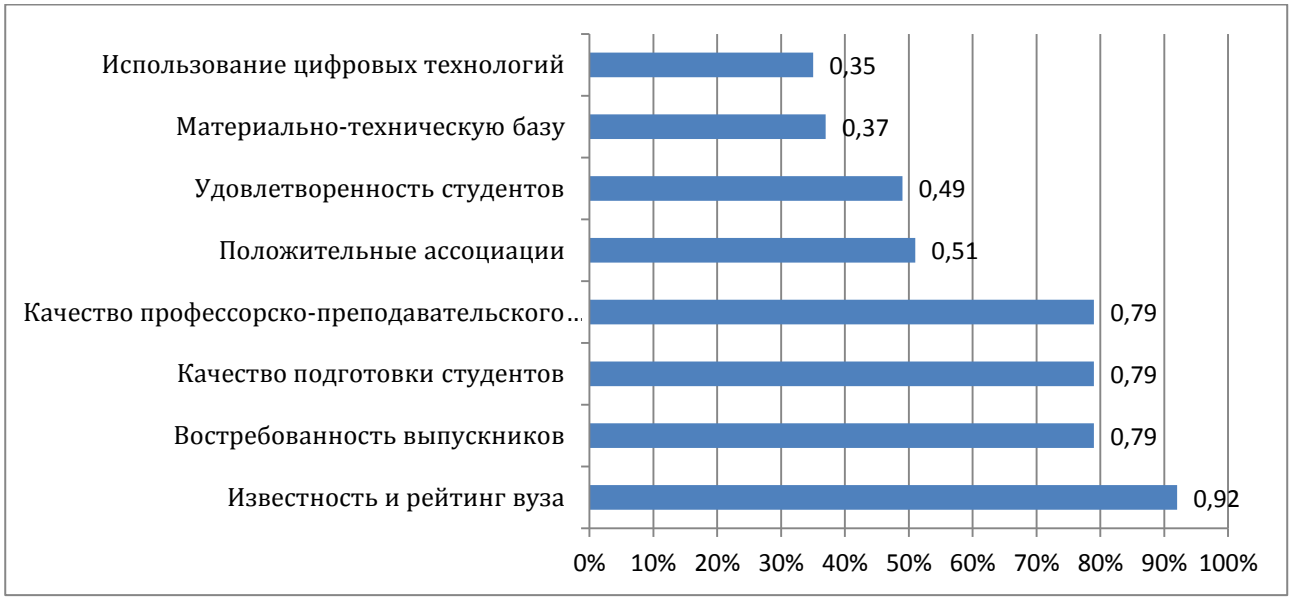

Рис. 3 Результаты ответов на вопрос «Что Вы понимаете под брендом университета?»

Рис. 4. Результаты ответов на вопрос
«Как Вы думаете, на что влияет развитие цифровых технологий в университете?»

Основной результат от использования цифровых технологий для студентов – это удобство обучения (84 %). 79 % респондентов считают, что повысится качество образования, и появятся конкурентные преимущества у вуза (73 %). Цифровые технологии позволят продвигать вуз в международном пространстве (60 %). Повлияет на бренд вуза в лучшую сторону (54 %). Это будет учитываться абитуриентами при выборе вуза (50 %). Возможность непрерывного обучения отмечается 45 % респондентов. И 41 % студентов считают, что это повысит конкурентоспособность выпускников.

Выгода, которую могут получить студенты от использования цифровых технологий, представлена на рис. 5.

Рис. 5. Результаты ответов на вопрос «На ваш взгляд, что могут получить студенты от использования в университете цифровых технологий?»

Основными преимуществами от использования цифровых технологий студенты считают следующие возможности: слушать лекции ведущих практиков и ученых из других вузов и стран (59 %), экономить время для обучения и подготовки (55 %), сделать обучение более простым и понятным (53 %), обучаться 24/7 в любой точке мира (51 %), получать самые актуальные знания (48 %), повторять лекции 24/7 в любой точке мира (45 %). Считают, что учиться будет намного интереснее (41 %) и непрерывно (38 %). Только 25 % респондентов считают, что это позволит получить навыки конкурентоспособного специалиста.

Выводы:

1. Цифровые технологии однозначно влияют на бренд вуза. Поэтому являются актуальным направлением бренд-менеджмента для руководства и профессорско-преподавательского состава университета.

2. Студенты напрямую не связывают цифровые технологии с брендом университета. Но ждут от них реализаци обязательных функциональных элементов бренда вуза: удобство обучения, актуальные знания, удовлетворенность процессом обучения за счет экономии времени и возможности обучения 24/7 в любой точке мира, учиться легче, с интересом и непрерывно, обучаться у ведущих мировых практиков и специалистов.

3. Значимость дистанционного и онлайн-обучения для студентов низкая: около половины респондентов отметили необходимость наличия в университете дистанционного обучения и онлайн-курсов. Только треть опрошенных открыты для смешанного обучения. Это значит, что студенты не готовы полностью отказываться от общения с преподавателем в аудитории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Капустина Л. М., Жадко Е. А., Изакова Н. Б. Восприятие университетского бренда в контексте фирменной модели колеса // Управленец–менеджер. 2017. № 5(69). С.50–57.

2. Попова О. И. Преобразование высшего образования в условиях цифровой экономики // Вопросы управления. 2018. № 5(35). С. 158–160.

3. Трансформация управленческих систем под воздействием цифровизации экономики: монография / Ю. В. Вертакова, Т. О. Толстых, Е. В. Шкарупета; Юго-западный гос. ун-т. Курск, 2017.

DIGITALIZATION OF EDUCATION AND UNIVERSITY BRAND: STUDENTS' ATTITUDE TO PROCESSES

O. I. Popova
Ural State University of Economics,
Ekaterinburg, Russia

ABSTRACT: The article addresses a topical managerial issue – managing the University brand in the context of higher education digitization. The study notes that the main attributes of the brand are determined by functional characteristics -advantages-benefits, as well as values–emotions that the consumer receives from the contact with the brand. Considering the specificity of the younger generation, universities are increasingly using digital channels in brand communications. This allows you to create a unified, complete image, and understandable to contemporary students. They are not interested in the educational process aimed at compilation and memorization of knowledge, because they live in the era of free access to a huge amount of information. The main function of today's education is to "teach how to learn", to prepare for changes, to work with more complex projects, to broaden the horizons.

Method. Online survey of students from central Russian universities.

Results. Through the survey of the students' attitude to digitalization of education and their impact on the brand of the University, it was revealed that digital technologies clearly affect the brand of the University. The study notes that students do not directly associate digital technology with the University's brand. However, they are expected to implement the mandatory functional elements of the University brand: accessibility of learning, relevant knowledge, satisfaction with the learning process by saving time and learning opportunities 24/7 anywhere in the world from well-known leading practitioners and experts. The importance of distance and online learning for students is low: about half of the respondents noted the need for distance learning and online courses at the University. Only a third of respondents are open to blended learning. This means that students are not ready to completely abandon communication with the lecturer in the classroom.

KEYWORDS: transformation of higher education, digitalization of education, brand management of the University, digital technologies in the University.

AUTHORS' INFORMATION: Olga I. Popova, Cand. Sci. (Sociological), Associate Professor, Ural State University of Economics,
62, 8 March str., Ekaterinburg, 620144, Russia, o.popova63@mail.ru

FOR CITATION: Popova O. I. Digitalization of education and university brand: students' attitude to processes // Management Issues. 2019. №3 (39). P. 245—250.

REFERENCES

1. Kapustina L. M., Zhadko E. A., Izakova N. B. Perception of the University brand in the context of the brand wheel model // Executive – Manager. 2017. № 5 (69). P. 50–57 [Kapustina L. M., Zhadko E. A., Izakova N. B. Vospriyatie universitetskogo brenda v kontekste firmennoy modeli kolesa // Upravlenets – menedzher 2017. №5(69). S. 50–57] – (In Rus.).

2. Popova O. I. Transformation of higher education in digital economy // Management Issues. 2018. № 5(35). P. 158–160 [Popova O. I. Preobrazovanie vysshego obrazovaniya v usloviyakh tsifrovoy ekonomiki // Voprosy upravleniya. 2018. № 5(35). S. 158–160] – (In Rus.).

3. Transformation of management systems under the influence of digitalization of economy: monograph / Yu. V. Vertakova, T. O. Tolstykh, E. V. Skarupeta,. South-West State University. Kursk, 2017 [Transformatsiya upravlencheskikh sistem pod vozdeystviem tsifrovizatsii ekonomiki: monografiya / Yu. V. Vertakova, T. O. Tolstykh, E. V. Shkarupeta. Kursk, 2017] – (In Rus.).

ОРГАНИЗАЦИЯ КАНИКУЛЯРНОГО ОТДЫХА ПОДРОСТКОВ В ЛЕТНЕЕ ВРЕМЯ

УДК 371.217.3-053.6 *ГСНТИ 14.27.09*
ББК 74.200.585.82 *Код ВАК 22.00.08*
DOI: 10.22394/2304-3369-2019-3-251-257

М. Ю. Челпанова
МБОУ Гимназия «Лаборатория Салахова»,
Сургут, Россия

АННОТАЦИЯ: Цель. Анализ особенностей и потребностей участников современного образовательного процесса, а также обзор наиболее интересных и перспективных форм организации каникулярного отдыха, призванных обеспечить полноценный и продуктивный отдых детей в летний период. В исследовании отмечается, что XXI столетие характеризуется интенсивным развитием информационного общества – информация становится ведущей ценностью цивилизации и в то же время определяет увеличение эмоциональных перегрузок и стрессовых ситуаций среди членов социума. Кроме того, значительная доля общения происходит в виртуальном мире. Сегодня досуг многих подростков связан не только и не столько с живым общением со сверстниками, сколько с пребыванием в социальных сетях.

Предмет. Специфика организации отдыха учащихся в период летних каникул в условиях современного общества.

Методы. Анализ законодательства в отношении прав детей и подростков на развивающий отдых и досуг. Конкретизация и обобщение наблюдений, полученных в результате опыта руководящей работы в пришкольном оздоровительном лагере, общения в рамках организуемых мероприятий с детьми младшего школьного возраста и с подростками.

Результаты и практическая значимость. Обоснована необходимость поиска новых комплексных решений организации каникулярного отдыха учащихся, которая должна быть основана на глубоком понимании потребностей современного общества, а также сопряжена с реализацией индивидуального подхода к учащимся. Информация, представленная в данной статье, может быть интересна как непосредственно руководителям образовательных организаций, так и широкому кругу читателей.

Научная новизна. Акцентируя внимание на роли образовательных учреждений в организации полноценного отдыха учащихся, автор статьи особое внимание уделяет таким формам, как летняя школа, программа дополнительного образования, семейный лагерь. В статье представлены материалы, раскрывающие специфику современного летнего лагеря, его возможности в реализации обучающей, развивающей и воспитательной функции образования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: летний отдых, современные формы организации, летняя школа, дополнительное образование, семейный отдых, развитие и воспитание подростков.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Маргарита Юрьевна Челпанова, учитель, МБОУ Гимназия «Лаборатория Салахова»,
628417, Россия, г. Сургут, пр. Ленина, 33а, cmargaritayu@inbox.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Челпанова М. Ю. Организация каникулярного отдыха подростков в летнее время // Вопросы управления. 2019. № 3 (39). С. 251—257.

Современная социально-экономическая действительность определяет направление изменений системы современного образования. Забота о детях по-прежнему остается одной из важнейших стратегических задач государства в целом и школы в частности. Для решения данной задачи необходим учет реалий жизни современного общества. На сегодняшний день особую социальную значимость имеет не только решение вопросов обучения детей, но и реализация важнейших воспитательных задач, в том числе – развитие сферы досуга для оказания помощи в профессиональном и личностном самоопределении, а также с целью нивелирования негативных процессов, на-

© М. Ю. Челпанова, 2019

метившихся в духовной и культурной жизни общества.

XXI столетие характеризуется интенсивным развитием информационного общества – информация становится ведущей ценностью цивилизации и в то же время определяет увеличение эмоциональных перегрузок и стрессовых ситуаций среди членов социума. Кроме того, значительная доля общения происходит в виртуальном мире. Сегодня досуг многих подростков связан не только и не столько с живым общением со сверстниками, сколько с пребыванием в социальных сетях. Неоспорим тот факт, что современные дети начинают дружить, общаться в сети и в целом посвящают большую часть своего времени Интернету, зачастую пренебрегая многими формами активности, не включаясь в те или иные виды деятельности, не приобретая необходимый социальный опыт в полном объеме. В связи с этим одним из важнейших направлений реализации воспитательной функции образования, обеспечивающим социализацию подрастающего поколения, становится развитие культуры досуга подростков. В современных реалиях указанное направление не входит в число первостепенных задач общеобразовательных учреждений – такой вид деятельности наиболее свойственен учреждениям дополнительного образования, в частности осуществляется в социокультурном пространстве детского оздоровительного лагеря.

Не стоит забывать и о новых задачах, стоящих сегодня перед обучением, которые могут быть эффективно реализованы только в единой системе с задачами воспитательными, так как в процессе образования обучение, воспитание и развитие неразделимы. Современное общество предъявляет высокие требования к уровню подготовки населения. За последние годы существенно возрос поток информации для обязательного усвоения учащимися. Кроме того, необходимым сегодня является навык ориентации в изменяющихся условиях и постоянная готовность к получению новых знаний, а также определенная гибкость мышления. Без работы образовательных систем по развитию указанных навыков проблема социализации молодого человека не может быть решена в полной мере. Интенсификация учебного процесса открывает много возможностей для учащихся, однако может негативно сказаться на их здоровье. В нашей стране решение проблемы сохранения здоровья, актуальной для всего мирового сообщества, осложняется рядом социально-экономических факторов, не позволяющих повсеместно в полной мере внедрять здоровьесберегающие технологии обучения, обеспечивать полноценный отдых детей в свободное от учебы время. Летние каникулы – лучшая пора для укрепления здоровья, развития творческих способностей и совершенствования возможностей ребенка, удовлетворения индивидуальных интересов и потребностей, вовлечения его в новые социальные связи. Это период интересных знакомств, новых увлечений, творчества, возможность освоить новые виды деятельности, попробовать себя в новом качестве. Проблему организации оздоровления и полноценного отдыха детей эффективно решают соответствующие организации (лагеря, центры, базы и т.д.), которые, с одной стороны, выступают формой организации свободного времени детей, с другой – пространством для воспитания, оздоровления, развития творческого потенциала. Это происходит благодаря продуманной организованной системе лагерной смены. Право детей и подростков на развивающий отдых и досуг отражено в нормативных и концептуальных документах международного и российского уровней (Конвенция о правах ребенка, Конституция РФ, Федеральный закон РФ «Об образовании в РФ», Закон «Об основных гарантиях прав ребенка в РФ» и др.; правительственные программы и постановления: «Национальная доктрина образования в России на период до 2025 г.», «Наша новая школа», Типовое положение о детском оздоровительном лагере от 16 февраля 2011 г., Положение о детских специализированных (профильных) лагерях, детских лагерях различной тематической направленности от 13 июля 2017 г. № 656 и др.). Так, в Конвенции о правах ребенка подчеркивается, что государство признает право ребенка на отдых и досуг, право участвовать в играх и развлекающих мероприятиях, соответствующих его возрасту, свободно участвовать в культурной жизни и заниматься искусством; поощряется право ребёнка на всестороннее участие в культурной и творческой жизни и содействие предоставлению соответствующих и равных возможностей для

культурной и творческой деятельности, досуга и отдыха [5]. Согласно Федеральному закону «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 21.12.04 № 170 ФЗ, отдых детей и их оздоровление – это «совокупность мероприятий, обеспечивающих развитие творческого потенциала детей, охрану и укрепление их здоровья, профилактику заболеваний у детей, занятие их физической культурой, спортом и туризмом, формирование у детей навыков здорового образа жизни, соблюдение ими режима питания и жизнедеятельности в благоприятной окружающей среде при выполнении санитарно-гигиенических и санитарно-эпидемиологических требований» [6].

Опыт руководящей работы в пришкольном оздоровительном лагере, общение в рамках организуемых мероприятий не только с детьми младшего школьного возраста, но и с подростками, позволили автору статьи сделать вывод о том, что традиционный отдых интересует современных детей в меньшей степени. Особенно при работе с подростками необходимо стараться избежать формального подхода к деятельности. Стремление заинтересовать учащихся определяет поиск современных форм организации досуга, которые побудили бы подрастающее поколение посещать лагеря. Это и явилось мотивом для написания данной статьи.

Ориентация на интересы ребёнка, помощь ребенку в формировании опыта общения и анализа отношения к себе, окружающему миру – сегодня важные черты детского оздоровительного лагеря. Именно деятельность в летнем лагере в свободной неформальной обстановке может способствовать развитию организаторских навыков у подростков, творческих способностей, уровня коммуникативной компетентности, укрепит межличностные связи, позволит детям приобрести опыт социального взаимодействия в коллективе, расширить репертуар имеющихся поведенческих тактик. Важной особенностью современного управления образовательной организацией становится ориентация на интересы детей. Детский лагерь должен создать условия для развития и самореализации личности. При правильно организованной деятельности он создает благоприятную атмосферу для самопознания и самовоспитания, здесь могут быть организованы все основные виды деятельности (коммуникативная, спортивная, трудовая, познавательная, эстетическая, образовательная и т.п.) [1].

Создание условий для развития самоуправления предполагает включение ребят в сложные взаимоотношения, складывающиеся в коллективе, дает им возможность в игровой форме приобрести новый опыт, в том числе и опыт организаторской и управленческой работы. Через участие в решении проблем дети вырабатывают качества, необходимые для преодоления сложностей социальной жизни. Учитывая все выше сказанное, в наше время, организовывая каникулярный отдых, необходимо применять современные образовательные программы дополнительного образования, направленные на развитие подростков с учетом реалий и требований современного общества.

Рассмотрим более подробно некоторые формы организации каникулярного отдыха детей в современных условиях.

Одной из таких форм является летняя школа, позволяющая реализовать единство воспитательной и обучающей функции образования. С. А. Шмаков отмечает, что «…в определенной степени лагерь отдыха есть тоже школа, но особая, основанная на вольнице, добровольности, природности, интересе и каникулярности» [7, с. 40]. Программа летней школы предполагает активные занятия в той или иной области наук, в соответствии с интересами ребенка, в сочетании с разнообразными внеклассными мероприятиями. Летние школы призваны воссоздать научное общество, а также способствовать привлечению одаренных учащихся к исследовательской работе. «Развиваться, отдыхая» – это тот принцип, по которому должна работать летняя школа. Дополнительное образование как одна из форм детского объединения «обеспечивает развитие ребенка во взаимосвязи познавательной, предметно-практической, духовной, художественной деятельности, а также в условиях свободного выбора индивидуальных или групповых форм активности» [7, с. 40]. Организация досуга, игровая деятельность должны способствовать приобретению новых знаний, формированию новых интересов. Сочетание отдыха и труда, спорта и творчества дисциплинирует ребёнка, уравновешивает его мышление и эмоции. Цель летней школы состоит в том,

чтобы каждый желающий подросток смог показать свои способности, проявить новые таланты и развить ранее имеющиеся. Основная деятельность летней школы должна быть направлена на развитие личности ребенка и включение его в разнообразное и полноценное общение со сверстниками. Детский лагерь, учитывая его специфику, может способствовать формированию целостной системы ценностных ориентаций и культурных традиций через погружение воспитанников в атмосферу игры и познавательную деятельность. При погружении в такую атмосферу у ребенка появляется возможность лучше понять себя, открыть в себе положительные качества, ощутить значимость собственного «я», осознать себя личностью, вызывающей положительную оценку других людей, повысить самооценку.

Помимо прочего, в каникулярный отдых школа может включить образовательную программу дополнительного образования, базирующуюся на программе «Наноград», которая соединяет в себе игровую, творческую, интеллектуальную и коммуникативную деятельность [3]. В условиях применения программы «Наноград» в летней школе одной из ключевых задач ребят становится решение кейсов для производственных задач. Решая «взрослые» задачи, подростки начинают чувствовать свою востребованность. Жизнь в «Нанограде» — многоплановая ролевая игра. Жители «Нанограда» создают облик города, участвуют в работе органов самоуправления. В Нанограде есть мэр, граждане, законы, своя философия и свои деньги. Преимущество программы в том, что дети приобретают новый опыт, имеют возможность мыслить нестандартно, придумывают оригинальные идеи, решения, которые в иной ситуации не были бы возможны. Безусловно, при работе с экспертами идея, предложенная подростками, может быть изменена. Но решения школьников могут стать материалом для размышления инженеров и руководителей предприятий. Работа в Нанограде – это всегда добровольный выбор. В отличие от школьного процесса, в рамках программы подростки имеют возможность принимать решения – что и с кем делать. Это меняет отношение к деятельности, способствует формированию чувства ответственности. В таком случае занятость ощущается как свобода.

Обращаясь к работам образовательного центра «Сириус», автор статьи почерпнула для себя несколько интересных идей, которые могут быть реализованы в работе пришкольного лагеря. Данная программа включает в себя как занятия по специальности, так и развивающий досуг, мастер-классы, творческие встречи, беседы с признанными в своих областях профессионалами, комплекс оздоровительных мероприятий. Целью программы является раннее выявление, развитие и дальнейшая профессиональная поддержка одарённых детей, проявивших способности в области искусств, спорта, естественнонаучных дисциплин, а также добившихся успеха в техническом творчестве. Поиск новых идей, а еще больше – людей, способных их реализовывать – самая актуальная задача «Сириуса». В ходе реализации данной программы задачами лагеря становятся: работа с одарёнными школьниками и их педагогами; создание условий для реализации интеллектуального и личностного потенциала, профессионального и личностного самоопределения учащихся; развитие новых форм включения одарённых детей в интеллектуально-познавательную, художественную, физкультурно-спортивную и общественно-полезную деятельность; вовлечение новых участников, педагогов, экспертов, партнёров.

Относительно новым явлением для России стала еще одна форма организации каникулярного отдыха – семейный отдых. Семейные лагеря организуют совместный досуг для взрослых и детей, формируют пространство и возможность для общения между членами семьи, дают родителям интересную возможность получить новые знания о различных методиках воспитания и обучения, знания о самом себе и о своем ребенке. Для детей семейный лагерь — это возможность проявить себя и попробовать свои силы в новой деятельности. Он «семейный» не только потому, что туда приходят семьями, но еще и потому, что на период смены все становятся большой семьей, что дает возможность каждому члену коллектива приобрести новый опыт межличностного взаимодействия, а также просто получить положительные эмоции от общения друг с другом. Младшие общаются со

старшими, приобретая что-то новое для себя, и наоборот. Идея семейного отдыха с его несомненными преимуществами может быть реализована и частично. Так, пришкольный лагерь сложно представить в виде семейного отдыха, но, тем не менее, включить несколько дней или мероприятий с участием родителей вполне возможно. Хотя старый школьный афоризм гласит: «Самое сложное в работе с детьми – это работа с их родителями», но эта форма работы имеет огромное значение как для детей, так и для взрослых. Привлекая родителей к активной деятельности, к непосредственному общению с детьми, организуя совместную досуговую деятельность, превращая их в помощников и единомышленников, формируя среду для приобретения нового опыта взаимодействия поколений, можно добиться того, чтобы ребенок раскрыл свои способности, ведь совместная работа взаимно обогащает знаниями. Невозможно создать ситуацию успеха без активного участия родителей. Еще Ш. А. Амонашвили предложил гуманистический подход к взаимодействию педагогов с родителями, создание сотрудничества семьи и образовательного учреждения, объединение усилий для создания благоприятных условий развития личности ребенка [2, с. 84].

Подводя итог, следует констатировать, что современный пришкольный лагерь для подростков должен являться учреждением, которое не только осуществляет присмотр за детьми, обеспечивает их оздоровление и отдых, но выполняет обучающую, развивающую и воспитательную функции. Организация свободного времени подростка должна иметь созидательную цель. Тогда конечными результатами работы лагеря станут не только сплоченность в коллективе, повышение общей культуры учащихся, привитие им социально-нравственных норм, но и приобретение новых знаний, развитие творческих способностей, самостоятельности, приобретение позитивного социального опыта, развитие самосознания, развитие лидерских и организаторских качеств, осознание и реализация своих способностей. На сегодняшний день вопрос организации досуга учащихся не только не утратил своей актуальности, но и приобрел особую значимость. Система образования в нашей стране имеет богатейший опыт работы летних лагерей. Успех данного направления сегодня может быть обеспечен лишь объединением имеющегося опыта и новых форм работы. Одна из важнейших задач образовательного учреждения в рамках организации каникулярного отдыха – учет современных социальных и культурных реалий, поиск новых способов работы, ориентированных на потребности современного общества, учитывающих весь комплекс социальных и личностно-психологических особенностей современных учащихся и членов их семей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анна Быкова (Психолог, педагог, арт-терапевт) [электронный ресурс]. URL: http://annabykova.ru/razvitie-samostojatelnosti/chto-takoe-semejnyj-lager.html (дата обращения 28.04.2019)

2. Амонашвили Ш. А. Размышления о гуманной педагогике. М.: Изд. дом Ш. Амонашвили, 1995.

3. Бухарова Е. Школьный лагерь 2015 // Экспедиция в Наноград [электронный ресурс]. URL: http://edcommunity.ru/ communication/blogs/detail.php?blog=elenka22285-yandex-ru-blog&id=1169 (дата обращения 08.04.2019)

4. Закон РФ «Об образовании» // Вестник образования. 1996. № 7. С. 2–4.

5. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г.: распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.11.2008 г. № 1662-р [электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения 10.01.2019)

6. Президент России [электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/ (дата обращения 11.03.2019)

7. Шмаков С.А. Педагогическое табу, или Чего нельзя делать вожатым и воспитателям // Проблемы школьного воспитания. 2000. № 2. С.40.

8. Юриков А.А. Роль общения в развитии детей в лагере // Новые ценности образования: философия и педагогика каникул. №8. М.: Инноватор, 1998. С.73.

ORGANIZATION OF SUMMER HOLIDAYS FOR TEENAGERS

M. Yu. Chelpanova
Gymnasium "Salakhov Laboratory",
Surgut, Russia

ABSTRACT: Purpose. The analysis of features and needs of participants of modern educational process, and also the review of the most interesting and perspective forms of holidays organization urged to provide full and productive rest of children in summer. The study notes that XXI century is characterized by intensive development of information society – information becomes the leading value of civilization and at the same time determines the increase in emotional overload and stressful situations among members of society. In addition, a significant proportion of communication takes place in online world. Today, leisure activities of many teenagers are associated not only and not so much with live communication with peers, but with staying in social networks.

Object. The specificity of the organization of summer holidays for students in modern society.

Methods. Analysis of the legislation on the rights of the children and adolescents to developmental recreation and leisure. Substantiation and generalization of observations obtained as a result of the experience of leadership in the school health camp, communication in the framework of organized activities with children of primary school age and teenagers.

Results and practical significance. The necessity of search of new complex decisions of students' holidays organization which should be based on deep understanding of modern society needs, and also is interfaced with realization of an individual approach to students is proved. The information presented in this article may be of interest both directly to the heads of educational institutions and to a wide range of readers.

Scientific novelty. Focusing on the role of educational institutions in the students' holidays organization, the author pays special attention to such forms as summer school, additional education program, family camP. The article presents materials that reveal the specifics of the modern summer camp, its possibilities in the implementation of training, developmental and educational functions of education.

KEYWORDS: summer holidays, modern forms of organization, summer school, supplementary education, family recreation, development and upbringing of teenagers.

AUTHORS' INFORMATION: Margarita Yu. Chelpanova, teacher of Gymnasium "Salakhov Laboratory", 33A, Lenina ave., Surgut, 628417, Russia, cmargaritayu@inbox.ru.

FOR CITATION: Chelpanova M. Yu. Organization of summer holidays for teenagers // Management Issues. 2019. № 3 (39). P. 251—257.

REFERENCES

1. Anna Bykova (Psychologist, teacher, art therapist) [electronic resource]. URL: http://annabykova.ru/razvitie-samostojatelnosti/chto-takoe-semejnyj-lager.html (date of reference 28.04.2019) [Anna Bykova (Psikholog, pedagog, art-terapevt) [electronnyy resurs]. URL: http://annabykova.ru/razvitie-samostojatelnosti/chto-takoe-semejnyj-lager.html (data obrashcheniya 28.04.2019)] – (In Rus.).

2. Amonashvili Sh. A. Reflections on humane pedagogy. M.: IPublishing House of Amonashvili Sh. A., 1995 [Amonashvili Sh. A. Razmyshleniya o gumannoy pedagogike. M.: Izd. dom Sh. Amonashvili, 1995.] – (In Rus.).

3. Bukharova E. School camp 2015 "Expedition to Nanograd" [electronic resource]. URL: http://edcommunity.ru/communication/blogs/detail.php?blog=elenka22285-yandex-ru-blog&id=1169 (date of reference 08.04.2019) [Bukharova E. Shkol'nyy lager' 2015 "Ekspeditsiya v Nanograd" [elektronnyy

resurs]. URL: http://edcommunity.ru/ communication/blogs/detail.php?blog=elenka22285-yandex-ru-blog&id=1169 (data obrashcheniya 08.04.2019)] – (In Rus.).

4. Law of the Russian Federation "On education" // Bulletin of education. 1996. № 7. P. 2-4 [Zakon RF «Ob obrazovanii» // Vestnik obrazovaniya. 1996. № 7. S. 2-4.] – (In Rus.).

5. The concept of long-term social and economic development of the Russian Federation for the period up to 2020: The Order of the Government of the Russian Federation dated 17.11.2008 № 1662-R [electronic resource] // RLS ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru (date of reference 10.01.2019) [Kontseptsiya dolgosrochnogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2020 g.: rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 17.11.2008 g. № 1662-r [elektronnyy resurs] // SPS Konsul'tantPlyus. URL: http://www.consultant.ru (data obrashcheniya 10.01.2019)] – (In Rus.).

6. President of Russia [electronic resource]. URL: http://www.kremlin.ru/ (date of reference 11.03.2019) [Prezident Rossii [elektronnyy resurs]. URL: http://www.kremlin.ru/ (data obrashcheniya 11.03.2019)] – (In Rus.).

7. Shmakov S. A. Pedagogic taboos or What camp counselors and school teachers mustn't do. 2000. № 2. P. 40 [Shmakov S. A. Pedagogicheskoe tabu, ili Chego nel'zya delat' vozhatym i vospitatelyam // Problemy shkol'nogo vospitaniya. 2000. №2. S.40.] – (In Rus.)

8. Yurikov A. A. Role of communication in the development of children in the summer camp // New values of education: philosophy and pedagogy of holidays. №8. M.: Innovator, 1998. P. 73 [Yurikov A. A. Rol' obshcheniya v razvitii detey v lagere // Novye tsennosti obrazovaniya: filosofiya i pedagogika kanikul. №8. M.: Innovator, 1998. S.73.] – (In Rus.).

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ЛЮДЕЙ «ТРЕТЬЕГО ВОЗРАСТА»: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

УДК [37.001.7:35]-053.88 *ГСНТИ 14.37.09*
ББК 74.044.9 *Код ВАК 23.00.02*
DOI: 10.22394/2304-3369-2019-3-258-271

Н. В. Шаброва
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
AuthorID: 586740

АННОТАЦИЯ: Цель. Анализ возможностей, проблем и противоречий, заложенных в российских нормативно-правовых документах для реализации гражданами «третьего возраста» права на образование.

Методы. Осуществлен традиционный анализ содержания нормативных документов федерального и регионального (Свердловской области) уровней. Каждая группа документов изучена сквозь призму 1) наличия в рамках данной политики образовательной составляющей и 2) объекта государственной политики (с акцентом на категории людей «третьего возраста»).

Результаты. На основе проведенного анализа делается вывод о том, что существующая нормативно-правовая база (как федеральная, так и региональная) не способствует развитию образования лиц «третьего возраста», а политика, проводимая государством в отношении лиц предпенсионного и пенсионного возраста, носит скорее декларативный характер. Она 1) не конкретизирована в качественных (а иногда и количественных) показателях: по видам и формам обучения; 2) сужена до обучения конкретной компетенции (компьютерной грамотности); 3) сконцентрирована на применении дистанционных технологий обучения; 4) не в полной мере ориентирована на граждан «третьего возраста» как субъекта образовательной политики. В исследовании отмечается, что сужение образовательной составляющей для граждан «третьего возраста» до обучения конкретной компетенции (компьютерной грамотности) приводит к отсутствию стремления региональных властей заниматься вопросами образования людей «третьего возраста» в более широком плане. Кроме того, нацеленность как федеральных, так и региональных властей на минимизацию расходов на образование (в т.ч. граждан «третьего возраста») приводит к выбору менее затратных (но не более результативных) форм и методов обучения. Акцент на дистанционных технологиях обучения может иметь право на существование, но он не должен, на наш взгляд, быть единственным (доминирующим).

Научная новизна. Научная новизна заключается в исследовании возможностей, проблем и противоречий, заложенных в существующей государственной образовательной политике в отношении лиц «третьего возраста», как меры развития их человеческого капитала в русле преодоления проблем старения населения Российской Федерации и реализуемой в стране пенсионной реформы.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00096 «Образование как ресурс сохранения и развития социальной общности людей "третьего возраста"».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: граждане «старшего поколения», пенсионеры, граждане предпенсионного возраста, граждане пожилого возраста, образование.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Нина Васильевна Шаброва, кандидат социологических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
620002, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19, n.v.shabrova@urfu.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Шаброва Н. В. Государственная образовательная политика в отношении людей «третьего возраста»: проблемы и противоречия // Вопросы управления. 2019. № 3 (39). С. 258—271.

© Н. В. Шаброва, 2019

Объективные процессы развития современного российского общества, выражающиеся в возрастании доли граждан старшего поколения в структуре населения страны[1], проводимая в стране пенсионная реформа обусловливают постановку новых целей и задач перед государством и научным сообществом. Эти цели и задачи должны быть направлены на обеспечение основных потребностей граждан старшего поколения, создание и поддержание достойных условий их жизнедеятельности, активного участия во всех сферах общества. Ключевой в этом отношении, на наш взгляд, является сфера образования, поскольку именно она дает возможность накопления, развития и реализации человеческого капитала.

Процесс включения граждан старшего возраста в систему формального и неформального образования может быть ускорен или заторможен существующей в настоящее время нормативно-правовой базой. В то же время, есть некоторые сомнения в том, что эта база соответствует реальным потребностям общества, людей «третьего возраста».

Целью статьи является анализ содержания государственной образовательной политики в отношении людей «третьего возраста». Такой анализ позволяет выявить возможности, проблемы и противоречия, заложенные в российских нормативно-правовых документах для реализации гражданами «третьего возраста» права на образование.

Для достижения поставленной цели мы изучили содержание нормативных документов федерального, а затем регионального (Свердловской области) уровней. Каждая группа документов анализировалась по двум параметрам:

1) указание на людей «третьего возраста» как объект государственной политики;

2) наличие в них образовательной составляющей.

Среди документов, разработанных на федеральном уровне, мы выделили три группы: базовые (стратегические)[2], национальные проекты и государственные программы. В подавляющем большинстве документов, отнесенных к данной группе, провозглашается право гражданина на образование. В частности, в статье 43 Конституции РФ гарантируется право на:

1) образование;

2) бесплатное дошкольное, основное общее и среднее профессиональное образование;

3) бесплатное высшее образование на конкурсной основе [3].

В Законе «Об образовании в Российской Федерации» декларируется право каждого человека на образование, а реализация данного права обеспечивается путем создания органами государственной власти и местного самоуправления соответствующих социально-экономических условий для его получения, расширения возможностей удовлетворения потребности человека в получении образования различного уровня и направленности *в течение всей жизни* [4].

Вместе с тем, хотелось бы выделить несколько важных, на наш взгляд, моментов, закрепленных в этом законе. Во-первых, законодатель, перечисляя характеристики, по которым граждане не могут быть дискриминированы в сфере получения образования, относит возраст к категории «другие обстоятельства» (п. 2., ст. 5). Во-вторых, возможность получения бесплатного высшего образования на конкурсной основе возникает лишь при условии, что образование данного уровня гражданин получает впервые (п. 3, ст. 5). В-третьих, при определении контрольных цифр приема на обучение в высшие учебные заведения за счет бюджетных средств, в качестве отправной точки расчета принимается соотношение студентов на каждые десять тысяч человек в возрасте от 17 до 30 лет (п. 2, ст. 100), т.е. количество бюджетных мест для обучения в высших учебных заведениях *никак не соотносится с увеличением доли граждан старшего поколения в структуре населения страны*.

В «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» в качестве одного из основных направлений развития человеческого потенциала России выделяется обеспечение возможности получения качественного образования за счет перехода от системы массового образования к *непрерывному индивидуализированному образованию*, доступному всем гражданам [5]. Для такого перехода, в том числе, предлагается:

– создание системы поддержки потребителей услуг непрерывного профессио-

нального образования и организаций, их предоставляющих;

– формирование открытой системы информирования граждан об образовательных услугах;

– развитие внутрипроизводственного обучения работников организаций, а также опережающего профессионального обучения работников, подлежащих высвобождению;

– увеличение профессиональной мобильности на основе повышения квалификации, непрерывного обучения и переобучения;

– расширение использования новых форм и методов обучения, в том числе дистанционного образования и медиаобразования и т.д.

Важно подчеркнуть, что в рамках Концепции существует несколько положений, ориентированных на граждан старшего возраста. Первое положение, представленное в разделе «Развитие рынка труда», предполагает создание условий для продления периода трудовой деятельности за счет стимулирования использования трудового потенциала работников старшего возраста (гибкий график работы, частичная занятость, упорядочение системы льготных пенсий и т.д.). Второе положение – в разделе «Развитие социальных институтов и социальная политика» – направлено на социальное обслуживание граждан старших возрастов и инвалидов. Но ни в том, ни в другом случае образовательная составляющая для данной категории граждан не прописана.

В Законе «О занятости населения Российской Федерации» образовательная составляющая для лиц «третьего возраста» отсутствует. Вместе с тем, отмечается обеспечение равных возможностей всем гражданам Российской Федерации на добровольный труд и свободный выбор занятости и акцентируется внимание на недопустимости дискриминации по возрасту [6].

Одним из направлений государственной политики в области занятости, закрепленном в данном Законе, является осуществление мероприятий, способствующих занятости граждан, испытывающих трудности в поиске работы. К таким особым группам относятся и граждане предпенсионного возраста. Важно подчеркнуть, что в рамках реализации пенсионной реформы в новой редакции Закона «О занятости населения Российской Федерации» расширились временные границы такой «особой поддержки»: с двух до пяти лет до наступления возраста, дающего право на страховую пенсию по старости, в том числе назначаемую досрочно. Кроме того, в рассматриваемом документе прописаны дополнительные гарантии социальной поддержки граждан предпенсионного возраста, но образовательная составляющая, как мера дополнительной социальной поддержки данной категории людей, в нем отсутствует.

Единственным документом в группе базовых, в котором содержится образовательная составляющая для людей старшего возраста, является «Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года» [7]. В ней названы категории и сформулированы ключевые характеристики граждан старшего поколения, цели, принципы, задачи, приоритетные направления и механизмы реализации данных направлений. Важно подчеркнуть, что в Стратегии отдельно выделено направление, связанное с обеспечением доступа граждан старшего поколения к информационным и образовательным ресурсам. Оно включает в себя, в частности:

1) обеспечение возможности получения образования гражданами старшего поколения;

2) совершенствование организации профессионального обучения, дополнительного профессионального образования по востребованным на рынке труда профессиям и специальностям для реализации трудового потенциала граждан старшего поколения;

3) развитие услуг по формированию у граждан старшего поколения функциональной грамотности (правовой, компьютерной, финансовой, предпринимательской, экологической, языковой и др.);

4) развитие программ непрерывного образования граждан старшего поколения для обеспечения их профессионального и личностного роста, а также улучшения качества жизни.

Разработчики Стратегии выделяют 16 ключевых механизмов реализации направления, связанного с обеспечением доступа граждан старшего поколения к информационным и образовательным ресурсам. Наиболее интересными, на наш взгляд, являются:

– развитие системы информирования о предоставляемых образовательных услугах;

– организация профессионального обучения, дополнительного профессионального образования;

– персонифицированное финансирование дополнительных образовательных программ, направленных на формирование различных видов функциональной грамотности (компьютерной, финансовой, правовой, языковой, экологической и др.);

– осуществление мероприятий, направленных на развитие институтов доверия к качеству дополнительного образования;

– формирование и реализация образовательных программ на основе дистанционных образовательных технологий и электронного обучения;

– развитие и поддержка интегрированных культурно-образовательных центров.

Полагаем, что выделение образования граждан старшего поколения в отдельное приоритетное направление и сформулированные механизмы его реализации могли бы выступить основой для реального повышения уровня и качества образования людей данной возрастной категории, если бы не одно «но». В целевых показателях реализации данной Стратегии (а их всего 6) *нет ни одного, связанного с образованием.* Это, на наш взгляд, существенно снижает возможности оценки эффективности деятельности органов власти в отношении образования граждан старшего возраста.

Далее представим результаты анализа следующей группы документов – национальных проектов. По данным Правительства РФ на 7 февраля 2019 г., на территории Российской Федерации утверждены и реализуются 12 национальных проектов (НП) [8]. В соответствии с нашим исследовательским интересом были проанализированы семь из них: «Образование», «Демография», «Культура», «Наука», «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», «Цифровая экономика», «Производительность труда и поддержка занятости».

В результате анализа мы пришли выводу о наличии во всех НП образовательной составляющей, планируемой к реализации в разных формах и видах. Вместе с тем, следует отметить несколько важных моментов:

1. В рамках подпроектов целевые группы обучения либо не выделяются вообще[3], либо акцент делается на обучении молодежи[4]. Целенаправленное обучение граждан «третьего возраста» запланировано лишь в двух проектах: «Демография» (подпроект «Старшее поколение»)[5] и «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» (подпроект «Популяризация предпринимательства»)[6].

2. Во всех подпроектах, имеющих образовательную составляющую, прослеживается ориентация в обучении граждан в электронной и дистанционной форме.

3. В паспортах проектов не представлена структура расходов на реализацию подпроектов, в том числе с образовательной составляющей, т.е. нет четких прозрачных объемов финансирования конкретных видов и форм обучения граждан, что связано, возможно, со спецификой проектной деятельности.

Анализ государственных программ показал еще один срез проблем и возможностей в сфере образования для людей старшего возраста. Перечнем государственных программ РФ предусмотрено 44 государственных программы (ГП) [9]. В настоящее время утверждено и реализуется 41. В стадии разработки находятся 3 ГП, в том числе «Развитие пенсионной системы на 2020–2035 годы» и «Обеспечение защиты личности, общества и государства». Все ГП сгруппированы в пять программных блоков: «Новое качество жизни», «Инновационное развитие и модернизация экономики», «Обеспечение национальной безопасности», «Сбалансированное региональное развитие», «Эффективное государство». В соответствии с нашим исследовательским интересом были отобраны и проанализированы 5 ГП: три из блока «Новое качество жизни» («Развитие образования», «Социальная поддержка граждан», «Содействие занятости населения») и две из блока «Инновационное развитие и модернизация экономики» («Экономическое развитие и инновационная экономика», «Информационное общество»).

В результате изучения обозначенных ГП мы пришли к нескольким выводам. Во-первых, мы выявили существенное сокращение и сужение образовательной составляющей в ГП по сравнению с национальны-

ми проектами. Так, если в подпроекте «Старшее поколение» НП «Демография» в качестве целевого показателя выступает количество лиц предпенсионного возраста, включенных в мероприятия по профессиональному обучению и дополнительному профессиональному образованию, то в подпрограмме «Старшее поколение» ГП «Социальная поддержка граждан» таким показателем выступает обучение *лишь компьютерной грамотности неработающих пенсионеров*.

Во-вторых, государственные программы демонстрируют еще большую по сравнению с национальными проектами ориентацию государственной политики на обучение граждан в электронной и дистанционной форме. Так, в подпроекте «Новые возможности для каждого» НП «Образование» запланировано обучение по программам непрерывного образования в образовательных организациях высшего образования, реализующих дополнительные образовательные программы и программы профессионального обучения. Вместе с тем, в подпрограмме «Реализация образовательных программ профессионального образования» ГП «Развитие образования» показателем «обученности» по программам непрерывного образования выступает число обучающихся образовательных организаций, *освоивших онлайн-курсы*.

В-третьих, мы можем сделать вывод о том, что государственные программы, в которых есть образовательная составляющая, в меньшей степени, чем национальные проекты, ориентированы на старшее поколение. Зачастую акцент делается на обучении молодежи. Например, в подпроекте «Популяризация предпринимательства» НП «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» в качестве целевого показателя выступает общее количество обученных основам ведения бизнеса, финансовой грамотности и иным навыкам предпринимательской деятельности из целевых групп (в т.ч. лиц старше 45 лет и пенсионеров). В то же время в подпрограмме «Развитие малого и среднего предпринимательства» ГП «Экономическое развитие и инновационная экономика» в качестве целевого ориентира выступает количество физических лиц только *в возрасте до 30 лет*, завершивших обучение по образовательным программам, направленным на приобретение навыков ведения бизнеса и создания малых и средних предприятий. Причем планируемое количество обученных по ГП, например, в 2020 году, в два раза больше, чем по НП (210,8 тыс. человек / 95,5 тыс. человек). Это выступает основанием для предположения о том, что показатели НП будут выполняться в рамках ГП, прежде всего, за счет молодежи, а лица «третьего возраста» не будут включены в данные мероприятия.

Обратимся к нормативно-правовым документам, разработанным на региональном уровне. Среди них были выделены три группы: базовые (стратегические)[7], национальные проекты и государственные программы, реализуемые на территории Свердловской области.

Изучение этих документов мы начали со «Стратегии социально-экономического развития Свердловской области на 2016–2030 годы» [10]. В ней выделены приоритеты политики Свердловской области[8]. Одним из них является создание конкурентных условий для накопления и сохранения человеческого потенциала в Свердловской области. Осуществление его планируется путем постановки и выполнения задач по таким направлениям, как «Создание конкурентоспособного образования», «Создание комфортной среды для жизни жителей Свердловской области», «Охрана здоровья населения», «Развитие жилищной и жилищно-коммунальной сфер». Как видно из приведенного перечня, наиболее близки нашей проблематике первые два.

Основными задачами создания конкурентоспособного образования в области выступают в т.ч. создание условий, обеспечивающих возможность реализации права граждан на: 1) *непрерывное образование по инженерно-техническим специальностям* и 2) *образовательных программ по наиболее востребованным и перспективным профессиям и специальностям*. На решение поставленных задач направлены следующие реализуемые в рамках государственных программ Свердловской области проекты: «Уральская инженерная школа», «Педагогические кадры XXI века», «Качество образования как основа благополучия». Вместе с тем, в качестве ожидаемых результатов реализации указанных проектов нет ни од-

ного показателя (мероприятия) для лиц «третьего возраста».

Основными задачами создания комфортной среды для жизни жителей Свердловской области выступают в т.ч. обеспечение условий для социальной адаптации и интеграции в общественную жизнь *пожилых людей* и создание условий для развития творческого потенциала населения. На решение поставленных задач направлены следующие реализуемые в рамках ГП Свердловской области проекты: «Счастливая семья», «Доступная среда», *«Активное старшее поколение»*, «Культурное пространство», «Развитие потенциала молодежи Свердловской области». Активность старшего поколения в данных проектах выражается в таких ожидаемых результатах, как 1) увеличение доли граждан старше трудоспособного возраста, участвующих в деятельности объединений, групп, клубов по интересам различной направленности и 2) увеличение удельного веса населения, участвующего в культурно-досуговых мероприятиях. Образовательной составляющей для людей «третьего возраста» в содержании данных региональных проектов нет.

Региональная программа «Пятилетка развития Свердловской области на 2017–2021 годы» призвана конкретизировать задачи, указанные в Стратегии социально-экономического развития Свердловской области на 2016–2030 годы. В ней выделено 5 ключевых направлений (по пять шагов в каждом)[9]. Каждый шаг включает в себя несколько проектных направлений и ключевых мероприятий. Содержательный анализ проектных направлений (их всего 96) и ключевых мероприятий этих направлений (всего 143) позволил прийти к нескольким заключениям. Во-первых, образовательная составляющая планируется к реализации в рамках лишь 8 мероприятий из 143. В большей мере она проявляется в таких шагах, как «Школьник нового поколения»[10], «Кадры для отраслей экономики»[11] и «Новые предприниматели»[12].

Во-вторых, политика в отношении лиц «третьего возраста» выражается только в 3 мероприятиях[13], и лишь в одном из них (Развитие деятельности «Школ пожилого возраста» по направлению «Обучение компьютерной грамотности» в целях создания условий активной интеграции в общественную жизнь граждан старшего поколения) имеется образовательная составляющая. Более того, политика в отношении людей «третьего возраста», закрепленная в данном документе, не имеет ни одного целевого показателя, даже по обучению компьютерной грамотности старшего поколения.

По данным Министерства общего и профессионального образования Свердловской области, регион разработал и принимает непосредственное участие в реализации 8 проектов[14], являющихся региональной составляющей НП «Образование» [11]. Отметим, что содержательный анализ подпроектов НП «Образование» дал возможность выделить три ключевых подпроекта, ориентированных на обеспечение доступа к образованию широкого круга граждан: «Цифровая образовательная среда», «Новые возможности для каждого» и «Социальные лифты для каждого». Поскольку подпроект «Социальные лифты для каждого» не реализуется в Свердловской области, мы сосредоточили свое внимание на двух оставшихся.

Региональный проект «Цифровая образовательная среда» является сквозным проектом 7 региональных проектов [12]. Важно подчеркнуть, что ожидаемые результаты регионального проекта содержательно совпадают с федеральными, а новых (в т.ч. по лицам «третьего возраста») нет [13]. Например, такой результат как «Обеспечение свободного доступа … для всех категорий граждан, обучающихся по образовательным программам…, к онлайн-курсам, реализуемым различными организациями…» практически полностью воспроизводит формулировку федерального НП.

Региональный проект «Новые возможности для каждого» предполагает создание интеграционной образовательной платформы, направленной на непрерывное образование не менее 37 % граждан Свердловской области – для обновления ими профессиональных знаний, приобретения новых профессиональных навыков в соответствии с быстро меняющимися технологиями и условиями труда.

В ходе реализации проекта планируется 1) ежегодное увеличение численности граждан, прошедших «формальное» и «неформальное» образование по дополнительным образовательным программам и программам профессионального обучения (с 33,2 тыс. чел. в 2019 г. до 41,0 тыс. чел. в 2024 г.);

2) проведение мероприятий по популяризации среди населения и работодателей дополнительного профессионального образования и дополнительного образования взрослых, в том числе в целях овладения компетенциями в области цифровой экономики.

Важно отметить, что расширение вовлеченности граждан в систему непрерывного образования планируется осуществлять за счет разработки *программ для граждан предпенсионного и пенсионного возраста*, а также для трудовых мигрантов.

Подробное изучение паспорта данного регионального проекта позволило выделить несколько очень важных моментов. Во-первых, в паспорте отсутствуют объемы финансирования на реализацию мероприятий. Во-вторых, имеются расхождения в определении целевых показателей вовлеченности населения в программы непрерывного образования. Например, *в показателе* «количество граждан, ежегодно проходящих обучение по программам непрерывного образования» в 2024 г. обозначена цифра в 41,0 тыс. чел., тогда как *в результатах* 2024 г. значится цифра не менее 37 тыс. человек. В-третьих, вызывает сомнение методика расчета количества граждан, проходящих обучение. Она строится на суммировании числа слушателей, обученных по программам повышения квалификации, профессиональной переподготовки, *а также профессиональной подготовки*, переподготовки и повышения квалификации по профессиям рабочих и служащих. Таким образом, в итоговый показатель будут включаться, прежде всего, те молодые люди, которые проходят обучение по программам профессиональной подготовки (базового профессионального образования).

В соответствии с информацией, размещенной на портале Департамента по труду и занятости населения Свердловской области, в настоящее время на территории Свердловской области реализуется три государственных программы [14]: «Содействия занятости», «Программа дополнительных мероприятий»[15] и «Переселения соотечественников».

В программе «Содействия занятости» выделяется 9 подпрограмм. В рамках подпрограммы «Профессиональное обучение, профессиональная ориентация, психологическая поддержка и социальная адаптация на рынке труда» в целях смягчения структурных диспропорций на рынке труда планируется выполнить три показателя. Наиболее интересным для нас представляется один: организация профессионального обучения и дополнительного профессионального образования безработных граждан. Важно отметить, что в рамках данной подпрограммы 1) незанятые граждане, которым в соответствии с законодательством РФ назначена страховая пенсия по старости и которые стремятся возобновить трудовую деятельность и 2) лица предпенсионного возраста – выделены в качестве особых категорий. Вместе с тем, целевыми показателями реализации данной задачи выступает, на наш взгляд, слишком малое число граждан. По профессиональному обучению и дополнительному профессиональному образованию пенсионеров: в 2014 г. – 100 чел., в 2019 – 133 чел., а с 2020 по 2024 гг. – по 114 человек ежегодно, а лиц предпенсионного возраста – по 1468 человек ежегодно [15]. И это при том, что численность населения Свердловской области старше 55 лет на 1 января 2018 г. составляла почти 1,3 млн чел. и продолжает увеличиваться [2].

Объем планируемого финансирования обучения пенсионеров по данной программе составляет около 1500 тыс. руб. ежегодно из областного бюджета, а лиц предпенсионного возраста – около 108000 тыс. руб., из них 103000 тыс. руб. из федерального бюджета и около 5000 тыс. руб. – из областного.

Одной из целей Государственной программы Свердловской области «Социальная поддержка и социальное обслуживание населения Свердловской области до 2024 года» является формирование условий для улучшения положения и качества жизни пожилых людей, повышения степени их социальной защищенности, активизации участия пожилых людей в жизни общества [15]. Целенаправленная политика реализации данной задачи прописана в подпрограмме «Активное старшее поколение». В рамках нее планируются следующие направления деятельности:

1) Повышение качества и разнообразия социальных сервисов, предоставляемых пожилым гражданам. Целевым показателем выступает доля *граждан старше трудоспособного возраста, участвующих в деятель-*

ности объединений, групп, клубов по интересам.

2) Обеспечение условий для социальной адаптации и интеграции в общественную жизнь пожилых людей, целевым показателем которой является численность *неработающих пенсионеров, прошедших обучение компьютерной грамотности в организациях социального обслуживания* (800 чел. в 2017 и 2018 гг., на 2019–2024 гг. индикаторы не определены).

3) Создание условий для активного долголетия, развитие различных форм клубной работы, социального туризма для пожилых людей. Ее целевым показателем выступает *количество любительских объединений и клубов по интересам для творчески активных людей старшего поколения* и Свердловской области (с 740 до 755 в период 2017–2024 гг.).

Важно обратить внимание на объемы финансирования по подпрограмме «Активное старшее поколение». В 2017 г. – это 43622,7 тыс. рублей, 2018 г. – 41534,2, затем по 31157,0 тыс. рублей ежегодно, т.е. можно видеть сокращение объемов финансирования в 2019 г. по сравнению с 2017 г. почти на 30 %[16].

Начиная с 2011 г., в Свердловской области реализуется комплексная программа «Старшее поколение». В декабре 2018 г. она была пролонгирована до 2025 г. [16]. В целом программа ориентирована на повышение продолжительности, уровня и качества жизни граждан старшего поколения и создание для этого условий. Сравнительный анализ действующей и предыдущей редакции программы позволил прийти к некоторым заключениям:

1. При сохранении общего числа задач программы (8) в новой версии акцент смещен на решение актуальных задач здорового долголетия населения и реформирования пенсионной системы. В частности, отдельно выделены такие как: создание экономических, социальных и правовых условий, обеспечивающих *недопущение дискриминации граждан старшего поколения* и способствующих *стимулированию пожилых людей к продолжению трудовой деятельности* после наступления пенсионного возраста; создание условий для обеспечения гражданам старшего поколения *доступа к информации*; создание условий для *повышения конкурентоспособности граждан старшего поколения на рынке труда*, развитие различных форм клубной работы, реабилитационной программы «Школа пожилого возраста».

2. В предыдущей версии программы в качестве одного из важнейших *целевых показателей* ее реализации являлся «охват 21553 человек из числа пожилых граждан и инвалидов мероприятиями по выработке навыков пользования персональным компьютером и ресурсами сети». В новой версии образовательной составляющей, *в качестве целевого показателя,* вообще нет.

3. В редакции программы на 2014–2018 годы было дано определение целевой группы данной программы: граждане пожилого возраста (женщины в возрасте 55 лет и старше, мужчины в возрасте 60 лет и старше). В действующей версии четких возрастных интервалов нет. Вместо этого описываются методики отнесения к гражданам старшего поколения. Кроме того, поясняется, что к лицам предпенсионного возраста, ссылаясь на Постановление Правительства Свердловской области от 15.02.2012 № 122-ПП «О реализации отдельных полномочий Свердловской области в области содействия занятости населения» относятся граждане *за два года до наступления пенсионного возраста*, дающего право на страховую пенсию по старости, хотя, в соответствии с изменениями в Законе «О занятости населения Российской Федерации», данный период увеличен до 5 лет.

4. В обеих редакциях программы перечень мероприятий и показателей образовательной составляющей практически совпадает и в действующей редакции включает следующие:

1) количество пожилых граждан, охваченных мероприятиями школ пожилого возраста[17];

2) доля граждан старше трудоспособного возраста, участвующих в деятельности объединений, групп, клубов по интересам;

3) количество граждан пожилого возраста, охваченных мероприятиями по выработке навыков пользования персональным компьютером или ресурсами информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»;

4) число трудоустроенных граждан старше трудоспособного возраста к количеству обратившихся в органы службы заня-

тости в целях поиска работы граждан данной категории;

5) количество специализированных ярмарок вакансий для лиц предпенсионного и пенсионного возраста, дней пожилого человека;

6) численность незанятых граждан, которым назначена страховая пенсия по старости и которые стремятся возобновить трудовую деятельность, приступивших к профессиональному обучению и дополнительному профессиональному образованию.

В результате анализа нормативных документов регионального уровня (Свердловской области) мы пришли к следующему заключению. Во-первых, нами сделан вывод о еще большем, по сравнению с федеральными нормативными документами, сужении образовательной составляющей для лиц «третьего возраста». В большей части документов она представлена в виде показателей обученности компьютерной грамотности.

Во-вторых, сделан вывод о весьма незначительных объемах финансирования мероприятий по обучению граждан старшего поколения (и количества вовлекаемых граждан) и тенденции к их снижению. Так, на обучение компьютерной грамотности одного гражданина в рамках комплексной программы Свердловской области «Старшее поколение» в 2019 г. планируется потратить в 3,5 раза меньше средств, чем в 2014 г.

В-третьих, полагаем, что закрепление в региональных программах межведомственных целевых показателей приводит к непрозрачности реального количества обученных граждан старшего возраста по различным видам образования и объемам их финансирования.

В-четвертых, основной объем финансирования обучения пенсионеров и лиц предпенсионного возраста предполагается освоить в рамках программы «Содействия занятости». Ответственным исполнителем по данной программе выступает Департамент по труду и занятости населения Свердловской области. Это означает, что финансовые потоки на обучение будут реализованы через службы занятости и затронут граждан «третьего возраста», прежде всего, в тех населенных пунктах, где есть такие подразделения.

В заключение хотелось бы резюмировать, что существующая нормативно-правовая база не способствует развитию образования лиц «третьего возраста», а политика, проводимая государством в отношении лиц предпенсионного и пенсионного возраста, носит скорее декларативный характер. Провозглашаемые высокие целевые ориентиры данной политики на федеральном уровне не конкретизированы в качественных (а иногда и количественных) показателях по видам и формам обучения. Сужение образовательной составляющей для граждан «третьего возраста» до обучения конкретной компетенции (компьютерной грамотности) приводит к отсутствию стремления региональных властей заниматься вопросами образования людей «третьего возраста» в более широком плане. Кроме того, нацеленность как федеральных, так и региональных властей на минимизацию расходов на образование (в т.ч. граждан «третьего возраста») приводит к выбору менее затратных (но не более результативных) форм и методов обучения. Акцент на дистанционных технологиях обучения может иметь право на существование, но он не должен, на наш взгляд, быть единственным (доминирующим). Наконец, усугубляет ситуацию и то, что в нормативных документах отсутствует единая терминология, которая бы выделяла и характеризовала общность людей «третьего возраста» и ее отдельные подобщности, т.е. в документах отсутствует субъект как таковой. Вместо этого используется широкая палитра терминов с размытыми возрастными границами: «старшее поколение», «пенсионеры», «граждане предпенсионного возраста», «граждане пожилого возраста», «незанятые граждане, которым назначена страховая пенсия по старости», «граждане старше трудоспособного возраста» и т.д.

Обозначенные в статье проблемы и противоречия являются, отчасти, результатом оперативной (ускоренной) работы органов власти в свете реализуемой пенсионной реформы и, надеемся, со временем, в том числе благодаря усилиям научного сообщества, будут скорректированы и найдут воплощение в новых решениях и документах, в большей мере ориентированных на потребности людей «третьего возраста».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. По данным федеральной службы государственной статистики, в период с 2014 по 2018 гг. численность населения старше трудоспособного возраста в стране увеличивалась ежегодно в среднем на 890 тыс. чел. [1], а в Свердловской области – на 17780 чел. [2].

2. К базовым нормативно-правовым документам федерального уровня мы отнесли Конституцию РФ, Федеральный закон «Об образовании в РФ», Закон РФ «О занятости населения в РФ», Концепцию долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, Стратегию действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года.

3. Например, в подпроекте «Кадры для цифровой экономики» НП «Цифровая экономика».

4. Например, в подпроекте «Социальные лифты для каждого» НП «Образование», в подпроекте «Развитие кадрового потенциала в сфере исследований и разработок» НП «Наука».

5. Целевым показателем выступает организация мероприятий по профессиональному обучению и дополнительному профессиональному образованию лиц предпенсионного возраста, он должен вырасти с 75 тыс. чел. в 2019 г. до 450 тыс. в 2024 г.

6. Целевым показателем выступает реализация образовательных программ, курсов, направленных на развитие предпринимательских компетенций для каждой целевой группы, в том числе для: действующих предпринимателей; школьников; лиц в возрасте до 30 лет, в том числе студентов; женщин; военнослужащих, уволенных в запас; *лиц старше 45 лет*; безработных; *пенсионеров*; инвалидов; выпускники и воспитанники детских домов.

7. К базовым нормативно-правовым документам на региональном уровне мы отнесли Стратегию социально-экономического развития Свердловской области на 2016–2030 годы, региональную программу «Пятилетка развития Свердловской области» на 2017–2021 годы.

8. «Создание конкурентных условий для накопления и сохранения человеческого потенциала», «Создание условий для повышения конкурентоспособности промышленного, инновационного и предпринимательского потенциала экономики Свердловской области», «Обеспечение сбалансированного развития территории Свердловской области».

9. «Сохранение и развитие человеческого капитала», «Развитие экономики региона», «Комфортная среда проживания», «Развитие малого и среднего бизнеса», «Развитие гражданского общества и местного самоуправления».

10. Например, в рамках мероприятия «Создание современной цифровой образовательной среды, внедрение электронных ресурсов, создающих условия для системного повышения качества и расширения возможностей непрерывного образования».

11. Например, в рамках мероприятия «Создание условий для приобретения обучающимися знаний, умений и навыков, необходимых для осознанного выбора профессии и получения профессионального образования».

12. Например, в рамках мероприятия «Реализация образовательных программ для начинающих субъектов малого или среднего предпринимательства».

13. В рамках мероприятий «Создание условий для доступности участия населения в культурной жизни, а также вовлечения детей, молодежи, *лиц пожилого возраста* и людей с ограниченными возможностями в активную социокультурную деятельность», «Создание условий для *повышения активности ветеранских организаций* в работе с молодежью, использование их опыта, нравственного и духовного потенциала для укрепления и развития преемственности поколений».

14. Всего в структуру НП «Образование» входит 10 подпроектов. Свердловская область не участвует в реализации двух из них: «Экспорт образования» и «Социальные лифты для каждого».

15. Мероприятия «Программы дополнительных мероприятий» направлены на такие категории граждан, как инвалиды, многодетные родители, родители с детьми-инвалидами.

16. В т.ч. на мероприятия, направленные на поддержку старшего поколения в Свердловской области с 2019 по 2024 гг. – по 31157,0 тыс. рублей ежегодно, а на обучение компьютерной грамотности неработающих пенсионеров 2675,7 тыс. рублей в 2017 г., 2680,2 тыс. рублей 2018 гг. На 2019-

2024 гг. объемы финансирования по статье обучение компьютерной грамотности неработающих пенсионеров пока не определены. Для сравнения: на мероприятие 6.5. Прочие мероприятия, посвященные памятным датам и событиям, в 2018 г. было выделено 5200,0 тыс. руб., т.е. в 2 раза больше.

17. «Школа пожилого человека» трактуется в программе как «реабилитационные инновационные технологии, нацеленные на овладение пожилым человеком способностями социального самообеспечения, социальной самозащиты». Насчитывает 15 направлений. Например, курсы активного долголетия, безопасность жизнедеятельности, компьютерная грамотность, творческая и прикладная деятельности и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Численность и состав населения [электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения 16.01.2019).

2. Численность и возрастно-половой состав населения [электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Свердловской и Курганской области. URL: http://sverdl.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sverdl/ru/statistics/sverdlStat/population/ (дата обращения 16.01.2019).

3. Конституция Российской Федерации [элекронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения 17.01.2019).

4. Об образовании в Российской Федерации [электронный ресурс]: Федеральный закон от 29.12.2012 №273-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. http://www.consultant.ru (дата обращения 17.01.2019).

5. О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [электронный ресурс]: Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 №1662-р (в ред. от 28.09.2018) // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения 17.01.2019).

6. О занятости населения в Российской Федерации [электронный ресурс]: Закон РФ от 19.04.1991 №1032-1 (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019) // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения 17.01.2019).

7. Об утверждении Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года [электронный ресурс]: Распоряжение Правительства РФ от 05.02.2016 N 164-р // СПС КонсультантПлюс. http://www.consultant.ru (дата обращения 17.01.2019).

8. Национальные проекты: ключевые цели и ожидаемые результаты [электронный ресурс]. URL: / http://government.ru/projects/selection/741/35675/ (дата обращения 16.03.2019).

9. Государственные программы [электронный ресурс] URL: http://government.ru/programs/ (дата обращения 16.03.2019).

10. О стратегии социально-экономического развития Свердловской области на 2016–2030 годы [электронный ресурс]: Закон Свердловской области от 21 декабря 2015 года №151-ОЗ (с изм. на 22.03.2018) // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения 17.01.2019).

11. Официальный сайт Министерства общего и профессионального образования Свердловской области [электронный ресурс]. URL: http://minobraz.egov66.ru/article/show/id/10012 (дата обращения 16.02.2019).

12. Информация о реализации региональной составляющей Свердловской области НП «Образование» [электронный ресурс]. URL: http://minobraz.egov66.ru/article/show/id/10012 (дата обращения 16.02.2019).

13. Паспорт Регионального проекта «Цифровая образовательная среда» [электронный ресурс]. URL: http://minobraz.egov66.ru/article/show/id/10010 (дата обращения 16.02.2019).

14. Региональные программы [электронный ресурс]. URL: https://szn-ural.ru/content/региональные%20программы (дата обращения 16.03.2019).

15. Об утверждении государственной программы Свердловской области «Социальная поддержка и социальное обслуживание населения Свердловской области до 2024 года [электронный ресурс]: Постановление Правительства Свердловской области от 05.07.2017 №480-ПП (в ред. от 06.09.2018) // СПС КонсультантПлюс. URL:

http://www.consultant.ru (дата обращения 17.01.2019).

16. Об утверждении комплексной программы Свердловской области «Старшее поколение» [электронный ресурс]: Постановление Правительства Свердловской области от 26.12.2018 №952-ПП // СПС КонсультантПлюс. http://www.consultant.ru (дата обращения 17.01.2019).

PUBLIC EDUCATION POLICY TOWARDS PEOPLE OF THE «third age»: PROBLEMS AND CONTRADICTIONS

N. V. Shabrova
Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia

ABSTRACT: Purpose. Analysis of opportunities, problems and contradictions inherent in the Russian legal documents for the enforcement of the right to education by citizens of the «third age».
Results. Based on the analysis, it is concluded that the existing regulatory framework (both Federal and regional) does not contribute to the development of education of persons of the «third age», and the policy pursued by the state towards people of pre-retirement and retirement age, is rather declarative. It is 1) not specified in qualitative (and sometimes quantitative) indicators: by types and forms of training; 2) narrowed to the training of specific competence (computer literacy); 3) focused on the use of distance learning technologies; 4) is not fully focused on citizens of the «third age» as a subject of educational policy.

The study notes that the narrowing of the educational component for citizens of the «third age» to the training of specific competence (computer literacy) leads to the lack of desire of the regional authorities to deal with the education of people of the «third age» in a broader sense. In addition, the focus of both Federal and regional authorities to minimize the cost of education (including citizens of the «third age») leads to the choice of less expensive (but not more effective) forms and methods of education. Emphasis on distance learning technologies may have a right to exist, but, in our opinion, it should not be the only one (dominant).

Scientific novelty. Scientific novelty lies in the study of opportunities, challenges and contradictions inherent in the current national educational policy towards people of the «third age» as a measure of development of their human capital in the mainstream to overcome the problems of population ageing in the Russian Federation and the ongoing pension reform.

The study was carried out with the financial support of the Russian Federal Property Fund in the framework of the scientific project No. 19-011-00096 "Education as a Resource of the Preservation and Development of the Social Community of Third Age People".

KEYWORDS: citizens of the «older generation», pensioners, citizens of pre-retirement age, elderly citizens, education.

AUTHORS' INFORMATION: Nina V. Shabrova, Cand. Sci. (Sociological), Associate Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
19, Mira st., Ekaterinburg, 620002, Russia, n.v.shabrova@urfu.ru.

FOR CITATION: Shabrova N. V. Public education policy towards people of the «third age»: problems and contradictions // Management Issues. 2019. №3 (39). P. 258—271.

REFERENCES

1. Population size and composition [electronic resource] // Federal State Statistics Service (Rosstat). URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/ connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/ population/demography/# (date of reference 16.01.2019) [Chislennost' i sostav naseleniya

[elektronnyy resurs] // Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki (Rosstat). URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (data obrashcheniya 16.01.2019).] – (In Rus.).

2. Number and age-sex composition of the population [electronic resource] // Department of the Federal State Statistics Service for Sverdlovsk and Kurgan regions. URL: http://sverdl.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sverdl/ru/statistics/sverdlStat/population/ (date of reference 16.01.2019) [Chislennost' i vozrastno-polovoy sostav naseleniya [elektronnyy resurs] // Upravlenie Federal'noy sluzhby gosudarstvennoy statistiki po Sverdlovskoy i Kurganskoy oblasti. URL: http://sverdl.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sverdl/ru/statistics/sverdlStat/population/ (data obrashcheniya 16.01.2019).] – (In Rus.).

3. Constitution of the Russian Federation [electronic resource] // RLS ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru (date of reference 17.01.2019) [Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii [elekronnyy resurs] // SPS Konsul'tantPlyus. URL: http://www.consultant.ru (data obrashcheniya 17.01.2019).] – (In Rus.).

4. On education in the Russian Federation [electronic resource]: Federal law of 29.12.2012 № 273-FL // RLS ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru (date of reference 17.01.2019) [Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii [elektronnyy resurs]: Federal'nyy zakon ot 29.12.2012 №273-FZ // SPS Konsul'tantPlyus. URL: http://www.consultant.ru (data obrashcheniya 17.01.2019).] – (In Rus.).

5. On the Concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2020 [electronic resource]: Decree of the RF Government dated 17.11.2008 №1662-r (ed. from 28.09.2018) // RLS ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru (date of reference 17.01.2019) [O Kontseptsii dolgosrochnogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2020 goda [elektronnyy resurs]: Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 17.11.2008 №1662-r (v red. ot 28.09.2018) // SPS Konsul'tantPlyus. URL: http://www.consultant.ru (data obrashcheniya 17.01.2019).] – (In Rus.).

6. On employment in the Russian Federation [electronic resource]: Law of the Russian Federation 19.04.1991 №1032-1 (revised and expanded, effective date 01.01.2019) // RLS ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru (date of reference 17.01.2019) [O zanyatosti naseleniya v Rossiyskoy Federatsii [elektronnyy resurs]: Zakon RF ot 19.04.1991 №1032-1 (s izm. i dop., vstuP. v silu s 01.01.2019) // SPS Konsul'tantPlyus. URL: http://www.consultant.ru (data obrashcheniya 17.01.2019).] – (In Rus.).

7. On the approval of the Strategy of actions in favor of citizens of the senior generation in the Russian Federation up to 2025 [electronic resource]: The Order of the Government of the Russian Federation of 05.02.2016 N 164-r // RLS ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru (date of reference 17.01.2019) [Ob utverzhdenii Strategii deystviy v interesakh grazhdan starshego pokoleniya v Rossiyskoy Federatsii do 2025 goda [elektronnyy resurs]: Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 05.02.2016 N 164-r // SPS Konsul'tantPlyus. URL: http://www.consultant.ru (data obrashcheniya 17.01.2019).] – (In Rus.).

8. National projects: key objectives and expected results [electronic resource]. URL: / http://government.ru/projects/selection/741/35675/ (date of reference 16.03.2019) [Natsional'nye proekty: klyuchevye tseli i ozhidaemye rezul'taty [elektronnyy resurs]. URL: / http://government.ru/projects/selection/741/35675/ (data obrashcheniya 16.03.2019)] – (In Rus.).

9. State programs [electronic resource]. URL: / http://government.ru/programs/ (date of reference 16.03.2019) [Gosudarstvennye programmy [elektronnyy resurs]. URL: / http://government.ru/programs/ (data obrashcheniya 16.03.2019).] – (In Rus.).

10. On the strategy of social and economic development of Sverdlovsk region for 2016-2030 [electronic resource]: Law of Sverdlovsk region dated December 21, 2015 № 151-OL (as amended 22.03.2018) // RLS ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru (date of reference 17.01.2019) [O strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sverdlovskoy oblasti na 2016-2030 gody [elektronnyy resurs]: Zakon Sverdlovskoy oblasti ot 21 dekabrya 2015 goda №151-OZ (s izm. na

22.03.2018) // SPS Konsul'tantPlyus. URL: http://www.consultant.ru (data obrashcheniya 17.01.2019).] – (In Rus.).

11. Official website of the Ministry of General and Vocational Education of Sverdlovsk region [electronic resource]. URL: http://minobraz.egov66.ru/article/show/id/10012 (date of reference 16.02.2019) [Ofitsial'nyy sayt Ministerstva obshchego i professional'nogo obrazovaniya Sverdlovskoy oblasti [elektronnyy resurs]. URL: http://minobraz.egov66.ru/article/show/id/10012 (data obrashcheniya 16.02.2019).] – (In Rus.).

12. Information on the implementation of the regional component of Sverdlovsk region NP "Education" [electronic resource]. URL: http://minobraz.egov66.ru/article/show/id/10012 (date of reference 16.02.2019) [Informatsiya o realizatsii regional'noy sostavlyayushchey Sverdlovskoy oblasti NP «Obrazovanie» [elektronnyy resurs]. URL: http://minobraz.egov66.ru/article/show/id/10012 (data obrashcheniya 16.02.2019).] – (In Rus.).

13. Project design passport of the Regional project "Digital education environment" [electronic resource]. URL: http://minobraz.egov66.ru/article/show/id/10010 (date of reference 16.02.2019) [Pasport Regional'nogo proekta «Tsifrovaya obrazovatel'naya sreda» [elektronnyy resurs]. URL: http://minobraz.egov66.ru/ article/show/id/10010 (data obrashcheniya 16.02.2019).] – (In Rus.).

14. Regional programs [electronic resource]. URL: https://szn-ural.ru/content/региональные%20программы (date of reference 16.03.2019) [Regional'nye programmy [elektronnyy resurs]. URL: https://szn-ural.ru/content/regional'nye%20programmy (data obrashcheniya 16.03.2019).] – (In Rus.).

15. On the approval of the state program of Sverdlovsk region "Social support and social services for the population of Sverdlovsk region up to 2024 [electronic resource]: Decree of the Government of Sverdlovsk region dated 05.07.2017 № 480-PP (as revised 06.09.2018) // RLS ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru (date of reference 17.01.2019) [Ob utverzhdenii gosudarstvennoy programmy Sverdlovskoy oblasti «Sotsial'naya podderzhka i sotsial'noe obsluzhivanie naseleniya Sverdlovskoy oblasti do 2024 goda [elektronnyy resurs]: Postanovlenie Pravitel'stva Sverdlovskoy oblasti ot 05.07.2017 №480-PP (v red. ot 06.09.2018) // SPS Konsul'tantPlyus. URL: http://www.consultant.ru (data obrashcheniya 17.01.2019).] – (In Rus.).

16. On approval of the comprehensive program of Sverdlovsk region "Older generation" [electronic resource]: Decree of the Government of Sverdlovsk region dated 26.12.2018 № 952-PP // RLS ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru (date of reference 17.01.2019) [Ob utverzhdenii kompleksnoy programmy Sverdlovskoy oblasti «Starshee pokolenie» [elektronnyy resurs]: Postanovlenie Pravitel'stva Sverdlovskoy oblasti ot 26.12.2018 №952-PP // SPS Konsul'tantPlyus. URL: http://www.consultant.ru (data obrashcheniya 17.01.2019).] – (In Rus.).

ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ»

Редакция журнала «Вопросы управления» принимает к публикации статьи, написанные на актуальную тематику по направлениям: политология, экономика, социология, право. Редакция оставляет за собой право публиковать статьи по иным направлениям науки, помимо перечисленных: например, по истории, психологии, проблемам высшей школы. Но в содержательном отношении все статьи обязательно должны быть связаны с управленческой тематикой: управление политическими, социальными, экономическими процессами, правовое регулирование различных сфер жизни общества и государства, социальное и гуманитарное развитие, актуальные проблемы современной России и международного сообщества.

С 2010 года решением Президиума ВАК Министерства науки и высшего образования РФ включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидат наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности) (экономические науки);

08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит (экономические науки);

22.00.08 – Социология управления (социологические науки);

23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии (политические науки).

С 2019 года решение Ученого совета Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации включен в **Перечень журналов, рекомендованных ученым советом РАНХиГС для публикации статей по политическим наукам**.

Статьи принимаются постоянно в течение года и включаются в план печати по порядку поступления материалов.

Автор представляет статью в электронном варианте в формате .docx по электронной почте по адресу nvestnik@ui.ranepa.ru. Другие варианты предоставления статей не предусматриваются.

Требования к структуре статьи:

– постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными или практическими заданиями;

– анализ последних исследований и публикаций, где заложены основы решения данной проблемы, на которые опирается автор;

– выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящается данная статья;

– формулировка целей статьи (постановка задания);

– изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов;

– выводы из данного исследования и перспективы дальнейшего развития в этом направлении.

Требования к оформлению статьи:

Объем статьи должен составлять не менее 0,5 п.л. (20 тыс. знаков) и не более 1 п.л. (40 тыс. знаков).

Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию. Объем представляемых иллюстративных материалов не должен превышать формата А4. Страница должна иметь книжную ориентацию.

Цифровые данные оформляются в таблицу. Таблицы не должны быть громоздкими (не более формата А4, книжная ориентация). Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются за исключением единиц измерения.

Электронный вариант каждой таблицы и рисунка предоставляется в отдельном файле.

Сноски оформляются в квадратных скобках по тексту статьи, с указанием номера источника по библиографическому списку и страницы либо статьи нормативного акта, на которые ссылается автор (например: [9, с. 36], [18, с. 4]). Как правило, список литературы должен содержать не менее 10-15 источников.

Библиографический список формируется в конце статьи по мере упоминания источников в тексте (не по алфавиту и не по иерархии источников). Не допускается дублирование наименований, а также указание под одним номером нескольких наименований источников или используемой литературы.

Оформление библиографического списка должно соответствовать требованиям библиографического описания ISBD (International Standard Bibliographic Description).

Например:

Статьи из журналов и сборников:

Адорно Т. В. К логике социальных наук // Вопросы философии. 1992. № 10. С. 14–18.

Шпер В. Л. Снова о качестве, определениях и сопутствующих материях // Методы менеджмента качества. 2002. № 1. С. 43–47.

Монографии:

Агафонова Н. Н. Гражданское право. М.: Юристъ, 2002.

Тарасова В. И. Политическая история Латинской Америки. М.: Проспект, 2006.

Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. М.: ИНФРА-М, 2006.

Авторефераты диссертаций

Глухов В. А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: автореферат дис. … кандидата технических наук. Новосибирск, 2000.

Диссертации

Глухов В. А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: диссертация на соискание ученой степени кандидата технических наук. Новосибирск, 2000.

Фенухин И. В. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона: диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2002.

Аналитические обзоры:

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья: аналитический обзор, апрель 2007 / РАН, Институт мировой экономики и международных отношений. М.: ИМЭМО, 2007.

Патенты:

Еськов Д. Н., Бонштедт Б. Э., Корешев С. Н., Лебедева Г. И., Серегин А. Г. Оптико-электронный аппарат // Патент России № 2122745. 1998. Бюл. № 33.

Материалы конференций

Марьинских Д. М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) // Экология ландшафта и планирование землепользования: тезисы доклада Всероссийской конференции (Иркутск, 11–12 сент. 2000 г.). Новосибирск, 2000. С. 15–17.

Интернет-документы:

О Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйств: Федеральный закон от 21 июля 2007 года №185-ФЗ [электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 01.01.2019).

О введение надбавок за сложность, напряженность и высокое качество работы [электронный ресурс]: указание Министерства социальной защиты Российской Федерации от 14 июня 1992 г. № 1-49-У. // СПС КонсультантПлюс. URL:

http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 01.01.2019).

Гонтмахер Е. Ш. Судьба российского государства зависит от того, способен ли будет новый президент обновить российскую политическую элиту [электронный ресурс] // Фонд «Либеральная миссия». URL: http://www.liberal.ru/sitan.asp?Num=636 (дата обращения 23.01.2008).

Библиографические сведения указывают в описании в том виде, в каком они указаны в источнике информации.

Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция.

Помимо текста статьи автором представляются **на русском и английском языках**:

а) аннотация с обязательным указанием названия статьи

Рекомендуемый порядок изложения информации:

1) постановка проблемы – формулировка научной проблемы, в настоящий момент не полностью решенной в теоретическом или практическом аспекте, по которой имеются несоответствия между теоретическими предпосылками и реальностью и пр.;

2) конкретная научная задача, позволяющая решить научную проблему;

3) методологическая база – изложение концептуально-теоретических основ исследования;

4) используемые материалы (информационная база), методы исследования; данная часть должна содержать подробное описание используемого инструментария, с помощью которого решается научная проблема, а также эмпирические результаты апробации предложенной методики;

5) основные результаты исследования (решение научной проблемы), область их применения; данная часть представляет собой развернутое описание личного вклада автора в исследуемую проблему;

6) выводы, позволяющие дать ответ на поставленную проблему и обозначить дальнейшие направления исследования.

Объем аннотации должен составлять от 200 до 300 слов. Текст аннотации не должен повторять название и текст статьи. Авторская аннотация призвана выполнять функцию независимого от статьи источника информации!

б) ключевые слова и словосочетания

Ключевые слова выражают основное смысловое содержание статьи, служат ориентиром для читателя и используются для поиска статей в электронных базах, поэтому должны отражать область науки, в рамках которой написана статья, тему, цель и объект исследования.

В качестве ключевых слов могут использоваться как одиночные слова, так и словосочетания в единственном числе и именительном падеже.

Рекомендуемое количество ключевых слов — 6-9, количество слов внутри ключевой фразы — не более трех.

в) пристатейный библиографический список **как с переводом на английский язык, так и транслитерацией.** Для автоматической транслитерации рекомендуем использовать программу на сайте http://www.translit.ru (вариант BGN – Board of Geographic Names).

Например:

Loginov M. P., Markov O. A. Maturity assessment of project management // Management Issues. 2018. № 3 (33). P. 133–141. [Loginov M. P., Markov O. A. Otsenka zrelosti proektnogo upravleniya // Voprosy upravleniya. 2018. № 3 (33). S. 133–141] – (In Rus.)

г) сведения об авторе в следующей последовательности:

– ФИО (полностью),

– идентификационный номер ID РИНЦ и ORCID (при наличии)

– место работы (учебы),

– занимаемая должность, ученая степень, ученое звание,

– почтовый адрес (адрес указывается в последовательности: почтовый индекс, страна, город, улица, дом.),

– адрес электронной почты.

д) тематические рубрики: ГСНТИ (http://grnti.ru/) и код ВАК (возможно указание 1-2 кодов)

Ответственность за достоверность указанных сведений несет автор статьи.

Не принимаются статьи, направленные в редакцию без выполнения требований настоящих условий публикации.

Все полученные редакцией материалы обязательно проходят проверку в системе «Антиплагиат». Минимальный порог оригинальности принимаемого к рецензированию текста – 75%. В случае несоответствия автору отсылается протокол проверки для приведения текста в соответствие с настоящим требованием.

Статьи оцениваются по принципу «двойного слепого» рецензирования членами редакционной коллегии по профилю, соответствующему содержанию статьи. Автор вправе ознакомиться с выполненной рецензией.

Решения о публикации, направленных в журнал материалов, принимает редакционная коллегия.

Основанием для отказа в публикации материалов могут служить:

а) несоответствие представляемого в редакцию материала тематике журнала

б) несоответствие представляемого в редакцию материала требованиям, установленным редакцией журнала к публикации

Плата за публикацию статьи в журнале не взимается.

В течение недели после подписания номера в печать каждому автору бесплатно высылается pdf-версия журнала на электронную почту.

Печатный экземпляр можно приобрести, сделав соответствующий заказ в редакции или оформив подписку (Подписной индекс 66020).

Адрес редакции:
620144, г. Екатеринбург,
ул. 8-е Марта, д. 66
e-mail: nvestnik@ui.ranepa.ru

Журнал выходит 6 раз в год

Учредитель и издатель:
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
**Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации**

Адрес редакции:
620144, Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 66.
e-mail: nvestnik@ui.ranepa.ru
http://ui.ranepa.ru/

При перепечатке ссылки на «Вопросы управления» обязательны.

Компьютерная верстка
Н. С. Сотникова

Журнал зарегистрирован как средство массовой информации
в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77 – 49260 от 02.04.2012 г.)

Дата выхода в свет 12.11.2019. Формат 60 x 84 1/8.
Гарнитура Cambria. Усл. печ. л. 32,54. Тираж 999.
Цена свободная

Отпечатано РИО Уральского института управления – филиала РАНХиГС.
Адрес: 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 66. Заказ № 226